

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ИММАНУИЛА КАНТА

М. А. Колеров

**РЕВОЛЮЦИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ
СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ**

С. Н. Булгаков в 1904–1907 гг.

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2023

УДК 1:32:9
ББК 87.3(2):63.3(2)5
К60

Рецензенты:

д. ф. н., проф. Ермичев А. А.;
д. ф. н., проф. Светлов Р. В.

Колеров М. А.

К60 Революция и христианский социализм в России. С. Н. Булгаков в 1904–1907 гг. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. — 256 с.
ISBN 978-5-9971-0792-5

В 1905 году в России произошла первая антисамодержавная революция. Ясно, что её в течение десятилетий готовило всё русское освободительное движение, начиная с народников-социалистов и либералов 1860-х годов. В 1890-е годы к ним в России присоединились уже марксисты и социал-демократы. В 1900-е годы активную агитацию из-за рубежа начали марксисты (газета «Искра»), социал-либералы (журнал «Освобождение»), социалисты-революционеры (газета «Революционная Россия»). Во главе сколь возможно легальной общественной подготовки революции в самой России стали три человека, начавшие массовый революционный процесс, развернувшие христианскую революционную агитацию, сформулировавшие основы русского христианского социализма: священник Г. А. Гапон, организатор самого многочисленного в дореволюционной России протестного уличного шествия 9 января 1905 года, священник Г. С. Петров, самый известный в то время в России социально-христианский проповедник, и С. Н. Булгаков, один из бывших вождей русского марксизма, вплотную подошедший к задаче формирования партии христианского социализма.

УДК 1:32:9
ББК 87.3(2):63.3(2)5

ISBN 978-5-9971-0792-5

© Колеров М. А., 2023
© БФУ им. И. Канта, 2023

В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов... И христианство, и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователь травили, к ним применяли исключительные законы: к одним — как к врагам рода человеческого, к другим — как к врагам государства, религии, семьи, общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед.

Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства (1894)

«Союз христианской политики» может основываться только на идеалах анархического коммунизма, который мы находим в первых христианских общинах.

С. Н. Булгаков. Неотложная задача (1905)

В социализме, как и по всей линии нашей культуры, идет борьба Христа и антихриста...

С. Н. Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип (1906)

Введение

ПУТЬ С. Н. БУЛГАКОВА ОТ МАРКСИЗМА К ИДЕАЛИЗМУ И ЦЕРКВИ

В 1905 году в России произошла первая антисамодержавная революция. Ясно, что её в течение десятилетий готовило всё русское освободительное движение, начиная с народников-социалистов и либералов 1860-х годов. В 1890-е годы к ним в России присоединились уже марксисты и социал-демократы. В 1900-е годы активную агитацию из-за рубежа начали марксисты (газета «Искра»), социал-либералы (журнал «Освобождение»), социалисты-революционеры (газета «Революционная Россия»). Во главе сколь возможно легальной общественной подготовки революции в самой России стали три человека, начавшие массовый революционный процесс, развернувшие христианскую революционную агитацию, сформулировавшие основы русского христианского социализма: священник Г. А. Гапон, организатор самого многочисленного в дореволюционной России протестного уличного шествия 9 января 1905 года¹, священник Г. С. Петров, самый известный в то время в России социально-христианский проповедник, и С. Н. Булгаков, один из бывших вождей русского марксизма, вплотную подошедший к задаче формирования партии христианского социализма. Все эти события развивались на интеллектуальном фоне масштабного расширения русского освободительного движения на религиозную сферу, когда традиционно привлекавшие внимание русских революционеров православные раскольники, сектанты, диссиденты всё более дополнялись движением вокруг и внутри Русской православной церкви. Примечательно, что даже хрестоматийную формулу «нового революционного сознания», позже прославленную Д. С. Мережковским и Н. А. Бердяевым в революционной среде впервые использовал П. Б. Струве в своём нелегальном журнале «Освобождение» ещё

---

¹ Нелишне здесь напомнить, что под впечатлением движения, организованного Гапоном, Ленин высказался о допустимости для священников стать членами марксистской партии, а Плеханов выступил с апологией и оправданием Гапона лично: *Г. В. Плеханов*. Священник Г. Гапон [март 1905] // *Г. В. Плеханов*. Сочинения. Т. XIII / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л., 1926.

в 1902 году¹. В тени описываемых здесь событий неизменно присутствует фигура издателя и переводчика философской литературы Д. Е. Жуковского: обладая большими личными средствами, он, помимо философской литературы, спонсировал нелегальные революционные издания, начиная с «Искры» и «Освобождения», а также сборник «Проблемы идеализма». Но главное состояло в том, что Жуковский был одноклассником А. Н. Потресова — ближайшего марксистского соратника Струве в 1890-е годы, издателя Г. В. Плеханова в России, сооснователя РСДРП. Так персонально и непосредственно, идейно и материально выростали высокий русский политический идеализм и русский христианский социализм из марксистского подполья и марксистской науки 1890-х годов.

Классический немецкий идеализм Канта, Гегеля и Фихте во второй половине XIX века, когда философия Маркса и Энгельса ещё не была монополизирована и канонизирована в XX веке в Советской России и СССР, стал естественной философской частью европейского и, следовательно, русских социализма и революционаризма, начиная с труда немецкого социалиста Ф. А. Ланге². Крупнейший организатор германской социал-демократии второй половины XIX века Лассаль открыто заявил себя последователем Фихте³. Не случайно С. И. Гессен определил

¹ Это заметил ещё внимательный В. В. Розанов, может быть, имея в виду и себя лично: «нисколько не Мережковский и другие назвали слова «новым религиозным сознанием», но так говорили и так начали называть, в печати и в обществе, другие» (В. В. Розанов. О нужде и неизбежности нового религиозного сознания [1907] // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (• Петрограде). История в материалах и документах. В 3 тт. Т. 1: 1907–1909 / Сост. О. Т. Ермишин, О. А. Коростелев, Л. В. Хачатурян. М., 2009. С. 74.

² См.: *Фр. Альб. Ланге. История материализма и критика его значения в настоящее время [1866]* / Пер. с 3-го немецкого изд. Н. Н. Страхова. Т. 2. СПб., 1883: «Повсюду слышался уже в философских кружках... пароль: «вернуться к Канту!» (С. 1).

³ Признанный (и что важно с партийной точки зрения — ортодоксальный) гуру германской социал-демократии и марксизма Франц Меринг открыто выступал с апологиями Канта, Фихте и Лассаля как его продолжателя. См.: *Ф. Меринг. На страже марксизма* / Пер. Е. и И. Леонтьевых. Изд. 2. М., 2011: «Фердинанд Лассаль» (1894), «Кант и социализм» (1900), «Речи Фихте к германскому народу» (1908). Энгельс высоко ценил подобные идейные интервенции Меринга. Он писал, например, о его работе о Лессинге А. Бебелю 16 марта 1892 года: «Отрадно видеть, что материалистическое понимание истории, после того как оно в течение 20 лет, как правило, оставалось в работах молодых членов партии только трескучей фразой, наконец начинает применяться надлежащим образом...» (*К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения*. Т. 38. М., 1965. С. 268). Одновременно с публикацией сборника «Проблемы идеализма» его участник С. Л. Франк, чувствуя явно недостаточную легитимность Лассаля

деятельность Лассалья и Прудона как «идеалистический мотив в марксизме»¹. Но Фихте был и ярчайшим проповедником национального возрождения и национального единства Германии — ещё до распространившегося в Европе национализма. Это не могло не наложить свою ясную печать на всех его последователей. Б. П. Вышеславцев справедливо отметил в своей квалификационной лекции о Фихте в университете, что уже само по себе подтверждало статус темы: «Мы имеем в лице Фихте не только первого немецкого теоретика социализма, но и первого значительного мыслителя вообще, выступившего с обоснованием социализма в новой философии. (...) Если марксизм есть натурализм, философия природы, то философия Фихте — есть идеализм, философия свободы; если историческая необходимость, о которой говорит марксизм, есть необходимость каузальная, причинная, то необходимость, которую устанавливает Фихте — есть необходимость моральная, необходимость целей для свободной деятельности. Если в марксизме организация хозяйственных отношений определяет научные и моральные воззрения человека, то, наоборот, у Фихте мораль и наука определяют организацию хозяйства. Для Фихте государство, церковь, искусство, наука и *хозяйство*, и *производственные отношения* суть выражения свободы, продукты творческой деятельности по целям. (...) Фихте строит свою систему на идеях *свободы* и конечной цели»².

в русской радикальной среде, особо приветствовал публикацию писем Лассалья к Марксу, из которой следовало: «Маркс был наиболее близкий Лассалю и наиболее выдающийся идейный и партийный единомышленник, с которым он откровеннее, чем с кем-либо другим, обменивался взглядами как на текущие политические вопросы и задачи общественной борьбы, так и на абстрактные социологические, экономические и морально-философские вопросы» (С. Франк. Новые данные к характеристике культурно-исторических, социологических и философских взглядов Лассалья // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. V (65). Ноябрь — Декабрь. II отд. С. 951).

¹ С. И. Гессен. Правовое государство и социализм [1924–1925] // С. И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1999. С. 313 (Глава IV. 1). Идейно и политически Гессен оставался определённым социалистом.

² Б. Вышеславцев. Обоснование социализма у Фихте // Вопросы философии и психологии. Кн. III (93). М., 1908. Май — Июнь. С. 373–375. В этом аспекте ясно видно, что русские поклонники Фихте принципиально не были и не могли быть поклонниками Бернштейна, как их в том публицистически обвиняли. Тот прославился формулой о том, что «конечная цель для меня ничто». Несмотря на перемены, сам Вышеславцев, даже после своей позорной службы нацистам, до конца жизни оставался идейным социал-либералом и правым социалистом, о чём ярко свидетельствует его выдающийся предсмертный труд «Кризис индустриальной культуры» (1953).

Кроме того, конец XIX века стал временем мощного философского влияния наследия Канта на социалистический идеал в Германии. Историк и теоретик этого социалистического движения Форлендер прямо достраивал влияние Канта на марксистскую социал-демократию как «реалистический, основанный на Канте, идеализм», называя марксистский исторический материализм «превосходным орудием» с точки зрения «социального идеализма», и напоминал формулу сооснователя марксизма Энгельса: «Все вещи должны пройти через нашу голову, и постольку каждый человек — прирождённый идеалист»¹. Исследователь признавал, что Лассалем «не было дано научного обоснования социализма. Маркс и Энгельс, основатели “научного социализма”, безусловно, **не** примыкали к Канту». Но он же свидетельствовал: «Под одним из своих портретов [Энгельс] поместил в 1891 году надпись: «Мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что происходим не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»².

¹ *Карл Форлендер. Маркс и Кант [1904] // К. Форлендер. Кант и Маркс. Очерки этического социализма / Пер. с разрешения автора Б. И. Элькина. СПб., 1909. С. 15–16. Отклик на эту книгу сопричастного современника см.: С. Франк. [Рец.:] Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. Ср.: К. Каутский, А. Иоффе, О. Бауэр. Этическая проблема в историческом материализме. Сб. статей с предисл. В. Н. Марковникова / Пер. Д. Линденберг. М., 1907. Переиздание популярной биографии Лассалья, написанной другом Струве: В. Я. Классен. Фердинанд Лассаль [1896] // Джузеппе Гарibaldi. Фердинанд Лассаль. М., 2021. Официальное советское издание: Фердинанд Лассаль. Биографический очерк, составленный Эд. Бернштейном. Пг., 1919.*

² *Карл Форлендер. Кант и социализм [1900] // Там же. С. 81–82. В своём итоговом, но по-прежнему вполне социалистическом, экономическом труде Булгаков писал: «Классическая немецкая философия дала идеал философа-гражданина в лице Фихте. (...) В своей практической программе рабочее движение осуществляет освободительные постулаты философского идеализма, пусть же и на своём теоретическом знамени оно выставит не экономический материализм и классовый интерес — это оно может отлично оставить своим противникам, — а принципы идеализма, на которых могут быть прочно и непрерываемо обоснованы его требования. Пусть, наконец, действительно осуществляются известные слова Энгельса, который приводит современный социализм в связь не только с Сен-Симоном, Фурье, Лассалем, Марксом, но и Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем. Связь эта существует и должна быть сделана достоянием общественного сознания» (С. Н. Булгаков. Философия хозяйства [1912] / Сост. В. В. Сапов. М., 1990. С. 332). Впервые (без ссылки) Булгаков процитировал надпись Энгельса на портрете в своём очерке «Карл Маркс как религиозный тип» (1906. Здесь же он уже опровергал этот тезис Энгельса). Снова без ссылки на источник цитировал надпись на портрете в своём курсе лекций 1908–1910 гг.: «История социальных учений в XIX в.» (С. Н. Булгаков. Избранное / Сост. О. К. Иванцова. М., 2010. С. 351)*

На рубеже XIX и XX веков философия Канта и её неокантианские последователи, наряду с различными формами позитивизма, стали центром интеллектуальных поисков немецких политических марксистов и социал-демократов. Разумеется, дело было не только персонально в Канте, но в философии идеализма вообще. Один из социал-демократов свидетельски резюмировал: «Первым признаком намечавшегося перелома было указание, сделанное долголетним с. д. Виктором Адлером в некрологе по умершем Энгельсе (август, 1895 г.), на возможность замены *«материалистического обоснования Маркса и Энгельса кантовским»*. И действительно, спустя уже год, под влиянием неокантианства, наметилось внутри марксизма течение, стремящееся к этой цели. Первым представителем этого течения был экономист Конрад Шмидт¹, который за свои марксистские убеждения не был допущен ни в одну из немецких высших школ в качестве доцента; уже в 1896 году он защищал положение, что старый философский спор между «марксизмом» и «идеализмом» не имеет ничего общего с вопросом о правильности или неправильности материалистического понимания истории. (...) Кантовская этика ему казалась слишком «формальной», тем с большей настойчивостью он указывал на плодотворность критической философии для теории социализма»².

Знающий, практически успешный и чуткий современник свидетельствовал о главных культурных событиях 1900-х годов в интеллигентной среде в России: «Интеллигенция, так или иначе отошедшая от простоватого радикализма «отцов», выделила просвещённое меньшинство, которое стало мыслить о России по-новому, полюбило имперское её прошлое — петербургское европейство наше, культурное наследие русского ученичества у Запада, узнанное нами недостаточно или вовсе забытое. Этот новый, отнюдь не реакционный, а прогрессивными чаяниями открытый национализм отталкивался и от византийско-московской «самобытности», что с прошлого царствования (Александра III — М. К.) навязывалось нам, и от «освободительного движения» вчерашнего дня. Новое отечестволюбие и новая любознательность... Углубились для молодого поколения социальные проблемы и проблема личного сознания, философия жизни не сводилась больше к базаровщине, «религия» и «реакция» перестали быть синонимами. Вообще многое предстало совсем в другом свете, и захотелось самостоятельного опыта, права на зрелость и на умственную роскошь. Но прежде захотелось независимости; возжадав её, вступавшее в жизнь поколение охладело, несколько

¹ Примечательно, что тесно с ним, лично очень близким к Энгельсу, марксистским философом, была связана его младшая сестра — великий немецкий скульптор, коммунистический классик Кете Кольвиц — М. К.

² *Карл Форлендер. Общедоступная история философии. М., 1922. С. 290.*

по-юношески высокомерно, к прежним властителям дум более или менее народнического толка (чему содействовал и входивший тогда в силу марксизм; из лона именно марксизма вышел ряд выдающихся мыслителей-идеалистов, в том числе Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве)... Потребность в целостном мировоззрении вызвала на культурных верхах эстетический подход к истории и культуре, менее всего понятный интеллигентам прежней формации»¹.

Компетентный философ, социал-демократ Л. Габрилович (Галич) дал тогда же ясную экспозицию того, как развивалось движение от марксизма к идеализму:

«Впервые “возвращение к метафизике” как лозунг передового движения было брошено П. Б. Струве в предисловии к книге Бердяева “Субъективизм и индивидуализм в общественной философии”. Это яркое, блестящее предисловие, в сжатой афористической форме содержащее целое мировоззрение, послужило мощным ферментом. Вокруг него заиграла и забродила молодая русская публицистика. Появилось “Литературное Дело” с пресловутыми “Параллелями” Булгакова, в которых из уст марксиста впервые зазвучали слова, навевавшие странные мысли о статьях Хомякова и Аксакова. На страницах одного из журналов поднялась “борьба за идеализм” [Бердяева] совершенно в духе Волынского. И, наконец, в конце 1902 года вышли “Проблемы идеализма”, в которых необходимость метафизики высказывалась уже не как боевой тезис, а как самоочевидная предпосылка, не подверженная никакому сомнению. Вина за этот новый “этап” падает в значительной мере на бывшего главаря марксистов П. Б. Струве. (...) То, что раньше целомудренно пряталось за кантианство, в приспособлении Штамmlера, обнаружилось решительно и внезапно. Из скромной куколки критицизма выпорхнула бабочка метафизики и устремилась на блуждающий огонек мистически религиозных исканий»².

Внимательный наблюдатель, неонародник Р. В. Иванов-Разумник суммировал: «Новое «идеалистическое» течение сыграло, во всяком случае, громадную развивающую роль. Марксизм поспешно ухватился за философию Авенариуса и Маха, признав этим самым бессилие философской позиции диалектического материализма; господствовавший раньше позитивизм вынужден был занять оборонительное положение»³.

¹ *Сергей Маковский*. Портреты современников: Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи / Сост. Е. Г. Домогацкой, Ю. Н. Симоненко. М., 2000. С.259–260.

² *Леонид Габрилович*. Новейшие русские метафизики (спор о возможности метафизики) // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. V (76). Ноябрь – Декабрь. II отд. С. 646–647.

³ *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. VIII. Девятисотые годы. Пг., 1918. С. 12.

Статья Н. А. Бердяева «Борьба за идеализм» буквально с самой первой страницы открывала номер марксистского журнала «Мир Божий»¹, членом редакции которого в то время был его покровитель Струве. Бердяев писал:

«Ни для кого не тайна, что марксизм, тот самый марксизм, который ещё недавно представлялся таким стройным, органически цельным и удовлетворяющим мировоззрением, переживает серьёзный кризис. Если несколько лет назад умственно-общественная жизнь передовой части русского общества вращалась вокруг споров марксистов и народников, то теперь центр тяжести переместился и на первый план выступают разногласия критического и ортодоксального направления внутри самого марксизма. (...) В русской прогрессивной литературе просветительный материал “идеалистов земли” обратился в мертвящий позитивно-реалистический шаблон, из которого давно уже выдохлось всякое практически-идеалистическое содержание. (...) Исторический материализм стал во враждебное отношение к философскому идеализму и метафизике, к художественному идеализму и романтизму, к абсолютной нравственности, ко всякой религии, которую смешивает с теологией и нравственностью. (...) [Теперь же] Задача борьбы за идеализм выпадает на долю той общественной группы, которая является в современную эпоху носительницей идеи общечеловеческого прогресса. Эта задача не может быть выполнена целиком социаль-но-политической партией, которая преследует более специальные цели»².

«От марксизма к идеализму» — так в 1903 году назвал свой первый сборник статей С. Н. Булгаков, когда его личная эволюция от ортодоксального марксизма 1890-х, далее — от «критического направления» в русском марксизме рубежа 1890-х и 1900-х годов³ пришла к участию

¹ Тогда это понятие в русском языке означало *весь мир*.

² Николай Бердяев. Борьба за идеализм // Мир Божий. СПб., 1901. Июнь [№ 6]. I отд. С. 1, 6–7, 26.

³ В науке о русском марксизме в применении к явлению марксизма 1890-х гг. и в частности в отношении факта «критического направления» в марксизме, до сих пор доминирует политическое и фактологически бессодержательное клеймо «легального марксизма», которое в публицистических целях навязал предмету В. И. Ленин, а затем в тех же прикладных пропагандистских целях воспринял и применил его оппонент П. Б. Струве (напр.: П. Струве. Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Петр Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России [1894]. Приложение: Воспоминания, революционные и марксистские труды П. Б. Струве 1890-х гг. Новое собрание / Ред.-сост. М. А. Колеров. М., 2020. С. 520). С сожалением приходится признать, что мои давние попытки пересмотреть это контрфактическое клеймо успеха не имели — историография вопроса прошла мимо них. См. мои аргументы: М. А. Колеров. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8 (История). 1991. № 5.

в коллективном сборнике-манифесте «Проблемы идеализма» (1902), который дал старт целому философско-политическому «идеалистическому направлению»¹ (в политическом освободительном движении вплоть до конца 1905 года)² среди бывших «критических марксистов» Струве, Булгакова, Бердяева, С. Л. Франка и др.³ Когда марксисты (сами

¹ У современников было и остаётся, даже у исследователей, искушение вывести «идеалистическое направление» прочь из политической сферы и подчинить его бытовому пониманию идеализма, бинарно противостоящему самому примитивному материализму. Дальнейшее изложение ясно покажет, что речь идёт о высоком понимании политического идеализма и что материализм здесь вообще не может быть описан в категориях примитива.

² Это понятие использовалось не только в политике и практической философии. См. иной пример: М. Г. Сыркин. Родоначальники современного идеалистического направления в живописи (Пювис де Шаван, Моро, Бёклин, прерафаэлиты) // Русская Мысль. М., 1908. Кн. XII. II отд.

³ История его детально описана здесь: М. А. Колеров. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020. См. новые обширные материалы к этой истории: М. А. Колеров. Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М., 2018; А также переиздание: К истории «идеалистического направления» в русском освободительном движении: М. А. Колеров. М. О. Гершензон против П. Б. Струве: П. С[труве]. Не в очередь. Н. Н. [М. О. Гершензон]. Письмо к редактору с Женевского озера и ответ на него редактора [П. Б. Струве] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 2; М. А. Колеров. В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене (1897–1925) // Незвестная Россия: XX век. Вып. 2. М., 1992; А. В. Лавров. К истории журнала «Новый Путь»: официальные документы // А. В. Лавров. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015; Переписка В. Ф. Эрн и П. А. Флоренского (1900–1911) / Публ. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования и материалы. М., 2014; Переписка П. А. Флоренского и В. Ф. Эрн (1900–1906) / Публ. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования и материалы. 2015. М., 2015; Переписка П. А. Флоренского и В. Ф. Эрн (1900–1906) / Публ. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования и материалы. 2016. М., 2016; Переписка П. А. Флоренского и В. Ф. Эрн (1912–1917) / Публ. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования и материалы. 2018. М., 2018; М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017; М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018; Письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину (1891–1911) / Публ. Н. А. Богомолова // Литературное наследство. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. Первая / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. М., 2018; Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Filosoфовым (1898–1918) / Публ. А. Л. Соболева // Литературное наследство. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. Первая / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. М., 2018.

вовсе не ортодоксальные с точки зрения диалектического материализма) подвергли массивной атаке «идеалистов» и пользовались в ней мощностями целого ряда толстых политических журналов («Мир Божий», «Правда», «Образование»), их, «идеалистов», единственным убежищем стал неполитический журнал «Вопросы философии и психологии», счастливо возглавляемый участником «Проблем идеализма» С. Н. Трубецким. С его страниц, отвечая на антиидеалистический идейный сборник (манифест) «Очерки реалистического мировоззрения» (1904), Булгаков, прямо говоря, публично клялся в своей верности социалистической революции и коммунистическому идеалу. Он писал, похуже, оправдываясь:

«Марксизму (в России — М. К.) удалось добиться хотя и кратковременного, но довольно полного господства над умами, которое отчасти ещё удерживается им и сейчас. И тем не менее единовластие в особенности и в особенности уверенность в этом единовластии, даже просто уверенность в завтрашнем дне¹ марксизмом безвозвратно утеряна. Стали заявлять свои права настроения, которые не вмещаются в рамках марксизма и их ломают, стали раздаваться голоса, которые при полном признании практических задач и деятельности сторонников марксизма совершенно отрицают его как теоретическое мирозерцание, стремясь обосновать однохарактерную практическую программу на иных теоретических началах. Мы разумеем новейшее идеалистическое течение в русской мысли, которое непосредственно из его представителей явилось у некоторых на смену марксизму. (...) В общем и целом представители идеализма разделяют ту программу, которая во всех своих принципиальных основаниях была искони общепринятой в передовых слоях русской интеллигенции. В своем общественно-политическом мировоззрении идеализм, следовательно, не отличается и сознательно не желает отличаться от существующих настроений передовой части русского общества, стремясь только под старые идеалы подвести новое теоретическое основание. (...) Идеализм столь же мало индифферентен к вопросам политики и экономики, как и народничество и марксизм, и его воодушевляют те же конечные идеалы свободы, равенства и братства, что и эти оба направления. Он отличается лишь способом обоснования этих идеалов, ибо он обосновывает их философски, а не исторически и социологически, как они. (...) Нам нужно для злобы нашего дня знать наши нынешние условия и, на основании этого знания, готовиться к завтрашнему дню (хотя, конечно, это отнюдь не значит, чтобы идеалисты склонны

---

¹ Речь идёт о завтрашнем дне коммунистической революции, той «конечной цели», которую Бернштейн в 1898 году дезавуировал как «ничто». — М. К.

были к проповеди так называемых малых дел и не признавали великих исторических задач, которые ставит нам наше время»¹.

В этом же журнале оправдывался и Бердяев: «Мы хотели бы только охранить миссионерские чаяния, национальные и общечеловеческие, связанные с борьбой за свободу, отстаять смысл свободы»².

Формула «от марксизма к идеализму» в языке участников «идеалистического направления» вовсе не означала философского противопоставления. Напротив, и их «идеализм» (вполне в русле русской традиции общественного движения³) был вполне политическим, и их, и общеевропейский (немецкий, французский, итальянский, русский) политический (социал-демократический) марксизм того времени был отнюдь не равен философскому материализму, ограничивая свои философские претензии лишь «экономическим материализмом» (в СССР его назвали «историческим материализмом»). Материалисты Маркс и Энгельс в среде марксистской социал-демократии вполне уравнивались идеалистом Лассалем, подлинным создателем и лидером Германской социал-демократической партии (СДПГ), убеждённым пропагандистом наследия И. Г. Фихте⁴. Когда вождь русских большевиков В. И. Ленин в 1913 году

¹ *Сергей Булгаков*. О реалистическом мировоззрении. Несколько слов по поводу выхода в свет сборника «Очерки реалистического мировоззрения». С.-Петербург. 1904 // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. III (73). Май – Июнь. II отд. С. 380, 382, 392–393, 394.

² *Николай Бердяев*. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. V (76). II отд. С. 724.

³ См., например, развёрнутое применение формулы «идеализма» в русской литературе задолго до начала XX века: «Искания идеалов уже давно слышатся в нашей печати, почти с самого появления отрицательного (то есть «нигилистического» — М. К.) направления (...) движение, настойчиво проявляющееся в нашей печати в смысле идеалистических требований (...) указывает на признаки крутого перелома в нашей умственной жизни» (*Василий Марков*. Навстречу. Очерки и стихотворения. СПб., 1878. С. 312–313, 316). Главы этой книги: «Поэты-идеалисты» (А. К. Толстой и Я. П. Полонский) и «Искание идеалов и “деревня”». Ср.: *А. Григорьев*. Реализм и идеализм в нашей литературе // Светоч. СПб., 1861. №4; *Д. Л. Мордовцев*. Идеалисты и реалисты [1876]. М., 1989.

⁴ Ср. «Сочинения Фихте появляются в свет раньше, чем труды родоначальников французского и английского социализма: Фурье, Сен-Симона, Оуэна, Томсона» (*Б. Вышеславцев*. Обоснование социализма у Фихте. Пробная лекция, читанная в Московском университете 7 февраля 1908 года // Вопросы философии и психологии. М., 1908. Кн. 95. См. также о труде Б. П. Вышеславцева о Фихте: *С. Франк*. Русская книга о Фихте // Русская Мысль. М.; Пг., 1915. Кн. V. III отд. О внимании Булгакова к суждениям Вышеславцева того времени свидетельствует дарственная надпись на книге С. Булгакова «Философия

в журнале «Просвещение» сформулировал «три источника и три составных части марксизма», он назвал среди его источников «немецкую классическую философию». Но Ленин категорически не был в этом оригинален, ибо ещё в 1896 году в энциклопедической статье в гораздо более распространённом и популярном, чем названный журнал, издании Словаря Брокгауза и Ефрона (Т. XVIIIа (36))¹ упомянутый Струве опубликовал статью «Карл Маркс», в которой прямо назвал эти источники: «три крупные умственные течения новейшего времени: английская политическая экономия, французский социализм и немецкая философия». Очевидным образцом этой формулы Струве об источниках (и названной формулы Булгакова о развитии «от... к») служила известная (и в России) работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (первое издание 1880/1882), в немецком оригинале названия которой и была заложена ставшая затем популярной схема «от... к»² (von... zur): Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft.

хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство» (М., 1912): «Глубокоуважаемому Борису Петровичу Вышеславцеву от автора» (М. А. Колеров. Инскрипты С. Н. Булгакова (1896–1912), Ю. В. Ключникова (1923), Г. Г. Шпета (1928), П. Б. Струве (1911–1942), В. В. Зеньковского (1955) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8] / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова М., 2009. С. 495).

¹ См. здесь статью Булгакова: С. Б-л-ъ. Летрон (Гильом-Франсуа Le Trosne) // Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона]. Т. XVIIIа (34): Ледье-Лопарев. СПб., 1896. С.608–609.

² В феврале 1908 года, уже отойдя от практической политики и политического идеализма и вернувшись к церкви, Булгаков в письме к П. А. Флоренскому назвал проект новой книги «От идеализма к мистике» (Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017. С. 400). Есть основание полагать, что не Энгельс в России, а именно Булгаков породил моду на эту формулу. См.: *Н. Ленин*. От обороны к нападению // Пролетарий. Женева, 1905. №18; *В. Фриче*. От марксизма к идеализму (из истории немецкой интеллигенции конца XIX века) // Правда. М., 1905. Август; «От марксизма к пантеизму» В. М. Чернова (1907), «От Чернышевского к «Вехам»» (1910) того же В. М. Фриче, «От обороны к нападению» Г. В. Плеханова (1910), Плеханова же «От идеализма к материализму» (1913) и «От национализма к оппортунизму» (1914), «От Канта к Крупну» В. Ф. Эрн (1914), «От философии к организационной науке» А. А. Богданова (1924), «На пути к государству будущего: От либерализма к солидаризму» Г. К. Гинса (1930), Л. Д. Троцкого «Перманентная революция» (1930. Глава VIII: От марксизма к пацифизму); *Н. О. Лосский*. От диалектического материализма к идеал-реализму // Вольная мысль. Сан-Франциско; Мюнхен, 1957. № 1; *И. А. Бергер*. От большевизма к православию // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1970. № 98. Банализацию формулы см.: *Ю. К. Мейер*. От легенд к науке // Возрождение. Париж, 1952. № 22; *А. Н. Федоров*. От прошлого к будущему

Философски немецкий социал-демократический марксизм того времени с формальной точки следовал принципу своей партийной Эрфуртской программы (1891), в которой религия была официально объявлена «частным делом», что, несомненно, распространялось и на философское мировоззрение марксиста¹. Но на рубеже XIX и XX веков доминирующей философской перспективой для немецких социал-демократов и марксистов оставалось неокантианство², которое впервые вызвало

// Возрождение. Париж, 1969. № 212; Н. В. Станюкович. От расщепления к единению // Возрождение. Париж, 1973. № 241–242. Ср. географические образы такой идейной динамики: Sarmaticus. Von der Weichsel zum Dnjepr. Hannover, 1886; Антисарматикус [П. А. Гейсман]. От Берлина и Вены к Петербургу и Москве и обратно: Ответ воинствующим тевтонам-русофобам. Елисаветград, 1891 (2 изд.: СПб., 1893).

¹ Однако специалист оценил эту программную для социал-демократии санкцию на свободу религии вполне умеренно, фактически как маргинальную: «В теоретической части Эрфуртской программы нет никакого намёка на религиозный вопрос; об нём говорится только в “практической” части, относящейся к реформам. “Религия объявляется частным делом” (...) С другой стороны... партия радикально противится всякой религиозной идее. (...) Почти ни один германский социалист не выдвигает религиозного вопроса на первый план” (Э. Мильо. Германская социал-демократия / Пер. с франц. Ю. Лакиер. М., 1906. С. 287–290) Это значит, что интеллектуальное пространство для философского поиска внутри политического марксизма оставалось свободным. А образец для религиозной санкции социализма давали итальянское движение за объединение страны и католицизм — особенно в папской энциклике 1891 года *De rebus novarum*. Ср.: “уже с <18>40-х годов Марксу было совершенно чуждо то принципиальное безразличие в делах религии, которое нашло своё официальное выражение в программном положении социал-демократической партии Германии и Австрии, что “религия есть частное дело” (*Privatsache*). Конечно, и со стороны партии это есть условное лицемерие, вызванное тактическими соображениями, главным образом условиями агитации в деревне» (С. Н. Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип. (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) [1906] // С. Н. Булгаков. Философия хозяйства / Сост. В. В. Сапов. М., 1990. С. 334). См.: Николай Бердяев. [Рец.:] Проф. С. Н. Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип (...) СПб., 1907 // Критическое Обозрение. М., 1908. Вып. IV. Апрель. Ср.: Волжский [А. С. Глинка]. Гаршин как религиозный тип. М., 1906.

² Многословную отповедь марксиста-кантианца на претензии марксиста-позитивиста см: Н. Бердяев. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. М., 1902. Кн. IV (64). Сентябрь — Октябрь; а также очерк неокантианской «Истории материализма», написанной соратником рабочего вождя СДПГ А. Бебеля: Николай Бердяев. Ф. А. Ланге и критическая философия // Мир Божий. СПб., 1900. № 7. Содержательный комментарий к этой книге Ф. А. Ланге дал популярный тогда философ. «Симпатия, с которой относились к учению Канта великие естествоиспытатели (...), основывалась в значительной мере на том, что самыми важными в его философии

противодействие идеолога СДПГ К. Каутского (и русского политического эмигранта, марксиста Г. В. Плеханова) лишь после того, как другой её идеолог, хранитель архива Маркса, секретарь и душеприказчик Энгельса, биограф и издатель Лассалья Э. Бернштейн в 1898 году объединил серию своих статей в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой прямо апеллировал к наследию Канта¹. При этом противодействие Каутского было вполне примирительным. Он писал Плеханову 6 февраля 1901 года: «Многие из молодых марксистов — неокантианцы (...) некоторые из этих марксистов-неокантианцев — наши лучшие головы (Бернштейн, Струве, Адлер), но я никогда не был настолько нескромен, чтобы считать себя одной из этих лучших голов... Я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма»².

При этом абсолютное большинство русских «критических марксистов» (будущих «идеалистов») резко отрицательно отнеслось к проповеди Бернштейна, находя в ней отказ от высоких революционных целей, реформистское «понижение идеализма» в марксистском движении³.

считались ограничение научного познания опытом и доказанная им невозможность какой бы то ни было метафизики. Этим определялись также взгляды, господствовавшие в нарождавшемся неокантианстве. (...) Согласно пониманию, соответствующему позитивным склонностям времени, критическая философия рассматривалась не только преимущественно, но и исключительно как теория познания (...) Для того, чтобы представить себе в его существенных моментах настроение, на основе которого тогда понимался Кант, нужно развернуть “Историю материализма и критику его значения для настоящего” Фридриха Альберта Ланге. Это та книга, которая с научной точки зрения, несомненно, больше всего помешала распространению материализма. Она смогла это сделать именно благодаря объективности, с которой в ней оценивалось значение научных мотивов материалистического мышления и отвергались общепринятые поношения пресловутых безнравственных выводов материализма; преодоление материализма заключалось у Ланге именно в том, что он выявил наличие в нем метафизики и доказал ее невозможность с точки зрения критической философии» (В. Виндельбанд. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия [1908]. М., 1993. С. 63–64).

¹ См. об этой полемике среди марксистских вождей современные ей компетентные отклики из России: *Петр Струве*. [Рец.] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm (1898) / Пер. Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2000; *Петр Струве*. Марксова теория социального развития (1898) / Пер. А. В. Чусова под ред. Н. С. Плотникова // Там же.

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 2. М., 1973. С. 172.

³ Об этом подробно: М. А. Колеров. Пётр Струве: революционер без масс, 1870–1918. Приложение: Новое собрание сочинений П. Б. Струве (1903–1917). М., 2020. С. 118–178.

Поэтому в указанный период творчества Булгакова его формула «от марксизма к идеализму» была не схемой философского противопоставления условно материалистического (на деле — преобладающе неокантианского) марксизма философскому идеализму, а схемой резкого расширения горизонта идейного творчества и политического объединения русской антисамодержавной социал-либеральной радикальной оппозиции. Именно об этом писал Струве своей жене, тоже марксистке и социал-демократке 1890-х в начале 1900 года о своих растущих разногласиях с марксистами как «партийными товарищами»: «Все они не понимают, что я недаром бросил якорь моего общественно-политического мирозерцания в твёрдый (для меня) грунт идеалистической метафизики, и что поэтому я не только критикую, но и подготавливаю новое политическое мирозерцание, гораздо более смелое, чем марксизм»¹. Гораздо более смелым и радикальным, чем марксизм, был политический идеализм.

Булгаков никогда не считал себя в марксизме и идеализме менее значимой фигурой, чем Струве. Но надо прямо сказать, что если политическое и идейное влияние Струве неуклонно росло до его пика в должности главы ведомства иностранных дел в белом правительстве генерала П. Н. Врангеля в Крыму в 1920 году (и в ней Струве сыграл ключевую историческую роль в политической подготовке эвакуации свыше 140 000 человек из белого Крыма, что очень многим из них просто сохранило жизнь), то пик общественного и политического влияния Булгакова был достигнут и пройден очень рано, в 1901–1905 годах, когда на его, например, обычной, не самой сенсационной публичной лекции в провинциальном Киеве собиралась огромная даже для Петербурга и Москвы аудитория в 1000 (!) человек радикальной молодёжи (об этом подробнее ниже). Об общественно-политическом апогее этого периода Булгакова — настоящая книга.

* * *

Сергей Николаевич Булгаков (1871, г. Ливны Орловской губернии — 1944, Париж) в первую половину своей жизни, 1890-х — начале 1900-х годов, перелом в которой произошёл в специально описываемые в этой книге 1905–1906 годы, был марксистом, экономистом и революционером. Он прошёл свой первый путь революционера до предела: от впавшего в атеизм сына провинциального кладбищенского священника до профессора и главы социалистического ежемесячного журнала в Санкт-Петербурге, а затем — главы социалистической ежедневной газеты в Киеве, наконец, члена Второй Государственной Думы (1907)².

¹ М. А. Колеров. Пётр Струве: революционер без масс. С. 130–131.

² Историография жизни и творчества С. Н. Булгакова необозрима, но до сих пор не описана в рамках даже самого общего очерка. Среди трудов, непосредственно

Именно личный опыт работы в Государственной Думе радикально и решительно уничтожил политическую страсть Булгакова — и в этой Государственной Думе Булгаков умер как политик.

касающихся предмета настоящего исследования, кроме публикаций самого автора этих строк, следует назвать: З. В. Гришина. С. Н. Булгаков и Московский университет начала 90-х годов XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8 (История). М., 1994. № 2 (особенно: университетское дело Булгакова и отзыв А. И. Чупрова на диссертацию Булгакова из фондов ЦГИАМ); М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; Екатерина Евтухова [Catherine Evtuhov]. Серп и крест. Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920) [1997] / Пер. с английского И. Буровой. Бостон, СПб., 2021 (особенно: его марксистская молодость, идеализм и христианский социализм — с. 43–169); Т. С. Крупнова. С. Н. Булгаков во Второй Государственной думе // Вестник Московского университета. Сер. 8 (История). М., 2008. № 4 (особенно материалы перлюстрации из писем Булгакова к жене); *Sergij Bulgakov Bibliographie. Werke, Briefwechsel und Übersetzungen / Mit ausgewählter Sekundärliteratur und einem tabellarischen Lebenslauf* Erstellt von Regula M. Zwahlen und Ksenija Babkova / Herausgegeben von Barbara Hallensleben und Regula M. Zwahlen. Münster, 2017; М. А. Колеров. «Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати: Росписи содержания: «Новый Путь» (1904), «Вопросы Жизни» (1905), «Народ» (1906), «Полярная Звезда» (1905–1906), «Свобода и Культура» (1906), «Живая Жизнь» (1907–1908) // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017; М. А. Колеров. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020. Содержательные материалы к исследованию эпохи: Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Антология / Сост. В. И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. Книга вторая: 1901–1904. М., 2018; Взыскующие Града. Хроника (...) Книга третья: 1905–1906. М., 2019; Взыскующие Града. Хроника (...). Книга четвертая: 1907–1908. М., 2022. См. также: А. С. Глинка (Волжский). Собрание сочинений в трех томах. Т. 1 / Сост. А. Резниченко. М., 2005; В. Свенцицкий. Собрание сочинений / Сост. С. В. Черткова: [Т. 1]. М., 2008; Т. 2. М., 2011; Т. 3. М., 2014; Т. 4. М., 2015; Письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину (1891–1911) / Публ. Н. А. Богомолова // Литературное наследство: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018; Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Философовым (1898–1918) / Публ. А. Л. Соболева // Литературное наследство: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018; И. В. Воронцова. «Заколдованный круг русского сознания...». Проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX — начала XX века. М.; СПб., 2020 (в частности главы: «Священник и публицист Г. С. Петров», «1905 г.: либерализация в среде духовенства и церковной интеллигенции», «Периодические издания религиозного движения»).

Булгаков вспоминал для словаря писателей С. А. Венгерова: «Я воспитан в семье священника наследственным религиозно-бытовым укладом и первоначальное образование получил в духовной школе, откуда вышел на 17 году — [вследствие причин] одной из существенных причин этого выхода было религиозное неверие. [Считаю] Мотивы веры, или религиозные, определили и мою дальнейшую судьбу. Увлечение социализмом, воспринятым как религия общности, сделало меня политикоэкономом, ибо политическая экономия (в марксизме) фактически [являлась] для меня сделалась как бы богословием, как и для многих в наше время, — чисто профессионально научного интереса [к ней] у меня не было. Впечатления жизни [от заграничного пребывания] и дальнейшая работа мысли [через философию] постепенно привели меня обратно к религии»¹.

Булгаков, окончив в 1884 году Ливенское духовное училище, в 1885-м поступил в Орловскую духовную семинарию, которую оставил в 1888 году под влиянием своих революционных материалистических идей². «Мой уход из семинарии в гимназию, вопреки желанию родителей и всех семинарских учителей, был символическим и победным актом нигилизма, хотя я и не мог избежать этого окружного пути», — вспоминал он в 1915 году³. Закончив в Ельце необходимый для получения университетского образования 8-й класс гимназии, в 1890-м поступил на юридический факультет Московского университета, где решил посвятить себя изучению марксистской «матери наук» — политической экономии. В университете вступил в Елецкое землячество, введшее его в круг радикального студенческого движения, соприкасавшегося с марксистскими группами в Москве. Позже оказалось, что из Ельца вёл своё происхождение издатель одного из главных толстых журналов того времени — ежемесечника «Русская Мысль» — В. М. Лавров. Видимо, именно его

---

¹ М. Колеров. С. Н. Булгаков. Автобиографическое письмо С. А. Венгеру (1913) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2000. С. 257. Первый, вычеркнутый вариант текста дан в прямых скобках.

² Опубликованы документы из Государственного Архива Липецкой области (Ф. 119) с уточнениями к биографии Булгакова — он поступил в 7 класс гимназии в 1888 году. Также приведено прошение его отца о допуске сына к приемным экзаменам в гимназию, даны материалы экзамена — в августе 1888. Сообщена характеристика классного наставника с рекомендацией в Университет. И запись Булгакова от 31 мая 1890: «Желаю поступить в Московский университет на юридический факультет» (В. М. Лысак. Воспитанник Елецкой гимназии Сергей Булгаков // Советские архивы. М., 1990. №3. С. 78).

³ С. Н. Булгаков. Письма [к В. В. Розанову (1915) и Р. М. Плехановой (1930)] // Логос. № 2. М., 1991. С. 236.

рекомендация однажды помогла Булгакову. Он вспоминал: «в “Русской Мысли” в марте 1895 года поместил вообще первую печатную статью о 3-м томе “Капитала” К. Маркса»¹, от публикации которого читающая публика ждала завершения здания экономической теории знаменитого вождя коммунизма. Журнал этот в лице известного критика марксистской теории Л. З. Слонимского (1950–1918) следил за этой темой и тем открывал простор для более простых жанров об этом. Однако попытки Булгакова уговориться о сотрудничестве в качестве рецензента уже с главным редактором журнала В. А. Гольцевым не имели успеха². Впрочем, существует свидетельство и о каком-то близком знакомстве с ним Булгакова. В. П. Свенцицкий вспоминал: «Проф. С. Булгаков рассказывал мне о своей встрече с Вл. Соловьёвым на журфиксах у покойного Гольцева. Его поразила внешность Соловьёва и то, что он, здороваясь, целовал у дам руки, совсем как светский человек, а не как “аскет”. Никакого *внутреннего интереса* к нему было»³.

Интеллигент из купеческой среды, пришедший в церковь, ставший священником, психологически и жизненно близкий к Булгакову, но младше его на 15 лет и родившийся в Москве, а не в глухой уездной провинции, описывал свои эмоции, которые в личном опыте самого Булгакова должны быть кратно усилены и радикализированы в описании, но несомненно могут быть положены в основу этого описания. Вот эти слова: «Смотришь на липкую октябрьскую черноземную грязь, на старые заборы, на завалившиеся избы в деревнях, на каланчи и бывшие “присутственные места” в городах, на заплеванные хмурые полустанки, из каждой щели которых глядит белесая вошь, слышишь “мать твою” во все предметы видимого и невидимого мира, видишь широкие скулы, курносые обрубки, сенные бороды, бесцветные глаза, задыхаешься от густого,

¹ М. Колеров. С. Н. Булгаков. Автобиографическое письмо С. А. Венгеру (1913) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2000. С. 259. Первый, вычеркнутый вариант текста дан в прямых скобках. Речь идёт об этом тексте: С. Булгаков. Третий том «Капитала» К. Маркса // Русская Мысль. М., 1895. Кн. III.

² М. А. Колеров. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев о «Народоправстве», Кареев о Сорокине, Аскольдов о Лапшине, Зеньковский (1896–1922): 1. Следы неизвестных рецензий Булгакова: С. Н. Булгаков. Два письма к редактору «Русской Мысли» В. А. Гольцеву (1896) // Исследования по истории русской мысли [12]: Ежегодник за 2015 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2016. Новая рецензия Булгакова в «Русской Мысли» появилась лишь в 1897 году.

³ В. П. Свенцицкий. Был ли аскетом Вл. Соловьёв? [1917] // Прот. Валентин Свенцицкий. Религия свободного человека. Собрание сочинений / Сост. С. В. Чертков. М., 2014. С. 584.

тягучего, черно-серого облака махорки, плывущего над Россией, обоняешь отвратительный рвотный запах самогона — и понимаешь, откуда взялись Салтыков-Щедрин, Помяловский, Глеб Успенский, Горький, Некрасов (и их критические alter ego — Чернышевские, Добролюбовы, Скабичевские и проч.); *должны были быть! не могли не быть! неизбежны...*¹

По своим политическим убеждениям Булгаков стал марксистом и социал-демократом революционного толка. По окончании университета с 1894 года — преподаватель политической экономии и статистики в Московском техническом училище², с января 1895-го оставлен профессором А. И. Чупровым в университете при кафедре политической экономии и статистики для приготовления к профессорскому званию. Около 1895 года познакомился с семьей известных московских просветителей Водовозовых, в частности с марксистской издательницей М. И. Водовозовой, на родной сестре которой Е. И. Токмаковой он женился в 1897 году. В 1896 году именно Е. И. Токмакова вместе с отцом и сестрой организовала в Алушке «пансионат для лиц интеллигентного труда», в связи с этим в 1897 году лично познакомилась с писателем М. Горьким³. В семейном имении Токмаковых в Олеизе в Крыму в те времена, но ещё до пансионата также обретались марксисты-революционеры братья Л. Б. и Г. Б. Красины⁴, но прямые свидетельства об общении Булгакова с ними не известны, хотя косвенные весьма красноречивы⁵.

¹ С. Н. Дурьлин. В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991. С.221.

² См. о нём: И. Л. Волчкевич. Очерки истории Московского Высшего технического училища [до 1945 г.] М., 2000. В 1870–1872 гг. известный экономист И. И. Янжул был преподавателем статистики в Императорском техническом училище, в той же должности и с тем же объемом — два часа в неделю, что позже были назначены Булгакову (Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. I. СПб., 1910. С. 71–72).

³ М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 1: 1888–1899. М., 1997. С. 219. Горький жил в Алушке с 16 января по май 1897 года: полицейский документ сообщал, что он был «в пансионе негласно поднадзорной Е. Токмаковой, дающей приют неблагонадежным лицам» (Даты из жизни и деятельности А. М. Горького // Красный Архив. № 5 (78). М., 1936. С. 31).

⁴ Г. Б. Красин. Детство и юность Леонида Борисовича (Семейная хроника) // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сб. воспоминаний, статей и документов. М.; Л., 1928. С. 28: с осени 1893-го по весну 1894-го Л. Б. Красин «жил в качестве гостя в Олеизе у Токмаковых».

⁵ См., напр., факт привлечения Л. Б. Красина к изданию марксистской литературы в авторском кругу Булгакова: [Рец.:] Г. фон Шульце-Геверниц. Крупное производство, его значение для экономического и социального прогресса / Пер. с нем. Л. Б. Красина, под ред. и с пред. П. Б. Струве // Новое Слово. СПб., 1897. № 7. Апрель.

Примечательная и красноречивая дискуссия состоялась тогда между Булгаковым и молодым лидером тогдашнего интеллектуального марксизма, рано умершим Н. В. Водовозовым (своим Булгакова), обнажившая в Булгакове убеждённого марксистского догматика. На заседании Московского юридического общества¹ 20 ноября 1895 года Булгаков весь день, с 8.20 до 23.15, провёл на докладе Н. В. Водовозова «Учение Мальтуса о народонаселении»². Булгаков выступил в прениях о докладе со словами «неудачная попытка гальванизировать труп теории Мальтуса» и против позиции Водовозова, утверждая, что «современные социальные бедствия зависят не от народонаселения, а от существующего порядка распределения», против Водовозова, который «считает возможным целиком переносить законы биологии в область социальных отношений», ибо «Дарвин, несомненно, авторитет, но в сфере биологии, а не социальных знаний», и далее изложил марксистскую теорию. На это Водовозов ответил Булгакову: «оппонент повторяет абстрактные положения Маркса о ненаучности перенесения биологических законов в социологию, к сожалению, не прибавляя к этому положению ни одного нового слова и не подкрепляя его никакими доказательствами». На что Булгаков твердокаменно парировал: «Указание на то, что оппонент не прибавил ничего нового к положению Маркса, вряд ли может быть обращено в упрек. Иногда отсутствие нового слова лучше, чем присутствие его»³.

В 1896-м Булгаков дебютировал как исследователь и представитель ортодоксального марксистского движения в органе Московского психологического общества (членом которого он стал тогда же) — главным

¹ Авторитетный исследователь даёт такую характеристику оппозиционности Московского юридического общества 1890-х гг.: оно было «центром притяжения оппозиционной интеллигенции» в Москве, аналогичным Вольному экономическому обществу (ВЭО) в Петербурге (К. Ф. Шаццлло. Русский либерализм накануне Революции 1905–1907 г. М., 1985. С. 51). Добавлю, что именно в ВЭО взошла научная звезда молодого Струве в 1890-е годы, который в обычной жизни вовсе не был ярким оратором. А его самые специальные выступления в ВЭО сопровождалось аншлагом и восторгом студенческой публики.

² Н. В. Водовозов. Учение Мальтуса о народонаселении // Сборник правопедения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его Статистического отделения. Т.7. М., 1897. С.62–129. 25 ноября 1898 года Булгаков выступил в этом обществе, очевидно, по теме книги Р. Штаммлера «Хозяйство и право», с докладом «Право и хозяйство» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 36. Ед. хр. 62. Л. 9. Из собрания извещений, полученных М. О. Гершензоном).

³ Сборник правопедения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его Статистического отделения. Т.7. II отд. М., 1897. С.49–53

русском тематическом профессиональном академическом журнале «Вопросы философии и психологии». Читал лекции в кружках самообразования. Предназначенная Булгаковым к защите в качестве магистерской диссертации книга «О рынках при капиталистическом производстве»¹ (в которой защищалась марксистская точка зрения о достаточности внутреннего рынка России для успешного, самодостаточного развития в ней капитализма и отрицалась перспектива колониального капиталистического подчинения России Западу) была издана Водовозовой в Москве в конце 1896 года, но была задержана на год цензурой и изъята из общественных библиотек. Стал членом Московского юридического общества², московского Комитета Грамотности и других демократических общественных организаций. Как редактор и переводчик (вместе с его близким другом М. О. Гершензоном³) предпринял в издательстве Водовозовой подготовку масштабной серии хрестоматий по экономическим вопросам, переведённых с немецкого языка, сразу создавшей фундаментальную научную основу для внесения в Россию актуального контекста немецкой социальной науки, преобладающе марксистской⁴. В 1897-м — автор марксистского журнала Струве «Новое Слово»

¹ С. Н. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве [1897] / Сост. В. В. Сапов. М., 2006. В приложении — полемика о книге и позиции Булгакова.

² В январе 1895-го со второй-третьей попытки членом Общества был избран друг Булгакова Н. В. Водовозов (Сборник правовередения и общественных знаний / Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его Статистического отделения. Т. 5. СПб., 1895. II отд. С. 50, 53, 57; некролог Булгакова ему см.: М. А. Колеров. Булгаков-марксист и Булгаков-ревизионист. Новые тексты // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999). См. также: Сборник правовередения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его Статистического отделения. Т. 7. М., 1897. II отд. С. 102. Заседание Статистического отделения МЮО 25 апреля 1895 года (с. 102) — Булгаков присутствует на докладе С. Ф. Руднева «Переселение крестьян из Остзейского края во внутренние губернии России».

³ См.: М. А. Колеров. В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене (1897–1925) // Неизвестная Россия: XX век. Вып. 2. М., 1992. Франк вспоминал о себе, что (до 1898 года) «в студенческие годы я переводил экономические книги для издательства М. И. Водовозовой (...) перевел много экономических книг — был участником переводных сборников из “Handwoerterbuch der Staatswissenschaften”» (С. Л. Франк. Предсмертное (Воспоминания и мысли) // Вестник РХД, Париж. №156 (1986). С. 114, 123).

⁴ Промышленность: Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. с нем. М. и Н. Водовозовы, 1896; Землевладение и сельское хозяйство: Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. М.: М. и Н. Водовозовы, 1896 (Пер. со 2-го нем. изд. под ред. С. Н. Булгакова: СПб., 1901);

(СПб.)¹. В 1897-м сдал магистерские экзамены и в конце того же года получил от Московского университета командировку за границу для подготовки диссертации и с января 1898-го по апрель 1900-го жил в Германии, Франции и Великобритании, занимаясь вопросами современного аграрного развития, имея своей задачей укрепить и развить марксистскую доктрину в наименее разработанной ее части. Находясь за границей, установил нелегальные контакты с лидерами немецких марксистов А. Бебелем и К. Каутским, эмигрантом, основоположником русского марксизма Плехановым и служил посредником последнего в его литературных сношениях с марксистами в России. В свою очередь, Плеханов возлагал на Булгакова особые надежды в деле развития русского марксизма².

Народонаселение и учение о народонаселении: Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. с нем. М.: М. И. Водовозова, 1897; История труда в связи с историей некоторых форм промышленности: Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. с нем. В. Дена под ред. С. Н. Булгакова. СПб.: М. И. Водовозова, 1897; Освобождение крестьян на западе и история поземельных отношений в Германии. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. с нем. под ред. Н. Водовозова и С. Булгакова. М.: М. И. Водовозова, 1897; Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. с нем. под ред. В. Э. Дена. СПб.: М. И. Водовозова, 1899; Законодательная охрана труда: Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. с нем. под ред. М. Туган-Барановского. СПб.: М. И. Водовозова, 1901. См. также: *Макс Шиппель*. Денежное обращение и общественные интересы / Пер. с немецкого В. Д. Ульриха под ред. С. Н. Булгакова. СПб.: М. И. Водовозова, 1897 (Дозволение цензуры: 28 мая 1897 года). Это издание прямо конкурировало с практически одновременным изданием этой книги силами Струве там же: *Макс Шиппель*. Денежное обращение и его общественное значение / Пер. с немецкого под ред. и с предисл. Петра Струве. СПб.: Образование, 1897 (Дозволение цензуры: 8 апреля 1897 года). Эта конкуренция между двумя вождями русского марксизма хорошо иллюстрирует конкуренцию между ними.

¹ М. А. Колеров. Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

² Мемуарные личные свидетельства Булгакова об отношениях с Плехановым см.: С. Н. Булгаков. Письма [к В. В. Розанову и Р. М. Плехановой] // Логос. № 2. М., 1991. См. об аграрных марксистских штудиях Булгакова конспекты Ленина: В. И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. М., 1969. С. 3–24, 43–62. В плане статьи «Критики в аграрном вопросе» («Введение. Аграрный вопрос — “брешь” (впервые) в ортодоксальном марксизме») Ленин старательно выписывает все критические эпитеты Булгакова о Марксе и Энгельсе (С. 6).

Булгаков не давал оснований сомневаться в своей верности марксизму и в желании служить его развитию. В научной статье, датированной июлем 1898 года, он выступил с открытой апологией марксистской социологии, уснащенной ссылками на самих Маркса и Энгельса, Гумпловича, Штейна, Брентано, и предлагал дополнить формулу «материалистического понимания истории» Маркса и Энгельса об «изменении форм обмена [вследствие] с развитием производства» синтетическим понятием «социального способа производства», «общественным производством средств к жизни». То есть фактически шёл вслед за поправками Энгельса. Булгаков идентифицировал себя с «социальными материалистами» и адвокатировал доктрину против упреков в экономическом детерминизме: «Стремления свести все к экономическому или произвести все из экономического никогда не было у социальных материалистов. Способности наслаждаться звездным небом, состояния религиозного экстаза, бескорыстного и безграничного стремления к знанию и т. д. и т. д. нельзя объяснить никакими экономическими расчетами». Экономика создает «среду» для действий, но все правовые перемены в обществе, по мнению Булгакова, всегда экономически детерминированы¹. Даже в последнем своём труде по философии экономики Булгаков шёл вслед за известной формулой Энгельса о том, что экономический базис определяет его общественную надстройку лишь «в последнем счёте»: «Причинность «экономического базиса» существует только «in letzter Instanz», а вовсе не лежит на поверхности. Это можно перевести на философский язык только так: она имеет метафизическое, а не эмпирическое значение, она не связывает непосредственно явлений, но стоит за явлениями как их ноуменальная основа»².

Изучение сельского хозяйства в Европе привело Булгакова к выводу о неверности тезиса К. Маркса об аналогичности аграрного и индустриального развития по пути концентрации производства, что дало основания ортодоксальным оппонентам причислить его к «критическому направлению» в марксизме. Со своими выводами Булгаков выступил в новом марксистском журнале «Начало» (1899)³, сблизившись с его редактором Струве.

По возвращении в Россию планировал поселиться в Москве и продолжить преподавание в Московском техническом училище, а также занять место приват-доцента юридического факультета Московского

¹ С. 145, 150.

² С. Н. Булгаков. Философия хозяйства [1912] / Сост. В. В. Сапов. М., 1990. С. 234.

³ М. А. Колеров. «Начало» (1899). Роспись содержания // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

университета. Однако летом 1900 года получил предложение стать экстраординарным профессором Киевского политехнического института (а позже — приват-доцента Киевского университета св. Владимира) и переехал в Киев. В 1901 году защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие» (Т. 1–2. СПб., 1901). В ней он впервые детально (вслед за первой краткой попыткой обоснования этого у Струве в 1894 году¹) утверждал экономическую жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства² и впервые высказал сомнение в возможности «социологического прогноза», то есть в способности именно позитивной науки ставить цели общественного развития. Особый взгляд Булгакова на мелкое крестьянское хозяйство послужил формированию нового интеллектуального поколения русских народников (социалистов-революционеров), отказавшихся от апологии общины в пользу утверждения перспектив «трудовой крестьянской собственности» (что в 1917 году стало основой для большевистского Декрета о земле, который обеспечил большевикам поддержку крестьянства). Этот особый для России взгляд Булгакова на аграрный вопрос в Германии и Австро-Венгрии становился преобладающим. Ему изначально противостоял «Аграрный вопрос» К. Каутского (1899), но отнюдь не конфликтно³. Тем не менее, уже тогда Булгаков отрицательно оценил усилия Каутского в теории аграрного вопроса на страницах журналов «Начало» (1899)⁴.

¹ См.: *Пётр Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России [1894] / Ред.-сост. М. А. Колеров. М., 2020. См. также другую книгу из марксистского и постмарксистского наследия этого автора: *Пётр Струве*. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. [1913] / Под ред. М. А. Колерова, вст. статья О. Я. Сапожникова. М., 2021.

² Виднейший русский марксист 1890-х годов, экономист, пользовавшийся подлинной международной известностью, М. И. Туган-Барановский не был личным соратником Булгакову и нередко жёстко полемизировал с ним, но даже он согласился с Булгаковым в том, что мелкое крестьянское хозяйство вытесняет крупное: *М. Туган-Барановский*. Земельная реформа. Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905. С. 120.

³ А в предисловии 1904 года к пятому изданию своей книги об Эрфуртской программе он был вынужден уточнить свой прогноз «падения мелкого производства в сельском хозяйстве», оценив это падение как медленное (К. Каутский. Эрфуртская программа. М., 1905. С. IV).

⁴ Вскоре идеи Булгакова об устойчивости мелкой собственности в сельском хозяйстве получили поддержку изнутри СДПГ, где специалист по аграрному вопросу заявил: «теория прогрессивной концентрации предприятий не применима к сельскому хозяйству» (*Эд. Давид*. Социализм и сельское хозяйство [1903]. (Перевод с рукописи). СПб., 1906. С. 16).

В Киеве он вступил в тесное сотрудничество с местными социал-демократами и внепартийными социалистами, познакомился с кругом оппозиционной интеллигенции и философов («Литературно-художественный кружок», Г. И. Челпанов, Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов и др.). Киевская полиция сразу отметила деятельность Булгакова: «по общему своему неблагонадёжному направлению и особенно по публичным лекциям, читанным им в последние годы в г. Киеве, в которых под видом «нового слова» в науке он проводил самые крайние социалистические идеи, граничащие с противоправительственной пропагандой, чем снижал себе огромную популярность среди известной части молодёжи»¹. Имперский Департамент полиции МВД потребовал отставки и изгнания Булгакова², но Министерство финансов, к ведомству которого относился Киевский политехнический институт, спустило решение судьбы Булгакова на уровень самого политехникума, а тот фактически взял Булгакова под свою защиту. Под ней Булгаков и оставался, пока не уехал из Киева в Москву в 1906 году. Полицейская перлюстрация переписки Булгакова обнажает его политические интересы; например, 10 октября 1900 года он писал жене в Кореиз: «Вчера я получил протокол Майнцского партийтага [съезда СДПГ — М. К.]. Он очень интересный (Каутский не был). Если ты горишь нетерпением, то я пошлю тебе его»³.

¹ С января 1904 года за ним было установлено негласное наблюдение (О. К. Локтева. Неизвестная статья С. Н. Булгакова (1904) // Россия и Реформы. Вып. 2. Сб. ст. / Сост. М. А. Колеров. М., 1993. С. 67–68).

² Из позднейшей справки Московского охранного отделения: «Булгаков Сергей Николаевич, профессор Московского университета, будучи студентом названного университета, входил в состав членов Елецкого землячества, к числу его знакомых принадлежали лица, стоявшие под негласным и гласным надзором полиции. Кроме того, Булгаков известен как ревностный последователь марксизма. Агентурные сведения: в бытность профессором Киевского Политехнического Института был убеждённым марксистом и примыкал к партии социал-демократов; в настоящее время, отдавших религиозному мистицизму, является так называемым христианским социалистом; влияние его в студенческой среде в последнее время сильно упало» (ГА РФ. ДП-ОО. 1910. Ед. хр. 59, литера А. Л. 37).

³ ГА РФ. ДП-ОО. 1898. Ед. хр. 4, часть 18, литера А. Л. 45. См. также материалы перлюстрации переписки Булгакова: Там же. ДП-ОО. 1901. Ед. хр. 404. Л. 55 (письмо к Булгакову от 26 сентября 1901); 1898. Ед. хр. 4. Л. 102 (письмо Булгакова к Е. И. Булгаковой от 31 октября 1900); 1900. Ед. хр. 904 (письмо Булгакова к Е. И. Булгаковой от 22 января 1901); Там же. Л. 44 (письмо Булгакова с оказией для Е. И. Булгаковой («For Nelly»): Булгаков ищет через сестру своей жены, издательницу М. И. Водовозову, деньги для внесения залога за рабочих из Мариуполя, чтобы их отпустили до суда для заработка; дело ведёт его знакомый, известный адвокат Н. К. Муравьев. Материалы Киевского охранного отделения о Булгакове: ЦГИАМ. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1784 (Дело

Осенью 1901 года в Петербурге вышел в свет фактически совместный труд Струве (он написал обширное предисловие) и Бердяева — его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском»¹, который формально был посвящён философскому развенчанию «субъективной социологии» Михайловского — домашней философии интеллектуального вождя русского народничества, давнего и открытого, публичного врага русского марксизма начиная с 1894 года. Явно страдавший нарциссизмом, но руководивший самым массовым толстым журналом России — ежемесячником «Русское Богатство», Михайловский, несомненно, был самой крупной звездой русского освободительного движения рубежа веков. Именно осенью 1901 года вся передовая общественность России отмечала 40-летие его публицистической деятельности и многие подумали, что Струве и Бердяев решили своей книгой испортить ему юбилей. По существу их книга была очень сложна, посвящена совершенно не демократичной философии, но трактовала Михайловского как давно отживший, архаичный предмет. Рецензент книги в профессиональном философском журнале с некоторым удивлением обнаружил, что эта специальная книга вышла из-под пера уже известных марксистов и была направлена против тогдашнего высшего общественного авторитета. Он не мог не признать, что такой рафинированный философский выбор марксистов явно угрожает их политическому весу. Он верно заметил, что Струве явно теряет социальную основу для своего бывшего марксизма, а теперь радикализма в России (Струве и начал тогда искать путей к расширению политической коалиции за счёт левых либералов и на основе широко понимаемой культурной борьбы). И резюмировал: «Струве отрицает возведение классовой борьбы в необходимость и, следовательно, ратует за полный простор для теоретической мысли. В сущности говоря, у Струве тут ничего не остаётся от исторического материализма. В этом отношении точка зрения Бердяева нам ближе... мы не возражаем против комбинации критицизма с марксизмом по существу»².

об издании в Санкт-Петербурге журнала «Вопросы Жизни»; Ф. 777. Оп. 5. Ед. хр. 112 (Об издании «Вопросов Жизни» Н. Лосским); Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1542 (Об издании журнала «Новый Путь») (26 января 1902 — 10 июня 1905).

¹ Его творческую историю см. в письмах Бердяева к Струве того времени: М. А. Колеров. Изнутри. С. 18–51. Современное переиздание книги: Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском / [С предисловием Петра Струве] / Сост. В. В. Сапов. М., 1999.

² А. Дживелегов. [Рец.:] Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием Петра Струве (...) // Вопросы философии и психологии. Кн. I (61). Январь — февраль 1902. II отд. С. 613.

Из этого диагноза ясно следовало, что стоявший рядом с Бердяевым и Струве Булгаков, решая свои интеллектуальные задачи, также рискует оказаться в общественно-политическом одиночестве.

Осенью и в начале зимы 1901 года Булгаков пытался возглавить и даже купить известный марксистский журнал «Научное Обозрение», чтобы сделать его органом «критического направления», но потерпел неудачу¹. Осенью же 1901 года был приглашен П. И. Новгородцевым и Струве к участию в будущем сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902)², стремившемся соединить социально-экономическую программу марксизма с политическим либерализмом и идеалистической философией (религией): основой для статьи Булгакова послужил текст его доклада в Московском психологическом обществе (январь-февраль 1902 года). Став одним из лидеров начатого сборником «Проблемы идеализма» «идеалистического направления в освободительном движении», в течение 1902–1905 годов на основе «христианской политики» В. С. Соловьева Булгаков разрабатывал собственную теорию «христианского социализма». Тем не менее он продолжал выступать в кругах либерально-социалистической оппозиции как эксперт по аграрному вопросу и участвовал в совещании русской антисамодержавной оппозиции в Шафгаузене летом 1903 года с докладом по аграрной программе готовящегося «Союза Освобождения», сотрудничал в нелегальном журнале «Освобождение»³. С учреждением в январе 1904 года социал-ли-

¹ М. А. Колеров. Изнутри. С. 113–118.

² См.: Проблемы идеализма. Сборник статей С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г. [П. Б. Струве], Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского под редакцией П. И. Новгородцева (М., 1902). М., 2002 (2-е критическое издание, исправленное / Под редакцией М. А. Колерова. Подготовка текста Н. В. Самовер. М., 2018); М. А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; М. А. Колеров. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020.

³ Журнал «Освобождение» (1902–1905): Репринтное издание под редакцией М. А. Колерова и Ф. А. Гайды / Подг. текста и указателя имен Н. А. Кутуевой. В 3 кн. Книги 1–3. М., 2021; Сборники «Освобождение» («Книжки Освобождения») (1903–1904) / Переизд. полного текста под ред. М. А. Колерова. Статья М. А. Колерова и Ф. А. Гайды. М., 2022; М. А. Колеров. Новое о С. Л. Франке и С. Н. Булгакове в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009; М. А. Колеров. Нето [С. Н. Булгаков] К очередным вопросам. Открытое письмо в редакцию «Освобождения» (1904) // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017. Подробно об аграрном вопросе с точки зрения Булгакова см.: *Сергей*

берального нелегального «Союза Освобождения» вместе с Бердяевым, Е. Н. Трубецким и др. активно работал в его местной группе в Киеве. Тогда же в киевском еженедельнике «Юго-Западная неделя» выступил с первым опытом применения идей В. С. Соловьева к делу антиправительственной пропаганды: еженедельник был закрыт, а сам Булгаков едва не был уволен из Политехнического института.

Тогдашний противник идеалистического дрейфа марксистов, марксист, а затем — сам «веховец» А. С. Изгоев извиняюще не мог не признать, что политический радикализм «идеалистов» оставался по-прежнему ярким и подлинным. Он писал, рассуждая о «Проблемах идеализма»: «Желания гг. идеалистов [политически] самые благие. (...) Их смущает только одно: на каком фундаменте построить здание своих общественно-политических требований, как обосновать, оправдать их»¹. Нет сомнения: всё это беспокоило и самого Булгакова.

Новые радикальные, христианско-социалистические настроения Булгакова нашли выражение в его философско-публицистических выступлениях в журнале «Новый Путь» осенью 1904-го и «Вопросы Жизни» в течение 1905 года (которыми он фактически руководил при участии Бердяева). В конце жизни Бердяев вспоминал, что этот журнал «политически был левого, радикального направления, но он впервые в истории русских журналов соединял такого рода социально-политические идеи с религиозными исканиями, метафизическим мирозерцанием и новыми течениями в литературе. Это была попытка соединения бывших марксистов, ставших идеалистами идвигающихся к христианству, с Мережковским и символистами, частью с представителями академической философии идеалистического и спиритуалистического направления и с публицистами радикального направления. Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным»².

Булгаков. Без плана. 1. «Идеализм» и общественные программы // Новый Путь. СПб., 1904. Кн. XII.

¹ А. С. Изгоев. Со стороны. Земные корни неземного идеализма // Образование. СПб., 1903. № 6. II отд. С. 59. В том же, марксистском, журнале чаще звучали и менее примирительные слова: «Ещё Энгельс, предвидя возможность разногласий вследствие наплыва гг. Булгаковых и Туган-Барановских, относился не вполне дружелюбно к этому элементу» (*Л. Клейнборг*. О наших направлениях // Образование. СПб., 1904. № 8. III отд. С. 7). На деле, однако, напротив, Энгельс относился вполне дружелюбно и бережливо, например, к восходящей звезде немецкого ревизионизма Конраду Шмидту, не говоря уже о личном секретаре Энгельса Эдуарде Бернштейне.

² Н. А. Бердяев. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [1946] // Н. А. Бердяев. Избранные труды / Сост. Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов. М., 2010. С. 605.

Летом 1905 года в Москве познакомился с «неистовыми москвичами» В. Ф. Эрном и В. П. Свенцицким, религиозно-социалистическими и даже коммунистическими радикалами, организовавшими «Христианское Братство Борьбы» (ХББ)¹.

Для биографического словаря Булгаков так резюмировал свой революционный период: «В области политики, когда был марксистом [близко стоял к некоторым эмигрантам (имеются в виду Плеханов и, вероятно, Струве. — М. К.)], не был никогда активным социал-демократом. Был сотрудником “Освобождения” и членом “Союза Освобождения” с его учреждения (летом 1903 года), был членом центрального совета С. О. от Киевской группы и присутствовал на всех съездах и совещаниях. [В 1905 году] После [конституции] 17 октября 1905 года носился с мыслью о создании христианско-социальной партии (“Союза Христианской политики”), но эта идея заметного успеха тогда не имела»². Тем не менее, идея такого «Союза» была успешна в кругу единомышленников Булгакова и они даже, по-видимому, были готовы в него вступить. К. М. Аггеев писал Свенцицкому 31 октября 1905 года, имея в виду и свой проект: «При “Вестнике Жизни” можно будет учредить Петербургский секретариат партии Христианской политики. Во всяком случае Антон Владимирович Карташёв и я рады будем служить этому делу»³.

В условиях начавшейся революции Булгаков занял крайнюю антиправительственную позицию, идеалом общественного устройства полагая соединение либерально-демократической политической системы с социалистическим экономическим строем, идеалом развития которого

¹ Манифест ХББ в целом, Свенцицкого и Эрна, отклики на них Розанова, К. М. Агеева, Философова, З. Н. Гиппиус и др. см. в: В. Ф. Эрн: pro et contra / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 2006. Раздел I: «Христианское братство борьбы». С. 59–208; М. А. Колеров. Листовки Г. А. Гапона и «Христианского Братства Борьбы» (1905) // Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002. Фундаментальный исследователь, но апологет В. П. Свенцицкого, подвергает решительной критике моё сближение радикальной пропаганды ХББ с агитацией Гапона, но общий для них контекст революционного христианского социализма и период революции, сопровождавшийся актами гражданской войны, отрицать не может. Он ошибочно полагает естественные частные различия достаточным основанием для противопоставления Гапона и ХББ: С. Чертков. Христианское братство борьбы в восприятии современников и потомков // Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017. С. 27–28.

² М. Колеров. С. Н. Булгаков. Автобиографическое письмо С. А. Венгеру (1913). С. 260–261. Первый, вычеркнутый вариант текста дан в прямых скобках.

³ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов... / Сост. В. И. Кейдан. М., 1997. С. 87.

был коммунизм, в перспективе соединяющийся с коммунизмом первых христиан¹. Осенью 1905-го, продолжая сотрудничать с коммунистическим «Христианским Братством Борьбы» и одновременно с только что образованной социал-либеральной кадетской партией, начал организацию собственного «Союза христианской политики», органом которого должна была стать возглавленная им киевская газета «Народ» (апрель 1906 года). В этих инициативах окончательно складывается общий контур общественно-философских воззрений Булгакова, в которых соединилось признание необходимости достижения политической свободы и социалистического ведения хозяйства на пути к идеальному (наступающему в конце истории) устройству общества как Церкви. Весной 1906-го по спискам кадетской партии баллотировался от Киевской губернии в депутаты 1-й Государственной Думы, но неудачно. После запрещения «Народа», разочаровавшись в газетной пропаганде и сектантской практике «неистовых москвичей» (ХББ), а также желая сменить «провинциальную» аудиторию, летом 1906-го Булгаков, как и Е. Н. Трубецкой, переехал из Киева в Москву, где, отказавшись от предложения возглавить независимый Московский коммерческий институт (с 1907-го — профессор), начал читать в нем общие курсы по аграрному вопросу, истории экономических учений и специальный курс по политической экономии. С осени 1906-го в качестве приват-доцента читал

¹ Эта апелляция к коммунистической древности не была новостью для коммунизма вообще и, в частности, социал-демократии того времени. И научное антиковедение тогда вполне уверенно оперировало понятием капитализма. См.: *Карл Каутский*. Из истории культуры. Платоновский и древнехристианский коммунизм / Пер. Г. Ф. Львовича. СПб., 1905. А также предстательную русскую антологию: Предшественники новейшего социализма. Часть I. К. Каутский. От Платона до анабаптистов. Предисл. К. Каутского к русскому изданию: I. Платоновский и древнехристианский коммунизм. II. Наемные рабочие в средние века и в эпоху реформации. III. Коммунизм в средние века и в эпоху реформации. Часть II. От Томаса Мора до кануна великой французской революции [К. Каутский, П. Лафарг, Э. Бернштейн, К. Гуго] / Пер. Е. и И. Леонтьевых. СПб., 1907; *М. И. Туган-Барановский*. Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). Харьков, 1919. См. также в государственных советских изданиях: *В. В. Святловский*. История социализма [1921] / 2 изд., доп. и перер. Пг., 1924 («Коммунизм в древности», «Коммунизм в средние века», «Коммунизм нового времени»); Краткий очерк истории социализма и социальных движений на Западе. М., 1919 («Первобытный коммунизм», «Коммунизм в древности», «Коммунизм первохристианства и христианско-коммунистические секты», «Коммунизм в гуситском движении и в эпоху реформации» и др.). Позднейшее коммунистическое опровержение в СССР связей коммунизма с христианством см.: *В. Зельцер*. Христианский социализм на западе (исторический очерк). М., 1930.

в Московском университете курс «Критическое исследование проблем и идеалов политической экономии. Очерки социальной философии». Осенью 1906-го как независимый «христианский социалист» участвовал в выборах от Орловской губернии и стал членом Второй Государственной Думы, где в течение февраля-июня 1907-го работал в комиссиях по церковному законодательству, аграрному вопросу и бюджету, сотрудничал с фракцией кадетов. Выступал с осуждением как правительственного, так и революционного террора, в составе думской делегации посетил П. А. Столыпина, стремясь достигнуть компромисса с властью и предотвратить роспуск Думы. В это время Булгаков начал переживать серьезную политическую эволюцию вправо и, по его словам, «возвращение в церковь». Вернувшись после роспуска Думы из Петербурга (где он жил как депутат) в Москву, Булгаков планировал, защитив подготовляемую им диссертацию по политической экономии, занять место профессора Московской духовной академии¹, но безрезультатно. Когда в конце 1906 года классический толстый журнал «Русская Мысль» перешёл под управление Струве и А. А. Кизеветтера и Струве собрал в нём представительный авторский коллектив из своих друзей и союзников, он анонсировал на 1907 год и статью Булгакова «Экономическое развитие и религиозное мирозерцание».

Тогда же он фактически прекратил политическую деятельность, занял пост товарища председателя московского Религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева² и сблизился с московским «Кружком ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова, а основные его сочинения приобрели сугубо исследовательский характер (см.: «Русская Мысль», «Вопросы философии и психологии»). С 1908-го преподавал в Народном университете имени А. Л. Шанявского. В 1909-м по предложению М. О. Гершензона участвовал в сборнике «Вехи». Смерть младшего сына летом того же года окончательно укрепила не только последовательно религиозную, православную ориентацию Булгакова, но и окончательно закрепила его возвращение в лоно церкви. Вместе с Е. Н. Трубецким, Г. А. Рачинским, Бердяевым, Эрном в 1910-м участвовал в создании и активно работал в редакционном совете религиозно-философского

¹ См. кстати о категорически противоречащей этим планам практике духовной системы образования: Н. Ю. Сухова. Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX в. 2 изд., испр. М., 2012.

² См. об этом движении: А. А. Носов. К цензурной истории религиозно-общественной печати в России (1905–1906) // Вопросы философии. М., 1996. №3; А. А. Носов. От «соловьевских обедов» к Религиозно-философскому обществу // Вопросы философии. М., 1999. № 6. См. также: А. А. Носов. «Мы здесь основали Философское Общество...» (К истории Философских обществ в России) // Вопросы философии. М., 1999. № 1.

книгоиздательства М. К. Морозовой «Путь», служившего средоточием «славянофильского» направления в современных идейных спорах. В феврале 1911-го в знак протеста против нарушения правительством университетской автономии вместе с другими представителями профессуры ушел в отставку из Московского университета, сосредоточившись на преподавании в Московском коммерческом институте. В 1912-м защитил докторскую диссертацию «Философия хозяйства» (часть 1, опубликована в 1912 году издательством «Путь»). В это время Булгаков сближается со священником П. А. Флоренским и испытывает его существенное влияние на свои философские взгляды. В период конфликта официальной церкви с движением имяславцев выступает на стороне подвергшихся репрессиям монахов Афонского монастыря. С другой стороны, сосредоточивает свое внимание на полемике с протестантскими толкованиями священной истории и личности Христа, исследует т. н. «первобытное христианство» как образ идеального общественного устройства. После Февральской революции 1917 года его вновь избирают профессором Московского университета, он становится товарищем Временного комитета в Москве и всероссийского Совета праволиберальной «Лиги русской культуры», организованной Струве. В конце 1917-го был избран членом Учредительного собрания от Орловской губернии, но отказался от места. В августе 1917-го — апреле 1918-го в качестве делегата от мирян Таврической епархии участвовал в Поместном соборе Русской православной церкви, был избран членом Высшего Церковного Совета, в июне 1918-го принял в Даниловом монастыре сан священника. Участвовал в сборнике «Из глубины» (М., 1918). Летом 1918-го выехал к семье в Крым и в связи с началом Гражданской войны более не смог вернуться в Москву. Служил в Ялтинском соборе, преподавал в качестве профессора богословия и политической экономии в Симферопольском университете, выступал с чтениями в общественных и научных собраниях. В ноябре 1920-го изгнан советскими властями из университета. В октябре 1922-го был арестован и в декабре 1922-го выслан из России в Константинополь. За границей (в Праге и Париже) сосредоточился на богословии и преподавании, стал руководителем основанного в России ещё в 1918 году и в эмиграции возобновлённого Братства св. Софии, профессором и деканом Православного богословского института, видным деятелем экуменического движения.

* * *

Первая же попытка русского политического класса привлечь религиозную среду к социально-политической борьбе вызвала примечательное идейное столкновение русской интеллигенции с петербургскими Религиозно-философскими собраниями (1901–1903). Санкционированные обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым, эти

Собрания объединили представителей православной церкви и религиозной интеллигенции (Д. С. Мережковского, В. А. Тернавцева, В. В. Розанова, Н. М. Минского, А. В. Карташёва и других) и заинтересовались взаимоотношениями интеллигенции и религии. Однако и эта религиозная интеллигенция не оказалась сколь-нибудь представительной для ее «позитивистского» большинства, и политическая окраска Собраний не соответствовала преобладающим общественным настроениям. «Освобождение» отреагировало на деятельность конкурентов устами Булгакова и Бердяева. Наибольший их протест вызывал сам факт подконтрольной официальной церкви и государству «религиозной общественности», поскольку сами Собрания, ошибочно названные Булгаковым Религиозно-Философским Обществом, оценивались им как «ублюдочная форма», то есть неполноценное исполнение чаемого образца. Кроме того, «идеалистов» задело обсуждение в Собраниях памятного вопроса об отлучении Льва Толстого от церкви, каковое, разумеется, не могло найти осуждения в стенах Собраний. Например, Д. С. Мережковский не только не осудил отлучения Толстого от церкви, но и зафиксировал свои монархические убеждения. По этому поводу Булгаков выразил свое особенное «негодование, даже омерзение» и квалифицировал писателя как «Иудушку новейшей формации»¹. Бердяевская оценка Собраний была нейтральнее. Признавая в Собраниях и их журнале «Новый Путь» «небывалое еще в русской жизни явление», «уголок свободы совести и свободы слова», Бердяев также пенял участникам Собраний (и особенно Мережковскому) за «политическую малосознательность», «недомыслие» и «трусость» их политической и религиозной терпимости к самодержавию, восходящей к преодоленным Соловьевым «заблуждениям славянофильства». Ибо «всякое религиозное искание, искреннее религиозное обновление и созидание, всякое духовное алкание и духовное творчество неизбежно упирается в одну точку, в которой связываются и развязываются все узлы русской жизни — в русское самодержавие и по объективной логике требует устранения самодержавия. (...) Самодержавие угнетает не только русскую интеллигенцию, но и русскую церковь, религиозную совесть, и потому свободное отношение между интеллигенцией и церковью... возможно только при “одолении” самодержавия; (...) Должны, наконец, подняться голоса не только индифферентных к религии людей, борцов за политическую свободу, но, может быть, еще более людей религиозных, для которых особенно должно быть отвратительно превращение церкви в полицейский участок... Такие голоса начинают уже раздаваться

¹ Ак. [С. Н. Булгаков] Письма из России: II. Самодержавие и православие // Освобождение. Штутгарт. № 6. 2 сентября (15 сентября) 1902. С. 86–87.

по почину одного из самых крупных русских людей — Вл. Соловьева, и люди, борющиеся за религиозную свободу и за религиозное обновление, должны сознательно войти в могучее освободительное движение, вне которого нет ни религиозной свободы, ни какой-либо другой», — писал Бердяев¹.

Соловьевский пафос² хорошо стыковался и с иными, общими для «освободительного движения», мотивами. Активная защита Соловьевым церковной и вероисповедной свободы заставляла неизменно следить за судьбами преследуемых правительством и церковной бюрократией сектантов, раскольников, иноверцев, особенно тех, в чьей судьбе национальный вопрос напрямую соединялся с конфессиональным: поляков и евреев. С учетом же соловьевского проекта соединения христианских церквей и особой судьбы Польши в составе Российской империи логичным становилось преобладающее внимание «идеалистической общественности» к польскому вопросу.

Чем дальше от сборника «Проблемы идеализма» (далее — ПИ), тем менее политиканский взгляд на его задачи и итоги исповедовали «идеалисты». Для Булгакова и Бердяева не менее важной становилась и чисто

¹ Цит. по: *Николай Бердяев. Sub specie aeternitatis*. С. 138–139, 141, 143, 145–147.

² Он, конечно, был категорически отвергаем традиционными марксистами и даже самим Струве ещё на рубеже 1890-х и 1900-х гг. Критик прямо обвинял Булгакова: «Вообще же национализм г. Булгакова достаточно подчеркивается его преклонением перед Вл. Соловьевым» (*А. Богданов. Новое средневековье // Образование. СПб., 1903. № 3. II отд. С. 27, прим.*). Это было бы комичным, если бы в русской революционной среде того само слово «патриотизм» не было бы синонимом «национализма», а «национализм» — синонимом «шовинизма». Поэтому знакомый Богданова по ссылке в Вологде Бердяев сразу выступил на защиту Булгакова: что у него на деле «национализму противопоставляется не плоский космополитизм, а идеалистическое понимание национальности и горячая вера в призвание России, в ее огромное значение для всемирной культуры» (*Николай Бердяев. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. V (76). II отд. С. 699, прим.*). В другом месте Богданов так пишет о Булгакове: «В последних статьях г. Булгакова есть много ярко прогрессивных фраз, которые для большинства читателей могут показаться достаточной компенсацией за реакционные основы мировоззрения почтенного профессора» (*А. Богданов. Отзвуки минувшего («От марксизма к идеализму»). Сборник статей г. С. Булгакова. СПб., 1904 // Образование. СПб., 1904. № 1. С. 68*). Наблюдение за критикой Богданова в адрес Булгакова заставляет полагать, что проповедь «идеализма» Булгакова была успешной и задевала многих гуру русского ортодоксального марксизма. Впрочем, и неортодоксальность самого Богданова была грубо разоблачена Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм» уже через четыре года после процитированного текста.

философская сторона сборника. Впрочем, об общей философской (а не общественной) платформе ПИ Бердяев предпочитал говорить лишь условно и выделял в направлении сборника два философских течения — «метафизический идеализм с тяготением к религии трансцендентного» и «этико-гносеологический идеализм», основанный на кантовском идеализме¹. Булгаков также отмечал, что «идеалистическое течение, в общественном смысле преемственное марксизму»², с появлением ПИ составило направление лишь на «некоторых общих философских позициях», но оформлено было только оппозицией по отношению к позитивистскому отрицанию самостоятельности философии. «У самих сотрудников “Проблем” нет общего катехизиса и общего символа веры»³. Но это были, скорее, самые общие констатации, из которых невозможно вывести представления о дальнейшей эволюции авторов ПИ. Не у всех она оказалась и внешне заметной.

В течение 1902–1904 годов Струве не захотел или не смог проявить достаточного внимания к развитию политико-философских принципов «идеалистического направления», поэтому инициатива в этом деле перешла к Булгакову. При этом социал-либеральный проект сборника,

¹ Там же. С. 153. Именно Бердяев назвал свою программную статью «Борьба за идеализм» (она демонстративно открывала номер толстого марксистского журнала «Мир Божий», в котором сотрудничали Струве, Туган-Барановский и др.), политически перетолковав сугубо эстетический лозунг «Борьбы за идеализм» политически нейтрального А. Л. Вольнского. Этому лозунгу в контексте русской мысли соответствовали хрестоматийные «Борьба за жизнь» Д. И. Писарева, «Борьба за индивидуальность» Н. К. Михайловского и «Борьба с Западом» Н. Н. Страхова.

² Конфидент Булгакова в первые годы эмиграции, выдающийся историк русской мысли Г. В. Флоровский писал по этому поводу: «В марксизме были крипторелигиозные мотивы. Утопическое мессианство, прежде всего, и затем — чувство общественной солидарности» (*Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. Изд. 4. Paris, 1988. С. 454).

³ С. Н. Булгаков. О реалистическом мировоззрении (Несколько слов по поводу выхода в свет сб. «Очерки реалистического мировоззрения». СПб., 1904) // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 73 (3). С. 381–383. Несмотря на взаимно ожесточённую полемику в среде ортодоксальных марксистов, вполне независимые от ортодоксии «Очерки реалистического мировоззрения» даже после большевистской революции включались в официальный перечень рекомендуемой марксисткой литературы наряду с трудами Маха, Авенариуса, Богданова, Луначарского: *Платон Лебедев (В. Керженцев)*. Библиотека Социал-демократа. Систематический указатель Социалистической литературы. Изд. 3, перер. и доп. [Б. м.] 1918. С. 77–78. Бердяев, Булгаков, Струве и др., а также «Проблемы идеализма» здесь названы «буржуазными критиками». Пролетарских критиков не обнаружено.

искавший чисто политического (демократического) согласования «западных» принципов индивидуализма с «восточной» традицией социального равенства как нормы справедливости, приобретал в истолковании Булгакова явственный соловьевский оттенок. Благодаря Булгакову тень Соловьева ложилась и на все «идеалистическое направление»¹, родоначальник коего — Струве — оказывался в идейном меньшинстве.

Оставалось, однако, развернуть выработанную философом «идею царствия Божия как полноты человеческой жизни не только индивидуальной, но и социальной и политической...»² На долю социалистов-«идеалистов» выпадало довершить начатый Соловьевым путь: от политически консервативного славянофильства — к прямым требованиям политической свободы, от вменения в обязанность христианству разрешить социальный вопрос — к оправданию революционных методов социальной борьбы, от разоблачения узости марксистского «экономического материализма» — к усвоению им «объективной», безотносительно к философскому мировоззрению, роли в социальной политике.

Именно это социалистическое истолкование соловьевства стало отличительной чертой складывающегося «идеалистического направления в освободительном движении». Первым из «идеалистов», осуществив прямой переход к соловьевским идеям, Булгаков стал связующим звеном между ними и социальной доктриной «идеализма» и поставил стратегическую для направления задачу: переоценить с точки зрения христианского идеала (в его соловьевской огласовке) общественную деятельность, науки, идеалы³.

¹ Лишь отчасти шуткой была шутка Е. Н. Трубецкого о Булгакове: «Его эволюция, — рассказывал Трубецкий, — сказывалась даже в тех портретах, которые висели у С. Н. на стене в его кабинете в Киеве и как бы отражали его настроения. Сперва только большой портрет Маркса, потом, рядом, маленький — Владимира Соловьева, потом большой портрет Соловьева и маленький Маркса. И наконец, Маркс совсем исчез» (Н. А. Цуриков. Мои встречи с о. Сергием Булгаковым (1908–1934) // Н. А. Цуриков. Прошлое / Сост. В. А. Цуриков. М., 2006. С. 342). Булгаков сам шутил по поводу реального портрета Маркса на стене своей квартиры: М. А. Колеров. В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене (1897–1925) // Неизвестная Россия: XX век. Вып. 2. М., 1992

² С. Н. Булгаков. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 67 (2). С. 146–148. Примечательно, что эта статья Булгакова была прочитана автором в качестве лекции в Киеве, Полтаве и Кишиневе, ставшей своеобразной общественно-философской пропагандой платформы «Проблем идеализма».

³ С. Булгаков. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой (параллели) // Литературное Дело. Сб. СПб., 1902. С. 121, 132, 134. Политически сборник был социал-демократическим.

Соловьёвская параллель к современному Булгакову социал-либерализму могла быть обнаружена в его равном обличении (как ограниченных) принципов собственности и ее отрицания. «Социалисты, — писал Соловьев, — хотя свертнуть современный общественный строй, злоупотребляя принципом равенства и не применяя его в подлинном смысле, а воинствующие консерваторы борются за свои интересы, непростительно злоупотребляя принципом собственности. (...) Смысл общества в том, чтобы обеспечить каждому из его членов не только материальное существование, но и существование достойное (...) Бедность противоречит человеческому достоинству и поэтому несовместима с подлинной общественной нравственностью. Следовательно, долг общества — оградить всех своих членов от этой унижительной бедности, обеспечивая каждому минимум материальных средств. (...) Для исполнения этого долга, для обеспечения каждому минимуму материальных средств, необходимых для сохранения и свободного развития его нравственных и интеллектуальных сил, государство, как носитель исполнительной власти общества, должно будет сосредоточить в своих руках главные средства производства и распределения — заводы, банки, пути сообщения, торговые предприятия и т. д. Но эта перемена, которая частично уже совершается и должна окончательно завершиться либо посредством обязательного выкупа, либо систематической конкуренцией, никак не означает отмены частной собственности, так как она относится лишь к особому виду ее: к частной собственности, не способной приобрести личный характер»¹.

Подобные суждения, впоследствии развитые на страницах журнала «Полярная Звезда» Новгородцевым и И. А. Покровским в учение о «праве на достойное человеческое существование», служили звеном для непосредственного соединения либерализма с социализмом, а социализма с соловьевством. И главными пунктами такого соединения (политического — у Струве, более религиозного — у Булгакова) были, с одной стороны, признание недостаточности, неполноты и неподлинности одной политической свободы без социальной справедливости, одного лишь «материального освобождения», материальной стороны социальной справедливости, а с другой — признание особой роли государства в реформировании социальной жизни, что соответствовало институциональному духу классического (классового, а отнюдь не индивидуалистического и анархического) социализма. «Дело социального освобождения не может ограничиваться одним материальным порядком», — писал Соловьев². Под этим положением легко подписались бы и Струве, и Бер-

¹ В. С. Соловьев. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1989. С. 445–446.

² Там же. С. 235.

дьяев, и Булгаков. Но вот под словами о том, что «государство (...) должно будет сосредоточить в своих руках», подпись Бердяева уже бы не появилась.

Впрочем, поскольку философия «идеалистического направления» развивалась не в одном лишь булгаковском направлении, но и — в бердяевском (при этом Бердяев неизменно подчеркивал свою идейную солидарность и со Струве, и с Булгаковым¹), ее временный идейный плюрализм позволял направлению стыковаться с целым спектром мировоззрений. Так, подводя мировоззренческие основания под политический союз социалистов Струве, Булгакова, Бердяева, Франка с либералами в рамках «Союза Освобождения», Бердяев в течение 1902–1905 годов не раз доказывал, что «анархическая утопия есть последовательный и окончательный вывод из принципов либерализма. Социализм есть только обусловленный известной исторической эпохой метод реализации либерализма в направлении анархического идеала»².

Лишенные возможности легально выяснить принципы нового объединения, «идеалисты» объединились в нелегальном «Союзе Освобождения», иллюстрируя этим «новое утверждение практических начал на философской почве»³. Лишь два года спустя с появлением «органа» — журнала «Вопросы Жизни» — Булгакову предоставилась возможность задним числом, без оговорок журнала «Вопросы философии и психологии», *общественно-политически* резюмировать программу ПИ и направления. Общий мотив сборника Булгаков увидел в доказательстве того положения, что «передовые программы только и могут, а следовательно и должны обосновываться на предпосылках философского идеализма. Задача сборника была философско-публицистической, так что точное заглавие его было бы: «Проблемы социального идеализма». В решительной и ясной постановке проблем социального идеализма вообще состоит и своеобразие, и значение сборника»⁴.

¹ См., например: *Николай Бердяев*. Sub specie aeternitatis. С. 167, 178.

² Помимо «Проблем идеализма» (С. 118, прим.), см., например: *Николай Бердяев*. Sub specie aeternitatis. С. 148.

³ *П. И. Новгородцев*. О философском движении наших дней // *Новый Путь*. СПб., 1904. № 10. С. 67.

⁴ *С. Н. Булгаков*. Без плана // *Вопросы Жизни*. СПб., 1905. № 3. С. 303. См. также: *П. И. Новгородцев*. К вопросу о современных философских исканиях // *Вопросы философии и психологии*. М., 1903. Кн. I (66). Ср. оценку секретаря редакции ВФП: «центр тяжести этой объемистой книги лежит не столько в достоинствах ее философского содержания, сколько в тех общественных воззрениях и симпатиях, которыми проникнуты ее авторы — в своем большинстве недавние или новые гости в доме отвлеченного мышления. (...) «Проблемы идеализма» хорошо показывают, что служение передовым гражданским

Вожди русских идейных направлений, претендующих стать общественной силой, не могли не понимать, что успех их во многом зависит от успеха «направленного» периодического органа. Известная ленинская мысль о партийной газете как «агитаторе, пропагандисте и организаторе» не просто носилась в воздухе, — она была признанием обстоятельства, неперемennого для русской общественной жизни конца XIX — начала XX века. Поэтому выход в свет сборника «Проблемы идеализма» только обострил, но отнюдь не породил необходимость организации партийного издания «идеалистов». Проблема эта возникла довольно давно — в мае 1899-го, когда прекращение цензурой возглавлявшегося Струве марксистского журнала «Начало» лишило группу «критических марксистов» пристанища в периодической печати, в котором они могли бы пропагандировать свои все менее ортодоксальные социально-философские и экономические идеи. «Критические марксисты» (вскоре ставшие «идеалистами») были вынуждены довольствоваться малым. На правах посторонних авторов или «в порядке полемики» их публиковали марксистские журналы «Научное Обозрение» (1899–1900), «Жизнь» (1900), «Мир Божий» (1900–1901; здесь, правда, Струве был членом редакции, но с весьма ограниченным влиянием на общий ход дел), оппозиционная газета «Северный Курьер» (1899–1900), академические «Вопросы философии и психологии» (далее — ВФП) и др.

Лишь после того, как со статьей редактора ВФП С. Н. Трубецкого увидел свет сборник «Проблемы идеализма», в 1903–1904 годах «идеалисты» (а именно — Булгаков, Бердяев, С. А. Котляревский и Новгородцев) получили возможность систематически выступать в ВФП со статьями, зачастую решительно отклонявшимися от чисто философского исследования в сторону «направленной» агитации и пропаганды¹. Это позволило

идеалам и спиритуалистическое мировоззрение вполне совместимы» (Ю. Айхенвальд. Обзор книг. Проблемы идеализма. Сборник статей под редакцией П. И. Новгородцева. Издание Московского Психологического Общества // Вопросы философии и психологии. М., 1903. Кн. II (67). Март — Апрель. II отд. С. 333, 356.

¹ Пожалуй, единственным исключением из монополии идеалистов в ВФП стала публикация критической статьи против них марксиста Н. А. Рожкова, коллеги С. Н. Трубецкого по Московскому университету, направленной более всего против Булгакова, Бердяева, Новгородцева и Жуковского: Н. Рожков. Значение и судьбы новейшего идеализма в России (По поводу книги «Проблемы идеализма») // Вопросы философии и психологии. М., 1903. Кн. II (67). Март — Апрель. II отд. Но и он нашёл для них адвокатирующие слова: «в русском обществе прочно утверждается высокий взгляд на права человеческой личности. Эта идея нашла себе выражение в... основном положении идеалистической доктрины, и она-то, по моему мнению, и привлекает массу русского образованного общества к новому течению» (С. 318). Словно в обмен на это выступление в ВФП, марксистский журнал «Образование» нехотя,

Булгакову назвать ВФП «органом [идеалистического] направления». По его мнению, именно продемонстрированная в журнале «теоретическая правда философии идеализма» выявила и новую задачу — доказать ее «практическую правду». Дело было не только в переходе от «теории» к «практике», но и в преодолении явственно проявившегося в писаниях «идеалистов» 1902–1905 годов застоя самой их «теории». Не будет преувеличением сказать, что именно отсутствие чисто партийного органа вольно или невольно подчиняло необходимое философское исследование популяризации и пропаганде, требовавших от «теории» предельной стабильности и простоты. Отвоеванное «идеалистами» в ВФП философское представительство необходимо должно было дополниться *общественным* журналом «идеалистов»¹. Но силы направления были распылены, а его глава и инициатор Струве эмигрировал в Германию для издания «Освобождения». И все же — холодный прием, оказанный ПИ и «идеалистическому направлению» либерально-социалистической «позитивистской» интеллигенцией, политически единомысленной, но религиозно и философски враждебной «идеалистам», заставил Булгакова и Бердяева предпринять самостоятельные хлопоты о создании легального органа «идеалистов» в России. Они уже имели отрицательный опыт подобного рода. Еще в конце 1901 года, в целях пропаганды «критического направления» в марксизме, Булгаков планировал выкупить у издателя журнал «Научное Обозрение» и организовать собственное партийное издание². В свою очередь, в начале 1902-го Бердяев намеревался возглавить научно-критический отдел нового журнала «Маяк»³. Оба проекта не реализовались.

с редакционной оговоркой, опубликовал статью редкого марксиста, оправдывающего ПИ (его творчество и судьба заслуживают отдельного исследования): *И. Давыдов*. Идеалистический и реалистический моменты в общественной философии // Образование. СПб., 1904. № 12. II отд. Он рискованно для своих партийных товарищей написал в поддержку Бердяева: ««Борьба за идеализм» — вот тот лозунг, под знаменем которого совершается в настоящее время глубокий переворот в недрах марксистской мысли. Это «поворот к идеализму»...» (С. 113). Он поддержал пафос борьбы за идеал против Бернштейна с его отрицанием «конечной цели» (то есть коммунистической революции) (С. 123): «*Конечный идеал* есть нечто безусловное, это — предельное понятие» (С. 133). И — что примечательно для настоящего исследования — кажется, первым в марксистской среде употребил лозунг о «морально-религиозных запросах «взыскующих града»» (С. 153).

¹ С. Н. Булгаков. «Вопросы философии и психологии» в 1904 году // Вопросы Жизни. 1905. № 2. С. 300–302.

² С. Н. Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) / Публикация М. А. Колерова // Новый Круг. Кн. III. Киев, 1993. С. 249–252, 257.

³ Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве). С. 145–146. Известен лишь один журнал — «Маяк», «вестник литературы, искусства, науки,

1903 год принес новые надежды. Оставшиеся в России «идеалисты» объединили свои усилия, однако уже с самого начала союзничества Булгакова и Бердяева нельзя было говорить о том, что оно было равноправным (и в этом скрывалась одна из причин их дальнейшего расхождения). Подобно тому, как идейное развитие «направления» в 1902–1905 годах шло под преобладающим влиянием Булгакова, Булгаков же стал и в центре его издательских инициатив.

Будучи человеком догматического склада, Булгаков не склонен был (в отличие, например, от Струве) быстро и часто менять своих пристрастий и зачастую лишь в силу партийной лояльности или по инерции продолжал вести дело, уже потерявшее для него внутренний смысл. В рутинной практике журналов и организующейся вокруг них партийной среды Булгаков до конца исчерпывал идейные перспективы «направления» и свою общественно-политическую ангажированность. Много позже Карташёв писал: «Помню молодого С. Н. Булгакова с типично-интеллигентской наружностью, с рукой, энергично заложенной за грудь неизбывного сюртука, с черной, слегка взвихренной шевелюрой, с широким розовым лицом, обрамленным черной бородкой и энтузиастическими, лучистыми карими глазами¹. Весь — с трудом сдерживаемый пафос “оппозиции”, нетерпения и обличения. (...) Его внешнее положение всегда отставало от быстрого полета его внутренней эволюции»².

Но именно «внешнее положение» Булгакова точно указывало на предметные рамки, живую оболочку этой внутренней эволюции:

политики и общественной жизни», прошение об издании которого в Петербурге периодичностью один раз в две недели 30 марта 1903 года подал в Главное управление по делам печати А. А. Тихонов (Луговой), в конце 1890-х годов близкий к марксистам. Свидетельство о разрешении на издание журнала было выдано А. А. Тихонову (Луговому), однако лишь 1 апреля 1904-го. Но из-за недостатка средств Луговой им так и не воспользовался (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1725. Л. 1, 15, 17).

¹ Недоброжелательный критик, однако, вспоминал противоположное: «Помню баранью физиономию С. Н. Булгакова...» (*Константин Локс. Повесть об одном десятилетии (1907–1917)* / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // *Минувшее: Исторический альманах*. 15. М.; СПб., 1993. С. 42). И напротив — свидетельство от близкого к Д. Е. Жуковскому наблюдателя: «загорающийся взгляд его красивых тёмных глаз. Узкоплечий, несвободный в движениях, весь какого-то плебейского склада — прекрасны были у него только эти глаза. От времени марксизма сохранил он задор спора и так же бывал резок, жесток, нападая на инакомыслящих — будь ли то атеисты, теософы разных толков — ни ноты христианского духа примирения» (*Евгения Герцык. Испепеляющие годы* / Сост. Т. Н. Жуковская. М.; СПб., 2020. С. 204).

² А. В. *Карташёв. Мои ранние встречи с о. Сергием* // *Православная мысль*. Вып. VIII. Париж, 1951. С. 47, 52.

от социал-демократического марксизма — к трансмарксистскому социалистическому идеализму, затем — социалистическому христианству, затем — «христианскому социализму» и так далее. Единственное, что до сих пор мешает адекватно оценить смысл и стадии этой эволюции, так это неизбежно эзоповский, в условиях тогдашней цензуры, язык булгаковской публицистики и особая система политических умолчаний Булгакова и его среды. Поэтому, не вдаваясь в подробности, следует а priori иметь в виду, что центральной общественной идеей «идеалистов» вообще и Булгакова в частности в течение почти всего исследуемого в книге периода было свержение самодержавия и достижение максимальной политической свободы в России с последующим установлением в ней строя более или менее последовательного социализма, подчиненного экономической и религиозной «коммунистической перспективе». Этот-то подтекст и приходится расшифровывать в каждом из текстов «идеалистов» описываемого времени.

Глава 1 С. Н. БУЛГАКОВ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИДЕАЛИЗМ (1904–1905)

В августе 1903 года Булгаков написал принципиальное предисловие-манифест к первому сборнику своих статей «От марксизма к идеализму», подведя итоги своего марксистского и трансмарксистского развития. Его обширный текст требует внимательного перечитывания, ибо на деле стал первой подробной творческой автобиографией автора. Позволю себе обширно его процитировать, а не пересказывать, чтобы не потерять ни грана языка булгаковского самоописания. Это особенно важно потому, что вскоре, через два-четыре года после этого предисловия, язык мысли Булгакова уже существенно изменился и нет никаких оснований подчищать полноту и сложность его опыта, пафоса, эволюции под какой бы то ни было итог. Булгаков писал накануне нового периода своей идейно-политической борьбы:

«И в литературе, и в публике отношение между марксизмом и идеализмом нередко изображается совершенно превратно. Дело представляется таким образом, что некоторые пасынки марксизма по тем или другим соображениям (преимущественно практического характера) в подходящий момент капитулировали под сень идеализма, в мирную обитель звуков сладких и молитв. Идеализму приписывается при этом сплошное отрицание *всего* в марксизме, т. е. не только теоретических основ мирозерцания, но и его социально-политического *credo*, а следовательно, и исторических задач связанного с ним общественного движения. Считаю необходимым со всей возможной энергией отвергнуть здесь эту ложь, затемняющую в общественном сознании правильное понимание действительного развития и генерации мировоззрений.

Мое теперешнее идеалистическое мировоззрение складывалось в атмосфере социальных идей, марксизма и уже поэтому оно не есть, не может и не должно быть сплошным его отрицанием, напротив, оно стремится к углублению и обоснованию именно того общественного идеала, который начертан на знамени марксизма и составляет его душу. Можно в известном смысле сказать, что идеализм стремится выполнить относительно социального идеала ту службу, которую в марксизме служит

ему экономический материализм, является как бы новым фундаментом, подведенным под старое здание. Идеализм в России родился и стоит под знаком социального вопроса и теории прогресса. Он нужен его представителям не затем, чтобы уйти от земли и её интересов — на небо ли, или в “болото реакции”, или куда-нибудь ещё, — но чтобы придать абсолютную санкцию и тем непрерываемо утвердить нравственные и общественные идеалы; поэтому он не мирит с действительностью, а зовет к борьбе с ней во имя абсолютного идеала. Между марксизмом и идеализмом, при всей противоположности их в области “теоретического разума”, существует поэтому значительная близость в сфере “разума практического”, социальных стремлений и идеалов. Идеалы социальной справедливости и общественного прогресса, свободы и равенства, политического либерализма и социального демократизма или социализма с необходимостью вытекают из основных принципов философского идеализма; они не только не составляют монополии марксизма или какой-либо другой доктрины, но лишь на этих принципах и могут вообще обосновываться.

После томительного удушья <18>80-х годов марксизм явился источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным её бродилом. Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом запада практический способ действий, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению. (...)

Когда появилась (в 1896 году) книга Штаммлера, составляющая эпоху в социологической литературе, я счел необходимым выступить в защиту марксизма против сильного и опасного его критика. Но в конце концов я должен был, однако, признать, что в некоторых весьма существенных пунктах критика Штаммлера представляется неопровержимой. И даже тогда, когда мне ещё казалось, что все же удаётся справиться с Штаммлером, в результате полемики с Штаммлером (и со Струве о Штаммлере) пришлось признать стоящим вне всякого спора, что самый идеал марксизма даётся не наукой, а “жизнью”, является, стало быть, *вне-научным* или *не-научным*. Этот вывод для “научного” социализма, гордящегося именно научностью своего идеала, представляется в сущности довольно убийственным, хотя все его значение выяснилось для меня только позднее. (От *вне-научности* идеала недалеко уже до признания его и *сверх-научным*, т. е. до внесения в социологию постулатов метафизики и религии). (...)

Кант и в действительности оказался сильнейшим реактивом, разлагавшим марксистскую догматику. Важнейшим выводом, которым я обязан

критицизму, здесь является тезис о неспособности социологии к научным предсказаниям и установлению исторических “законов” (единообразий), с такой убедительностью доказываемый в новейшее время проф. Риккертом. Между тем научный социальный прогноз представляет интегральную часть всего марксизма, и с его отрицанием уничтожается не только *Zusammenbruchstheorie*, но и всякая вообще позитивная эсхатология. (...)

Таким образом почва постепенно уходила у меня из-под ног. От здания, которое ещё недавно казалось столь стройным и цельным, остались одни стены. Конечно, известные социально-политические требования, которые выставляются жизнью, сохраняют своё практическое значение и вне всякой теории и в этом смысле стоят выше теоретических контроверс. Но тем не менее мыслящий человек, естественно, стремится осмыслить эти разрозненные требования, — одухотворить их единством мировоззрения и идеала. И это-то единство, которое прежде давалось марксизмом, теперь было утрачено. Аналогичный кризис переживался марксизмом в это время и на западе, где он находится в связи с “Бернштейнианством”. Как бы мы ни относились к самому Бернштейну, начавшееся в недавнее время на западе перерождение марксизма в “Бернштейнианство” есть исторический факт, которого уже нельзя ни скрыть, ни игнорировать, хотя и далеко ещё нельзя считать завершившимся. Бернштейн вогнал клин в самую сердцевину марксизма и расколол его на две неравные части, различной прочности и различного значения. Критикуя тактику германской социал-демократии, призывая её к более внимательному и менее доктринерскому отношению к запросам действительной жизни, так сказать, к большей практичности, Бернштейн неизбежно должен был совершить нападение и на те утопические элементы марксизма, которые составляли его поэзию, сообщали ему черты религиозного верования. Наиболее разрушительной критика Бернштейна оказалась для *Zusammenbruchstheorie*, которая, однако, играла такую огромную роль в представлениях о *Zukunftstadt'e*. (...)

Бернштейнианство есть марксизм, обрезавший себе духовные крылья, лишенный прежнего религиозного воодушевления и идеалистического размаха, сведенный к проповеди малых дел социальной политики. Во многих из своих практических предложений бернштейнианство (несмотря на чрезмерный оппортунизм отдельных его представителей) правильно формулирует требования социально-политического реализма и в этом смысле представляет собой последовательное и исторически необходимое развитие марксизма в политике (особенно ценной нам представляется его позиция в аграрном вопросе); но в то же время нельзя не видеть, что оно убивает самую душу того же марксизма как общего мировоззрения. Теперь спрашивается, чем же заменить прежнее мировоззрение и заполнить

образовавшуюся пустоту? Можно ли найти выход из “кризиса марксизма”? Во всяком случае, очевидно, что необходимы новые усилия идейного творчества, новые искания. (...)

Такова совокупность мотивов, которые властно заставили меня подвергнуть пересмотру и критическому испытанию самые коренные устои прежнего мирозерцания и вновь поставить как будто давно уже решенные вопросы. (...)

Таким образом, вопрос о социальном идеале, который прежде целиком ставился и разрешался для меня в области позитивной марксистской социологии, постепенно извлекаясь отсюда, все яснее и яснее формулировался как религиозно-метафизическая проблема, затрагивающая самые глубокие корни метафизического мировоззрения и заставляющая звучать самые тонкие струны религиозного чувства. (...)

Существует два довольно определенно различающихся между собою типа идеалистического мировоззрения, два строя философской мысли. Первый можно определить, как *этический* идеализм, и основная его особенность состоит в том, что метафизикой развивается здесь по преимуществу этический мотив, и этической проблемой почти что исчерпывается её содержание. Величайшим представителем этического идеализма в классической древности был Сократ, в новейшее время — Кант и в значительной степени Фихте и все, кто идет за ними. Могучим представителем этического же идеализма у нас на Руси является Л. Н. Толстой, религиозно-этическая проповедь которого заставляет прислушиваться всех и согласных, и несогласных с ней. (...)

Философский идеализм другого типа более широко понимает задачи и возможности метафизики и не останавливается на одной этической проблеме, а стремится привести её в связь с проблемами онтологии, космологии, философии истории. (...) Поэтому в своем мировоззрении я стремлюсь найти органический синтез философии Соловьёва и принципов реальной политики, восполнив и в известном смысле достроив первую последней и возведя последнюю к общим философским основаниям. Такая задача, естественно, потребовала пересмотра основных проблем и задач экономической и социальной политики с точки зрения принципов философского идеализма. (...) в общих чертах переход от общих и отвлеченных начал философского идеализма к конкретным проблемам экономической и социальной политики. (...)

Руководящее начало, которое даётся философским идеализмом и религиозным миропониманием как основа государственной, экономической и социальной политики, есть идея абсолютного достоинства личности. Идея *свободы и прав человеческой личности*, “естественных и неотчуждаемых прав человека и гражданина”, — таков этот священный

принцип. И этого принципа не много и не мало, а как раз достаточно для обоснования всех освободительных стремлений нашего времени. Я не сомневаюсь, что этот лозунг будет принят и разделен, хотя бы по разным теоретическим основаниям, не только сторонниками философского идеализма разных оттенков, но и многими его противниками, и этим устанавливается, при всем различии философских мировоззрений, известное единство и общность практических задач. И мне кажется, что во имя этого практического единства, выражающегося в одинаковом понимании исторических задач нашего времени и приводящего к общей программе действий, было бы грехом перед историей превращать теоретические разногласия в междоусобную брань и взаимной нетерпимостью раздроблять общественные силы. Ради необыкновенной, можно даже сказать торжественной важности переживаемого исторического момента и ради его необыкновенной трудности нам нужно рождающее силу единение, чтобы дружно сомкнутыми рядами идти навстречу багровеющему востоку, где уже занимается новый день русской истории»¹.

30 сентября 1903 года только что вернувшийся из научной командировки в Германию (где он был лично связан с «Освобождением» Струве и, видимо, по результатам разговоров с ним), близкий знакомый Жуковского и Аскольдова, приват-доцент Петербургского университета философ Н. О. Лосский подал в Главное управление по делам печати МВД прошение о разрешении на издание «в СПб без предварительной цензуры ежемесячного журнала» под названием «Вопросы Жизни»².

¹ С. Н. Булгаков. От автора // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 1: От марксизма к идеализму [1903] / Сост. В. В. Сапов. М., 1997. С. 3–4, 7–11, 13–15.

² Несмотря на то, что формулой «вопросы жизни» буквально испещрена классическая «Исповедь» (1881–1882) Льва Толстого, название журнала легче всего может быть возведено к уже процитированному предисловию Новгородцева к сборнику «Проблемы идеализма» («не одни отвлеченные интересы мысли, а прежде всего сложные вопросы жизни, глубокие потребности нравственного сознания выдвигают проблему о должном...»), однако для деятелей «идеалистического направления», идейно сформировавшихся и созревших в XIX веке, гораздо более значимым было имя известного дневника Н. И. Пирогова (1810–1881) «Вопросы жизни» (в 1900-м, кстати, переизданного в составе его Собрания сочинений). Франк позже писал: «Эта книга-дневник... принадлежит, несомненно, к классическим произведениям русской литературы XIX века... по своей духовной глубине книга эта достойна быть поставлена в один ряд с «Былым и думами» Герцена (...) общее своеобразие мысли Пирогова заключается в сочетании в ней интереса к объективному, теоретически-философскому постижению с интересом чисто религиозным» (С. Л. Франк. Пировов как религиозный мыслитель // С. Л. Франк. Русское мировоззрение. Сб. СПб., 1996. С. 341). Еще более важным является свидетельство старшего брата

Он познакомился с Д. Е. Жуковским в 1898 году как переводчик философской литературы с её издателем¹. Программа проектируемого издания полностью совпадала с программой классического толстого журнала: беллетристика, научные статьи, критика и библиография, внутреннее, иностранное и литературное обозрения². Трудное положение, в котором в 1903 году оказалось «идеалистическое направление» на перекрестке критики и без полноценного «органа», делало журнал Н. О. Лосского и его друзей из авторского коллектива ПИ потенциальным органом направления независимо от их личных пристрастий и планов. Известно, впрочем, что не Жуковский и не Аскольдов стали инициаторами журнала. Пожалуй, даже его название было подсказано «идеалистами». Имя «Вопросы Жизни» прямо восходило к идеологически-языковой традиции левой интеллигенции, в которой склонность человека к обсуждению так называемых «вопросов [общественной жизни]» носило не столько научно-проблемный, сколько идеологический характер, и свидетельствовало об особом политическом и общественном темпераменте³. С другой стороны, памятуя необходимость

П. Б. Струве — В. Б. Струве, который в своем хвалебном отклике на сборник «Вехи» сравнил его по выдающему идейному значению с «Вопросами жизни» Н. И. Пирогова («Вехи» в откликах современников / Публикация М. А. Колерова // Отечественная философия. Вып. VII: «Вехи» и «веховцы». М., 1992. С. 34–58). См. также контекст этого словоупотребления: Ср.: — ар -. Вопросы Жизни [sic!] к.-д. партии // Московский Еженедельник. М., 1907. № 19. 19 мая; В. А. Вагнер. Биологические теории и вопросы жизни. СПб., 1910; Д. Овсянко-Куликовский. Вопросы времени // Вестник Европы. СПб., 1914. Кн. 3, 4, 5; [Раздел в обзоре:] Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. Пг., 1915. Кн. 7; А. В. Иноходцев. Вопросы тыла // Русские Записки. Пг., 1915. № 5; № 8; № 10; № 11 и так далее; Л. Троцкий. Вопросы быта. М., 1923. Чуткий современник уже много позже в эмиграции писал об это словоупотреблении: «... Проблема — не совсем то же самое, конечно, что “вопрос”. Но в девяти случаях из десяти можно без ущерба вместо “проблемы” сказать “вопрос”, и даже в десятом, неудачном случае “вопрос” всё-таки лучше» (Георгий Адамович. Собрание сочинений. «Комментарии» / Сост. О. А. Коростелёв. СПб., 2000. С. 440).

¹ Н. О. Лосский. Воспоминания. Жизнь и философский путь [1968]. М., 2008. С. 90.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1784. Лл. 1–2.

³ См., например, роман известного своей «фотографичностью» П. Д. Боборыкина «На ущербе» (1892): «Он любил потолковать о “вопросах”, считал себя очень начитанным...» (Собрание романов, повестей и рассказов П. Д. Боборыкина в 12 томах. Т. 5. СПб., 1897. С. 175). См. свидетельство марксиста 1890-х С. И. Мицкевича об адекватности изображения настроений интеллигенции в этом романе Боборыкина: Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Изд. 7. Т. 41. Вып. 2. Приложение: Деятели

перехода от «теории» идеализма к его «практике», название «Вопросы Жизни» (впервые глухо прозвучавшее, кстати, в предисловии Новгородцева к «Проблемам идеализма»¹) впрямую отсылало к имени «теоретического» пристанища «идеалистического направления» — «Вопросам философии и психологии»².

Согласно воспоминаниям Лосского, «получить разрешение на издание журнала можно было лишь под условием, чтобы редактором журнала было лицо, не скомпрометированное в глазах правительства политически. Булгаков и Бердяев не могли, конечно, получить разрешение на свое имя и решили обратиться ко мне с предложением взять на себя номинально звание редактора. Знакомство с этими двумя общественными деятелями, которые с течением времени стали все более отдавать свои силы философским и, наконец, религиозно-философским проблемам, было очень приятно. Познакомившись с программой журнала, я согласился числиться редактором его, фактически не беря на себя никакой работы и, естественно, не претендуя на вознаграждение. Финансовая сторона дела находилась в руках благотворителя ПИ Д. Е. Жуковского, имевшего тогда значительные личные средства и использовавшего их для издания философской литературы; хлопоты в Главном Управлении по Делах Печати также были возложены на него. Самое печальное было то, что для получения разрешения надо было дать взятку видному чиновнику, через руки которого проходили дела о периодических изданиях». Взятка суммой в несколько сот рублей и была передана Жуковским и Лосским кому следует³. Уже 2 октября 1903 года Главное управление по делам печати обратилось в другое подразделение МВД — Департамент полиции — с традиционным в подобных случаях запросом о наличии «неблагоприятных сведений» о Лосском. Через два дня Департамент дал положительное заключение, а 25 октября 1903 года об отсутствии предосудительных сведений о Лосском в Главное управление по делам печати сообщил и Санкт-Петербургский градоначальник⁴.

СССР и Октябрьской Революции. (Репринтное переиздание: М., 1989). II паг. Стлб. 46. Ср.: Дионео. Вопросы дня // Одесский Листок. № 123. 11 (24) мая 1900 г.; № 189. 2 (15) июля 1900 г.. То же, но под синонимичными названиями: Дионео. Темы дня // Одесский Листок. № 65. 9 (22) марта 1900 г.; № 185. 27 июня (10 июля) 1900 г.; Дионео. События дня // Одесский Листок. № 28. 30 января (12 февраля) 1901 г.

¹ Проблемы идеализма. С. VIII.

² Свидетельством того, что эта связь хорошо осознавалась создателями журнала, может служить позднейшая статья С. Булгакова ««Вопросы философии и психологии» в 1904 году».

³ Н. О. Лосский. Воспоминания. Мюнхен, 1968. С. 138.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП-III. 1903. Д. 316. Ч. 199. Лл. 1–5.

Лосского (и Жуковского), видимо, очень торопили с учреждением «Вопросов Жизни». Торопили настолько, что еще до подачи Лосским его ходатайства, скорее всего, Булгаков обратился за содействием к одному из авторов ПИ, своему единомышленнику и коллеге — профессору Киевского университета Е. Н. Трубецкому. 22 октября 1903 года Е. Н. Трубецкой составил рекомендательное письмо главе Главного управления сенатору Н. А. Звереву¹. Видимо, апеллируя к своим аристократическим связям, профессор писал: «Многоуважаемый Николай Андреевич. В скором времени поступит, если не поступило еще на Ваше разрешение, дело об издании нового журнала “Вопросы Жизни” под редакцией Лосского, который предназначается стать органом идеалистического направления. Если возможно, будьте добры посодействовать разрешению столь симпатичного издания. Искренно вас уважающий Кн. Е. Трубецкой»². Неизвестно, это ли письмо повлияло на окончательное решение Управления или взятка, но уже 13 ноября Лосский был приглашен на собеседование в Главное управление, и 13 декабря разрешение Лосскому было выдано без каких-либо изменений в программе³. Все остальное зависело от финансовых средств Жуковского как издателя. Его политическая деятельность, несомненно, вызывала подозрение у Департамента полиции. Но негласный надзор полиции за ним был прекращен в феврале 1902-го, и власти не имели формальных оснований к тому, чтобы воспретить Жуковскому стать официальным издателем журнала.

Конкретная роль Булгакова в проектируемом журнале неизвестна, но очевидно, что создатели журнала отвели Булгакову в нем одно из важнейших мест, наделявшее его правом самостоятельного приглашения сотрудников, то есть правом, по крайней мере, соредактора. Булгаков — как возможный фактический редактор, титульное лицо издания. Даже символистский журнал «Весы» в 1904 году рассматривал кандидатуру Булгакова⁴. Из писем Булгакова, например, к М. О. Гершензону следовало,

¹ В мемуарном очерке о Булгакове в одном из выпусков «Апокалипсиса нашего времени», описывая профессорскую среду Булгакова в Московском университете и Юридическом обществе (где он был активным членом), Розанов упоминает Н. А. Зверева: В. В. Розанов. Апокалипсис нашего времени / Собрание сочинений под ред. А. Н. Николюкина. М., 2000. С. 254. Н. А. Зверев (1850–1917) — юрист, профессор Московского университета, начальник Главного управления по делам печати (1902–1905), член-учредитель и почетный член Московского психологического общества. О нем: А. В. Мезьер. Словарь русских цензоров. Материалы по библиографии по истории русской цензуры. М., 2000. С. 53.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1784. Л. 5.

³ Там же. Ф. 777. Оп. 5. Д. 112. Лл. 9, 1, 11.

⁴ Н. А. Богомолов. ...И другие действующие лица // Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М., 2009. С. 41.

что практическое воплощение замысла было намечено едва ли не на середину 1904 года¹. Что же касается политического духа зачинаемого издания, то о нем легко судить по современным ему общественным акциям Булгакова. Если нелегальная активность Булгакова в рамках «Союза Освобождения» (в руководство киевской группы «Союза» входили, помимо Булгакова, Бердяев, Е. Н. Трубецкой, В. В. Водовозов и др.) оставалась вне массовой огласки, то его публичные выступления — в печати и с лекциями — определенно снискали ему широкую популярность среди киевских интеллигентов. По воспоминаниям тогдашнего киевского студента В. В. Зеньковского, уже в 1902 году Булгаков «имел всероссийскую славу (...) На его лекции стекалась молодежь со всего Киева, приходило до 1000 и больше человек»². Зеньковский вспоминал о своей, студента, встрече с тогдашним всего лишь 33-летним Булгаковым: «Он уставился на меня как-то неподвижно, взгляд его глаз был для меня тяжёл. (...) Я не чувствовал робости перед знаменитым уже тогда «лидером» русской интеллигенции (...) Я чувствовал какую-то значительность в отце Сергии...»³

Что такое для Киева того времени аудитория в 1000 человек? Это высший, недостижимый для обычного деятеля успех. Для сравнения — это 1000 бесплатных билетов и 1000 недорогих для концерта великого Фёдора Шаляпина в Киеве в 1906 году, общую численность зрителей которого он определял в 5000 человек. «Эй, дубинушка, ухнем!» — пел тогда вместе с Шаляпиным весь этот народ⁴.

11 января 1904 года вышел в свет и немедленно попал под арест и цензурное запрещение № 1/2 киевского еженедельника «Юго-Западная

¹ В ожидании Палестины. 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897–1925 / Публикация М. А. Колерова // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М., 1992. С. 130.

² Есть и более скромные оценки, но тоже весьма красноречивые, по данным полиции: «Число [дополнительных к регулярным 100–150 студентам — М. К.] слушателей-разночинцев, не имевших права входа на лекции, достигало обыкновенно 100 и более человек, бывали случаи, что собиралось 300–400 человек» (О. К. Локтева. Неизвестная статья С. Н. Булгакова (1904) // Россия и Реформы. Вып. 2. Сб. ст. / Сост. М. А. Колеров. М., 1993. С. 67). Недруг и критик Булгакова, социал-демократ и марксист, а позже и сам — религиозный «богостроитель» А. В. Луначарский признавался: «Я прочёл в газетах о небывалой овации, вызванной в Киеве лекцией господина Булгакова об Иване Карамазове. Лектора чуть ли не носили на руках» (А. Луначарский. Русский Фауст // А. С. Глинка (Волжский). Собрание сочинений. Кн. 1 / Сост. А. Резниченко. М., 2005. Приложение. С. 691).

³ В. В. Зеньковский. Из моей жизни. Воспоминания / Сост. О. Т. Ермишин. М., 2014. С. 251–252.

⁴ Ф. И. Шаляпин. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах [1934]. М., 1989. С. 145, 306.

неделя». Обновленный накануне нового года состав сотрудников еженедельника (в него вошли Булгаков, Бердяев, В. В. Водовозов, В. В. Зеньковский, И. С. Книжник, В. Н. Лашнюков и др.) выступил в нем с новой программой определенно социалистического толка (отдающей, конечно же, дань и общелиберальным задачам дня). Программа выдвигала два главных требования: «В области социальной — свобода личности и всестороннее развитие ее во всех проявлениях индивидуальной и общественной жизни. В области экономической — научная разработка экономических вопросов и освещение их с точки зрения труда [пролетариата]».

Но не программа сама по себе стала причиной закрытия еженедельника, а опубликованная в нем статья Булгакова «С Новым годом!». Привычно подкрепляя свои заявления именем и мыслями В. С. Соловьева (как правило, из его «Национального вопроса»), Булгаков писал (в квадратных скобках я предложил содержательные разъяснения для подцензурных формул, прибегавших к уловкам «эзопового языка»):

«Вопрос об усвоении западных [конституционных] форм жизни никогда еще не достигал такой остроты, необходимость их усвоения никогда еще не выяснялась до такой степени в общественном сознании, как теперь (...) И несмотря на все это русская жизнь с прежним и даже большим упорством, с какой-то тупостью противится общественному мнению передовых классов [пролетариата и его союзников], и стальные острые зубцы вонзаются в живое тело, калеча, уничтожая молодые побеги... Близится решающий бой [революция]... Разрозненные усилия отдельных лиц [интеллигентов-пропагандистов] складываются в организованную общественную силу [рабочую партию]... Протягивается могучая мускулистая рука [пролетариата], на призывный клич к сознательному отстаиванию права раздается ответный гул сотен и тысяч голосов, который становится все громче и раздельнее; ведь от одних трубных звуков пали некогда стены Иерихонские! Какой величественный и знаменательный момент русской истории мы переживаем! На одной стороне героизм, искание правды и справедливости, борьба за человеческое достоинство, национальный ренессанс, а что на другой? (...) Пожелаем же, чтобы и в настоящем году не притупилась общественная совесть, обострились далее общественные противоречия русской жизни, приближая день ее возрождения, день победиле ее исторического Аримана»¹.

Эзопов язык, естественно, возбранял чрезмерную откровенность, но и без толкований было очевидно, что под Ариманом Булгаков понимал не только, вслед за Салтыковым-Щедриним и Соловьевым, политическое зло «исторической власти» — самодержавия, — но и зло социально-экономическое — капитализм.

¹ О. К. Локтева. Неизвестная статья С. Н. Булгакова (1904) // Россия и реформы. Сб. ст. Вып. 2. М., 1993. С. 67, 74–76.

Всем этим социал-демократическим лозунгам и должны были служить «Вопросы Жизни» (далее — ВЖ). Но воплощению замысла чуть было не помешала «авария» с издателем Д. Е. Жуковским, 25 апреля 1904-го арестованным на границе с контрабандой «брошюр и прокламаций преступного содержания» (в первую очередь — «Освобождения» Струве, каковое Булгаков в очередной публичной речи в Киевском Литературно-Артистическом Обществе 19 февраля 1904-го рекомендовал присутствующим в качестве политического образца)¹. 8 июня Булгаков писал Гершензону: «К сожалению, мы потерпели аварию, которая ставит под сомнение самое существование журнала из-за отсутствия достаточно прочного материального базиса. Главная причина — арест Жуковского, который еще сидит. Однако мы не потеряли надежды наскрести средства и открыть журнал. Вопрос выяснится осенью...»² Осень, начало нового академического года и общественно-политического сезона, оставалась контрольным сроком для старта журнала.

Со слов соредатора Булгакова — Бердяева, — его знакомый по вологодской ссылке писатель А. М. Ремизов³ в частном письме от 2 апреля так описывал ситуацию: «С октября в СПб. будет издаваться новый журнал, во главе которого будет стоять Н. А. Бердяев, кн. Трубецкой с одной стороны, и Бальмонт, Брюсов с другой. Журнал назовется “Вопросы Жизни”. (...) Редактором отдела поэзии будет Саблин» (8 мая 1904 он сообщил, что информация о журнале исходила от Бердяева)⁴. В тот же день 2 апреля Ремизов информировал другого товарища Бердяева по вологодской ссылке, П. Е. Щеголева: «Получил от Н. А. Бердяева» письмо. Издавать собираются журнал: *Вопросы Жизни* в СПб. (с октября). Булгаков, Бердяев, Новгородцев [так!] и т. д. Редактором отдела поэзии [В. М.] Саблин. Н. А. Б. переселяется в Петербург. Вам, наверно, будет почетное приглашение». В частном письме от 6 апреля 1904 года М. О. Гершензон, видимо, со слов

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1784. Л. 37. Существует и иная, архивно не подтвержденная версия «аварии»: согласно ей «выяснилось, что [переводчик и издатель] В. М. Саблин, согласившийся вначале финансировать издание, отказался от этого предприятия» (Письма молодого Бердяева / Публикация Д. Барас [А. Б. Рогинского] // Память. Исторический сборник. Вып. 4. Париж, 1981. С. 242, прим. 3 (примечание публикатора).

² В ожидании Палестины. 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897–1925. С. 130.

³ Подробные дневниковые свидетельства Ремизова о «Вопросах Жизни» см.: Алексей Ремизов. Кукха. Розановы письма [1923] / Изд. подготовила Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 7–11, 15, 19–21, 27, 29, 33, 42–43, 60–61, 190, 335–337, 344, 359–360, 365–366.

⁴ Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост. П. Альберга Энсена и П. У. Меллера. Copenhagen, 1976. С. 25, 27.

Булгакова, анонсировал: «1 ноября начнет выходить журнал идеалистов «Вопросы Жизни» (П. И. Новгородцев и С. Н. Булгаков)»¹.

Итак, согласно приводимым сведениям о ВЖ, весной 1904-го проект журнала во многом отличался от того, что получилось в итоге. Во-первых, примечательно лидирующее участие в журнале Е. Н. Трубецкого и Новгородцева, что объясняет и упомянутое вмешательство Трубецкого в дело учреждения ВЖ, и особую связь ВЖ с ПИ и академической философией в лице Новгородцева. И тот, и другой в реальном журнале оказались на вторых и третьих ролях. Примечательно также, что вынужденные строить самостоятельную беллетристическую политику Булгаков и Бердяев планировали вступить в соглашение с Брюсовым, только что предпринявшим издание конкурентного «Новому Пути» собственного журнала «Весы». Что же касается Ремизова, то он сам, хлопотавший о публикации своих сочинений в «Новом Пути», возлагал особые надежды на беллетристическую часть ВЖ. Ремизов сообщал Брюсову 18 июня 1904-го: «В Киеве попытаюсь поговорить с Бердявым, не возьмет ли он “В плену” для “Вопросов Жизни”»².

11 августа 1904-го, благодаря амнистии, объявленной Всемилютейшим Манифестом, дознание против Жуковского было прекращено и он получил право на издание печатного органа.

Пока вызревали ВЖ, а издатель журнала Жуковский преодолевал сопротивление закона, весной-летом 1904 года там же, в Петербурге, возник параллельный проект, который, казалось, мог удовлетворить надеждам «идеалистов».

Созданный в 1903 году участниками петербургских Религиозно-философских собраний (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, П. П. Перцов, В. В. Розанов и др.) ежемесячный журнал «Новый Путь» (далее — НП) в начале 1904 года столкнулся с идейными и финансовыми трудностями. Его программа звучала довольно жестко по отношению к идеологии оппозиционной интеллигенции, но, несмотря на жесткую критику круга НП, высказанную со страниц «Освобождения» Булгаковым и Бердяевым, вполне в духе ПИ: «Прежнее утилитарно-позитивное мирозерцание, не включавшее в себя ни искусства, ни философии, ни даже науки во всей возможной их сложности, уже бессильно

¹ Из архива М. О. Гершензона. I. Письма А. М. Ремизова / Публ. Т. М. Макагоновой // Река времен. Кн. 3. М., 1995. С. 169, прим. 1.

² [В. Я. Брюсов.] Переписка с А. М. Ремизовым / Публикация С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 178, 176. См. кстати отдельное издание: Валерий Брюсов и Пётр Струве. Переписка. 1906–1916 / Сост. и подг. текста А. В. Лаврова. СПб., 2021.

ответить на запросы современного сознания и на наших глазах сменяется иными исканиями». Лишь политическая индифферентность отличала НП от ПИ. Поэтому-то, по воспоминанию З. Н. Гиппиус, у оппозиционной «утилитарно-позитивной» интеллигенции «всякое [произнесенное в НП] слово мистики считалось безумием, а слово религии — предательством»¹. Нельзя было, однако, не заметить, что НП и его сотрудники не во всем соответствовали тем резким квалификациям, которыми их наградили авторы ПИ. В первых же своих декларациях НП практически одновременно с «идеалистами» выступил с признаниями общественной роли религии, высказался за свободу совести и реформу официальной церкви, призвал соединить «личную правду сороковых годов» с «общественной [правдой] шестидесятых». В отличие от своих социалистических конкурентов, НП лишь подчинял личную и общественную «правды» — правде о Боге, уповал на Реформацию «не снизу, а сверху» и не мог скрыть своего отрицательного отношения к (марксистскому и социал-либеральному) общественному движению 1890-х годов, преемственность которому демонстрировали «идеалисты».

В 1904-м, по мере растущей политической активности русского общества, круг НП оказался перед необходимостью встроить «веяния времени» в свою религиозную программу. «Общественные» веяния в НП усилились в апреле 1904-го, когда Мережковские приняли на должность секретаря редакции Г. И. Чулкова, только что вернувшегося из ссылки в Восточную Сибирь, послужившей ему наказанием за участие в революционном студенческом движении. Чулков начал вести в журнале отдел внутренней хроники, открывший страницы НП для политической актуальности. Такое нововведение оказалось тем более важным, что с февральского номера 1904 года в НП прекратилась публикация протоколов Религиозно-философских собраний, закрытых обер-прокурором Св. Синода 5 апреля 1903 года. Как вспоминала Гиппиус, без протоколов Собраний общественная идеология НП утратила свое «главное подспорье». Заколебалась и основа финансовая. Иссякли пожертвования, упала подписка, «денег... хватало всего на первые девять книжек 1904 года»².

Ещё в начале 1904 года А. В. Ельчанинов установил личный контакт с редакцией журнала Мережковских «Новый Путь» как потенциальный

¹ Антон Крайний (З. Гиппиус). Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. С. V.

² Д. Максимов. «Новый Путь» // В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930. С. 160. Эта работа, а также посвященная НП и ВЖ глава И. В. Корецкой в коллективной монографии «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века» (М., 1982. С. 179–233), избавляют меня от необходимости характеризовать литературно-художественное направление журналов.

автор и представитель своего кружка, включая П. А. Флоренского и В. П. Свенцицкого¹. Весной же 1904-го в непосредственной близости от круга Мережковских вынашивалась еще одна издательская идея, которая прямо отталкивалась от опыта НП и которой в значительной степени суждено было реализоваться в рамках ВЖ. Речь идет о проекте юношеского кружка, сформировавшегося вокруг уже упомянутого в связи с ПИ семинария С. Н. Трубецкого по истории философии в Московском университете (В. Ф. Эрн, В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский и др.). В апреле-мае 1904 года П. А. Флоренский обращался к представителю круга Мережковских Андрею Белому: «Я говорил, кажется, Вам о журнале, который когда-ниб<удь> мы станем издавать. Он, мне кажется, к Вам подходит по своему направлению и задачам будет». И разъяснял: «Журнал должен быть посвящен вопросам религии, причем можно подступаться со всех сторон к ним: от философских и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические (напр., как Ваши стихи) — вот диапазон “Нов. Пути” [которому он] во многом не удовлетворяет; редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить и т. д. (...) Среди других, Вам известных лиц (т. е. Эрн, Свенцицкий), будут еще Ельчанинов и кое-кто, кого Вы не знаете»². Вероятно, Флоренский имел в виду заведующего литературно-критическим отделом «Журнала для всех» А. С. Глинку (Волжского) (1878–1940), будущего сотрудника ВЖ, в 1903-м прославившегося тем, что наперекор общему отрицательному мнению печатно поддержал искания авторов ПИ. Таким образом, на общем журнальном поле с НП весной 1904-го возникли брюсовские «Весы», готовились ВЖ и задумывался журнал Эрна и Свенцицкого.

В этих условиях Д. В. Философов, с июня 1904-го разделивший официальное редакторство с Перцовым, а с июля — установивший «единовластие», сделал первые шаги навстречу «идеалистам», не всегда верные слухи о больших материальных возможностях которых (вернее, Жуковского), наверное, дошли и до НП. Уже в июле 1904-го, обширно и сочувственно цитируя Булгакова, Философов, некогда упрекавший ПИ в отсутствии религиозного начала, писал: «Нашим прогрессистам надо понять, наконец, что единственный рычаг, могущий сдвинуть мир с места, находится не в руках человека. (...) Это как будто поняли идеалисты... Они ребром поставили вечные вопросы жизни и духа, и пытаются дать им удовлетворительное решение при помощи идеалистической религии».

¹ Переписка 1903–1908 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским // Вестник ПСТГУ. Сер. I. Богословие. Философия. М., 2011. Вып. 1 (33). С. 87 и сл.

² Письма П. А. Флоренского к Б. Н. Бугаеву (А. Белому) // Вестник РХД. № 114 (1974). С. 149–151.

Но потенциальным союзникам ставилось условие: «им надо перестать испытывать Бога и обратиться к внутреннему мистическому опыту (...) “Новый Путь” почувствовал необходимость такого перевала в нашем сознании от идеализма к мистицизму»¹. В августовском номере журнала рецензент НП шел дальше и уже выделял участников ПИ из числа всех других левых теоретиков: «Требование высшей санкции для практической жизни сознается ими необыкновенно ясно; их критерии и принципы “прошли чрез горнило сомнений”»². К концу лета 1904-го в кругу Мережковского и Философова и созрел проект соединения еще не родившихся ВЖ с действующей редакцией журнала НП. З. Н. Гиппиус вспоминала об историческом контексте и мотивах этого проекта следующее: «Общие события лета и осени 1904 года памятны всем: убийство [эсером министра внутренних дел, шефа отдельного корпуса жандармов] Плеве, “весна” [сменившего Плеве либерального] Святополка-Мирского, — банкеты [“банкетная кампания”]. У нас были свои частные события: привлечение в журнал “Новый Путь” так называемых “идеалистов” (Булгакова, Бердяева и др.) (...) “Новый Путь”, по многим причинам разнообразного характера, мы решили 1904 годом закончить и, конечно, желательнее было его кому-то передать. Одна из причин была та, что мы хотели уехать года на три за границу. Срока отъезда мы, впрочем, не назначали и если б удалось привлечением новых людей к журналу перестроить его так, как того требовало время (не изменяя, однако, его основ), мы рады были бы его продолжать. Короче и яснее — “Новый Путь”, журнал религиозный, был слишком индивидуалистичен, ему недоставало струи общественной. “Идеализм” группы Булгакова-Бердяева был тем мостом, по которому эта группа вчерашних чистых общественников (эс-деков) переходила к религии — может быть, сама еще того не зная...»³ Выбор НП отчасти проясняет ход рассуждений редакции журнала, приведенный в других мемуарах Гиппиус: «Где искать людей, которые могли бы поставить и вести журнал в области общественно-политической? Таких притом, с какими наш журнал не утерял бы совершенно и окончательно первоначального своего облика и главного задания. Кроме группы “идеалистов” не было

¹ Д. Философов. Искусство и жизнь. Верхарн и Вандервельде // Новый Путь. 1904. № 7. С. 233–235. Примечательно впервые появляющееся в НП красноречивое соединение имен известных бельгийцев (при том, что для рубежа XIX/XX веков Бельгия служила одним из ярких примеров капиталистической эксплуатации и пролетарской борьбы): эстетически чуткого к социальным проблемам (подобно скульптору и художнику Константену Менье) поэта Верхарна и его друга — социалиста Вандервельде.

² С. К. [С. А. Бердяев]. Философия и направления // Новый Путь. 1904. № 8. С. 231.

³ З. Н. Гиппиус. Живые лица. Вып. 1. Прага, 1925. С. 26.

никого»¹. Отмеченное выше совпадение антипозитивистской программы НП и ПИ служило достаточным основанием, по крайней мере, для переговоров. Единственным препятствием могло служить лишь чисто политическое отторжение «идеалистов» от НП, каковое и требовалось преодолеть в первую очередь. Поэтому особое значение приобретало присутствие в лагере «идеалистов» Бердяева, на некоторую близость с которым могли рассчитывать Мережковские². Год спустя их расчеты подтвердились, но пока собственного веса и авторитета для влияния на ход переговоров с НП Бердяеву явно не хватало. Расчеты редакции НП могли основываться и на том, что еще в 1899 году с Мережковскими познакомился — в качестве редактора журнала «Начало», унаследовавшего беллетристическую часть редакционного портфеля журнала «Северный Вестник», — Струве. Но вряд ли Струве был в силах из эмигрантского удаления как-либо повлиять на сближение с НП.

Логика событий вновь передавала инициативу в руки Булгакова, «идеалиста», партийней и непримиримей других настроенного в отношении НП и, в частности, Мережковского. Секретарь редакции НП Г. И. Чулков вспоминал: «Когда Мережковские вернулись из заграничной поездки, они впервые заговорили о привлечении к журналу Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и прочих философов. Сделать это было не так просто. До знакомства со мной [в марте 1904-го?] Мережковские пытались вести переговоры с этими писателями, но безуспешно»³. З. Н. Гиппиус в конце жизни вспоминала об этих переговорах: «Булгаков ни на что не соглашался»⁴. В конце июля 1904-го в Крым, в Кореиз (близ Ялты), где в имении родителей жены проводил лето Булгаков, от имени НП направился Чулков. Судя по его письмам к А. М. Ремизову, 27 июля он выехал «по редакционным делам» с тем, чтобы возвратиться в Петербург 8 августа⁵. К приезду Чулкова в Крым и подоспел дружелюбный отклик Философова на писания Булгакова в июльской книжке НП: вероятно, Чулков и лично рекомендовал ему статью Философова. Булгаков был рад эмиссару и хвалил новую, политизированную ориентацию НП. От имени редакции Чулков

¹ З. Н. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский // Серебряный век. Мемуары. М., 1990. С. 105–106.

² В НП его брат, С. А. Бердяев, в качестве автора традиционных обзоров философской жизни Киева в журнале, опубликовал стенографический отчет о публичной полемике Бердяева. См.: Б. Ратнером по поводу «Проблем идеализма» (1904. № 3. С. 212–242).

³ Г. Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 59.

⁴ Зинаида Гиппиус. Собрание сочинений. Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа [1944] / Подг. текста Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. М., 2019. С. 148.

⁵ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 249. Лл. 65, 67 об.

пригласил «идеалистов» к участию в НП. Однако формы их участия остались не определены, да и само предложение НП, по-видимому, стало для Булгакова неожиданностью. Во всяком случае, он решил обдумать его и посоветоваться с ближайшими единомышленниками. Заручившись еще 31 мая разрешением на официальную научную командировку от Киевского политехнического института за границу¹ и планируя использовать ее для участия в очередном собрании руководителей «Союза Освобождения» в Шварцвальде (Южная Германия), во второй декаде августа 1904-го Булгаков выехал за границу. Здесь он, видимо, встретился с Бердяевым и сообщил ему новости о НП. Узнав от Булгакова о сделанном ему предложении, Бердяев в письме из Швейцарии спрашивал у Струве совета (курсив мой. — М. К.): «Нам, т. е. главным образом мне и Сергею Николаевичу [Булгакову], предлагают вступить в редакцию “Нового Пути” на очень выгодных условиях. Для этого к Серг. Никол. специально приезжал в Крым официальный делегат от “Н. П.”. Комбинация такова, что мы делаемся фактическими хозяевами журнала и приобретаем целый ряд талантливых сотрудников, *которых и без того желали иметь у себя в журнале*. Розанов может быть совершенно устранен, так же как и некоторые другие подобные писатели. Но нам навязывается в качестве редактора Философов. Клянутся, что он человек [политически] *очень радикальный* и что с ним легко иметь дело. Какого Вы об этом мнения, считаете ли Вы эту комбинацию приемлемой? Это, конечно, в том случае, если нельзя будет создать собственного журнала за недостатком денег, что очень возможно. А тут мы получаем уже готовый журнал с поставленной хозяйственной частью (у журнала 2500 подписчиков и он почти окупается)². Фактически же разница будет только в заглавии. Но удастся ли нам [преодолеть] тот предрассудок, который существует относительно “Нового Пути”; согласятся ли у нас писать [критикуемые в НП] позитивисты, без которых мы не можем создать конкретной публицистики? Прежде всего, согласны ли Вы *и в случае*, если мы возьмем “Н. П.”, принимать *близкое участие* в журнале? Серг. Ник. считает возможной эту комбинацию, если собственный журнал не удастся, я тоже, но предвижу *решительный протест Павла Ивановича*

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1784. Л. 33 об.

² Бердяев и Булгаков были дезинформированы о действительном финансовом положении НП. Данные о 2500 подписчиках восходят к опубликованной в журнале информации за 1903 год (НП. № 12. С. 225–226: 2558 подписчиков, из них в Петербурге — 445, в Москве — 247, провинции — 1822, за границей — 44). В 1904-м же году тираж НП составил лишь 2000 экземпляров, причем оплаченных подписчиками было немногим более половины (Д. Максимов. «Новый Путь». С. 226), что, разумеется, не обеспечивало «поставленной хозяйственной части».

[Новгородцева] и многих сотрудников... Лучше, конечно, создать “Воп. Жизни”, но, если это окажется невозможным, то почему не попробовать создать их под названием “Нового Пути”»¹. Струве не отвечал. 3 сентября Бердяев лишь коротко сетовал Струве: «Очень огорчен, что должен уехать в Россию, не получив от Вас ответа на мое письмо, а мне и Сер. Ник. очень интересно было знать Ваше мнение по поводу комбинации с “Нов. Пут.”. Напишите мне все-таки в Киев»².

Чуть раньше, 28 августа 1904 года, Булгаков весьма осторожно сообщал конфиденгенту, что «В. Ж. остаются все на той же мели, на которую попали весной, и новых данных не прибавилось. Однако надежда еще не потеряна. Все это выяснится осенью». И далее глухо упоминал о совместном проекте с НП: «Есть еще и другая литературная комбинация, возможность или невозможность которой выяснится также только осенью»³. В начале сентября состоялись новые встречи Булгакова с представителями НП, на сей раз на более высоком уровне — с Философовым в Москве и Мережковским в Петербурге. Новые переговоры закончились выработкой редакционной «конституции».

11 сентября Философов извещал П. П. Перцова о том, что «только на днях выяснилась судьба “Нов. Пути”. Поставлена она была в зависимость главным образом от того обстоятельства, примкнут ли к нам идеалисты или нет. Велись долгие переговоры с Булгаковым. Г. И. Чулков ездил к нему в Крым, затем я был у него в Москве, и наконец в четверг он приезжал сюда для свидания с Мережковскими. Дело, по-видимому, устроится, и мы будем выходить при “обновленной редакции” (...) Камень преткновения — деньги». Денег не имели ни НП, ни проект ВЖ, на финансы которого и рассчитывали при объединении Мережковские. Булгаков же, очевидно, не получил обнадеживающих новостей от Жуковского — и его «финансовая» жесткость лишь укрепляла жесткость партийную. И невольно вынуждала НП ко все новым и новым уступкам, уже на стадии переговоров делая «идеалистов» «фактическими хозяевами» журнала.

Ремизов сообщал в частном письме от 13 сентября 1904: «Виделся с Бердяевым, говорит, что очень скоро решится, будут ли они издавать новый журнал “Вопросы Жизни” или возьмут “Н.П.”»⁴.

Месяц спустя Философов, словно извиняясь, напоминал, что НП «все-таки остался без религиозно-философских собраний и жизненный, самый реальный опыт, вынесенный нами из этих собраний, более, чем

¹ Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве). С. 149–150.

² Там же. С. 151.

³ РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 2.

⁴ Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С.31.

что-либо, убедил нас, что без “либерализма” далеко не уедешь»¹. Однако, например, наблюдавший за историей НП прежний секретарь журнала, а теперь глава «Весов» В. Я. Брюсов в своем сообщении Вяч. Иванову от 15 сентября отнесся к либеральной мимикрии НП весьма пессимистично: «соединение “Нового Пути” с ново-идеалистами таки состоялось. Можно считать “Новый Путь” покойным. Тем больше причин продолжать “Весы”, хотя я все еще не изыскал для того средств». И 17 сентября прибавлял: «Я получил письмо от Д. С. Мережковского [от 14 сентября], несколько смущенное, где он рассказывает о своем соединении с идеалистами и уверяет, что “они” (т. е. Мережковские) сохранили за собой “бразды правления” в литературном отделе (увы!)»². Поскольку первые акты переговоров с Булгаковым о судьбе журнала происходили близ Ялты, то об их предварительных результатах стало известно местным интеллигентам. Например, Максим Горький делился с женой рассказом свояченицы Булгакова издательницы М. И. Водовозовой: «идеалисты — Булгаков, Бердяев, Франк и Ко — входят в “Новый Путь”, — устраняя из него гг. Философова, Крайнего — З. Гиппиус и Ко. Сие дело наладил г. Георгий Чулков. Раньше предполагалось, что гг. идеалисты сгруппируются в “Вопросах Жизни”, журнале, которого еще нет, но разрешение на который уже имеется у Лосского, друга Жуковского. Но — с Лосским почему-то расстроилось. Теперь: Марья говорит, что позитивисты должны тоже мобилизоваться, купив “Вопросы Жизни”. (...) Я ее одобряю и даже сказал, что, ежели дело будет поставлено серьезно, — буду сотрудничать в “Вопросах Жизни”. Но — не верю в ее деловитость. А в первом случае — я тоже имею свои сомнения: мне кажется, что гг. идеалисты не вышибут гг. мистиков из “Нового Пути”, а — сольются с ними, как я предрекал некогда»³. Как часто бывает, сторонний наблюдатель оказался отчасти неточен в фактах, несколько поспешен в предсказаниях, но весьма чуток в понимании мотивов, двигавших «идеалистами».

По состоявшемуся в первые дни сентября 1904 года соглашению с НП, Булгакову и Бердяеву поручалось полное ведение общественно-политического отдела, а литературный оставался за официальным редактором

¹ А. В. Лавров. Архив П. П. Перцова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 48–49.

² [В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) / Публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследие. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 460–461.

³ Архив А. М. Горького. Т. IV. М., 1957. С. 163. Ср. письмо Максима Горького к К. П. Пятницкому от 18–19 сентября 1904 года из Ялты, текстуально идентичное: М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 28: Письма, 1889–1906. М., 1954. С. 323–324.

Философовым и его друзьями. В № 10 в объявлении о редакционных переменах прозвучал всем понятный эвфемизм: отныне НП выходил «при ближайшем участии» Булгакова, Бердяева и Жуковского (Философов довольствовался должностью редактора-издателя, как об этом 22 декабря сообщил подписчикам № 12, и претендовал сохранить ее за собой в следующем году). Но общее настроение новых «ближайших сотрудников» редакции оставалось откровенно разрушительным по отношению к ее старому ядру. Философов пытался определить границы их влияния: «мы обязались не помещать ни одной статьи общественно-политического характера без ведома С. Н. Булгакова, который имеет в таких случаях право veto»¹. Однако новые союзники журнальное «разделение властей» понимали иначе. Частную переписку Булгакова и Бердяева, посвященную условиям их сотрудничества с НП, переполняли победные реляции. 14 сентября Булгаков писал Гершензону: «с октября преобразовывается “Новый Путь”, и я (т. е. моя группа) становлюсь его фактическим редактором, словом, осуществляются “Вопросы Жизни”... Первая книжка наша выйдет в ноябре»². Так же высказывался Бердяев в письме к Струве в 20-х числах сентября: «К нам переходит “Новый Путь” на таких условиях, что мы оказываемся его полными хозяевами. Двойной октябрьско-ноябрьско<кий> номер уже будет наш. В объявлении я и Сергей Николаевич будем названы фактическими редакторами журнала. Хотели бы объявить статьи наших новых сотрудников, и самое важное для нас: согласны ли Вы принимать близкое участие в журнале и в том случае, если он будет называться “Н. П.”, а не “В. Ж.”? Для внутреннего и иностранного обозрения привлечены И. Гессен и В. Водовозов. Будет продолжаться роман Мережковского и останутся те сотрудники по художественно-беллетристическому отделу, которых мы и без того хотели иметь, но неприятные для нас сотрудники будут устранены. Напишите как можно скорее... [список] тех Ваших статей, которые мы могли бы выставить в объявлении. Хотели бы объявить их под псевдонимом П. Г. [как в “Проблемах идеализма”]»³. 26 сентября 1904 года почти в тех же выражениях Бердяев сообщал из Киева за границу — другому активному деятелю «Союза Освобождения», в прошлом народовольцу и марксисту, а ныне «внепартийному» социал-демократу В. Я. Богучарскому: «Вы, может быть, уже слышали, что к нам перешел “Новый Путь”, который радикально изменяется. Фактическими редакторами журнала будем С. Н. Булгаков и я, о чем будет объявлено. Иностранным обозревателем будет В. В. Водовозов,

¹ Д. В. Философов. Письмо В. Я. Брюсову от 22 сентября 1904 // ОР РГБ. Ф. 386. К. 106. Ед. хр. 32. Л. 20.

² ОР РГБ. Ф. 746. Оп. 1. К. 29. Ед. хр. 23.

³ Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве). С. 153.

внутренним — по рекомендации И. Гессена — И. Ипполитов, сотрудник “Права”...». Известный редактор оппозиционного леволиберального еженедельника «Право», товарищ Бердяева и Булгакова по киевской группе «Союза Освобождения» И. В. Гессен вспоминал впоследствии, что «идеалисты» обращались к нему «с предложением взять на себя редактирование политического отдела начатого ими журнала “Новый Путь”, а я рекомендовал питомца “Права” Г. Н. Штильмана» (1872–1916)¹. «...Свое сотрудничество, — продолжал Бердяев, — нам обещали многие позитивисты, пишущие по экономическим, юридическим, историческим вопросам, и лица нейтральные в философском отношении. Общественно-политическое направление журнала Вам известно, оно совпадает с Вашим. Я считаю, что Вы дали принципиальное согласие сотрудничать у нас, но нам интересен приблизительный список статей, которые Вы могли бы нам дать, т. к. мы предполагаем объявить не список сотрудников, а список статей. (...) Октябрьская книжка “Нов. Пути” будет уже наша, хотя выйдет около 1 Ноября. (...) Приблизительно к 10 Октября переезжаю окончательно в Петербург. Все неприятные для нас сотрудники “Н. П.», как напр. Розанов и др., изгоняются, а оставляются те, которых мы и без того хотели иметь, так, напр. Мережковский будет печатать свой роман. (...) Будьте добры передать это письмо С. Л. Франку»². Очевидно, новые редакторы намеревались немного попридержать выпуск осенних номеров НП с тем, чтобы решительней повлиять на их окончательное содержание: для этого и планировалась подготовка сдвоенного номера. Но никаких технологических перемен не произошло. Подготовленный совместно с новой редакцией октябрьский номер журнала уже 30 сентября получил цензурное дозволение к выпуску в свет (именно 30 сентября Бердяев ходатайствовал перед министром внутренних дел о разрешении на жительство в столице (и получил его 9 октября) в связи с тем, что «получил постоянную работу в качестве члена редакции одного журнала»³). А уже 15 октября цензура

¹ *И. В. Гессен. В двух веках. Жизненный отчет.* Берлин, 1937. С. 180, 254. В некрологе Г. Н. Штильману Струве, в частности, вспоминал, что в годы работы Штильмана в ВЖ «возник проект, о котором я узнал позже, — “послать” Григория Николаевича за границу в качестве моего помощника по Освобождению. Это не состоялось» (Русская Мысль. 1916. Кн. 12. II отд. С. 170). Интересно, что приглашение в журнал «позитивистов» вызвало отклик у самого широкого круга оппозиционеров: Бердяеву как представителю редакции ВЖ в феврале 1905 была предложена даже статья В. П. Воронцова (псевд. В. В.) — знаменитого в прошлом народника и экономиста марксистской ориентации (*Д. А. Левин. Письмо к А. М. Ремизову от 19 ноября 1906 // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 138*).

² ОРФ ГЛМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 80. Лл. 3–4.

³ *Александр Вадимов. Жизнь Бердяева.* Россия. Berkeley (Oakland, Calif.), 1993. С. 72–73.

допустила к печати ноябрьскую книжку. Новые номера НП содержали достаточно убедительный ряд статей Булгакова, Бердяева, Новгородцева, Лосского, Франка, демонстрировавших «направление».

Молодой тогда поэт-символист А. А. Блок, извне наблюдая за превращением НП¹ в НП / ВЖ, изобразил это превращение в тексте, который отражал, очевидно, общественное представление о том, что в «идеалистической» редакции НП, как в самом идеалистическом направлении, органом которого должен был стать новый НП, прямо соединилась философская проповедь идеализма с марксистскими и пропагандистскими и постмарксистскими штудиями в области политической экономии. Блок, реагируя на появление в качестве титульного редактора нового НП философа Н. О. Лосского, вносил в своей иронической псевдо-программе НП на 1905 год в «предполагаемое содержание» журнала статьи: «Н. Лосский. Проблема идеалистического современной поземельной ренты»².

Ремизов только в конце ноября 1904 получил возможность выехать из Киева в Петербург и Москву, поскольку с него сняли полицейский надзор и разрешили жительство в столицах. Он стал техническим сотрудником редакции НП, а затем секретарём редакции ВЖ. Ограничения на жительство к тому моменту были сняты с Бердяева, Чулкова. Ограничения на официальные должности в сфере печати сохранялись за Бердяевым и Булгаковым.

Кроме того, к новым книжкам НП были приложены листы с поста-тейной программой «обновленного состава сотрудников». В ней отразилась преобладающая воля нового руководства. Были заявлены постоянные персональные рубрики: Булгакова — «Без плана (статьи по текущим вопросам)», Бердяева — «Философия и жизнь», П. Г. [Струве] — «Вне очереди». Из запланированных в программе статей стоит перечислить лишь те, что либо вообще не появились в журнале, либо сменили заглавия: «Великий инквизитор», «Рационализм и мистицизм», «Критика государственного позитивизма» Бердяева; «Л. Фейербах и Вл. Соловьев о человеке и человечестве» Булгакова; В. И. Вернадского «Демократия и наука»; А. М. Водена — «Эмпириокритицизм и имманентная философия», «Судьба гегельянства»; Д. Е. Жуковского — «Моральный вопрос

¹ В НП Мережковских Блок дебютировал в марте 1903 года циклом стихотворений «Из посвящений» и в сентябре — рецензией.

² А. А. Блок. Шуточные программы журналов // А. А. Блок. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. Автобиография. Дневники / Подг. текста В. М. Орлова. М.; Л., 1963. С. 441, 445. Составителем тома текст был датирован 1905 годом, но, учитывая упоминание Лосского и неупоминание Булгакова и Бердяева, текст следует датировать временем публикации первой программы нового НП — октябрем 1904 года.

по драмам Ибсена», «Пер Гюнт и Бранд»; Б. А. Кистяковского «В защиту научно-философского идеализма»; С. А. Котляревского «О национальном идеале»; Н. М. Минского «Нравственная проблема нашего времени»; Новгородцева — «Идея государства» и «Принцип основания всеобщего избирательного права»; Философова «Русское искусство и русское общество»; Г. И. Челпанова «О причинности и целесообразности»; И. В. Гессена «Сорокалетие судебных учреждений в России»; Ф. Ф. Кокошкина «Вопрос о реформе земского избирательного права»; статья Политика [П. Н. Милукова] — «К истории идеи кабинета на русской почве», а также «Задачи промышленного развития и промышленной политики в России» В. Я. Железнова, «Земство и классовые интересы» М. И. Туган-Барановского, «Из земской жизни» Г. И. Шрейдера, «Двадцатые годы. Идеи и люди» П. Е. Щеголева и «Эллинская религия страдающего бога» Вяч. Иванова (как известно, Жуковский даже готовил отдельное издание труда Иванова о религии Диониса). План публикаций и список привлекаемых сотрудников отражал не только сложившийся в ПИ (Новгородцев, Кистяковский, Струве, Франк, Жуковский, Е. Трубецкой) или в Киеве (В. Я. Железнов, Г. И. Челпанов, Лев Шестов, В. В. Водовозов, Е. Трубецкой, Л. Н. Яснопольский и др.) круг общения Булгакова и Бердяева, но и очень высокую степень политической ангажированности сотрудников и новой редакции в целом. Ангажированность эта очевидным образом умещалась в сложившийся в рамках «Союза Освобождения» либерально-демократический, социал-либеральный блок оппозиции, в котором «идеалистическое направление» осознавало себя частью «освободительного движения». При этом и Булгаков, и Бердяев, и их партийные товарищи Струве и Франк принадлежали именно к левому, социалистическому крылу либерально-демократической оппозиции, воспринимавшему свое участие в общелиберальном движении как временное союзничество для завоевания политической свободы. Риторический контекст описываемых событий хорошо отпечатался в прочитанной Булгаковым осенью 1904-го в Ялте и Петербурге, опубликованной в октябрьской и ноябрьской книжках НП и отдельно изданной в 1905-м (цензурное дозволение от 7 февраля) лекции «Чехов как мыслитель». Свою лекцию Булгаков завершал панорамой исторического момента — русско-японской войны, «кровавого воскресенья» и прочих событий на пути к революции: «Давно уже русское небо обложено грозвыми тучами (...) Давно уже слышатся глухие подземные удары (...) Наступили дни суда над нашей родиной. Будем верить, что эти дни исторического покаяния приведут к национальному возрождению, что мы переживаем болезнь народного роста (...) В день исторического суда срываются маски, обнажается добро и зло во всей своей противоположности, уже нельзя отговориться недоразумениями, и нужна только

смелая решимость да неослабная энергия в борьбе за гражданственность и историческое будущее народа»¹.

Одним из радикальных средств превращения НП в запланированный орган направления стало желание уравновесить его традиционные материалы новыми, «общественными», в массе производимыми «позитивистами»: оппозиционными публицистами, экономистами и правоведами, которые не только продолжали ощущать политическую солидарность со своими философскими противниками «идеалистами», но тесно сотрудничали с ними в общих нелегальных структурах «Союза Освобождения», оппозиционной прессе, высших учебных заведениях и общественных организациях. Им, собственно, и предназначался политический отдел. «Русский политический деятель по преимуществу завзятый позитивист», — писал тогда один интеллигентских авторитетов². Поэтому, несмотря на весь свой «идеализм», Булгаков и Бердяев привлекали к НП не только союзников по направлению (например, ближайшего сотрудника Струве Франка³ или в прошлом марксиста, а ныне — христианского социалиста (и, кстати, школьного товарища Г. И. Чулкова⁴) А. С. Глинку (Волжского)), но и так называемых «позитивистов» — практиков либерально-демократического движения В. В. Водовозова, Л. Н. Яснопольского, М. И. Туган-Барановского, В. Ф. Тотомианца и других, с которыми они были связаны по прежней марксистской и нынешней литературной и научной деятельности, по одесским «Южным Запискам», «Киевским Откликам», киевской «Юго-Западной Неделе».

¹ С. Н. Булгаков. Чехов как мыслитель. Киев, 1905. С. 31–32. См.: С. Булгаков. Кн. С. Н. Трубецкой, как религиозный мыслитель // Московский Еженедельник. М., 1908. № 14. 1 апреля. Ср.: Мариан Здзеховский. Б. Н. Чичерин, как религиозный мыслитель // Московский Еженедельник. М., 1907. № 2. 13 января; № 3. 20 января. Этот журнал выходил в свет под редакцией автора «Проблем идеализма» и ВЖ Е. Н. Трубецкого и «идеалиста» и христианского социалиста С. А. Котляревского

² И. Гревс. Идейная борьба и созидательная работа революции // Полярная Звезда. 1906. № 12. С. 68.

³ См.: Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905). С. 284. См. также открытку Франка А. М. Ремизову от 26 мая 1905 года: «Милый Алексей Михайлович, адресую Вам, как более аккуратному человеку, одновременно с сим посылаю в редакцию две рецензии: о сборнике “Шиллер, как философ” и о книге Кронеберга “Этические прелюдии”. (...) На книги истратил 8 марок (3 р. 75 к.), которые, согласно указанию Георг<ия> Ив<ановича> [Чулкова], причислить к моему гонорару» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 1). Обе упомянутые рецензии были опубликованы в июньской книжке ВЖ.

⁴ А. Волжский. Литературные письма. I. Несерьезное о несерьезном // Век. № 21. СПб., 3 июня 1907 года. С. 321.

Примечательно, что, живя в Петербурге с 20 октября, Булгаков уязвлял свое пребывание в столице не только с подготовкой дебютных номеров журнала, но и с участием во II съезде «Союза Освобождения» 20–22 октября, который решил воспользоваться круглой датой — сорокалетием судебной реформы 1864 года — для проведения кампании «праздничных» (а на деле — пропагандистских) банкетов леволиберальной интеллигенции. Помимо юбилейных речей, на банкетах звучали требования права и конституции, самодержавие служило предметом тотального осуждения. И спешная переориентация НП на общественную злобу дня, несомненно, осознавалась Булгаковым как прямое служение партийному делу.

Уже в октябрьском номере НП, объявившем о новой редакции журнала, был анонсирован текст некоего «П. Г.» (всей политической публике известного как псевдоним Струве) в «Проблемах идеализма»: «Вне очереди». Он, впрочем, в печати не появился.

Закономерно, что составленная в таких политических традициях «Внутренняя хроника» НП была вырезана цензурой из первого же, октябрьского, номера новой редакции. Но политически рискованные сочинения составляли не только «Внутреннюю хронику». Например, М. И. Туган-Барановский писал А. А. Кауфману: «Вы слышали, вероятно, о преобразовании “Нового Пути”. Я дал для первой же книжки под новой редакцией свою статью, но очень трудную и потому не интересную [“Крушение капиталистического строя как научная проблема”]. Другую думаю дать по ближе мне теперь знакомому земскому вопросу»¹. Пока оба новых «ближайших сотрудника» оставались в Киеве, привлекая к журналу своих киевских друзей, например, из членов кружка профессора философии и психологии Г. И. Челпанова (1862–1936): Л. И. Шестова (1866–1938), А. М. Лазарева (1873–1944), Е. Г. Лундберга (1887–1965)², киевских

¹ ГАРФ. Ф. 5101. Оп. 1. Д. 191. Лл. 22–22 об. Неслучайность привлечения к сотрудничеству в ВЖ Туган-Барановского — единственного из группы «критических марксистов» конца 1890-х годов, оставшегося чуждым общему пути «от марксизма к идеализму», — хорошо иллюстрируется тем, что после этого Туган-Барановский подарил «Сергею Николаевичу Булгакову от автора на добрую память» свою книгу «Теоретические основы марксизма» (М., 1905) — экземпляр книги с инскриптом хранится в Библиотеке ИНИОН (Москва).

² В. Зеньковский. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской Академической группы в США. Т. XXVI. New-York, 1994. С. 12; «Г. И. [Челпанов] был первым философом, которого я в жизни встретил и с которым много беседовал на философские темы. Он был молодым приват-доцентом Киевского университета, читал необязательный курс, посвященный критике материализма, при переполненной аудитории. Потом из этого курса вышла его книга “Мозг и душа”. Я был юным студентом, марксистом, и вместе с тем сторонником идеалистической философии. Я почти никаких курсов

партийных товарищей по «Союзу Освобождения» или даже (в прошлом) по социал-демократии. В борьбе со старой редакцией НП на сторону «идеалистов» перешел ее сотрудник Георгий Чулков, курировавший литературную критику и, согласно журнальной «конституции», полностью подчиненный Мережковским. Однако Чулков не готов был смириться с таким своим положением и приложил все усилия к тому, чтобы разжечь внутри нового НП конфликт и с его помощью пересмотреть раздел сфер влияния между «идеалистами» и Мережковскими, чтобы самому сменить их в руководстве литературной частью журнала. 27 сентября 1904 года Чулков писал Ремизову: «Я думаю, что со вступлением Бердяева к нам в редакцию Ваши дела будут лучше обстоять [роман Ремизова “Пруд” с начала 1904 года читался Мережковскими, но в НП не печатался¹]: одному мне трудно бороться с равнодушием к искусству Зинаиды Николаевны Гиппиус, тем более что — Вы знаете — приходится все силы и внимание направлять на политику, дабы чего-нибудь не прошло несуразного. (...) Торопите Бердяева: чем скорее он приедет, тем лучше». И 4 октября: «Узнайте, пожалуйста, скоро ли приедет Н. А. Бердяев в Петербург. Это и для Вас важно. Вместе с ним, сообщая, мы отвоевать можем Ваш роман для “Нового Пути”. Познакомились ли Вы с Булгаковым?»²

Идя на серьезные уступки «идеалистам», старые сотрудники и редакторы НП, по-видимому, искренне рассчитывали на взаимопонимание. Мережковский писал Андрею Белому 30 сентября 1904 года: «Меч ложится между нами и “декадентами”. Мы ближе к либералам, демократам (“идеалистам”). Они гораздо искреннее и глубже задеты религией, чем декаденты. Тут какие-то старые мосты ложатся, а новые мосты строятся. В либералах есть “мать сыра земля” (“земство” — “земское” — “земное”). Кстати, Н. П. соединился с “идеалистами»³. Следует отметить, что тогда Андрей Белый вполне разделял пессимистический взгляд

в Университете не слушал, но часто ходил на курс Г. И. Челпанова о материализме. Он был прекрасный лектор. Я очень сочувствовал критике материализма. Научно-философская критика материализма в то время была большой заслугой Г. И. Она была бы не меньшей заслугой и в настоящее время в России. Я скоро познакомился с Г. И. и стал часто бывать в доме Челпановых. У них были журфиксы по субботам. Дом их в Киеве был интеллектуальным центром. Жена Г. И. была очень талантливая женщина. Там многие бывали — Л. Шестов, В. В. Водовозов, А. М. Лазарев, немного позже С. Н. Булгаков, ставший профессором Киевского политехнического института. Мне много давали философские беседы с Г. И. Челпановым» (*Бердяев Н. А. Памяти Георгия Ивановича Челпанова // Путь. № 50. Париж. Апрель 1936. С. 56*).

¹ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 67 об.

² Там же. Лл. 71, 72 об.

³ ОР РГБ. Ф. 25. К. 19. Ед. хр. 9. Л. 4 об.

Брюсова на превращения НП и со страниц ноябрьской книжки «Весов» оценил новость о соединении НП с «идеалистами» как признак отступления Мережковских от принципов. Впрочем, уже летом 1905-го он вполне бескорыстно стал на защиту авторов ПИ и основателей ВЖ от ортодоксальной марксистской критики: «Мы объявляем, что отношение [отнесение] группы писателей-идеалистов к каким-то беспринципным буржуа есть намеренно циничная, недобросовестная инсинуация — ложь...»¹

С осени 1904 года страницы журнала, отведенные для платных объявлений, заполнились рекламой книг Булгакова, Волжского и изданий Жуковского. Неприятный же для Бердяева, Булгакова, их левой аудитории и коллег «новременский» публицист В. В. Розанов — «совсем скис и в редакцию не приходил»². В отличие от политической, по утверждению Чулкова, «литературная часть осталась неприкосновенной. Я отстоял символистов. Но философские и публицистические статьи были уже иного, не “новопутейского стиля”»³. Ведя свою собственную линию и «подсиживая» Мережковских, Чулков, однако, не рисковал конфликтовать с новым руководством. А его претензии, несомненно, распространялись далее чистой философии и политики. Особенно ярко это проявилось в отношениях «идеалистов» с литературной частью нового НП. Чулков вспоминал, что Булгаков «весь был преисполнен самой высокой добродетели и больше всего боялся “порочных” поэтов. Он сразу почувствовал, что я не так уж строг к декадентам, и умолял меня быть осмотрительней в отделе поэзии»⁴. Более терпимым оказался Бердяев. Это и нетрудно было предугадать, зная интерес его — к М. Метерлинку, а Булгакова — к В. М. Васнецову. По квалификации Андрея Белого, «в платформе журнала так именно было; “Бер-”... “Дайте стихи!” Дашь стихи, зная: “-гаков” не станет печатать»⁵.

Позволю себе экскурс в область художественных вкусов Булгакова.

Патетический момент встречи Булгакова с «Мадонной» Рафаэля (несомненно, подготовленной чтением посвященных ей страниц «Былого и дум» столь значимого для Булгакова А. И. Герцена) летом 1898 года широко известен в его собственном изложении. Признавшись, что его

¹ Весы. 1905. № 8. С. 65.

² З. Н. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. С. 106.

³ Г. Чулков. Годы странствий. С. 62.

⁴ Там же. С. 60–61. Как вспоминала позже жена Бердяева Л. Ю. Рапп, знакомя ее с Бердяевым в феврале 1904 года, Булгаков так рекомендовал коллегу: «У него такие же литературные вкусы, как и у вас: Белого, Блока, живопись — не передвижников, как я, а *avant garde* во всех областях» (Александр Вадимов. Жизнь Бердяева. С. 68). Хотя, по признанию Булгакова, ему все же было ближе «декадентство», чем натурализм «Знания» (Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 2. С. 354).

⁵ Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 493.

«осведомленность в искусстве была совершенно ничтожна», он вспоминал: «Я увидел и с первого же взгляда принял в сердце Сикстинскую Мадонну Рафаэля в Дрездене. Это не было чисто художественное впечатление, эта встреча явилась событием моей жизни, — вернее сказать, то было настоящее духовное потрясение...»¹ Новая, четверть века спустя, встреча с «Мадонной» вызвала иную реакцию — цитирую интимный дневник, послуживший основой для процитированного выше дневника публично-художественного: «Вот я в Берлине... Был здесь марксистским щенком, теперь, на склоне жизни, приехал как священник. (...) Дорогой я остановился в Дрездене, был у Сикстины, просидел у неё час. Шел с волнением почти юношеским и... не нашел того, что находил неверующим: Богоматери! (...) Итак, это умерло и не воскреснет вновь»².

Вскоре после первой встречи, летом 1900 года, Булгаков поселился в Киеве — и увидел росписи Владимирского собора, только что расписанного В. М. Васнецовым и др. В большой истории русского искусства эти росписи как-то не задержались, задержались лишь эскизы М. А. Врубеля к росписям. Но в те годы художественно-общественная эйфория от такой акцентированно «национальной» перелицовки канона была велика. В 1902 году, в Крыму, Булгаков, деясь эйфорией со Львом Толстым, попытался и ему рассказать о своей дрезденской встрече, но был не понят³. Тогда же, в 1902-м, по свежим следам встреч, Булгаков выступил в социал-демократическом сборнике «Литературное Дело» со статьей «Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели)». В поиске национальных гениев в главных духовных сферах к гениям литературному, философскому и этическому он добавил гения художественного — «корифея» Васнецова, не только

¹ С. Булгаков. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи / Сост. А. П. Олейникова и Н. А. Струве. Орел, 1998. С. 284 (с ошибкой в дате: вместо «ноября» должно быть «февраля»). См. первое описание: «Мне посчастливилось быть в Дрездене и испытать небесное счастье перед Сикстинской мадонной» (В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897–1925 / Публ. М. А. Колерова // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М., 1992. С. 121). Ср. повторенное дважды описание той же встречи: С. Булгаков. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / Подг. текста В. В. Сапова. М., 1994. С. 14. Экскурс в историю образа Мадонны в русской культуре XIX века вплоть до Булгакова см.: Джеймс Х. Биллингтон. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 415–420.

² С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага [1923–1924] / Публ. А. П. Козырева и Н. Ю. Голубковой // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год. М., 1998. С. 227–228. Ср.: «Моя не состоялась встреча, здесь я не встретил того, чего ожидал. К чему таить и лукавить: я не увидел Богоматери» (С. Булгаков. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. С. 286).

³ С. Булгаков. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. С. 288.

художника, но и верующего, «вполне современного человека, познавшего древо добра и зла»¹. Сейчас несоразмерность не только художественного масштаба, но и тем более — пошлой, примитивной росписи Васнецова другим «гениям» очевидна и вопиюща. Но в кратковременном стремлении выстроить «параллели» с участием Васнецова, Булгаков был повинен вместе со своим временем. Более того — с актуальной художественной критикой.

Известный, широко образованный критик, создатель классического русского модернового журнала «Аполлон», сын успешного классика академически-народнической живописи Константина Маковского, несший в себе самом континуум от русского революционного общественно-культурного и национально-романтического материализма второй половины XIX века к русской интернациональной художественной культуре начала XX века, близкой практической философии «религиозной общественности» и политического идеализма, рафинированный знаток русской художественной практики Сергей Маковский признавался уже в 1908 году: «Васнецов в конце <18>90-х годов слыл одновременно столпом среди передвижников и чуть ли не гениальным провидцем у мирискусников...» И далее: «Однако Стасов никак не мог простить ему “мистицизма”... С другой стороны, увлечение дягилевцев было очень недлительно, и уже в 1902 году в “Истории русского искусства” Александром Бенуа горькая правда о Васнецове высказана довольно определенно»². «Он гениальный художник, оригинальный и неподражаемый и в жанре, и в эпических и религиозных картинах... Лет десять раньше почти так же прославлялся Васнецов многими критиками (в том числе и мною) как возвеститель русской “самобытности”, вдохновенный мистик, художник национальных откровений (...) Васнецов новый — декоратор Владимирского собора... Внешне “национальное”, обманно-впечатляющее в его творчестве казалось каким-то гордым вызовом неумелому “западничеству” художников-подражателей и компиляторов (...) С тех пор мы узнали, что наивной была наша вера, Васнецов не кажется больше ни гениальным учителем, ни вдохновенным мистиком (...) На последней выставке в Академии художеств (1905) все чуткие поняли: великого Васнецова не стало»³.

Итак, главным поводом к повторению встречи Булгакова с «Мадонной» — теперь уже не космополитической, рафаэлевской, а с национальной,

¹ С. Булгаков. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели) // Литературное Дело: Сб. СПб., 1902. С. 126.

² С. Маковский. Силуэты русских художников. М., 1999. С. 35.

³ Там же. С. 144. Об общественно-театральном механизме «национального» В. М. Васнецова см.: *Катя Дианина*. Искусство на повестке дня. Рождение русской культуры из духа газетных споров [2013] / Пер. Е. Гавриловой. Бостон: СПб., 2023. С. 387–393.

васнецовской Богоматерью¹ — было зафиксированное в статье о «параллелях» сравнение росписей Владимирского собора с «Сикстинской Мадонной»². Понятно, что Булгаков, в растущем национальном возбуждении 1900–1906 годов, искал «параллели» (альтернативы) Рафаэлю и, выстраивая «идеалистическое направление», искал ему культурных соответствий. И во многом случайно эта альтернатива нашлась в Киеве, в соборе, в Васнецове. Не случайно то, что образы росписей киевских Васнецова чутко улавливали иной, *интеллигентский* субстрат массовых религиозных поисков, выразителем которых был и Булгаков, прямо апеллировали к интеллигентской аудитории: и в лице васнецовской Богоматери сквозил узнаваемый интеллигентский женский тип, и в лице васнецовского Христа был реализован тип чахоточный и надсоновский...³ Булгаков, наверное, прислушался-таки к развенчанию «гения» Васнецова (и потому не стал переиздавать эти «параллели» в сборнике «От марксизма к идеализму»), но не поторопился разочароваться в национальной стилистике Владимирского собора. И даже на Пасху 1906 года, в специальном номере левой киевской газеты «Народ» (о ней специально и подробно ниже), которую он возглавил, он разместил цветные (то есть полиграфически очень дорогие) репродукции Владимирской серии (Врубеля и Нестерова, а не Васнецова)⁴. Очерченная здесь особая художественная чуткость Булгакова делает ему честь. Но есть еще одно обстоятельство, археологически гораздо более несомненное и касающееся не только параллели Рафаэль — Васнецов, но и параллели Васнецов — Достоевский — Толстой.

¹ Современница Булгакова, голландская социал-демократка и марксистка Г. Роланд-Гольст, радикально отличаясь от Булгакова своим художественным вкусом, апологизируя Шелли, парнасцев, прерафаэлитов, Розетти, Уайлда, Бодлера, Верлена, «искусство для искусства», так же требует соответствия искусства «национальным способностям и традициям»: *Генриетта Роланд-Гольст. Этюды о социалистической эстетике. О жизни, красоте и искусстве* / Пер. Ш. Гермера под ред. П. Дауге. М., 1907. С. 35.

² С. Булгаков. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели). С. 121. Буквально в те же месяцы в массовой печати уже прозвучала фактическая аналогия между Мадонной Рафаэля и религиозным творчеством В.М. Васнецова. Н. К. Рерих выступил с апологетической статьёй о В. М. Васнецове в «Журнале для всех» (СПб., 1902. № 10. Июль. Стлб. 1235–1240: здесь же — иллюстрации Васнецова), которая вскоре была сопровождена репродукцией Мадонны Рафаэля (Журнал для всех. СПб., 1902. № 12. Стлб. 1457–1458).

³ Современник свидетельствовал: «второстепенный поэтический талант Надсона вызвал не меньшее преклонение, чем могучие таланты Пушкина и Лермонтова» (Г. С. Новополин. В сумерках литературы и жизни [в восьмидесятых годах (1881–1895 гг.)]. Изд. 2, испр. и доп. Вып. I. СПб., [1914]. С. 74.

⁴ Редактором и автором художественного приложения к «Народу» была Н. Н. Кульженко, в 1900-м — киевская дама сердца Бердяева (*Александр Вадинов. Жизнь Бердяева. Россия. Oakland, Calif., 1993. С. 50*).

В 1901 году в массовой серии художественно-просветительских брошюр вышло сочинение В. Л. Дедлова (Кигна), посвященное собору, снабженное портретом Васнецова, автотипиями — и в целом являющееся апологией художника¹. Третья и четвертая главы брошюры были посвящены персонально Васнецову (с. 21–33) и его религиозной живописи (с. 34–74). Именно В. Л. Дедлов, формулируя, что Васнецов «идеалист» и «глубоко национален», в этой брошюре начал сравнение его с Достоевским и Толстым². Булгакову оставалось лишь добавить к названным «гениям» Соловьева и творчески развить то, что уже было изложено в сочинении Дедлова. В отличие, например, от его близкого соратника Н. А. Бердяева, Булгаков не был достаточно просвещён в современном им искусстве (Бердяев был в ряду самых первых в дореволюционной России, кто в печати высоко оценил дар ещё молодого кубиста Пикассо). Поэтому в искусстве Булгаков провинциально следовал за провинциальными же и модными авторитетами. Это было фактом и фактором его особой демократической чуткости.

* * *

Первый номер новой петербургской газеты «Наша Жизнь» (6 ноября 1904 года), одного из многих периодических предприятий профессора Л. В. Ходского, издателя активного, плодovitого, содержательного, но до сих пор в полной мере не оценённого в русской идейной истории, подлинной лаборатории научного социального знания марксистского журнала «Народное Хозяйство»³, ознаменовался крайне риторическим, революционно-политическим выступлением Булгакова. Он писал, создавая новой редакции НП узкий коридор политической ориентации и непременно отталкиваясь от очередной цитаты из В. С. Соловьева:

«Мы с ужасом смотрели на происходящее и однако трусливо молчали. Из нашей среды выходили смелые борцы, которые умели погибать за правду, жертвовать собой за силу права, однако это были лишь исключения, а мы молчали, или, когда нарушали молчание, то охрипшим голосом и коснеющим языком говорили совсем не то, чего требовала от нас совесть. Не даётся и не дастся легко и даром народное обновление, нелегко

¹ В. Л. Дедлов. Киевский Владимирский собор и его художественные творцы. М., 1901. Кстати, пятая глава брошюры посвящена другому художественному вождю Булгакова — М. В. Нестерову (с. 74–86).

² В. Л. Дедлов. Киевский Владимирский собор и его художественные творцы. М., 1901. С. 63, 73.

³ М. А. Колеров. Общественные науки в журнале «Народное Хозяйство» (1900–1904). Указатель // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

устранить опасные исторические обломки. Нужен гражданский подвиг, нужна непреклонная воля, нужно организованное общественное действие. Русскому обществу в целом, во всех жизненных и жизнеспособных его элементах, сверху донизу, предстоит теперь сдать государственный экзамен, получить аттестат политической зрелости, оно должно надеяться на себя и на эту зрелость, а не на милости и добротные даяния, — таковых не знает история. Пора найти, наконец, верный тон для своей речи, пора обрести вновь человеческий голос, от которого мы отвыкли. Следует забыть обманчивые и сладкие иллюзии, и узнать мужественный и непреклонный голос, сказать вслух и громко то, что повелевает наша гражданская, наша историческая совесть. Пора, пора!»¹

Но неправильно было бы полагать, что *свободному* отношению Бердяева к искусству противостоял сугубо *партийный* Булгаков.

В момент организации новой редакции НП Булгаков вполне определенно высказался о своей эстетической программе. В лекции «Чехов как мыслитель» Булгаков писал: «Истинное искусство свободно в своих путях и исканиях, оно само себе довлеет, само по себе ищет, само себе закон. В этом смысле формула “искусство для искусства” выражает его права, его самостоятельность, его свободу от подчинения каким-либо извне поставленным, вернее, навязанным заданиям». Впрочем, ополчаясь против «догматических» заданий искусству, Булгаков, видимо, отнюдь не исключал самой практики *органического* «навязывания заданий». С высоты такой «мягкой» партийности Булгаков и выступал против «бессмысленного виртуозничанья, в которое склонны были превратить искусство крайние представители декадентства»². Но, как бы ни расходились Бердяев и Булгаков в отношении к «декадентам», в том, что касается литературной *политики*, они были едины. Бердяев и Булгаков неизменно следовали, например, одному из мерил оппозиционности, присущему всей русской печати того времени, уделяя особое внимание польской литературе, Польше вообще, в составе Российской империи ставшей образцом антигосударственной фронды. В таком политико-культурном контексте польская литература выступала не только аналогом национально-освободительной борьбы, но и символом передовой (западной и одновременно славянской) демократии, борющейся против самодержавия. Именно поэтому в ВЖ появлялись сочинения В. Берента, З. Пшесмыцкого и Я. Каспровича. О них же и С. Пшибышевском на страницах ВЖ писали В. Перемилевский и Волжский. Кроме упомянутых литературно-политических

¹ М. А. Колеров. Сергей Булгаков. Пора! (1904) // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

² С. Н. Булгаков. Чехов как мыслитель. С. 6–7.

мотивов, для Булгакова лично Польша оказывалась чрезвычайно важна и в силу известного интереса к Польше и католицизму (в плане соединения церквей) самого В. С. Соловьева. Летом 1905 года Булгаков, в частности, писал польскому краковскому слависту М. Э. Здзеховскому¹, впоследствии активному автору «Московского Еженедельника» Е. Н. Трубецкого: «Вместе с Соловьевым — с упованием смотрю на польский мир и чаю объединения с ним русского мира». А в письме от 18 августа, благодаря Здзеховского за сообщение «о религиозно-демократическом движении Запада и существующем интересе там к Соловьеву», в соловьевском духе продолжал: «Часто я думал последнее время о том, что найдем ли мы близкое настроение на Западе, в особенности в недрах католической церкви (между нами не может быть ни малейшего спора о том, что религиозный вопрос в мало-мальски серьезной его постановке есть и вопрос церковный). (...) Должно победить вселенское христианство, и вселенскость есть высшая точка, к которой должны мы стремиться»².

В этой церковно и политически истолковываемой литературной борьбе как-то быстро забылись «конституционные» права Мережковских. При часто отсутствующих Мережковских, бывающем в Петербурге только наездами Булгакове (в конце 1904 он провел в Петербурге всего неделю с 20 по 28 октября³) и редакционно и журналистски тогда ещё не слишком дотошном Бердяеве фактическим ответственным редактором журнала становился Чулков. Он быстро привык претендовать на особую роль в журнале и готов был распространить свое влияние на литературный отдел, подлежавший ведению Мережковских, и отдел философско-критический, что отвечало обнаружившейся склонности Чулкова к самостоятельному теоретизированию. Кроме того, Чулков считал себя автором нового, политизированного курса НП и, во всяком случае, не мог удовлетвориться скромной должностью секретаря редакции. Тем более что политизированное ведение журнала находило растущий спрос

¹ О нём: В. М. Дианова, Я. Г. Скопинский. Жизнь и мировоззрение Марина Здзеховского // Вопросы философии. М., 2017. № 6.

² Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому [1905–1907] / Публикация А. Йокубайтиса // Вильнюс. Вильнюс, 1990. № 4. С. 157–158. Текстологическое качество этой публикации из архивного собрания Вильнюсского университета столь низко, что мне пришлось без сличения с оригиналом и исходя из принципов эпистолярной практики Булгакова исправить некоторые очевидные ошибки чтения писем. О начале знакомства Булгакова с Э. Здзеховским см.: С. Н. Булгаков. Письмо А. М. Ремизову от 11 июля 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 4. А. Йокубайтисом опубликованы также адресованные Здзеховскому письма Н. А. Бердяева [1910–1911] (Вильнюс. 1989. № 11. С. 161–170) и Д. С. Мережковского [1931–1936] (Там же. 1990. № 1. С. 147–156).

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1784. Л. 31.

в условиях углубляющегося политического кризиса, самым ярким проявлением которого стали сообщения о постигшей русскую армию катастрофе: 22 декабря 1904 года был сдан Порт-Артур и в обществе крепки слухи о «генеральском» (читай: властном) предательстве.

Едва закончились два месяца совместной работы, как между 22 декабря 1904-го и, скорее всего, 9 января 1905-го разразился конфликт. Еще осенью Булгаков, дабы не делить ответственность с автором, вынудил Гиппиус подписать псевдонимом (X.) свою рецензию на книгу Александра Блока (она вышла в декабрьской книжке). Тем самым Булгаков первым нарушил соглашение с Мережковскими о разделе сфер ответственности в журнале. Расценив происшедшее как прецедент, в декабре-январе Чулков наложил вето на публикацию новой критической статьи Гиппиус как якобы политической. И в этом случае Чулков узурпировал полномочия не только старой (литература), но и новой (политика) редакций НП. Конфликт, созданный Чулковым вокруг статьи Гиппиус, был вынесен на суд Булгакова и его единомышленников. Разгневанные вопиющим нарушением субординации и «конституции» Мережковские вызвали в Петербург Булгакова и предъявили ему ультиматум: либо они, Мережковские, либо Чулков. Но, видимо, солидарный с Чулковым в его борьбе с Мережковскими, Булгаков готов был закрыть глаза и на вмешательство его в чисто политическую сферу журнала. Мережковские, похоже, вновь готовы были уступить «идеалистам» оставшуюся часть своих полномочий (то есть допустить их к редактированию литературного отдела) и требовали лишь устранения Чулкова. Но, несмотря на их «добрую волю к уступкам», редакционное собрание (Булгаков, Бердяев?, Жуковский?) приняло сторону Чулкова. Как он вспоминал впоследствии: «На мою сторону стал не только Булгаков, но и вся редакция. Дело было в том, что Булгаков не мог жить в Петербурге и только на меня надеялся, как на блюстителя политической и социальной программы, а Мережковские тяготились этой опекою»¹. От цепкой памяти мемуариста не укрылось и еще одно важное обстоятельство: главным двигателем вытеснения Мережковских был именно Булгаков, поскольку в считанные месяцы НП обнаружилось, что организующая роль Бердяева в журнале невелика, а влияние несравнимо с влиянием «соредактора». Так незаметно он выбывал из инициативного ядра религиозно-философской печати, превращался лишь в более или менее постоянного ее автора — и все далее отходил от Булгакова.

¹ Цит. по: А. Л. Соболев. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. 1. М.; СПб., 1992. С. 323. Ср. З. Н. Гиппиус. Живые лица. Вып. 1. С. 26–28; Г. Чулков. Годы странствий. С. 63.

Мережковские вышли из редакции и потребовали прекращения НП. Как заметила позже Гиппиус, Булгаков и Бердяев оставались «еще слишком “эсдеки”, мы — еще слишком индивидуалисты»¹. Радикализации Булгакова и Бердяева и «посрамлению» не столь радикальных Мережковских, несомненно, способствовал расстрел рабочей демонстрации 9 января 1905 года (Кровавое воскресенье)...

Оставшись без НП, «идеалисты» ничего не теряли. Им пришлось лишь воспользоваться уже выданным Лосскому и Жуковскому разрешением на издание ВЖ. Жуковский срочно прибыл в Петербург. Редакция ВЖ разместилась в Петербурге по адресу: Сапёрный, 10². И лишь вызванная Кровавым воскресеньем «забастовка типографских рабочих» задержала выход первого номера ВЖ за 1905 год.

20 января 1905 года цензор дозволил к печати объявление о выходе в свет нового журнала — ВЖ (сам номер был пропущен цензором 5 февраля). Недавний победитель Мережковских Чулков немедленно направил текст объявления В. Я. Брюсову в «Весы» с просьбой о публикации: после 25 января оно появилось, и с тех пор в течение полугода «Весы» объявляли содержание очередных номеров ВЖ — единственного общественного журнала в ряду художественных и литературных. В первом номере ВЖ появилось извещение редактора НП Философова о том, что подписчики НП, в силу его «приостановки», отныне бесплатно получают ВЖ. Рядом располагалось объявление о подписке на ВЖ как «продолжение» НП «в том направлении, какое он получил с октября 1904 г.». В переводе на язык фактов это значило, что НП прекратил свое существование, а его прежние «ближайшие сотрудники» Булгаков, Бердяев и Жуковский, унаследовав редакционный портфель НП, создали новый, свой собственный орган.

Еще год назад Булгаков, Бердяев и Жуковский могли поставить лишь политико-философскую, «направленскую» часть ВЖ, но не имели ни редакции, ни литературного отдела, делающего толстый журнал — журналом. И то, и другое принадлежало высококлассным конкурентам ВЖ — «Весам» и НП. Теперь же, на рубеже 1904–1905 годов, создатели ВЖ с максимальным успехом решили прошлогоднюю задачу: получили в свое распоряжение технологически поставленное журнальное дело, подчинили его своим интересам, избавились от неединомышленных сотрудников, без дополнительных усилий приобрели неопубликованный беллетристический материал, уничтожили одного из конкурентов — и вернулись

¹ З. Н. Гиппиус. Живые лица. Вып. 1. С. 26; Д. Максимов. «Новый Путь». С. 162.

² По этому же адресу находилась квартира родителей будущего поэта, в 1918 году — убийцы председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого — Леонида Каннегисера: «Ваш Глеб Струве». Письма Г. П. Струве к В. Ф. Маркову / Публ. Дж. Шерона // Новое литературное обозрение. № 12. М., 1995. С. 129.

к исходному замыслу. И если можно говорить о преемственности НП и ВЖ, то лишь о сугубо избирательной, подчиненной вкусам Булгакова и Бердяева. Красноречивейшим свидетельством этой избирательной преемственности новой редакции НП и ВЖ стала обещанная в № 2 и 3 рассылка оттисков первых глав неоконченных в НП статей, касающаяся только работ Булгакова и Волжского. Лосский взялся поставить в приложение к журналу два сочинения столь дорогого авторам ПИ «практического философа» И. Г. Фихте: «О назначении человека»¹ и «Основные черты современной эпохи» (последнее не появилось). Несмотря на редакционный раскол, от творческого сотрудничества с ВЖ не отказались и Мережковские. Более того, Мережковский стремился подстроиться под новый дух журнала. Это видно, например, из издательской истории его статьи, представленной в ВЖ под названием «Христианство и мещанство». Пройдя корректуру еще в апреле 1905-го², в ВЖ она тем не менее не появилась. Лишь в декабре 1905-го, в первом номере «конкурирующей» с ВЖ в борьбе за левую интеллигенцию, но в религиозном отношении почти индифферентной — «Полярной Звезде» Струве — Мережковский смог напечатать статью. Однако на этот раз — под стать иному контексту — она называлась «Мещанство и русская интеллигенция».

Направление ВЖ ярче всего проявилось в политической его части. В первом же, январском номере журнала привлекал внимание розовый лист вклеенного объявления: «“Внутреннее обозрение” Г. Н. Штильмана и “Хроника внутренней жизни” Г. Ч<улк>ова, посвященные рабочему движению последних дней, не могли быть напечатаны в январском номере журнала “Вопросы Жизни” по не зависящим от редакции [цензурным] обстоятельствам». В том же номере Булгаков, вместе с Г. Н. Штильманом отзываясь на события 9 января, публиковал, как год назад в «Юго-Западной неделе», еще одно «С Новым годом!»³ и, вместо заведомо непроходной сквозь цензуру политической публицистики, анонсировал зловещее умолчание: «Нет на свете мук сильнее муки слова...» Рискованные в цензурном отношении материалы готовились в каждый номер ВЖ. Например, 10 февраля 1905 года «за воспевание ужасов революционного мятежа» цензура воспретила к печати включенное в мартовскую книжку ВЖ стихотворение Э. Верхарна (в переводе Брюсова) «Мятеж».

¹ Переводчиком этой книги был указан Л. М. Впоследствии, из помещенного в редактируемой Струве эмигрантской газете «Россия» некролога (№ 14. 26 ноября 1927 года), стало известно, что этим переводчиком был Л. С. Меерович.

² Д. С. Мережковский. Письмо к А. М. Ремизову от 19 апреля 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 5.

³ «С Новым годом!» Булгакова совершенно очевидно было приурочено к учредительному съезду радикально антисамодержавного, либерально-социалистического «Союза Освобождения» в Петербурге 3–5 января 1904 года.

Политической определенности ВЖ сопутствовало и желание бывших «ближайших сотрудников» НП выйти из тени и стать официальными руководителями журнала. 4 февраля 1905 года Главное управление по делам печати известило Департамент полиции о ходатайстве Н. О. Лосского, «слагающего с себя обязанности редактора “Вопросов Жизни”, утвердить в редакторах Д. Е. Жуковского и С. Н. Булгакова». И прежде снабдивший редакцию лишь двумя небольшими статьями, теперь Лосский вовсе воздерживался от сколь-нибудь регулярного сотрудничества с журналом¹. Но попытка освободиться от растущей ответственности за ВЖ Лосскому явно не удалась. Запросы Департамента полиции Санкт-Петербургскому градоначальнику и Киевскому губернатору (по основному месту жительства) о политической благонадежности Булгакова вызвали крайне неблагоприятные ответы, начисто закрывшие ему перспективу редакторства. О Булгакове начальник Киевского жандармского управления сообщал 23 марта 1905: Булгаков «известен по общему своему неблагонадежному направлению и особенно по публичным лекциям, читанным им в последние годы в г. Киеве, в которых, под видом “нового слова” в науке, он проводил самые крайние социалистические идеи, граничащие с противоправительственной пропагандой, чем снискал себе огромную популярность среди известной части молодежи, особенно еврейской и еврействующей²». В ходатайстве было отказано³.

Популярность Булгакова в еврейской среде была более чем понятна. Выражением его тогдашней позиции по еврейскому вопросу (в 1920 году она радикально изменилась в отрицательную сторону⁴) была громкая ста-

¹ См., например, отказ от написания заурядной рецензии: *Н. О. Лосский*. Письмо к А. М. Ремизову от 30 июня 1905 года // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 140. Напоминая Жуковскому о необходимости справиться в Главном управлении по делам печати о прохождении дела с переменной редактора ВЖ, Булгаков замечал: «ведь пора же отпустить Лосского» (Там же. Ед. хр. 68. Л. 2).

² Имея в виду, что основной аудиторией публичных лекций Булгакова было университетское и близкое ему студенчество, легко обнаружить особый киевский контекст этого жандармского сообщения. Согласно известному циркуляру министра народного просвещения И. Д. Делянова (1887), для учебных заведений, находящихся в черте оседлости евреев, процентная норма учащихся иудейского исповедания устанавливалась в 10 %. Тем не менее в 1903/1904 учебном году в Киевском университете св. Владимира число учащихся-иудеев составляло 13,4 % (*Г. И. Щетинина*. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 36, 38).

³ РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Д. 112. Л. 4.

⁴ *М. А. Колеров*. Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским погромам в 1920 году? // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

тья Булгакова по теме, которая в контексте его христианского социализма вполне могла сойти за общесоциалистическое радикальное отвержение традиционных империй ради мировой коммунистической революции, на практике выражаемой в бесконечной совокупности национальных государств¹.

Булгаков писал тогда на первой полосе газеты «Сын Отечества» (№ 113. СПб., 28 июня 1905 года) о двух образцах политики по национальному вопросу: о колониальных репрессиях Германии на польских землях, Британии в Трансваале, Ирландии, Индии и альтернативном им полном национальном самоопределении в пользу независимости даже против интересов, например, территориальной целостности и России:

«В газетах опубликован журнал комитета министров относительно наболевшего еврейского вопроса. Комитет признал, что с “государственной точки зрения вопрос этот имеет только одно разрешение — полное уравнение евреев в правах с прочими гражданами”. (...) В первом случае мы имеем всепожирающий эгоизм, признающий весь мир и все человечество существующим только для своего *я*. Перенесенный в область национальных отношений, он перерождается в национализм, смотря по обстоятельствам, то кроткий и благодушный, то — гораздо чаще — хищнический и насильнический. Во втором случае мы имеем единственно нормальное человеческое отношение, которое предписывает нам совесть, внятно говорящая: уважай чужую личность и чужую национальность, как свою собственную. Вот два непримиримых, противоречащих критерия: национальный эгоизм, государственный утилитаризм, политика государственного интереса — с одной стороны, требования национальной совести, международного братства, христианской любви и свободы — с другой. Во имя так называемого государственного интереса, верно или неверно понятого национального эгоизма, совершались и совершаются те международные преступления, которые дали повод Вл. Соловьеву метко назвать эту политику международным людоедством. Во имя государственного интереса, хотя и совершенно своеобразно понятого, натравливаются национальности одна на другую. Отношения же, наоборот, второго типа являются редким исключением, хотя должны быть общим правилом. (...) Нужно совершенно отказаться от первого критерия и принять второй — признать идеальное достоинство человеческой личности и естественные права на существование и самоопределение всякой национальности, хотя бы ее совершенно легко мог поглотить современный Левиафан. Пред нашей освобождающейся родиной, пред будущим народным представительством

¹ Подробно об этом: М. А. Колеров. Социалистический консенсус, национализм и социализм в перспективе освободительного движения в России начала XX века // Цемент и тело русского социализма. Краткая антология. М., 2023.

стоит сложный и трудный национальный вопрос, взвинченный до последней степени всей нашей историей и особенно последними событиями, плодом государственного разума бюрократии. И перед волей и совестью освобожденного народа предстанет вновь то же самое искушение: соблазнительная легкость вопросы совести и человеческого достоинства решить соображениями государственного утилитаризма и национально-эгоистического расчёта [sic]. Конечно, мы знаем, что существующие формы национального угнетения погибнут вместе с отжившим строем и не воскреснут, но этого мало: нужно отвергнуть искушение целиком, в самом корне признать и провести в жизнь принцип национального самоопределения без всяких ограничений, если бы даже “господствующей” нации пришлось при этом потерпеть, принести заслуженное искупление за свои национально-исторические грехи. (...) И соображения утилитаризма, т. е. национального эгоизма, должны быть совершенно отброшены там, где они сталкиваются с высшими этическими обязанностями народов. И если кто-нибудь упрекнет нас за это в отсутствии патриотизма, который нам проповедует националистическая пресса, мы ответим вместе с Вл. Соловьевым: “лучше отказаться от патриотизма, чем от совести”¹.

Думается, власти и без специальных запросов знали о политической неблагонадежности фактического руководства ВЖ: и по материалам Департамента полиции МВД за 1890-е — 1900-е годы, и по вполне легальным их текстам. Только что со страниц НП Булгаков заявил о своей «полной солидарности с русским марксизмом, поднявшим знамя экономического прогресса [то есть борьбы с капитализмом]»². В свою очередь Бердяев признавался, что «практическое движение, связанное с марксизмом, имеет огромные задачи, оно очень жизненно, и значение его я оцениваю очень высоко»³. Главное отличие своего направления от социал-демократии виделось Бердяеву в том, что названный проект «экономического прогресса» «идеалисты» утверждали не на «позитивных», а на «абсолютных принципах»⁴ и прямо соединяли политическую и экономическую программу социал-демократии с «мистицизмом» (Бердяев) или религией, все более сознаваемой как конкретное христианство (Булгаков). А общелиберальное требование «естественных прав человека» на личную и политическую свободу, «в устах позитивиста имеющее чисто отрицательное

¹ М. А. Колеров. Молодой Булгаков о еврейском вопросе: С. Булгаков. Два критерия (1905) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 2. М., 2018. С. 143–145. Переизд. М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

² Новый Путь. СПб. 1904. № 11. С. 352.

³ Там же. С. 362.

⁴ Там же. 1904. № 12. С. 325.

значение», в устах Булгакова приобрело смысл «свободного торжества религиозной истины»¹.

Как водится, учреждение собственного органа впервые позволило «идеалистам» критически отнестись к собственному наследию и подтолкнуло затормозившуюся к 1905 году идейную эволюцию «направления». Конфликт со старым НП не помешал ВЖ сразу же осознать свое качественное отличие и от НП и от раннего «идеализма». Обращаясь к предьстории журнала, Булгаков признавал, что «религиозной проповеди» НП «идеализм» авторов ПИ противопоставлял лишь «религиозную неопределенность». Однако, по мнению Булгакова, в отличие от проповеди «идеалистов», проповедь НП не имела успеха, ибо обращалась к *церковным* кругам и не указывала *интеллигенции* пути «от старого традиционного позитивизма к мировоззрению религиозному»². Учитывая опыт предшественников и вдохновляясь образом *религиозно-философско-общественного* синтеза Владимира Соловьева, ВЖ решали двуединую задачу: преемственности и преодоления наследия НП. Если первой служило отстаивание «автономии личности»³ и свободы совести, то второй — ориентация на «жизнь, как идеальную задачу, как нравственную норму, как меру вещей»⁴.

Вот уже три года как выдвинутый Мережковским практически одновременно с «идеалистами»⁵ лозунг «нового религиозного сознания» в предпринятом ВЖ соединении опыта НП и «идеалистов» получал особенную огласовку. В отличие от более позднего толкования, «новое религиозное сознание» ВЖ выступало не просто как христианское освящение языческой плоти, но как синтез религиозного освобождения личности и *обожения* плотской и *общественной* полноты жизни. Объективной основой для сближения Мережковских с «идеалистами» стало быстрое полевение первых и растущая «религиозная определенность» вторых. Параллельно тому, как ВЖ впитывало опыт НП, представители старой редакции НП Мережковские по-своему проникались *общественностью*

¹ Там же. 1904. № 11. С. 346.

² Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 3. С. 399–400. См. также: Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX — XX веков [Антология] / Под ред. А. А. Иванова. СПб., 2023. Часть 2: «Революционная смута (1905–1907)».

³ С. Франк. Проблема власти // Там же. № 3. С. 250.

⁴ С. Булгаков. Без плана: I. «Вопросы Жизни» и вопросы жизни // Там же. № 2. С. 348.

⁵ На то, что понятие «нового религиозного сознания» появляется впервые в книге Мережковского «Толстой и Достоевский», обратила внимание Ютта Шерпер: *Jutta Scherrer. Die Petersburger Religioes-Philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religioesen Selbstverstaendnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917)*. Berlin, 1973. S. 380, n. 105. Ср.: [П. Струве.] От редакции // Освобождение (Штутгарт). № 1. 18 июня 1902. С. 3.

«идеалистов». Однако, левая, «слишком индивидуалистичный»¹ Мережковский преодолевал любую *политическую* и *институциональную* общественность и призывал к тотальному противопоставлению христианства и государства, к «новому религиозному действию»², которое в принципе уничтожало само «освящение плоти» как основу «нового религиозного сознания». Отмеченная противоречивость позиции Мережковского только подчеркивала общую философскую уязвимость построений старого НП, заметно уступавших писаниям прошедших философскую школу «идеалистов». Только проповедуемое «идеалистами» и ВЖ «*философское* сознание» обязывало с особым вниманием отнестись ко всему, что стоит между «сознанием» и «действием», в том числе и к социальному бытию.

Разделяя отвращение Мережковского к любой государственности (еще в «Освобождении», полемизируя с Мережковским, Бердяев утверждал, что конечным идеалом исторически преходящих либерализма и социализма является анархизм, в идеалистическом истолковании являющийся главным прибежищем мистицизма), со страниц ВЖ Бердяев предлагал «освятить» и ее. Он писал: «Как смотреть на борьбу за освобождение, которая наполняет новую историю, на гордое восстание личности, на декларацию ее прав? Социальное освобождение протекало вне религиозного сознания, оставалось столь же неосвященным, как и любовь, как и жизнь пола, но мы не можем не признать бессознательной религиозной святости этого великого движения, иначе мы должны отвернуться от “земли”. Люди нового религиозного сознания должны принять и освятить борьбу за свободу, устранение насилия, гнета и властвования, хотя могут относиться с отвращением к позитивному строительству жизни, к культивированию инстинктов политической власти, которые свойственны всем направлениям и партиям, ставящим себе цели государственные. Когда в политических идеологиях идея власти, всякой власти, монархической или народной, всякой воли людской начинает заменяться идеей абсолютных прав, вечных ценностей всяких свобод, господства блага сверхчеловеческого, стоящего над случайной волей человеческой,

¹ З. Гиппиус. Живые лица. Вып. 1. С. 26. См.: «Если личность права, восставая против безличности, то и общественность права, восставая против одиночества. Принятие и подчинение миру так же присуще человеку, как и его отрицание. Но как войти в мир, не теряя своей личности? (...) Опирирая только над понятиями личность и общественность, из тупика не выйдешь, и неминуемо придешь либо к нищезанскому подчинению общества личности, либо к социалистическому подчинению индивидуума — среде» (Д. В. Философов. Слова и Жизнь. С. 112, 117).

² Д. Мережковский. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н. А. Бердяеву) // Там же. № 10/11. С. 360.

то тем самым расчищается почва для идеи вселенской теократии, для мистического безвластия»¹.

Теперь и опыт Религиозно-философских собраний и НП старой редакции получал иную, нежели в «Освобождении», оценку, словно не Булгаков с Бердяевым были ее авторами. «Был у нас журнал “Новый Путь”, — писал Бердяев, — который по-новому поставил целый ряд религиозных проблем (...) Писали там самые, может быть, талантливые у нас писатели. Несколько человек заинтересовалось этим течением по существу, остальные же или совсем игнорировали, или пытались разыскать что-нибудь реакционное, чтобы еще раз произвести утилитарный суд над мистицизмом. Много было недостатков и промахов в “Новом Пути”, но было в нем что-то истинно революционное, жажда религиозного творчества и новой, преображенной культуры»². «Ценным в рассуждениях г. Мережковского, — писал тогда Бердяев, — нужно признать постановку вопроса об отношении между духом и плотью. В “плоти” для него символизируется вся светская культура, наука, искусство, — и, исподволь подправляя Мережковского, Бердяев напоминал, — *государство*, брак»³. Интересно, что, то апеллируя к «социальной материи», то абстрагируясь от нее, Бердяев невольно не возвращался к «позитивистской» аргументации и воспроизводил классические тезисы разногласий между меньшевиками и большевиками внутри русской социал-демократии. Так же, как и меньшевики, исходившие из необходимости — на пути к социализму — предварительного достижения основных буржуазных свобод, Бердяев взывал к «реалистическому пути», «сложности и многообразию способов борьбы, неизбежности временных соглашений» с либералами, обвинял революционеров-марксистов в «народническом перерождении» — и вновь присягал «классовой политике», «реалистическим и научным идеям марксизма» и «эволюционному социализму»⁴. К какой бы мистике ни обращался Бердяев, его посюсторонняя социально-политическая идеология по-прежнему оставалась идеологией марксистского ревизионизма.

И если, несмотря на всю свою непоследовательность, Бердяев все же заметно отходил от «социальной материи», то Булгаков, укрепляясь в реформационных настроениях, не отступал от жесткости своей социально-политической программы. Бердяев по-прежнему высоко оценивал

¹ Проект свободной христианской теократии был в то время актуализирован Е. Н. Трубецким. См.: Е. Н. Трубецкой. Философия христианской теократии в V веке. Учение Блаженного Августина о граде Божием [1891–1892]. М., 2011. С. 3–5.

² Николай Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. С. 283.

³ Там же. С. 148–149.

⁴ Там же. С. 206, 223–226, 383.

«социальное значение борьбы с буржуазией»¹. А Булгаков — призывал заменить традиционно осуждаемый марксистами «стихийный характер капиталистического производства» марксистской же «планомерностью», «высшей, более справедливой формой производства»². «Социалистические идеи... вовсе не характерны для марксизма как такового, ибо могут соединяться и с противоположным теоретическим мировоззрением, — писал Булгаков. — Стремления к уничтожению коренной неправды капиталистического строя, которые в общем и целом охватываются понятием социализма или коллективизма, должны быть без колебаний включены в требования христианской политики. (...) Более соответствует истинному христианству идти вместе (...) с Марксом и Лассалем в рабочем вопросе»³. «В области политической мы отстаиваем программу радикально-демократическую, — подводил итог Булгаков, — в области же социальной политики — социалистическую, хотя и не в доктринальном, а более широком смысле этого слова, допускающем и самостоятельную [то есть отрицающую марксистский проект крупного и коллективного сельскохозяйственного производства] постановку крестьянского вопроса» (№ 2. С. 351). Солидарен был Булгаков и с В. Ф. Эрном в том, что «коммунизм должен быть признан нормой имущественных отношений»⁴.

Предпринятое ВЖ религиозно-философское обоснование социального радикализма носило сугубо «практический» характер, ибо, по словам Булгакова, «только религия обосновывает социальную политику и социальное мировоззрение. (...) Современные позитивные социологи разных направлений (все равно, — марксисты или представители “субъективной социологии” ...) с хитрым видом открывают, как будто неожиданно для себя и как будто помимо своей воли, подчиняясь лишь силе вещей и объективным требованиям науки, те самые идеалы, которые внутренне заранее имелись в душе у каждого и даже не подвергались серьезному сомнению... Науке приписывается, наукой добывается, научно доказывается нечто такое, что сверхнаучно по самому своему существу, что дано человеку. (...) Поэтому, хотя позитивная социальная наука, в особенности политическая экономия, много и честно поработала над разрешением действительно

¹ Там же. С. 160, 215.

² Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 1. С. 21.

³ Там же. № 10/11. С. 242; № 4/5. С. 502.

⁴ И это были не только слова: современник вспоминал, что «Эрн и Свенцицкий жили коммунистически, имея все общее» (Н. Н. Русов. Из жизни церковной Москвы. О. Валентин Свенцицкий // Накануне. 1922. 3 сентября. № 124. С. 2). По свидетельству соученика, Свенцицкий «не имел своего имущества» (Марк Вишняк. Дань прошлому. С. 31). О выступлениях Эрна в ВЖ «в духе христианского коммунизма» вспоминал и С. А. Аскольдов: С. Аскольдов. Памяти В. Ф. Эрна // Русская Мысль. М.; Пг., 1917. Кн. 5/6. II отд. С. 133.

научных проблем социальной политики и тем самым подготовила материал для сооружения здания социальной политики, ему не хватает фундамента; громадное, многочленное тело остается как бы без души»¹. Родившееся ad hoc кредо ВЖ вскоре обнаружило свою принципиальную глубину и придало новый смысл лозунгу «*философского сознания*» и всей идущей от ПИ традиции свободного философствования. Теперь позволительно было реанимировать старый лозунг «в защиту [философского] *идеализма*» как формулу перехода от позитивистской общественности к религиозной. Значение идеализма для перехода от интеллигентского позитивизма к религии — по сути религиозно-философскую программу, внутренний замысел ВЖ — в открытом письме Булгакову на страницах журнала изложил Е. Н. Трубецкой, с середины 1904 года державшийся в стороне от издательской инициативы коллег-«идеалистов».

Е. Н. Трубецкой советовал, не отказываясь от «обсуждения вопросов христианской политики», подобно Владимиру Соловьеву, «совершить путешествие в Афины и перебросить мост через пропасть», разделявшую религию и философию². Говоря о перспективах соловьевской «христианской политики», Трубецкой признавался: «Как только мы вступаем в эту область, нам волей-неволей приходится, прежде всего, иметь дело с “иудеями”, коих сила еще и до настоящего времени не поколеблена... Плодотворнее может оказаться наша работа в другой сфере, именно в той, где нам приходится иметь дело с эллинами»³. Одним словом, Е. Н. Трубецкой признавал бесперспективную ориентацию «нового религиозного сознания» круга Религиозно-философских собраний и старого НП на духовенство («иудеев») и поддерживал ВЖ в их неизбежной ориентации на интеллигенцию — «эллинов»⁴ — хранителей языческой, светской мудрости, отстаивающих гуманизм и индивидуализм, и в своей вере в прогресс вплотную приблизившихся к признанию провиденциального плана бытия. Так *политическая* реальность получала *философское* оправдание. Булгаков «всецело принял» программу Е. Н. Трубецкого. Для преодоления пропасти, писал Булгаков, «философия должна искать Бога, это ее высшая и последняя, пожалуй, единственная задача». Одно только это заявление, во-первых, ставило Булгакова вне сложившейся практики «идеализма» и, во-вторых, уточняло издательско-публицистическую программу писателя: слова Булгакова можно было истолковать как его

¹ Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 1. С. 16–17, 19.

² *Евг. Трубецкой*. Памяти В. С. Соловьева. Открытое письмо С. Н. Булгакову // Там же. № 2. С. 387–390.

³ Там же. С. 388–389.

⁴ Вслед за Гейне, под «иудеями» В. В. Розанов понимал носителей монотеизма, а под «эллинами» — политеизма.

желание, в отличие от Е. Н. Трубецкого, соединить политико-философское начало («эллинов») с церковным («иудеев»). Логично, что, откликаясь таким образом на открытое письмо Трубецкого, Булгаков оценивал итоги «идеалистического направления» и результаты его союзничества со старой редакцией НП: «Для того, чтобы современный человек, вкусивший от цивилизации XIX века с ее научными и философскими завоеваниями, с ее рационализмом и позитивными предрассудками, стал слушать учение о богочеловечестве Христа, нужно найти язык, для него доступный и убедительный, нужно выразить эту мысль в терминах и понятиях, которые свойственны современному человечеству. Официальная церковность этого языка давно не имеет¹. (...) [Необходимо] найти такую форму мысли, в которой вечные истины христианства представлялись бы необходимым выводом свободной философской мысли, которая допускала бы высшее освящение жизни и культуры — вот высшая задача для современных “эллинов”, понявших все значение религиозных вопросов». С этой точки зрения иначе выглядела и история встречного движения интеллигенции церковной (Религиозно-философских собраний) и интеллигенции религиозно-общественной («идеалистов»): «Против стремления удержать неподвижность мысли, уже после смерти Соловьева, возгорелась борьба на двух противоположных пунктах: на фланге позитивизма “научного” выступило так называемое идеалистическое движение, на фланге позитивизма официально-церковного открыло свою деятельность религиозно-философское общество [Собрания]. (...) Идеалистическое направление, поскольку оно выразилось в сборнике “Проблемы идеализма”, до сих пор определялось главным образом в противоположность догматическому позитивизму. Последнее мировоззрение, и до сих пор сохраняющее власть над умами значительного большинства русской интеллигенции, считало себя единственным, способным дать идейное обоснование идеалам общественного прогресса, переустройства политических и общественных отношений на началах свободы и справедливости. Задачей сборника “Проблемы идеализма” явилось поэтому, прежде всего, поколебать этот основной догмат и показать его совершенное несоответствие истине. Общим мотивом, проникающим весь сборник и, до известной степени, объединяющим его довольно разнохарактерное содержание, было доказательство того положения, что... передовые общественные программы только и могут, а следовательно, и должны обосновываться на предпосылках философского идеализма. Задача сборника была философско-публицистической, так что более точное заглавие его было бы: *проблемы социального идеализма*. В решительной и ясной

¹ Ср. мнение Бердяева об отсутствии общего языка у политиков и философов (Там же. № 4/5. С. 330).

постановке проблем социального идеализма, в раскрытии социально-этической ценности философского идеализма вообще состоит и своеобразие, и значение сборника. За этими границами он перестает удовлетворять предъявляемым иногда к нему требованиям. Уже в области философско-метафизических вопросов он становится шатким и неопределенным... [Сборник] совершенно лишен какой-либо окраски и определенности в отношении проблем религиозного идеализма. Сборник почти совсем не занимается вопросами религиозной философии и в целом стоит в этом смысле вне религии и, в частности, вне христианства. (...) Кто сказал А, тот должен сказать и Б, и в интересах идейной ясности и идейного прогресса в настоящее время необходимо уже продвинуться вперед с позиции, занятой “Проблемами идеализма”. Эта позиция вообще может рассматриваться только, как переходная и временная, и теперь необходимо внести уже большую ясность в отношении как метафизического, так и религиозного мировоззрения. “Идеализм” в достаточной мере определился как в своем отрицании позитивизма философского и социологического, так и со стороны политического и социального мировоззрения»¹.

Перед лицом политической (либеральной) и социальной (социалистической) определенности Булгаков требовал от коллег и союзников также и определенности религиозной (конфессиональной): «Позиция литературной группы, выступавшей на религиозно-философских собраниях и на страницах “Нового Пути” (первоначальной редакции) в то время довольно значительно отличалась от позиции “идеалистов”, несмотря на несомненное духовное родство между теми и другими (...) В противоположность религиозной неопределенности, можно сказать, аморфности “идеализма” в целом, “новопутейцы” выступили именно с религиозным мировоззрением и религиозной проповедью, причем некоторые из них стояли определенно на христианской почве». Однако, по словам Булгакова, прямо адресованным Мережковским, «стоя сами на религиозной почве, они [“новопутейцы”] не указывали того, приемлемого и для эллинов, пути, который вел бы от старого традиционного позитивизма к мировоззрению религиозному... (...) От позитивизма к религиозно-философскому миросозерцанию может быть перекинут мост религиозного идеализма,

¹ Ср.: «Социальный идеализм идет дальше исторического материализма и в том смысле, что он стремится быть миросозерцанием не только определенного класса, но и всего человечества. (...) Философский идеализм дает нам непоколебимую надежду окончательно свернуть иго реакционного обскурантизма, уже надломленное живительной бурей исторического материализма» (Г. Г. Шпет. Новейшие течения в социальной науке (1903) / Реконструкция текста Т. Г. Щедриной // Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма. М., 2012. С. 51).

теоретической философии, интересы которой остались в незаслуженном небрежении у “новопутейцев”. (...) В петербургском религиозно-философском движении (и его литературном органе) был и другой еще более существенный пробел или дефект, — ему не хватало здоровой общечеловечности. Проповедуя религиозное освящение жизни и культуры, оно держалось вместе с тем на известной высоте над жизнью, оставаясь вне ее, не связывая себя живою и кровной связью с текущими требованиями этой жизни, с историческими задачами и потребностями политического и социального прогресса. (...) Религиозно-философское движение должно быть насквозь пропитано общественностью, быть органически связано с общественно-историческими задачами времени. (...) Общественный индифферентизм есть грех и преступление. Общественные стремления современного человечества к торжеству демократии и социализма¹ соответствуют требованиям и христианства, — не по своему теоретическому — позитивно-материалистическому — обоснованию, которое противоречиво, фальшиво и убого, — но по своему нравственному содержанию»².

Именно в этом смысле Булгаков полагал возможным говорить о «христианском прогрессе»³ и признавать религию — «силой социального прогресса»⁴. К лету 1905 года в булгаковской практике возникло не вполне обычное соединение общелиберальных начал с религиозными. Дело в том, что, при общем полевении и без того вполне левого либерального движения (что было зафиксировано в решениях III съезда «Союза Освобождения» 25–27 марта 1905 года), апелляция к христианству была в первую очередь следствием глубокой неудовлетворенности «приземленностью» и недостаточной «радикальностью» либеральной политики. Здесь радикализм политический и философский оказывались синонимичны, а отторжение от насилия как практики радикализма заставляло искать иных, внеполитических целей. Вся исследуемая на страницах ВЖ социально-политическая практика легко поглощалась соловьевским лозунгом «христианской политики». Однако, положив «христианскую политику» в основу своей социалистической социально-политической программы, Булгаков непременно вынужден был бы доказывать, что каждое его практическое действие прямо следует требованиям христианства, апеллирует к христианству не только во имя (либеральной) *свободы*, но и в целях (социалистической) *справедливости*. Так родилась формула

¹ Социализм как «мыслимый предел социально-экономической организации» входил и в кредо Бердяева (Там же. С. 332, прим.).

² Там же. № 3. С. 388–410.

³ См.: В. П. Свенцицкий. Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906. С. 21.

⁴ Вопросы Жизни. СПб., 1905. № 1. С. 36–37.

«христианского социализма», в 1905–1906 годах поставленная Булгаковым в план общественной реализации.

Лабораторией «христианской политики» в ее христианско-социалистическом изводе — в непосредственной близости от Булгакова и ВЖ — стало «Христианское Братство Борьбы». Его создали в Москве революционно и религиозно настроенные студенты Эрн и Свенцицкий¹. Инициатива их развивалась под стать не менее динамичным церковно-политическим событиям, вынуждавшим даже сугубо религиозно-философских или общественных деятелей самоопределиться по отношению к главнейшим вопросам церковной реформы, чьи цели освобождения церкви от государственного диктата и достижения свободы совести одновременно были и целями реформы политической. Проблемы восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви, созыва ее Поместного Собора, веротерпимости давно вышли за пределы внутрицерковного и академического обсуждения и конкурировали с событиями русско-японской войны по обращенному к ним вниманию прессы. Еще 12 декабря 1904 года Николай II публично обещал гарантировать веротерпимость по отношению к инославным и нехристианским исповеданиям Российской империи. Началась активная подготовка церковной реформы в Комитете Министров, а с 13 марта 1905 года — по указу Николая II — она была перенесена в стены Синода. Созыв Собора ожидался уже в мае-июне 1905 года. В день указа от 13 марта для составления своих пожеланий Синоду в Петербурге собралось совещание столичных священников («группа 32-х священников», в том числе: Г. С. Петров, арх. Михаил и др.), заявившее о необходимости срочного восстановления автономии, соборности и единства церкви и вскоре сложившееся в «Братство Ревнителей Церковного Обновления». Совещание, впрочем, не ставило перед собой политических задач, но оказало мощное влияние на внесения церковной проблематики в общеполитический контекст, в котором гораздо привычнее было действовать светским интеллигентам. На Пасху 1905 года — 17 апреля появился императорский Манифест о веротерпимости, но Собор откладывался. В атмосфере растущей податливости и неустойчивости власти вполне реалистическими казались любые предположения о политических и церковных перспективах самодержавия.

Как вспоминал А. В. Карташёв, в самом имени «Христианского Братства Борьбы» (далее — ХББ) «подразумевалось — *борьбы* за расторжение старорежимного союза Православной Церкви и Самодержавной Власти и выведение церковных сил на поле борьбы свободной общественности

¹ См. наиболее полное собрание текстов Свенцицкого этого времени: *Прот. В. П. Свенцицкий. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем. Обращения к народу. 1905–1908* / Сост. С. В. Чертков. М., [2010].

за новый конституционно-демократический строй в России. Причем, в духе Вл. Соловьева, подразумевалось завоевание высоких и властных позиций для Православной Церкви для выявления ее независимого, свободного, евангельского голоса в жгучих вопросах современности: культурных, социальных, политических. Два Аякса — Эрн и Свенцицкий — ярко разнились по темпераментам. Эрн (...) весь был ученость, разум, строжайший морализм. Высокий, с бледным, безбородым, никогда не улыбающимся лицом, в обычном для того времени черном сюртуке, он казался протестантским пастором какой-то морализующей секты, являя собою пример протестантского пафоса в православии. Его друг-сподвижник Свенцицкий, (...) невысокий блондин с большими серо-голубыми глазами, напряженно и требовательно на всех смотрящими. Какой-то едва сдерживающий себя Савонарола, готовый разразиться обличениями, анафемами, повести толпу за собой». В конце января 1905 года, по горячим следам Кровавого воскресенья В. Ф. Эрн и В. П. Свенцицкий, расклеив несколько антиправительственных листовок в Москве, приехали в Петербург. Карташёв свидетельствует: «Юные активисты явились на собрание в редакции “Вопросы Жизни”. Обсуждалось отношение Церкви к текущим революционным событиям. Только что Св. Синод, еще под цензурой К. П. Победоносцева, опубликовал свое “Послание ко всем чадам Православной Церкви”. Послание холодно-обличительное, как говорили тогда, “казенное”. В жгучей, взволнованной атмосфере момента оно казалось, по своему равнодушию к существу дела, каким-то вызовом». В присутствии Булгакова (?), Аскольдова, Франка, Волжского и Карташёва Эрн и Свенцицкий предложили устроить демонстративную, «в пику Синоду», панихиду по жертвам 9 января. Это вызвало резкий и принципиальный протест Франка. Он говорил: «Я понимаю демонстрацию как акт внешний, боевой и до известной степени грубый, но молиться Богу “в пику кому-то”, примешивать сюда мои интимные отношения к Богу — этого я ни понять, ни принять не могу»¹. Так, уже в январе 1905 года обнаружилось глубокое различие внутри «идеалистического направления» — различие между глубоко индивидуалистической и ярко общественнической религиозностью, вскоре развившееся в расхождение между внутрицерковными «христианскими политиками» (Булгаков и ХББ) и внецерковными «гуманистическими христианами» (Струве и Франком).

Другим предложением, с которым деятели ХББ прибыли в Петербург, стало обращение церковной и светской интеллигенции с коллективным протестом против Послания Св. Синода. По воспоминаниям Андрея Белого, «Волжский восторженно заявлял: появились-де “религиозные радикалы”. Собрались мы в Пале-Рояле у П. Перцова: обсудить предложение

¹ А. В. Карташёв. Мои ранние встречи с о. Сергием. С. 48–50.

“неистовых москвичей”; кроме себя, Мережковских и Перцова, помню на том собрании Философова, Розанова и Тернавцева; Розанов и Тернавцев тогда отнеслись невнимательно к предложению Свенцицкого»¹. Далее этого общение ВЖ с ХББ не распространилось.

Весной, на новой волне политического кризиса после гибели эскадры Рождественского в Цусимском бою 14–15 мая 1905 года, «неистовые москвичи» вновь посетили Петербург и предприняли новую попытку сближения с ВЖ. Теперь они уже не замыкались в кругу Мережковских и, думается, в полной мере использовали свои московско-университетские знакомства с С. Н. Трубецким, Новгородцевым и Котляревским. Однако деятелям ХББ вновь не удалось познакомиться с руководителями журнала: Бердяев уехал в Киев, а затем на все лето удалился в деревню под Харьковом². Булгаков также весну проводил в Киеве, а лето — в Крыму.

Лишь в июне 1905 года, будучи проездом в Москве, Булгаков, наконец, встретился со Свенцицким и Эрном и оценил степень близости их убеждений своим. Позднее, на близком ему художественном языке, он вспоминал о впечатлении, которое произвел на него Эрн: «Запечатлелся в памяти характерный подъем головы, так напоминающий фигуры шествия в рай на киевской фреске В. М. Васнецова, — радостная жертвенность самоотдания, “блаженны мертвии, умирающие о Господе”»³. При этом Булгаков обнаружил, что исповедуемый «неистовыми москвичами» «христианский социализм» носит на себе явственный отпечаток философских интересов определенно соловьевского толка, то есть является именно тем синтезом религии, философии и общественности, чего он сам искал и проповедовал в течение последних трех лет и особенно — со страниц ВЖ. Обнаружилось, что ХББ направило свою неординарную энергию не только на расклеивание листовок, но и на организацию Религиозно-философского общества

¹ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке // Эпоха. Литературный ежемесячник. № 3. Декабрь. Берлин, 1922. С. 230.

² Александр Вадимов. Жизнь Бердяева. С. 78–79.

³ С. Булгаков. Афродите-Деметре (Памяти Вл. Фр. Эрна, сконч. 29 апреля 1917 года) // Ветвь. Сборник клуба московских писателей. М., 1917. С. 264. Ср.: С. Булгаков. Памяти В. Ф. Эрна // Христианская Мысль. Киев, 1917. № 11/12. С. 62–68 (речь в заседании Московского РФО 22 мая 1917 года, посвященном памяти В. Ф. Эрна). В истории этого заседания Московского РФО памяти Эрна много интересных деталей: поначалу оно было назначено в Богословской аудитории Московского Университета как публичное на 19 мая 1917 года. Речи в нем должны были произнести Бердяев, Булгаков, Андрей Белый, С. Н. Дурылин, о. С. Соловьев, Г. А. Рачинский, Е. Н. Трубецкой, В. М. Турбин и о. П. Флоренский. Вскоре отмененное, это заседание было объявлено закрытым, перенесено в Помещение РФО в Мертвом переулке, дом 9 и назначено на 26 мая 1917 года (ОР РГБ. Ф. 25. К. 29. Ед. хр. 18. Лл. 8–9, 13).

памяти В. С. Соловьева¹. Первые, еще нелегальные, собрания РФО в Москве в Зачатьевском переулке, по воспоминаниям Андрея Белого, стали заполнять те, кого с точностью можно назвать героями и аудиторией ВЖ: «священники, социалисты-революционеры, сектанты, эстеты, марксисты, студенты, доценты и нищанцы»². Легко предположить, сколь глубоким оказалось созвучие левизны Свенцицкого и Эрн с левизной Булгакова. Несмотря на то что вплоть до лета 1906-го, то есть до переезда из Киева в Москву, Булгаков пребывал вне главных событий РФО и ХББ, Свенцицкий и Эрн, столкнувшись с довольно прохладным отношением со стороны Мережковских, расценили сам факт идейного сотрудничества с ним как ценнейшее приобретение. Со своей стороны, и Булгаков, по свидетельству Андрея Белого, «совершенно подпал под обаяние Свенцицкого».

Примечательно, что ВЖ еще весной 1905-го и без Булгакова оказали поддержку ХББ. В редакции ВЖ «трещал мимеограф Чулкова; Чулков здесь часами вытрескивал... резолюции и протесты (...) общественных групп»³. И среди них, как можно предположить, листовки ХББ. В одной из них сообщалось: «В России образовалась новая политическая партия, именуемая “Христианским Братством Борьбы”. Братство имеет целью активное проведение в жизнь вселенского христианства». Среди ближайших задач ХББ назывались политическое и церковное освобождение и достижение социализма: «борьба с самым безбожным проявлением светской власти — с Самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества», «борьба с пассивным состоянием церкви в отношении государственной власти, в результате чего церковь идет на служение самым низменным целям и явно предает Кесарю Божье», «утверждение в социально-экономических отношениях принципа Христианской любви, содействуя переходу от индивидуально-правовой [частной] собственности к общественно-трудовой»⁴. Похоже, именно благодаря посредничеству издателя ВЖ Д. Е. Жуковского, посетившего весной 1905 года Струве в Париже по делам «Освобождения», в этом журнале появилось одно

¹ О Киевском РФО см: *Наталья Филиппенко*. Киевские философские общества начала XX века. М., 2021. О Петербургском РФО см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3 тт. / Сост. О. Т. Ермишин, О. А. Коростелев, Л. В. Хачатурян. М., 2009.

² *Андрей Белый*. Воспоминания о Блоке. С. 230. Ср. в письме Чулкова Брюсову: «Навестите нас, это странное гнездо, где собрались целомудренные язычники, развращенные христиане, веселые революционеры и мрачные декаденты...» (ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 46. Л. 3).

³ *Андрей Белый*. Воспоминания о Блоке. С. 237, 219.

⁴ Цит. по: *Е. В. Иванова*. Флоренский и Христианское Братство Борьбы // Вопросы философии. М., 1993. № 6. С. 162–163.

из воззваний ХББ¹. Такой акт прямого сотрудничества ВЖ со Струве лишний раз свидетельствовал о неослабевающей политизированности журнала². Очевидно, что крайний политицизм ВЖ служил главным двигателем оттеснения от руководства журналом Мережковских (сотрудничество Мережковских с ВЖ тем не менее продолжалось) и главным импульсом к сотрудничеству с ХББ³.

Примечательно, что листовки ХББ «Верующие против самодержавия» и «К Обществу» были перепечатаны и в швейцарской большевистской газете «Вперед» 23 (10) марта и 12 апреля (30 марта) 1905 года (№ 11. С. 11; № 14. С. 12–13)⁴.

¹ Воззвание к военным // Освобождение. Париж. № 73. 6 (19) июля 1905 года (рубрика «Верующие против самодержавия»).

² Комментируя новость о приезде Д. Е. Жуковского из Парижа, Булгаков так писал Ремизову 24 апреля 1905 года: «Хозяину выразите мое удивление, что он со мной не делился своими парижскими “личными впечатлениями”, относимися к “тайным парижским притонам”. Не пострадает ли добродетель наших читателей от этих личных “впечатлений”» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1). Речь шла, конечно же, о рискованных встречах Жуковского с «политическим преступником» Струве, которые вновь, как и в 1904-м, могли привести к уголовному преследованию Жуковского и тем самым привести к закрытию ВЖ, официальным редактором-издателем коих он был. Что же касается реального фона булгаковских иносказаний, то они раскрываются в неопубликованных воспоминаниях Д. А. Лутохина о коллективном разговоре со Струве (видимо, с участием Жуковского) весной 1905 года: «Подтрунивали над П. Б., что он не знает ночного Парижа, кто-то [Жуковский?] обещал его свести в один из ночных садов на Елисейских полях. П. Б. заявил, что он “без предрассудков” и воспользуется чичероне» (Там же. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 10. Лл. 17–26). К этому времени, видимо, относится и проект направления главного политического публициста ВЖ Г. Н. Штильмана за границу в качестве помощника Струве «по Освобождению».

³ Интересно созвучие понятийного языка ХББ с понятиями ВЖ, обнаруживающееся в письме Андрея Белого к Флоренскому от 14 августа 1905 года. Вспоминая время своей близости к ХББ, Белый писал: «Вопросы о религии стали для меня тошнее касторки: слишком много весной собирались и говорили, говорили, говорили. И все с пылом, с жаром, с нервами. Могу сказать, что общение с вопросами “Х. Б. Б.” выбило из меня на несколько месяцев всякую религию...» (Вестник РХД. № 114. С. 153). Так, в рамках практической одной и той же среды в 1903–1905 годах идеологические проекты эволюционировали от «вопросов философии» через «вопросы жизни» — к «вопросам религии». Ср. мемуарное: «Религиозная тема ставится теперь как тема жизни, не только как тема мысли» (Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 453).

⁴ «Вперед» и «Пролетарий»: первые большевистские газеты 1905 года. Полный текст под ред. Истпарта и со вст. ст. М. Ольминского. Вып. II. М., 1924. С. 31, 96–97.

Тем временем Булгаков и Бердяев целенаправленно наполняли редакцию ВЖ своими киевскими знакомыми. На ставшую вакантной с переходом Чулкова на руководство литературно-критическим отделом должность заведующего редакцией Бердяев привлек своего товарища по вологодской ссылке А. М. Ремизова. В первые же дни существования ВЖ Ремизов уже находился в Петербурге¹. Бердяев писал жене в Киев: «Ремизовых перетаскиваю в Петербург, и это будет для нас большое приобретение. Они могут составить часть приятной атмосферы отношений с людьми в противовес неприятной атмосфере Мережковских»². О многообразии своих функций, журнальное ведомство которых Булгаков определил как «департамент внутр. дел и финансов»³, Ремизов вспоминал: «Я занимался в “Вопросах Жизни” ведением бухгалтерии, хранил кассу, высчитывал гонорары, регистрировал рукописи, вел корреспонденцию, занимался экспедицией, занимал ожидающих редактора писателей, доставлял всевозможные справки и, принимаемый иногда за что-то вершашее, научился принимать на себя гнев особ, рукописи коих поступали мне для возвращения»⁴. Среди последних все чаще можно было встретить клиентов литературно-критического отдела Чулкова⁵.

Уже в середине апреля, на волне церковно-политического кризиса, появился проект массового издания, претендовавшего оседлать христианско-социалистическую моду, 16 апреля К. М. Аггеев сообщал в письме к П. П. Кудрявцеву из Петербурга в Киев: «Журнал-газета предполагается недельный, по направлению должен примыкать к “Церковному вестнику” и “Вопросам Жизни”. Особенность физиономии в сотрудничестве светских и духовных. Распорядителями дня будут духовные, а в числе постоянных сотрудников — многие из редакции “Вопросов Жизни”. Редактор — светское лицо, что необходимо в делах церковных, при нём второй, негласный, — редактор духовный. Я лично намечаю редактором

¹ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Публикация И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 137. Отвечая на запрос Ремизова о возможной работе в редакции НП, И. Чулков писал ему 8 декабря 1904 года: «Сейчас, на этих днях, нужен человек для экспедиции — это все-таки заработок: приезжайте поскорее в Петербург» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 88).

² Цитирую по копии письма из собрания А. В. Вадимова.

³ С. Н. Булгаков. Письмо А. М. Ремизову от 24 апреля 1905 года // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1.

⁴ ОР РГБ. Ф. 746. К. 40. Ед. хр. 50. Л. 3. Опубликовано: *Михаил Гершензон. «Узнать и полюбить»*. Из переписки 1893–1925 годов / Сост. Е. Ю. Литвин. М.: СПб., 2016. С. 308–309.

⁵ См. отказы в публикации статьи и стихов Андрея Белого со ссылкой на результаты редакционного обсуждения: Там же. Ф. 25. К. 12. Ед. хр. 29. Лл. 3, 5.

Александра Сергеевича Глинку-Волжского, если позволят (он из поднадзорных). Чрезвычайно милый, и я его считаю глубоким. По убеждениям, как и Мережковский признаёт, наиболее подходит к нам. Мы бываем друг у друга. Вторым редактором сую себя: мне не хочется выпустить из своих рук это дело. Это совпадает с желанием большинства духовных и светских. О. Петров говорит, что если светские примут деятельное участие в журнале, то средства он даст: его одного слова достаточно Сытину, и тот ссудит нас. Пред своим отъездом в Палестину о. Григорий заходил ко мне и сказал, чтобы на всякого рода издательское дело я располагал его средствами. “Если бы понадобилось сто тысяч на самое широкое распространение наших сборников, Вы не смущайтесь”...»¹ Явная, как минимум наивная мания величия Г. С. Петрова была Аггееву не очевидна.

2 апреля 1905 года Аггеев сообщал в письме к Кудрявцеву из Петербурга об усилиях по интеграции авторитетного в интеллигентных кругах революционера, а теперь всё более христианского социалиста Булгакова с внутрицерковными реформаторами: «Большое спасибо С. Н. Булгакову. На днях он после сношения со мной устроил при редакции “Вопросов Жизни” заседание литературно-философского общества по вопросу церковной реформы. Я привёл на заседание из своих 10 человек. (...) На заседании были Мережковский, Розанов, Бердяев, Волжский-Глинка, Аскольдов, Лосский, Философов, Минский и др. Председательствовать просили С. Н. (...) В числе резолюций совещания: если будет собор из одних епископов, он нами не признан будет, и мы по долгу своей совести будем протестовать против него всеми явными, т. е. с подписями — способами. Движение против монахократии растёт так, что с ним придётся считаться. Боюсь, чтобы не вышло чего похуже. Завтра собираемся для редактирования нашей записки о необходимости хотя бы не полноправного участия в Соборе пресвитеров и мирян. Предвидим, что митрополит не разрешит печатать. Наступает первый шаг открытой борьбы... Наступает испытание и для нашего кружка, теперь механически разросшегося. На всех нас заседание р.-ф. общества оставило самое хорошее впечатление, а наши светские оппоненты кричали: “Говорите так, как теперь, мы за вами пойдём”. Положено собираться по крайней мере два раза в месяц. Хотели еженедельно. Мы завопили. В следующий четверг будет заседание. Были стенографистки, мы все единогласно на запрос сказали: просим и стенографировать, и печатать вполне откровенно, только по предварительном прочтении, чтобы была возможность исправить ошибки. Говорили ведь горячо. Помню, когда я заговорил, то стенографистка беспомощно остановилась, опустив руки...»²

¹ Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017. С. 168.

² Там же. С. 152.

Через месяц, 9 мая 1905 года, Аггеев продолжал в письме к Кудрявцеву церковную хронику медийных усилий христианских социалистов. Он писал: «Вечером предположено было у меня маленькое собрание с участием из “Вопросов Жизни” Булгакова, Волжского, Аскольдова, Карташёва. Вчерашнее собрание прошло очень хорошо и мило. Читали мы нашу записку и корректурную статью Булгакова по поводу Собора и записки 32-х. Много говорили о сборнике и о еженедельной газете с участием, самым деятельным, “Вопросов Жизни”. Намечены редакторами свящ. Аггеев и Карташёв (между нами, он ведёт в “Вопросах Жизни” “Религиозную хронику” под псевдонимом Уральского). Официальным будет кто-либо безвинный. Теперь я веду деятельные письменные сношения с о. Петровым: журнал м. б. изданием Сытина...»¹

В апреле 1905-го, находясь в Киеве, Булгаков пытался привлечь к редактированию экономического отдела ВЖ и Льва Шестова, который был не только (подобно Булгакову) учеником профессоров-экономистов И. И. Янжула и А. И. Чупрова, не только известным оппонентом Мережковского, но и членом киевского круга Булгакова и Бердяева, к тому же дружески и родственно связанного с супружеской четой Е. Ю. Пети и С. Г. Балаховской-Пети — близких сотрудников Струве в деле издания и распространения «Освобождения». С 1899 года Шестов был лично знаком и со Струве². Однако, как вскоре сообщил Ремизову сам Булгаков, «Шестов от редактирования экономического отдела отказывается»³.

И вновь в развивающиеся планы Булгакова вмешались финансовые трудности издателя. Булгаков писал Волжскому 22 июня 1905 года из Москвы: «Д. Евг. [Жуковский] здесь и, по обычаю, ноет. У меня нет уверенности, что журнал наш будет существовать в следующем году, а если будет, то в оч^{ень} измененном и сокращенном виде. Таково настроение Д. Е. (впрочем, Вы знаете, как оно изменчиво), и трудно его убеждать, зная, что он в этом году теряет 30 т^{ысяч} рублей». Но продолжать это дело следовало бы, и в конце концов оно себя окупило б». Впрочем, материальные трудности издания были надежно укрыты от публики: все летние номера входили в свет с завидной аккуратностью 12 числа каждого месяца. По мере возникновения финансовых трудностей и параллельных проектов ХББ, отношения вокруг ВЖ претерпевали серьезные изменения: надежда на новое дыхание журнала, высказанная Булгаковым, теперь связывалась им с деятельностью Мережковских. «У меня — чем дальше, тем больше — обостряется чувство виноватости за хамский,

¹ Там же. С. 171.

² См.: *Н. Баранова-Шестова*. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т. I–II. Paris, 1983 (по именному указателю).

³ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 2.

хотя и непредотвратимый, поступок наш с ними, — признавался Булгаков Волжскому. — О Дм. Вл. [Философове] я без боли не могу вспоминать, и теперь только соображаю, как много они должны были перестрадать». Пережив угрызения совести за бесцеремонное отстранение их от журнала, Булгаков охотно соглашался на участие в их проектах¹. При этом сближение с Мережковскими сопровождалось заметным охлаждением Булгакова к Бердяеву и Чулкову (не только потому, что он был главным действующим лицом в расколе с Мережковскими, но и в силу крайнего неединомыслия). Если в цитированном письме к Волжскому Булгаков отмечал, что статьи Мережковских «охотно были бы приняты в “В. Ж.”», то в корреспонденции от 29 июля высказывал резкое мнение о «безвкусной статейке» Чулкова (в летнее отсутствие руководителей ВЖ вновь превратившегося в самостоятельного редактора) о «мистическом анархизме» в июльской книжке ВЖ. В этой статье Чулков, в частности, писал, что «не нужно отвергать позитивизм, а следует углубить его до мистицизма (...) Борьба с догматизмом в религии, философии, морали и политике — вот лозунг мистического анархизма» (№ 7. С. 202). Голый «адогматизм» Чулкова, в равной степени адресованный любым политическим и религиозно-философским идеалам, задевал именно растущий «догматизм» Булгакова. 29 июля 1905 года Булгаков писал: «У меня что-то сломалось после этой статейки по отношению к нему» — и, подразумевая сотрудничество Чулкова в журнале «Весы» (издательства «Скорпион»), подчеркивал: «вообще в “В. Ж.” за последнее время крепнет скорпионовская — в дурном смысле — струя, это неизбежно, ибо это есть все-таки стихия Г. И., — но это огорчительно»². Интересно, что формально пребывавший среди авторов журнала «Весы» Ремизов уже в апрельском номере 1905 года из их списка выбыл. Выбыл из сотрудников «Весов» и близкий к ВЖ правовед и «освобожденец» С. А. Котляревский. Но Чулков, единственный из ВЖ, оставался. Подозрения Булгакова относительно проводимой Чулковым «скорпионовской струи», воспринимавшейся как произвольное, сугубо эстетическое (и в этом смысле — «декадентское») общественное идестроительство, не были неосновательны. Теснимый в ВЖ, Чулков искал внешней опоры. 1 августа 1905 года в письме к руководителю «Весов» Брюсову Вяч. Иванов сообщал: «“Вопросы Жизни” [читай — Чулков]

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 3 об.

² Там же. Л. 5. Под стать улучшению отношений ВЖ с Мережковскими шло их сближение с заведующим редакцией ВЖ А. М. Ремизовым (см., например, письма к Ремизову этого времени З. Н. Гиппиус: ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 91. Лл. 1–3 и Д. В. Философова: Там же. Ед. хр. 226. Л. 1; «С. П. Ремизова-Довгелло сошлась с Мережковскими»: *Андрей Белый*. Воспоминания о Блоке. С. 276).

любят мечтать о... слиянии с “Весами”»¹. Неслучайно также и то, что в июне 1905 года Чулков замыслил издание собственного ежемесячного журнала «Факелы», первый номер которого предназначен был к выходу в свет уже осенью того же года².

Прямо задевавшее Чулкова (и Бердяева) булгаковское «огорчение» по поводу «декадентского» и «адогматического» превращения ВЖ возникло именно тогда, когда его сближение с ХББ породило целую серию проектов, религиозно-общественный пафос которых был все более «догматичным» в социально-политическом и конфессиональном отношении. И в этом смысле «христианско-социалистическая» эволюция Булгакова превращалась в одну из причин внутреннего кризиса ВЖ и символизируемого журналом единого «идеалистического направления».

Но как бы ни эволюционировало мировоззрение Булгакова, его общие принципы оставались неизменны. Особенно показательным стало переиздание в Киеве летом 1905 года (цензурное дозволение от 17 июля) отдельной брошюрой лекции «Душевная драма Герцена», впервые опубликованной еще в 1902-м в ВФП и в 1903-м включенной в сборник «От марксизма к идеализму». С уверенностью можно предположить, что новое обращение Булгакова к тексту оправдывалось именно теми его местами, в которых говорилось о разочаровании Герцена в безрелигиозном Западе и атеизме вообще: «В нем дорог нам не только народный трибун, герой освободительной борьбы, но и один из провозвестников грядущего религиозного возрождения». Пользуясь случаем, в переизданной лекции Булгаков акцентировал и собственное религиозно-общественное кредо: «Истинной демаркационной чертой, отделяющей человеческое от животного, является недовольство сущим и стремление к лучшему будущему. В этом стремлении обнаруживается истинная духовная родина человека — религиозная идея. (...) Возможность стремления к усовершенствованию необходимо предполагает и совершенство, как тот идеальный масштаб, с которым сравнивается несовершенное настоящее. (...) Абсолютное совершенство есть Божество, и Оно открывается нам, следовательно, в самом основном стремлении нашей жизни».

Соотнесение с Абсолютным служило Булгакову в качестве важнейшего основания его политической программы. Важно, что, выстраивая такую программу, Булгаков особо подчеркивал ее «реалистичность». Однако еще важнее, что мерило «реалистичности» заострялось Булгаковым против союзников по ВЖ — «позитивистов»: «Между позитивизмом и социально-политическим утопизмом есть, если не логическая, то психологическая связь, так же точно, как есть она между идеализмом

¹ [В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923). С. 477.

² ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 46. Лл. 14–15.

и социально-политическим реализмом. (...) Позитивизм по недоразумению долго не считал себя антирелигиозным... учением. Ницше и Герцен открыли всем его секрет, обнаружили его подлинное содержание. Это, выражаясь по-современному, эготизм или, что то же, философский нигилизм, то есть не только полная философская беспринципность, но возведение этой беспринципности в принцип. (...) Герцен (и Ницше) есть пограничный рубеж для известного направления, дальше в этом направлении идти уже некуда. (...) Коренная хозяйственная реформа, бесспорно, устранил великую, вопиющую неправду нашей теперешней жизни, идеалы социализма, уничтожения классового господства и антагонистического характера хозяйства являются и для нас нравственной аксиомой, осуществление их явится поэтому во всяком случае и моральной реформой, но реформой отрицательного характера. Она реформирует внешнего человека, его общественную жизнь, но еще не является необходимо реформой и внутреннего человека; равномерная сытость сама по себе не есть специфическое противоядие против духовного мещанства. (...) Герцен... хотя и отрицательным образом, но с полной ясностью показал, что какие бы то ни были идеалы — и в том числе идеалы социализма — не могут получить санкцию объективности со стороны позитивизма, что опору социального идеализма и веры в человечество может дать только религиозно-идеалистическое мировоззрение»¹.

Не раз продекларированное Булгаковым соединение «религиозно-идеалистической» и «хозяйственной реформы» на деле оказалось настолько фундаментальной характеристикой его мировоззрения, что его внутренняя эволюция и, в частности, «покаяние» перед Мережковскими, осталась практически незамеченной. И если эта эволюция и становилась известной его сотрудникам, то лишь в глубоко интимном общении, о коем остались лишь эпистолярные свидетельства, не находящие параллелей в печатной, неизбежно инерционной полемике. Поэтому столь хвалебным и одновременно конфликтным по отношению к Булгакову был комментарий по поводу ВЖ, с которым в печати выступила Гиппиус. Она писала: «Как всякое явление в литературе слишком новое и независимое, “Вопросы Жизни”... у нас тщательно и недружелюбно замалчивают. (...) Нет сомнений, что “Вопросы Жизни” — орган прогрессивный, “красный” [красного цвета была и обложка ВЖ. — М. К.] более яркого красного цвета, чем наши румяные или только нарумяненные, постепенно линяющие, бледно-розовые либеральные старички... Новый журнал — очень серьезное, не только литературное, но и общественное явление. Если бы нужно было определить его двумя словами, то можно бы сделать это формулой: *переход от позитивной к религиозной общественности*». Отметив два главных достоинства

¹ С. Н. Булгаков. Душевная драма Герцена. Киев, 1905. С. 3–4, 43, 11, 27–28, 39.

ВЖ — общественность и культурность, — Гиппиус назвала ВЖ «лучшим из русских журналов». Но от нее не укрылась и явная неслиянность в ВЖ общественности, религиозности и декадентства: «То, что внутренние обозрения г. Штильмана, которые, главным образом, и придают радикальное направление журналу, не имеют никакого отношения к его религиозному существу — это бы еще с полгоря. Тут противоречие слишком явное, внешнее; опаснее противоречия внутренние (...) Одно из них — “христианская политика” С. Н. Булгакова. Я не сомневаюсь и в том, что он искренний политик; но я не вижу, чем христианство изменило его политику и чем политика изменила его христианство. Какими были они врозь, такими и продолжают быть вместе. До своего политического обращения Булгаков был политическим радикалом, и точно таким же радикалом остался и после. Произошло соединение не внутреннее, органическое, а внешнее, механическое, даже не соединение, а соединствование, в котором оба начала взаимно непроницаемы. Сколько ни взбалтывай и ни смешивай масла с водой, стоит им устояться, чтобы вода опустилась, а масло всплыло наверх: они рядом, но не одно. (...) Булгаков и Бердяев — это уже не вода и масло, а вода и огонь. Только совершенным невниманием к литературной личности обоих писателей можно объяснить то, что наша критика соединила их в неразлучную парочку каких-то сиамских близнецов идеализма... Булгаков остановился на Вл. Соловьеве и не хочет или не может идти дальше. Бердяев как будто вечно куда-то идет, а на самом деле только ходит, движется однообразным круговым движением на собственной оси, колеблется, как маятник, справа налево, слева направо, от Ормузда к Ариману, от Аримана к Ормузду... (...) Нет человека более ненужного, более вредного для Булгакова, чем Бердяев, и для Бердяева, чем Булгаков. Кажется, лучшее, что они могли бы сделать сейчас, — это вступить в открытый умственный поединок на жизнь и смерть: может быть, слишком благополучный монизм Булгакова раскололся бы, столкнувшись со слишком неблагоприятным дуализмом Бердяева (...) Есть прекрасный журнал, или вернее, есть ряд прекрасных альманахов-сборников под общим заглавием, но нет действительно *общего*, общественного и религиозного дела... По всей вероятности, для такого нового соединения “Вопросы Жизни” непригодны, и нужен совсем новый журнал, новое дело. Оно, впрочем, и естественно: нельзя же вечно задавать “вопросы”... надо же когда-нибудь и ответить. Будем надеяться, что ответом на “Вопросы Жизни” будет *вестник жизни*...»¹

Словно по подсказке Гиппиус, осенью 1905 года «Вестник Жизни» попытался учредить близкий Мережковским А. В. Каргашёв. А пока, в конце июня 1905-го слухи о возможном создании нового журнала или восстановлении НП во главе с бывшим редактором НП Философовым

¹ Антон Крайний (З. Гиппиус). Литературный дневник (1899–1907). С. 311–325.

просочились в леволиберальную газету «Новая Жизнь». Прося петербургского жителя Вяч. Иванова проверить эти слухи, Брюсов сообщал ему существо курсирующих предположений: «Возобновляется “Новый Путь”, и Белый переселяется в Петербург». В ответном письме от 31 июля Вяч. Иванов, со ссылкой на «личную беседу» с Философовым, опроверг это сообщение¹. С присущей ему иронией Лев Шестов также запрашивал заведующего конторой ВЖ Ремизову: «Сегодня прочел в “Н<ашей> Ж<изни>”², что возобновляется “Новый Путь” (...) “В. Жизни” разбухают благодаря политике, и, если от вас декаденты уйдут, придется прибавить порядочно плана “потребительских обществ в Италии” [В. Ф. Тотомианца в № 1]. Лучше уж вам помириться с З. Н. Ведь это, наверное, она все хлопочет о возобновлении “Н. Пути”. Бедный Д. Е. [Жуковский] теперь из-за “В. Ж.” совсем без денег сидит»³. 2 июля Ремизов с облегчением отвечал Льву Шестову после личной встречи с Мережковскими: «“Новый Путь” не будет издаваться. (...) Шуму и переполоху эта корреспонденция

¹ [В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923). С. 475–476.

² В этой газете Шестов опубликовал свой обзор ВЖ: Лев Шестов. Литературный сецессион // Наша Жизнь. СПб., 15 июля 1905 (Газетные отклики Шестова на ВЖ републикованы И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевским в приложении к публикации его переписки с Ремизовым в журнале «Русская литература»). Другой иронический отклик на попытку соединения в рамках ВЖ философского идеализма с традиционным «позитивизмом» принадлежит А. А. Блоку. В шуточное «предполагаемое содержание» НП на 1905 год (написанное, следовательно, в октябре-декабре 1904 года) Блок поместил статью Н. О. Лосского «Проблемы идеалистического строя современной поземельной ренты» (А. А. Блок. Собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 441). В таком названии легко обнаружить аллюзии и на «Проблемы идеализма», и на «идеалистическое направление», и на появившиеся в осенних номерах НП (новой редакции) за 1904 год рецензии на книги по «крестьянскому вопросу» и «выкупных платежах». Липкое клеймо «идеалистов» даже в 1909 году продолжал политически использовать против уже давно выросших из этого движения авторов сборника «Вехи» такой компетентный автор, как Н. Валентинов: *Н. Валентинов. Наши клирики // Вехи: pro et contra. Антология / Сост. В. В. Сапов. СПб., 1998. С. 79.*

³ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 24. Насколько можно судить, издательские и гонорарные расходы Жуковского по ВЖ превышали обычные: говоря о современном ВЖ журнале «Искусство», Андрей Белый писал Э. К. Метнеру 16 августа 1905 года: «в отношении денежного вознаграждения этот журнал очень слаб, как и все декадентские, за исключением “Вопросов Жизни”, где хорошо платят» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 227, прим.).

наделала уйму. Несколько вечеров только и речь шла об этом»¹. Ведь самостоятельное предприятие Мережковских лишало ВЖ большей части качественных литературных сотрудников.

Одним словом, летом 1905 года финансовые трудности издателя и внутреннее размежевание в ВЖ исподволь вели чуть ли не к «растаскиванию» журнала между конкурирующими ориентациями или проектами Мережковских (религиозно-литературным), «Весов» и Чулкова (литературным), Булгакова и ХББ (религиозно-общественным).

Посреди лета 1905 года, наступления революционных настроений, растущих колебаний власти, анонсировавшей введение имперской представительной институции в России, очевидного ощущения Булгаковым собственного политического бессилия на фоне этих событий, явного бессилия и традиционных, некогда близких ему, революционеров перед лицом событий, Булгаков писал своему обычному confidentу А. С. Глинке 27 июля:

«Дорогой Александр Сергеевич!... Мне бы очень хотелось и нужно бы повидаться теперь с Вами и обсудить несколько практических вопросов о предстоящих на этот год начинаниях. У меня созревает ещё один план, связанный с литературными надеждами, основание “Союза христ. политики” (несколько изменённая идея легального “Братства борьбы”), и теперь обдумываю доклад на эту тему в петербургском кружке. Кроме того, у меня явилась мысль, если осуществится газета, не присоединитесь ли Вы в редакцию? Наша молодёжь идеальна как работники, но ещё нуждается в совете. Если Вы не можете оставаться на зиму в деревне, то в случае неудачи с Киевом, м. б. поселитесь в Москве? Однако пока не удалось сделать никаких шагов относительно Сытина, а на него все надежды. Я сильно надеюсь на поддержку [Г. С.] Петрова (во влиянии на Сытина), которого хочу заинтересовать идеей народной газеты, и вообще издательства. Относительно Киева вы правы: [В. Н.] Лашнюков неустойчив и “стечкиных” легион, но надо ещё выяснить дело. Напишите мне, по получении этого письма, приедете ли Вы сюда, а я извещу Вас о своём отъезде, если таковой скоро и неожиданно состоится, телеграммой по указанному адресу. На север я не ездил, и рад этому, делать нечего было там. Мой политический кризис, вероятно, ещё больше углубится со введением представительства. А какую тучу брошюрной литературы выпустили марксисты! Всякую залежавшуюся немецкую дрянь перепирают! Но это, конечно, медовый месяц цензурного послабления!»²

¹ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Публикация И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского. С. 149. В письме Брюсову 31 июля 1905 года со ссылкой на Мережковских эту информацию опроверг и Вяч. Иванов (*[В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923)*. С. 476).

² Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017. С. 178.

22 августа 1905 года Чулков так обрисовывал перспективу ВЖ: «Относительно денежной стороны до конца этого года условия не будут меняться, а издательские планы на будущий год неясны»¹. В такой ситуации Булгаков считал за благо, не доверяясь перспективам ХББ и, с другой стороны, не прекращая теснейших связей с политической (либерально-социалистической) оппозицией, преодолеть недоверие Мережковских. Главным пунктом их соединения стало: в практическом плане менее конкретное, компромиссное и от этого в принципиальном — гораздо более максималистское формулирование взаимоотношений религии и политики. И для ВЖ, и для Мережковских общим было тесное увязывание политического освобождения с «реформацией», «культурным и религиозным ренессансом» (Булгаков: № 1. С. 313; Бердяев: № 4/5. С. 333)², что в устах, например, Аскольдова превращалось в «политическую революцию на религиозной почве» (№ 2. С. 40).

Показателем сближения Булгакова с кругом Мережковских стала растущая авторская активность в журнале их давнего сотрудника А. В. Карташёва. Со временем Булгаков все более ориентировался на Карташёва, отходя от Бердяева. В свою очередь, Бердяев явно ревновал Булгакова к его новым союзам. Жертвой противоречий становились Мережковские и их вновь налаживающееся сотрудничество с ВЖ. Например, по получении седьмой книжки ВЖ, Философов сетовал заведующему редакцией ВЖ Ремизову: «К сожалению, я вижу, что статья гр. Толстого, о которой я Вам говорил, в ней [книжке] не появилась. Вместе с тем Ник. Ал. [Бердяев] мне официально сообщил, что она принята, и будет напечатана в Июле, если цензор ее пропустит, Вы же мне сообщили, что цензор ее вернул без единой пометки, и вручили мне даже оттиск (в гранках). Обо всем этом я поспешил сообщить автору — и вдруг такой пассаж!»³ В этом случае Бердяев, взяв на себя перед Мережковскими обязательства, по-видимому, так и не смог реализовать свое право фактического соредактора ВЖ, оставив идейное и практическое руководство Булгакову. Все это объективно делало Бердяева все менее полноправным участником возможного союза с Мережковскими — и резко увеличивало вес Булгакова.

¹ ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 46. Л. 21.

² Впрочем, в популярной книге супруги Булгакова Елены Ивановны о средневековье (цензурное дозволение 28 января 1905) появились новые акценты, точно соответствовавшие устремлениям самого Булгакова, заявленным в эпоху ВЖ: описываемый как «заря будущего», XVI век был для Булгаковой потому именно «зарей будущего», легко опрокидываемой в актуальную современность, что содержал в себе «полное возрождение в области науки, искусства, религии и общественных отношений» (Е. И. Булгакова. Заря будущего (Повесть из средневековой жизни). Ростов-на-Дону, 1905. С. 14).

³ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 226. Лл. 3–3 об.

Индивидуалистичный, камерный аристократ Бердяев избегал газетных или академических занятий и долгое время оставался свободным писателем. Он был плохим оратором, чурался реальной политики и лишь десятилетия спустя, в эмиграции, обнаружил в себе дар организатора. Напротив, глубоко партийный человек, неутомимый практический деятель, попович, в тридцать лет ставший профессором, Булгаков не только составил себе славу лектора и проповедника, но и очень быстро понял свое отличие от окружающих, приобрел, согласно Зеньковскому, «генеральскую» статью и особую требовательность в отношении к поклонникам и ученикам. ВЖ в считанные месяцы перешли в его почти безраздельное руководство. Однако облик и направление журнала перестали удовлетворять идеям Булгакова.

К началу нового сезона 1905–1906 годов у Булгакова находилось немало поводов отвлечься от ВЖ и внутренне с ними расстаться: в сотрудничестве с основателями «Христианского Братства Борьбы» и Московского РФО он пытался организовать новые органы печати, в большей степени отвечавшие его надеждам в области христианско-политической пропаганды. Само ХББ в сотрудничестве поначалу с И. Д. Сытиным, а затем — московским издателем Д. П. Ефимовым затеяло издание «Религиозно-общественной библиотеки», в план которой были включены отдельные издания впервые опубликованных в ВЖ пропагандистских программ Булгакова «Неотложная задача (о союзе христианской политики)» и Эрна «Христианское отношение к собственности» (соответственно № 9 и № 8–9), а также так и не увидевшие света сочинения с красноречивыми заголовками: «Самодержавие и освободительное движение с христианской точки зрения» (Свенцицкий), «Богу или Мамоне?» (Эрн). Вспоминая впоследствии о своих личных начинаниях и начинаниях «неистовых москвичей», Булгаков писал: «Нам всем казалось, что мы-то именно и призваны начать в России новое религиозно-революционное движение. (...) В Москве дело не пошло дальше расклеивания революционных прокламаций с крестами, а я лично пытался кликнуть клич на основание “Союза христианской политики” (название, как и идея, заимствованы у Вл. Соловьева), но для этого у меня самым очевидным образом не хватало ни воли, ни умения, ни даже желанья, это предпринято было, в сущности, для отписки, ради самообмана *ut aliquid fieri videatur* [чтобы другие увидели хоть какую-нибудь деятельность]»¹. Главная проблема этой деятельности в рамках ВЖ состояла, однако же, не в недостатке воли (легко восполняемом инерцией упомянутого Карташёвым «внешнего положения»), а в согласовании «христианской политики» с той политикой, что составляла сердцевину журнальной публицистики и смысл ее

¹ Сергей Булгаков. Автобиографические заметки. 2-е изд. Paris, 1991. С. 79.

либерально-социалистической партийности, и должна была стать подчиненной, «низкой» частью политики христианской.

Непосредственно откликаясь на так называемый Булыгинский проект выборов в Государственную Думу от 6 августа 1905 года, Булгаков в статье «Неотложная задача» так обосновывал необходимость учреждения «Союза христианской политики»: «По мере того, как приближается реальное осуществление народного представительства, наступает время образования больших политических партий и окончательного формулирования их партийных программ. (...) Социал-демократы будут пропагандировать свой экономический материализм, другие партии — разные иные разновидности позитивизма и материализма. (...) Общая философская почва, на которой вырос современный социализм, есть атеистический гуманизм, религия человечества, но без Бога и против Бога. Та великая жизненная правда, которая содержится в социализме, верная и мужественная защита угнетаемого народа, трудящихся классов, вследствие исторических причин... неразрывно слилась в нем с воинствующим гуманистическим атеизмом, и в частности — с презрительно-враждебным отношением к христианству. (...) Материалистический демократизм и социализм в своей борьбе с религией, которую привык изображать как активную силу темной реакции, человеконенавистничества и деспотизма, не только не встречал до сих пор никакого идейного противодействия, но имел могущественных союзников. Союзниками этими было, во-первых, официальное “православие”, которое в течение веков позорило христианскую религию союзом с господствующей формой государственности, унижаясь до роли не только атрибута этой государственности, но и прямо полицейского средства. Вековые преступления против свободы совести тяжелым свинцом лежат на исторической совести русской церкви. (...) В настоящее время из среды белого и черного духовенства, священников и архиереев, выделилась партия “черной сотни”, открыто служащая насилию и ненависти. (...) Их бог — самодержавие, понимаемое в смысле белого террора, прямого истребления всех несогласно мыслящих...» Экспозиция такого рода, доказующая очевидную неразделимость политики и религии и необходимость соединения демократической и социалистической общественности с христианством, подводила Булгакова к центральному вопросу его идейной работы 1905 года: «Если христианская политика не только не является *contradictio in adjecto*, но есть необходимое жизненное осуществление заветов Христа, то естественно возникает вопрос, каковы же должны быть ее отличительные черты, что именно делает ее *христианской* политикой? (...) Идеалы или конечные, абсолютные цели этой политики даются религией, средства же для этих целей, изменяющиеся и относительные, должны быть найдены разумом или наукой...» Таким образом, Булгаков лишь

подчинял позитивистско-марксистский пафос «реалистической науки», «исторической закономерности», «научного социализма», поставляющих политикам их цели, — целям христианства, нисколько не изменяя позитивистско-марксистского же обоснования *средств* («социального законодательства, рабочих организаций, стачек, кооперативного движения»). Это не значило, впрочем, что привычные для «научного социализма» (и даже «анархического коммунизма») цели Булгаков подвергнет какому-либо пересмотру: они по-прежнему включали в себя отрицание государства, ограждение «естественных священных прав человеческой личности», отрицание капитализма, признание «общности имущества, коммунизма (...) нормой имущественных отношений» и коллективизм. «Классовая политика, т. е. политика, сознательно преследующая защиту рабочих масс против их сильных угнетателей, — подчеркивал Булгаков, — есть единственно возможная форма христианской политики для данного момента».

Этот своеобразный манифест христианского социализма завершало положение, к которому нетрудно было бы свести основной смысл творческой и издательской практики Булгакова на ближайшие два года (1905–1907). В полном соответствии с отмеченной выше «организующей» ролью русской печати Булгаков писал: «Ближайшей и важнейшей задачей союза [христианской политики] является создание литературы и газетной прессы, распространяющих идеи христианской общественности. Параллельно должно быть приступлено и к практической организации, и к объединению лиц, разделяющих идеи союза, как в городах, так и в деревнях, как в интеллигентном обществе, так и в народе». Логично было бы предположить, что, оставляя за собою работу среди интеллигенции, в том, что касается пропаганды «в народе», Булгаков рассчитывал на приходское духовенство.

Неслучайно он начинал свой манифест с описания того, как духовенство становится ядром черносотенных организаций. Именно духовенству адресовал Булгаков свое учение о христианском социализме, подчинившем христианским целям неизменность социалистических средств. Именно тогда у него зародился проект краткого курса политической экономии для священников: «Знакомство с политической экономией и элементами юриспруденции является обязанностью, в особенности для каждого пастыря, ибо без этого знакомства невозможно понимать социальную жизнь, невозможно читать газет, и разве только и можно идти в рядах черносотенной агитации». Именно церковная («иудейская») среда должна была стать главным адресатом и деятелем Союза христианской политики и его издательской программы. Сложившийся к осени 1905 года облик ВЖ не позволял переориентировать его на новую аудиторию, не утратив львиной доли беллетристического и критического отделов и не войдя

в жесткий конфликт с теми ведущими сотрудниками журнала, что никак не могли согласить свои религиозные искания с рамками церкви.

Кроме того, в совершенно безвыходной ситуации оказался и общественно-политический отдел ВЖ. С одной стороны, цензурный контроль во многом лишал ВЖ чаемой политической злободневности (например, из августовского номера было вырезано очередное «Внутреннее обозрение» Г. Н. Штильмана, «заклучавшее в себе критику “Опыта коренной реформы сверху”» — Булыгинского проекта выборов в Государственную Думу, лишилась «Внутреннего обозрения» и сентябрьская книжка ВЖ). С другой стороны, дорогой (годовая подписка на ВЖ обходилась в два раза дороже, чем подписка даже на элитарные «Весы») толстый журнал фатально отставал от катастрофических и динамичных событий 1905 года и освещающих их ежедневных газет и перестал удовлетворять общественному темпераменту и партийным задачам Булгакова. В условиях, когда, по плану Булгакова, христианско-политическая хроника должна была переместиться на страницы соответствующих газет, толстый журнал мог претендовать лишь на роль в общем «теоретического органа», ведущего борьбу на поле философии и богословия.

Кроме того, обнаружившиеся религиозные расхождения в рамках «идеалистического направления», некогда (меньше года назад!) объединявшего Булгакова с Бердяевым, Новгородцевым, Франком, Кистяковским и др., ставили под сомнение саму возможность их дальнейшего идейного сотрудничества в одном журнале. Все это подпитывало растущее раздражение Булгакова против многих компромиссных обстоятельств ВЖ, включая сотрудничество с Бердяевым, Чулковым и «декадентами», выросло в равнодушие к журналу и его судьбе. По-видимому, главное, что до сих пор заставляло считаться с ВЖ, так это то, что ни Булгаков, ни Бердяев в силу своей политической неблагонадежности не имели шансов на личное учреждение и единоличное руководство органами печати: приходилось пользоваться существующей легальной «оболочкой».

7 сентября Лев Шестов писал Ремизову в Петербург, где оставалась и действовала редакция ВЖ: «Булгаков уже в Киеве — но я еще не видал. Сегодня пойду узнавать, что с “В. Жизни”. Верно — кончатся в 1905 г.»¹. Также вернувшийся в Киев из летнего отсутствия Бердяев рассказывал жене: «Д. Е. [Жуковский] еще не приехал, но Булгаков говорит, что он безусловно уходит из “В. Ж.” и просит снять его имя, так что с Д. Е. и разговоров особенных не будет. С Бул<аковым> был у меня неприятный разговор о декадентах. (...) Мне опять Бул<аков> показался внутренне чуждым и я не знаю, долго ли мы еще можем делать общее дело. А “декадентов”

¹ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым. С. 155.

люблю, это родные мне люди. (...) Положение “В. Ж.” очень трудное и предстоит реформирование этого журнала»¹.

Одновременно наступали и церковные реформаторы. Аггеев писал своему другу Кудрявцеву из Петербурга в Киев 10 сентября об итогах своей поездки в Москву к единомышленному ему кругу преподавателей Московской духовной академии: «Дорогой Пётр Павлович! Давно я не писал тебе: измотался уже в начале года. Вчера только возвратился из Москвы, куда ездил на два дня. Дело нашей газеты в таком положении. 1 сентября подано прошение в Главное управление по делам печати. “При нормальном порядке, — говорили чиновники, — к половине октября нужно ждать разрешения”. При ускоренности делопроизводства надеемся получить разрешение к 1 октября. В течение сентября собираем материал. В Москве к моему приезду — со мной был и Карташёв, собрались (...) ядро М. академии с полной охотой примыкает к нашему органу. На другой день были у Эрна и Свенцицкого — стипендиаты С. Н. Трубецкого. Карташёв по моему отъезду должен был переговорить с Бугаевым (Андрей Белый), [С. М.] Соловьёвым и Рачинским. Как только получится разрешение, в Москве состоится общее собрание сотрудников, на котором будет и С. Трубецкой. В Москву я приехал 6 сентября. Пробыл там до 8-го вечера. Согласно моему письму, приехал туда о. Григорий [Петров]. Дело о журнале порешено. Наиболее вероятная комбинация такова. У Сытина есть в запасе орган “Русская правда”. Придётся искать лишь редактора. В последние дни у меня явилась мысль выставить третьего редактора, который будет таковым и фактически. За болезненным состоянием Глинки останавливаюсь на Аскольдове. Послал письмо к Булгакову с вызовом его в Петербург. К тому времени приедет А. В. Карташёв. Немедленно приедет и Сытин. Здесь порешим детали вопроса, и с Богом — за дело... С меня о. Григорий взял “нравственную ответственность” за сотрудников»².

На этом фоне «решающие переговоры» о судьбе своего журнала Булгаков перенес в Петербург³. Должно быть, поэтому и выход очередного номера ВЖ задержался до 23 сентября. 27 сентября Ремизов записал в дневнике: «Сегодня Д. Е. Жуковский предупредил меня, что «В. Ж.», возможно, и не будут на будущий год»⁴.

Тогда же, видимо, родился и проект финансового оздоровления: разделения прав собственности на журнал на паи и продажи их части с тем, чтобы собрать средства на продолжение издания. Чуть позже стало

¹ Письмо к Л. Ю. Рапп от 10 сентября 1905 года. Копия А. В. Вадимова.

² Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017. Сц. 182.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 1.

⁴ Алексей Ремизов. Кукха. Розановы письма [1923]. С. 20.

известно, что на пай претендовали, кроме Жуковского, близкий к Мережковским и Бердяеву издатель М. В. Пирожков и М. И. Туган-Барановский. Как сообщал Чулков Волжскому, «много разных возможностей и надежд относительно журнала: вероятно, он будет продолжаться — даже Булгаков начинает верить»¹. Автономные предприятия Чулкову не удавались, и он также превратился в стойкого сторонника ВЖ. В тот же день, что и к Волжскому, 28 сентября 1905 года, он обращался к Брюсову: «Вопросы Жизни» будут, несомненно, издаваться и в будущем году. Если Мережковские-вороны будут каркать-вещать гибель журнала, не верьте». В заключение он просил поместить в «Весах» объявление, выдававшее некоторые содержательные перемены в ВЖ. Объявление гласило: «В Петербурге открываются явочным порядком [то есть без официальной регистрации и разрешения полиции] “религиозно-общественные собрания”. С января месяца отчеты о заседаниях этого общества будут печататься в журнале “Вопросы Жизни”»². В слегка измененном виде заметка увидела свет в сентябрьско-октябрьском номере «Весов». А намерение публиковать протоколы Религиозно-общественных собраний вошло в ноябре в программу журнала. Нельзя не заметить, что возрождаемые А. В. Карташёвым Собрания с публикацией их материалов в ВЖ совершенно точно напоминали историю НП (тому должно было помочь предметное сличение с переизданными в 1906 году М. В. Пирожковым «Записками Петербургских Религиозно-Философских собраний (1902–1903)»). Однако, в отличие от прежних, новые Собрания теперь объявлялись не «философскими», а «общественными».

Реальное Петербургское РФО возникло лишь в 1907 году, и Собрания, проектируемые при ВЖ, скорее всего, имели своим образцом не Собрания 1901–1903 годов, а также организуемое в 1905 году «явочным порядком» Московское РФО памяти Соловьева, у истоков которого стояли Свенцицкий и Эрн, и в перспективе — Булгаков. Может быть, столь актуальный новый проект ВЖ и внушал Булгакову доверие, заставляя смириться с журналом и его неустойчивым, еще более компромиссным положением. Уже 7 октября Булгаков докладывал Волжскому: «С В. Ж. хорошего мало. Жуковск>ий был в Киеве в ином, лучшем настроении, но оно может измениться. Говорил, что условно обещал дать 10 тыс. Пирожков, но с редакц<ионными> правами. Пирожкова я менее боюсь, п. ч. не знаю, но вот Туган предлагает пай и себя в редакцию, правда на эк<ономическ>ий отдел, но ведь как разграничить: что у нас будет за редакция!» Говоря о своих отношениях к Чулкову и литературному отделу, Булгаков признавался: «А

¹ Там же. Ед. хр. 308. Л. 6 об.

² ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 46. Л. 26. Инициатором этих собраний выступил А. В. Карташёв: Там же. К. 1. Ед. хр. 3. Лл. 12–13.

знаете, я опять уже не настаиваю на уничтожении беллетристики и согласен с Вами о “блокаде” [“скорпионовской струи”]. Но закрыть В. Ж., даже если не найдем пайщиков, у нас не хватит духа, при возможности попытаться. Это я чувствую. Ник. Ал. [Бердяев] был здесь [в Киеве] и принимал участие в дов<ольно>, впрочем, безрезультатных совещаниях. Хотя мы спорили, но дружески, и вообще у меня от этой встречи осталось светлое впечатление»¹. Увлеченный собственными проектами, Булгаков настаивался вполне благодушно. На протяжении всего 1905 года Карташев, Эрн, Булгаков и К. М. Аггеев вели напряженные переговоры с издателем И. Д. Сытиным о финансировании религиозно-общественных изданий. И когда осенью 1905 года стало казаться, что Сытин склоняется вложить в них немалые средства, Булгаков подумывал, что ВЖ также не останутся без поддержки. 7 октября он писал из Киева: «Я решил, если в половине октября поеду в Москву, поговорить прямо, по душам, с Сытиным и думаю, что если В. Ж. должны существовать, то будут деньги».

Ещё до революционного манифеста Николая II от 17 октября 1905 года о предоставлении России полного набора политических свобод, политическая и публицистическая борьба Гапона, Г. С. Петрова и Булгакова принесли настолько яркие общественные плоды, что отнюдь не церковные активисты и борцы за свободу совести в самых первых строках своего публицистического манифеста (того же круга И. Д. Сытина) осознанно приняли за основу своей борьбы формулу В. С. Соловьёва и, следовательно, самого Булгакова: «Современное освободительное движение может осуществить свои идеалы лишь в связи с всеобъемлющей идеей христианского синтеза»².

Но манифест 17 октября 1905 года, даровавший свободу печати (ВЖ сообщили, что с № 10–11 выходят без дозволения цензуры)³, открывший, на первый взгляд, неисчерпаемые возможности журнально-газетной самореализации, поставил под сомнение само существование ВЖ как органа

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 12.

² [Предисловие] // Свободная совесть. Литературно-философский сборник. Книга первая. М., 1906. С. I. (Типография И. Д. Сытина). Дозволение цензуры — 18 сентября 1905 года.

³ Меж страницами номера был вклеен листок (подобный тем, что сообщали об очередном цензурном изъятии) с заявлением «На основании постановления Союза Защиты Свободы Печати, настоящий номер “Вопросов Жизни” не был представлен в цензуру». На одном из таких объявлений читатель ВЖ надписал, адресуясь к редакции: «Только мерзавцы могут основываться на основании мерзавчицкого “Суюзя”, т. е. самозванного “начальства”. О люди, люди! Хуже-то вы собак, собака и то знает своего хозяина, а вы [два слова нрзб]» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 7: вложено в одно из писем Булгакова Ремизову).

вынужденных компромиссов. 17 октября 1905 года вызвало приступ неподдельного энтузиазма. «Итак, конституция! — писал Булгаков 27 октября. — Стало быть, идем в открытый бой с драконом, и да укрепит Бог наши слабые силы! Я сейчас несколько опомнился от окружающих ужасов¹, всецело захвачен мыслями о союзе христ. политики (интересные письма по этому поводу получаю), об организации учредительного съезда, вообще этой черновой, но неотложной деятельности. Даже курс полит. экономии с христ. точки зрения хочу писать, надо дать такую книгу сельскому духовенству. (...) Равным образом меня заботит петерб. газета [Карташёва — Аггеева], моск. газета [Эрна] и народная литература [“Религиозно-общественная библиотека” ХББ; об этом см. ниже]. Этого по крайней мере на полгода хватит. Ввиду этого я легко помирился бы с временным закрытием «В. Ж.», напр., на год или на полгода. Да и вообще по изменившимся условиям печати теперь надо изменять тип журнала. У меня опять неудовольствие накапливается против “В. Ж.” и Георгия Ивановича [Чулкова], и вот мое последнее слово. Для поддержания “В. Ж.” в теперешнем их виде я не ударю пальцем о палец, говорить же и убеждать Сытина мне не позволит совесть. Если журнал продолжится помимо меня, я выставляю условием своего участия в редакции перенесение его в Москву, куда перееду при первой возможности (весною или осенью). Г. Ив. нужно подчинить определенной конституции. Если же журнал не осуществится без меня, то я буду убеждать и надеюсь убедить Сытина издавать (м. б. при Соловьевском обществе) “Соловьевский Вестник”, журнал христ. философии и христ. политики, без беллетристов и без позитивистов, с широкой терпимостью, но все же свой. За такой журнал я буду распинаться и нужен — в дополнение к другим нашим органам — именно такой журнал, а не сецессион, к которому я лично все-таки холоден»².

Отнюдь не один Булгаков решил воспользоваться временным отсутствием цензуры и вычленил из наследия ВЖ необходимую и близкую ему часть. По информации Чулкова от 4 ноября 1905 года, «начиная с января “В. Ж.” будут выходить с измененным составом редакции, — или (что вернее) будут издаваться два или даже три самостоятельных

¹ Имеется в виду еврейский погром в Киеве, свидетелем которого стал Булгаков. Об этом: С. Булгаков. В дни скорби и позора // Киевские Отклики. 1905. 25 октября. № 286. С. 4.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Лл. 15–15 об. Весной-летом 1918 года тот же И. Д. Сытин готовил в Москве с участием Булгакова, Розанова, М. О. Меньшикова, М. А. Новоселова и С. Н. Дурылина еще один религиозно-общественный издательский проект: «большую народную газету религиозно-нравственно-культурного направления» и книжную «серию морально-религиозных изданий» (Российский архив. Вып. IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993, С. 259–269).

журнала: 1) Христианский “Вестник Жизни”, 2) Либерально-идеалистический “Культура и политика” и 3) Мистический и бунтовский “Огни” или с иным названием. В этом последнем я буду принимать ближайшее участие и — надеюсь — Вы не откажетесь в нем сотрудничать», — просил он Брюсова¹. В первом случае речь шла о проекте церковного петербургского еженедельника (во главе с Карташёвым, издание Сытина), во втором — о начатом в декабре 1905 года идеалистически-позитивистском журнале «Полярная Звезда» (позже — «Свобода и Культура») (во главе со Струве, издание Жуковского). В тот же день Чулков в несколько менее приподнятом тоне делился переживаниями с Волжским: «“Вопр. Ж.” прекращаются. Дела мои плохи. Завидую Вам: у Вас все-таки “Вестник Жизни”»². Неделю спустя, все более сомневаясь в Сытине, Булгаков предпринял последнюю попытку уговорить Жуковского спасти ВЖ. Он писал конфиденнту: «“Вопр. Жизни” мы решили попробовать продолжать без денег и не платить почти гонораров [как некогда НП], исключить текущую политику и позитивистов [то есть то, что переходило в ведение “Полярной Звезды”]. Но, конечно, вопрос, осуществятся ли они без денег. Ж<уковск>ий от нас отказался совсем. Г. Ив. [Чулков] конституционно ограничен одним беллетр. отделом»³.

Заведующий конторой ВЖ Ремизов морально сомнительно свидетельствовал, что экономическая сторона журнала была очень плоха, в то время как его хозяин, Жуковский, якобы увлекался приобретением сельских имений: «сорок тысяч [рублей] ухнули, когда при расчёте можно было двадцать ухлопать». И в связи с имениями: «Никогда подходящего имения он не купит, а решено закрыть журнал. Так и кончились “Вопросы Жизни”...»⁴.

Ноябрьская книжка ВЖ содержала объявление о подписке на 1906 год с изложением новой программы: редакция заявила, что «журнал, преследующий общекультурные и религиозно-философские цели, предпочитает сохранить независимое, внепартийное положение, хотя, конечно, всецело присоединяется к общему освободительному и социалистическому движению во имя анархического идеала в его религиозном понимании» (№ 10–11. С. 395). Но по-прежнему возглавлявшие ВЖ Булгаков и Бердяев, однако, называли среди сотрудников журнала столь разных лиц, что объединение их было возможно только вокруг прокламируемой в программе «культуры с ее непреходящими ценностями», без какого бы то ни было «присоединения к освободительному и социалистическому движению». ВЖ хотели

¹ ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 46. Л. 27.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 7.

³ Там же. Ед. хр. 198. Л. 18.

⁴ А. М. Ремизов. В розовом блеске. Собрание сочинений. Т. 15 / Науч. ред. Тома А. М. Грачева. СПб., 2019. С. 503, 505. Ср.: Наталья Резникова. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста А. М. Грачёвой. СПб., 2013. С. 68.

соединить прежних «идеалистов» с нынешними марксистами-ревизионистами А. М. Воденом, И. А. Давыдовым, с крайними христианскими социалистами из ХББ, с левеющими вчерашними противниками Розановым, Мережковскими и правеющими единомышленниками Е. Н. Трубецким и Струве... Поддерживая «церковное освободительное движение», ВЖ оставляли простор и для внеконфессиональной религиозной мысли.

Однако деньги на издание журнала так и не были найдены, и еще до выхода декабрьского номера «ближайшие сотрудники» встали перед необходимостью закрыть ВЖ¹. И только очень оптимистический взгляд позволял надеяться, что журнал возобновится в марте 1906 года². Отрезанный в Киве от столичной жизни, Булгаков смог узнать лишь отрывочные сведения о журнале, задолжавшем не только гонорар авторам, но и окончание ряда публикаций — своим читателям (Булгакова, Розанова, романа Ремизова «Пруд»). 28 декабря Булгаков подводил итоги: «“В. Ж.” окончательно разложились. Д. Е. [Жуковский], почувствовавший к нам, со времени возвращения Струве [в октябре 1905 года]³, род брезгливого презрения и раздражения за понесенные убытки, не хочет издать даже дек<абрскую> книжку. Денег, конечно, не достали, до “В. Ж.” ли сейчас. Но произошло и окончательное внутреннее разложение. Н. Ал. [Бердяев] отзывается теперь о Г. И. [Чулкове] так, как, вероятно, отзываются М<ережковск>ие. Я, как ни охладел к нему за последнее время, этого не понимаю и этим огорчаюсь»⁴. Адресуясь к Ремизову в Петербург 31 января 1906 года, Булгаков недоумевал: «Выйдет ли дек<абрская> книжка? Иначе надо сделать об этом заявление в газетах, п. ч. молча сделать это нельзя»⁵.

В наилучшем положении неожиданно оказался Чулков: в январе, когда все его бывшие коллеги безуспешно что-то организовывали, он выпустил первую книгу альманаха «Факелы»⁶. Наступил февраль 1906 года, но «бывший дворецкий» ВЖ Ремизов все еще рассылал авторам извещения о задержке гонорара ввиду многочисленных платежей издателя⁷. В середине февраля Жуковский, наконец, выпустил двенадцатый номер

¹ Г. Чулков. Годы странствий. С. 80.

² [В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923). С. 488 (письмо Вяч. Иванова от 17 декабря 1905 г.).

³ Вернувшись в Россию из эмиграции сразу после Манифеста 17 октября 1905 года, Струве уже в конце 1905 начал издание собственного журнала. Роспись его (и его продолжения) содержания см.: «Полярная Звезда» (1905–1906); «Свобода и Культура» (1906) // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927). Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 19.

⁵ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 8.

⁶ ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 46. Л. 32.

⁷ См., например: ОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Ед. хр. 40 (В. Ф. Эрну).

ВЖ, тонкий, явно наспех (и без редакторского участия Бердяева и Булгакова) составленный из сочинений его друзей и родственников, разве что с окончанием статьи Булгакова о Фейербахе¹. Булгаков приносил личные извинения Розанову за то, что в заключительный номер ВЖ не вошло окончание его статьи о переписке с Вл. Соловьевым: «дать окончание начатых статей, и в том числе Вашей, было для меня мотивом, по которому я особенно настаивал на необходимости выхода 12-ой кн.»². Еще в марте 1906 года долги ВЖ по гонорарам погашены не были, и Жуковский лично благодарил тех авторов, что снисходительно отказывались от так и не полученного гонорара³.

Справедливости ради надо заметить, что исчезновение ВЖ с журнального рынка прошло практически незамеченным. Задача консолидировать собственную аудиторию так и не была выполнена ВЖ, чье общественно-политическое содержание полностью повторяло содержание всех оппозиционных изданий — то есть попросту не существовало как нечто особое, — а христианская проповедь воспринималась как излишний довесок к проповеди политической свободы и социализма: слишком узким оказывалось это оригинальное поле. Как вспоминал несколько месяцев спустя автор «Полярной Звезды», ВЖ «мало читался и нечитающие его интеллигенты говорили про него: “О, это ерунда... мистика...”»⁴. В порядке доброжелательной, но принципиальной полемики, Мережковский втолковывал 23 марта 1906 года Волжскому: «В своем добром, истинном, В. Ж. только повторение Н. П., а своею особенностью, отличием от Н. П. (Штильман и банальный радикализм) не оставили никакого реального следа»⁵. Действительно, главное, в чем результаты существования ВЖ не требовали доказательств, так это в полном исчезновении из идейной борьбы единого и растущего «идеалистического направления», в распылении его участников по нескольким удаляющимся друг от друга группировкам. Наиболее активной и плодотворной, с точки зрения издательской практики, оказалась группа ближайших единомышленников Булгакова, в ряде случаев близко подошедшая к проектам Мережковских и Струве.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 1 об.

² Письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову / Публикация М. А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 149–150.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 1.

⁴ Полярная Звезда. 1906. № 13. С. 150.

⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 2.

Глава 2

КРИЗИС ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Конец 1905 года вошел в историю русской мысли примечательным эпизодом: недолговечная социал-демократическая газета поэта и философа-идеалиста Н. М. Минского «Новая Жизнь» опубликовала знаменитый большевистский манифест «партийной организации и партийной литературы». Этот манифест всегда был образцом жесткого контроля левого политического радикализма над художественным творчеством, хотя вполне мог бы быть написан не только большевиком, но и любым иным социалистом, почти каждым черносотенцем и либералом. Творческая интеллигенция сознательно служила не одним левым партиям и идеям, но и другим: «умеренным» партиям или правым идеям. Поэтому список сотрудников, например, освобожденческих газет «Наша Жизнь», «Сын Отечества» или либерально-университетских «Русских Ведомостей» не был просто перечнем журналистов, а превращался в почти исчерпывающий реестр всех пишущих на политические темы представителей русской цензурной интеллигенции, среди коих лидировали историки, философы и правоведы... Проведя политический 1904/1905 год в рядах «Союза Освобождения», осенью 1905-го этот леволиберальный круг учредил конституционно-демократическую («кадетскую») партию, в руководство которой на равных с признанными «позитивистами» вошли некогда экзотичные «идеалисты» Новгородцев, Котляревский, Е. Н. Трубецкой (ненадолго), Струве...

В конце октября 1905 года Струве вернулся из почти четырехлетней политической эмиграции и принялся за привычное дело: учреждение идеологических, «направленческих» органов печати. В Петербурге он встретился со своим ближайшим журнальным сотрудником Франком и решил при его редакционном содействии организовать большую ежедневную газету — центральный орган кадетской партии. Но партийный лидер и личный недоброжелатель Струве П. Н. Милюков к столь ответственному месту его не допустил (не удалось тогда создать и партийной газеты: в конце 1905-го ее роль принадлежала «Биржевым Ведомостям» и ее псевдонимам, а известная «Речь» началась лишь с февраля 1906-го). Тогда Струве «задумал издание нового для России типа

журнала — политического еженедельника, издаваемого в форме тетрадок небольшого формата со статьями принципиального политического содержания»¹. Как оказалось, Струве не очень внимательно следил из эмиграции за судьбой «идеалистического направления» и теперь с явным опозданием воспроизводил уже исчерпанный опыт ВЖ: строил журнал, в котором его, не достигший, впрочем, церковности, философский идеализм должен был сосуществовать с публицистикой, практическими социальными науками и «позитивизмом», идеализм — с социализмом, либерализмом и религией. Казалось, что прежние «направленские» журналы — парижское «Освобождение» и петербургские ВЖ — не удались по чисто внешним причинам, что первому мешали агитационные задачи, а второму — цензура и унаследованный от НП беллетристический отдел². И теперь, в новых условиях, освобождаясь от агитации и литературы, надеясь на обещанную свободу печати, Струве готов был повторить опыт идейного журнала³.

Можно предположить, что, используя старые и тесные дружеские и общественные связи с Жуковским, Струве первым делом именно к нему обратился за финансовой поддержкой. Как сообщал Булгаков в письме Волжскому, «Д<митрий> Е<вгеньевич>, почувствовавший к нам, со времени возвращения Струве, род брезгливого презрения и раздражения

¹ О типично кадетском элементе в этом издании см. статью, безуспешно попытавшуюся свести все его содержание к единой формуле: *М. Е. Ларюшкина*. Журнал «Полярная Звезда» 1905–1906 годы. (Из истории русского либерализма начала XX в.) // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1987. С. 103–122.

² *С. Л. Франк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 50.

³ В состав редакции должен был войти (вернее, стать ее единственным, кроме редактора, членом) Франк. Он писал жене Струве Нине Александровне 1 ноября 1905 года: «П<етр> Б<ернгардович> участвует в газете Милюкова, которая, по-видимому, получит название “Освобождение”, но, к моему большому удовлетворению, не хочет отдавать ей много сил. Зато мы устраиваем журнал — идут переговоры с Вопр. Жизни, но, по всей вероятности, мы устроим совершенно самостоятельное дело, в котором будем полновластными хозяевами, именно еженедельный журнал типа Zukunft, т. е. без беллетристики, без хроники и обзоров, а только с оригинальными статьями по политическим и философским вопросам, и будем помещать в этом журнале нашу предполагающуюся книгу [“Культура и свобода”]» (Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905). С. 298–299). Письма самого Струве этого времени позволяют обнаружить буквально ежедневные колебания: сначала он сообщил жене о желании стать соредактором профессора политэкономии Л. В. Ходского по газете «Наша Жизнь», которой намеревается придать «строго конституционно-демократическое направление», — и одновременно устроить издание «ежемесячного журнала» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Лл. 150–151).

за понесенные убытки, не хочет издать даже дек<абрьскую> книжку» ВЖ¹. Но и Жуковский испытывал финансовые затруднения, и «толстый ежечасник» мало соответствовал принятому Струве за образец немецкому левому еженедельнику формата А5 Zukunft, поэтому Струве решился учредить новый журнал².

В деловом письме Поповой к Струве от 19 ноября 1905 года уже фигурировало название еженедельника — «Полярная Звезда»³. Его первый номер вышел в свет 15 декабря 1905 года. Очевидно, что имя журнала прямо отсылало к фигурам, историческому контексту и наследию предшественников по «Полярной Звезде» — К. Ф. Рылеева и А. И. Герцена. Издателем «Полярной Звезды» (далее — ПЗ) согласился стать М. В. Пирожков⁴.

В числе ближайших участников ПЗ заявлялись кадетские теоретизирующие практики из земско-либерального круга И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, В. И. Вернадский (лично приглашенный Струве к сотрудничеству 29 ноября⁵) и кадетские профессора — правоведы и экономисты — В. М. Гессен, Э. Д. Гримм, В. Э. Ден, А. А. Кауфман. Все это были старые знакомцы Струве, однако его среду в ПЗ в большей степени представляли иные: выходцы из марксизма, авторы «Проблем идеализма» Жуковский, Кистяковский, Франк, Бердяев, Булгаков, а также

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1 Ед. хр. 198. Л. 153.

² Днями позже Струве вновь докладывал жене о милюковском «Освобождении» и о том, что «у нас с С<еменом> Л<юдвиговичем> оформляется план издания еженедельного журнала, политико-философского». За финансовой поддержкой Струве обратился к другой своей давнейшей знакомой, О. Н. Поповой, в издательстве которой ряд лет в конце 1890-х годов проработал редактором отдела общественных наук. Должно быть, Струве решил построить капитал журнала на взносах пайщиков: в 1905 году для устойчивости дела могло хватить пяти тысяч рублей, что легко делилось на трех-четырёх участников (к примеру, в 1905-м годовой доход С. Н. Булгакова как экстраординарного профессора Киевского политехнического института составлял 2000 рублей). Но О. Н. Попова отказала. Радостно поддерживая идейные устремления Струве, она тем не менее указывала ему на рискованность его предприятия.

³ АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 84.

⁴ Между 23 ноября и 15 декабря 1905 года Струве уплатил ему свой пай билетом первого внутреннего займа в размере 1000 рублей (ГАРФ. Ф. 604. Оп. 1. Ед. хр. 6). Сведений о других совладельцах журнала не сохранилось, и, вероятно, остальная, подавляющая часть капитала осталась за книгоиздателем М. В. Пирожковым, что сделало его фактически единоличным хозяином ПЗ. «Забастовка сильно задержала выход первого №», — сообщила редакция в информации, помеченной 15 декабря 1905 г. (Полярная Звезда. 1905. № 1. С. 86). Это значило, что номер был готов к печати уже в первых числах декабря.

⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1587. Л. 5.

другие видные «идеалисты» Новгородцев, Котляревский, Е. Н. Трубецкой и Лосский. Кроме того, в ПЗ из ВЖ перешел «позитивистский» публицист Г. Н. Штильман. Видимо, отсюда же, из ВЖ, в ПЗ вошли Мережковский и Философов, в течение 1905 года приобретшие репутацию левых радикалов.

Впрочем, и привлечение Мережковских, и появление в ПЗ «идеалистов» отражало не столько широту идейных связей Струве, сколько его законсервировавшееся из-за эмиграции идейное самоопределение, желание согласить не чуждых «культурным» проблемам политических радикалов — в тот момент, когда их идейное развитие все более приобретало центробежный характер. Программа ПЗ гласила, что журнал «будет отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократии и социальной справедливости, исходя из цельного культурно-философского мирозерцания. (...) давать место всякому искреннему и оригинальному слову в защиту свободы и культуры».

Редакционная статья дебютного номера ПЗ ставила издание под знамена умудренного политическим опытом социалиста А. И. Герцена, радикала, пришедшего к осознанию творческой природы политических компромиссов, и формулировала политические цели редакции на явном пересечении либерализма и социализма: «свобода, равенство и социальная справедливость». Если лозунг *социальной справедливости* олицетворял собой важный опыт отхода Струве и Франка от социализма к социальной политике, а *свобода* делала несомненными их либеральные предпочтения, то *равенство* заставляло заподозрить в их конституционно-демократической партийности изрядный привкус коммунистической революционности. Справедливости ради надо сказать, что соотношение между социалистическим и либеральным элементами в мирозерцании редакторов журнала изменилось в считанные месяцы — и еще продолжалось издание ПЗ, как можно было заметить, что социализм подвергался в нем все более стороннему, внешнему и не вполне доброжелательному освещению. «Для нас, — заявляли Струве и Франк, — свята та революция, которая совершается во имя права и свободы» (ПЗ. № 1. С. 3; далее ссылки на журнал даются внутри текста).

В историческое подкрепление своих предпочтений ПЗ опубликовала серию статей, призванных затвердить в сознании читателя преемственность своеобразной «интеллектуальной оппозиционности» от Радищева и Грановского до Струве. Одновременно со страниц ПЗ с нарастающей силой звучала критика деятельности революционных партий и присущих психологии радикализма сектанства и нетерпимости. Впрочем, такая критика несколько не мешала ПЗ с прежним революционным энтузиазмом отдаваться новой партийности: делать философские углубления

в «душу» кадетской партии и ее «тактики», вносить в идеологию русского конституционализма пафос недавнего «идеалистического направления». И все-таки ПЗ имела успех: об этом Струве сообщил жене уже в конце декабря — после выхода всего двух номеров журнала¹. Тираж еженедельника достигал 15 тысяч экземпляров², чем мог сравниться с признанными «толстыми» журналами: народническим «Русским Богатством» и промарксистским «Миром Божиим» («Современным Миром»).

Старт ПЗ подтолкнул Струве к новому проекту ежедневной газеты. Думалось, что философское обоснование кадетской линии на страницах ПЗ, не очень, однако, удачно начатое публикацией обширного совместного философского труда Струве и Франка³, будет удачно дополняться политическим духом газеты. И вновь перспективы «идеалистической» газеты связывались с именем московского издателя И. Д. Сытина. Едва закончив безрезультатные многомесячные переговоры с представителями «церковной религиозной общественности» Карташёвым, Булгаковым, Эрном, Аггеевым, Сытин решил было откликнуться на предложение другой части религиозной общественности — внецерковной, но также — «отступился»⁴.

Если в журнальном деле для исследуемого в настоящей книге интеллектуального круга не было ничего непривычного, то ведение массовой

¹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Лл. 139, 149.

² *Конст. Аггеев*. Доколе... // Век. № 7. СПб. 24 декабря 1906 г. С. 84.

³ Под общим названием «Культура и свобода»: введение — «Очерки философии и культуры», единственная из написанных глав — «Индивидуализм и социализм».

⁴ Коллега Струве по «Союзу Освобождения» и кадетской партии П. Д. Долгоруков сообщил ему из Москвы: «Дело налаживается. Приезжайте немедленно — Котляревский и Новгородцев согласны на Ваши условия: 1. Редакционный комитет из центральных лиц партии. 2. Абсолютизм. 3. Два дня в Петербурге. Я им не называл еще Сытина: это Ваше дело их свести...» (АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 42). Уже 19 декабря 1905 года Струве был в Москве и вел переговоры с Сытиным. «Мои московские друзья согласились на мои условия и обещали мне оказать полное содействие в постановке газеты», — уговаривал его Струве (ОР РГБ. Ф. 259. Оп. 1. К. 29. Ед. хр. 26). Но без видимых результатов. 28 декабря Струве сообщил жене, что дважды ездил в Москву «для переговоров с Сытиным о передаче мне редакторства “Русского Слова”. В случае, если бы эти комбинации осуществились, мне 4 дня из 7 в неделю пришлось бы жить в Москве. Это очень неудачно, но я решил согласиться в принципе на предложение Сытина, ибо “Русское Слово” — аудитория в 150–160 тыс. подписчиков. “Полярная Звезда” тогда осталась бы в Петербурге, и я каждую неделю был бы в Петербурге в дни ее окончательной подготовки к выходу. Все, однако, еще не решено окончательно; и, может быть, в последний момент Сытин отступится...» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 65. Л. 142).

ежедневной газеты оставалось для Булгакова или Струве не только новой организационно-технической задачей, но и необходимостью существенного изменения («демократизации») своего публицистического стиля и раздробления, «хроникализации» своего авторского внимания. Русская газетная публицистика всегда имела среди своих авторов академических ученых и, в частности, философов и правоведов, но никогда прежде русские философы не ставили своей задачей прямо проводить в ежедневной газетной работе конкретные философские идеи, как это было в случае с «идеалистами». В апреле 1906 года Булгаков проделал этот опыт в киевской газете «Народ». В столичной печати параллельно действовал Струве, одним из его поклонников названный «философом-вдохновителем» кадетской партии (ПЗ. № 12. С. 56). Разумеется, соединение философии с политической тактикой не гарантировало успеха. Франк свидетельствовал: «П<етр> Б<ернгардович> (...) по всему своему духовному складу был существом прямо противоположным типу успешного и умелого редактора газеты. Он не умел и даже не хотел приспособляться к вкусам массового читателя, был органически неспособен давать тот, рассчитанный на пошловатый и низменный обывательский вкус, газетный материал, без которого газета не может иметь большого сбыта»¹. Но пока не возникло газетной практики, свои «газетные» подходы Струве реализовывал в ПЗ. Он, например, весьма недвусмысленно высказывал свои узкие политические предпочтения в введенных им в традицию подстрочных примечаниях от редакции. При публикации статьи социал-демократа Л. Галича он счел «философски неправомочным» предложенное автором «сочетание идеалистической философии с традиционным “социал-демократизмом”» (ПЗ. № 14. С. 203, примеч.). *Традиционным*, ибо Струве оставался верен себе: борясь с социализмом, непременно отталкивался от него как исходной точки. Прежний «ревизионистский» дух, близкий лишь узкому кругу полусоциалистических интеллектуалов, не оставлял Струве в ПЗ, где должен был появиться, например, отклик на одну из последних книг «ревизиониста» Э. Давида. Лишь отказ потенциального рецензента А. И. Чупрова избавил читателей от новых тонкостей научной полемики с социализмом².

Франк заметил, что ПЗ и утвержденный ею новый жанр политической журналистики вызвали ряд подражаний. Реконструируя мысль Франка, следует назвать знаменитый «Московский Еженедельник» Е. Н. Трубецкого. Начатый его братом, С. Н. Трубецким, в 1905-м скорее как еженедельная газета формата А3, «Московский Еженедельник» в руках нового редактора дважды сокращал свой формат, пока

¹ С. Л. Франк. Биография. С. 51–52.

² АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 131.

не превратился во внешнее подобие ПЗ. Сходство с ПЗ распространялось и на внутреннюю организацию материала. А четверть века спустя Струве назвал «Московский Еженедельник» идейным преемником ПЗ и одним из органов складывающейся «веховской» традиции. Другим «подражанием» стал недолговечный радикальный еженедельник «Накануне», возглавленный давним знакомцем Струве и В. И. Вернадского публицистом-естественником В. К. Агафоновым. В этом журнале (всего вышло три номера с 19 февраля по 5 марта 1906 года) сотрудничали и другие бывшие коллеги Струве: В. В. Беренштам, В. Г. Богораз, М. И. Туган-Барановский. Все это придало ситуации особую занимательность, ибо «Накануне» в короткий отпущенный ему цензурой срок успел показать себя яростным противником ПЗ. Раздражение В. К. Агафопова вызвала красная полоска бумаги с изложением содержания номера («бандероль»), в которую запечатывался рассылаемый журнал. «Вождь к. д. партии П. Б. Струве, — писало “Накануне”, — опоясывает свою “Полярную Звезду” красным поясом, как опоясаны социалистическими воспоминаниями и многие противоревolutionные статьи будущего премьера и его министров. (...) Его нужно сорвать, чтобы добраться до внутреннего содержания и обрести там полную невинность, которой только по политическому невежеству не хочет воспользоваться граф Витте»¹.

Не вызвала одобрения публицистическая деятельность Струве и со стороны власти. За публикацию заметки «Два забастовочных комитета» (ПЗ. № 3) Струве присудили к уплате штрафа в 150 рублей. Оценивая свое влияние гораздо выше 150 рублей, Струве сетовал: «Я обижен»². Более существенным откликом стало первое предупреждение, вынесенное ПЗ цензурным ведомством. Впрочем, политически злободневные выступления Струве со страниц ПЗ могли вызывать и неполитическую критику. Так, экономист А. И. Чупров в письме к Франку резюмировал: «Видел первые номера *Пол. Зв.* Ваши статьи — лично Ваши — мне очень понравились. Ваши взгляды и ваши настроения мне очень близки. Напротив, статьи Струве мне не по душе»³. Главное, что отличало, условно говоря, струвеанскую часть ПЗ от франковской, это разные уровни взгляда на общественные проблемы: «министерский», общегосударственный — у Струве и подчеркнуто индивидуализированный и поэтому более радикальный в моральном отношении — у Франка. Но эти частности видны были не всякому. Например, Г. Н. Трубецкой, дипломат-практик,

¹ Накануне. 1906. № 1. С. 48.

² П. Б. Струве. Письмо к В. А. Маклакову от 13 января 1906 года // ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 60. Л. 58.

³ АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 206.

в идейном отношении более близкий к «церковной общественности» Е. Н. Трубецкого и Булгакова, восхищался претензиями Струве на философское обоснование политической повседневности и государственного прагматизма. Он писал Струве в январе 1906 года: «*Полярная Звезда* приобретает все больший круг читателей и почитателей. Позволю себе с своей стороны поделиться впечатлением от чтения, напр., № 6-го. Весь номер писал как будто один человек, несмотря на разницу в отдельных взглядах и даже исходные различия христианского и гуманитарного мировоззрений. Но общий тон глубокого уважения к человеческой личности как цели, а не средству, и проповедь культуры придают цельный благородный облик *Пол. Звезде*»¹. Из уст Кистяковского звучала прямо противоположная оценка журнальной «проповеди культуры»: посылая одну из своих статей, он замечал: «Надеюсь, Вы не отвергнете отсылаемую статью Вашего “ближайшего” сотрудника. Она все-таки написана на политическую и конституционно-правовую тему, а в “Полярной Звезде” эти темы несколько заслоняются темами культурными, что, по моему мнению, в данный момент не может служить к пользе журнала»². Действительно, сотрудничество в ПЗ Лосского, Шестова, впоследствии известного византолога и искусствоведа П. П. Муратова, Бердяева, Мережковского, Философова и (не состоявшееся) филолога-классика Ф. Ф. Зелинского создавало в еженедельнике совершенно особую среду интеллектуальной избранности и культурной элитарности, что не могло не снижать политический «боевой тон» журнала. Однако столь широкий спектр «культурных писателей» в ПЗ в большинстве случаев не отражал продуманной эстетической или религиозной ориентации редактора. Вероятнее всего, их публикации оставались данью личным пристрастиям Струве, не всегда выводимым из общего строя его идей³.

---

¹ Там же. Ед. хр. 124. Лл. 1 об. 2.

² Там же. Ед. хр. 52. Л. 3.

³ В таком ряду оказалось и увлечение Струве поэзией Брюсова, в серьезности которого убеждают и книги с дарственными надписями в архивных фондах Брюсова (РГБ) и Струве (РНБ) и их совместная работа в «Русской Мысли». Бердяев сообщал Брюсову 12 февраля 1906 года: «Петр Струве хочет писать в “Полярной Звезде” статью о Вашем сборнике, он оказался Вашим горячим поклонником, что было для меня неожиданно и отратно» (ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 1. К. 77. Ед. хр. 17. Л. 1) — и свидетельствовало о случайности и неосновательности взглядов Струве на новую русскую литературу. Так же, как Струве, любить поэзию Брюсова и отталкиваться от сочинений Ремизова и Андрея Белого мог человек только весьма консервативных и застывших в 1890-х гг. эстетических предпочтений. Эта культурная узость была тем более странна для человека, бывшего среди первооткрывателей Ницше для русской философии.

Г. Н. Трубецкой заметил обнаружившееся в «идеалистическом» ПЗ разногласие между христианским и гуманистическим мировоззрениями, то есть разногласие между линией Струве и Франка и линией их бывших союзников «идеалистов», далеко ушедших в своем развитии в течение 1905 года. Но обращаясь к образу ПЗ уже печатно, в «Московском Еженедельнике» от 7 марта 1906 года, Трубецкой вносил в свою констатацию некоторые обнадеживающие уточнения: «Надо отдать справедливость бывшему редактору “Освобождения”, что в эпоху широкого развития политического оппортунизма ему удалось сплотить под свое знамя людей различных исходных направлений — гуманитарного и христианского — в общем признании безусловных ценностей личности и культуры. Хотя большинство сотрудников “Пол. Звезды” принадлежит к одной политической партии, “Пол. Звезда” не может считаться только партийным органом. Партийные статьи и оценки, поневоле односторонние, составляют в ней далеко не большинство и не умаляют значения “Пол. Звезды” как органа философии русского освободительного движения»¹. В опубликованной в ПЗ статье «О свободной совести» Франк очертил круг противостоящих редакции журнала сторонников «нового религиозного сознания». Корректно с точки зрения своей индивидуалистической религиозности, но ошибочно по существу, он включил в круг «нового религиозного сознания» всех сторонников соединения христианства и освободительных идей *общественного* (не личностного) синтеза религии и политики: от Мережковского и Бердяева до Свенцицкого, Булгакова и Волжского (ПЗ. № 6. С. 415).

В результате такой «самоизоляции» политический идеализм (или *идеалистический либерализм*) ПЗ, отойдя от крайностей партийного политиканства, так и не смог заручиться поддержкой бывших сотрудников, все быстрее приближавшихся к религиозной или конфессиональной определенности и остававшихся на позициях *христианского социализма*. Отвечая Волжскому по поводу предложенной им статьи о «религиозной общественности», Франк признавался 31 марта 1906 года: «именно на тему Вашей статьи у нас уже была статья С. Н. Булгакова и есть еще статья Н. А. Бердяева, давно уже принятая, — обе по теме и основной идее близкие к Вашей статье. При невозможности — за другими делами — мне или Струве отвечать на эти взгляды и при отсутствии у нас кружка наших единомышленников, которые могли бы противопоставить в “Пол. Зв.” идеям религиозной политики иную, нашу точку зрения, нам становится неудобным переполнять журнал статьями из Вашего

---

¹ [Г. Н. Трубецкой.] Новинки русской печати // Московский Еженедельник. № 2. 7 марта 1906 года. С. 18.

философского лагеря»¹. Выявившееся в частном письме довольно слабое знакомство Франка с идейными различиями в лагере «религиозной общественности», конечно, не было случайным. Формулируя проблему уже на страницах ПЗ, Франк, может быть, невольно выказывал большее, нежели просто неинформированность — уже осужденную Булгаковым в представителях «идеалистического направления» религиозную «аморфность». По мнению Франка, в желании связать политику и религию проявлялась потребность «спасти жизнь от измельчания, не затеряться в лабиринте политической техники, из-за размышления о средствах и путях к идеалу; из-за напряженности механической борьбы за него не забыть о нем самом и о его последней связи с интимно-личным, сокровенным восприятием вечной святыни. В этом отношении идея внесения в политическое творчество религиозного момента гармонирует с общим стремлением одухотворить, обогатить внутренним содержанием внешнюю жизнь» (ПЗ. № 12. С. 48–49).

Уже в следующем номере ПЗ (от 12 марта 1906 г.) внутренние противоречия прежнего «идеалистического направления» были вынесены на публичное обсуждение. Здесь публиковалась статья Булгакова «Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий)». Как уже говорилось, последние месяцы существования булгаковского ВЖ были отмечены постоянными усилиями по организации декларированного им «Союза христианской политики». Его идеологической целью называлось «культивирование христианской общественности», превращение политики в «религиозное дело». В области же политической практики задачи «Союза» оставались в пределах социал-либеральной «реальной политики»², ничем не отличавшейся от общих положений программ левой антиправительственной оппозиции. Но, с полной ясностью заявив о своих собственных политических приоритетах, Булгаков теперь требовал подобной ясности в отношении к религии от крупнейшей оппозиционной силы, в которую вошли десятки его коллег и единомышленников, — кадетской партии: «[Политическая] проповедь в народных массах, в которых живо еще чувство соборности, (...) утраченное индивидуалистической, “уединившейся” интеллигенцией, должна быть религиозна» (ПЗ. № 13. С. 122). По-видимому, Булгаков надеялся и на большее: направление деятельности кадетской партии на «культивирование христианской общественности». Отвечая здесь же Булгакову, Струве упрекал его в игнорировании того, что «связь политики

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 302.

² С. Булгаков. Неотложная задача (о Союзе христианской политики). М., 1906. С. 16; С. Булгаков. Церковь и государство // Вопросы Религии. Вып. I. М., 1906. С. 91, 93.

с церковною или вероисповедной религиозностью по существу есть всегда двойное злоупотребление: политикой — во имя религии, и религией — во имя политики», и прокламируемая оппонентом их связь «искусственна, недоброкачественна» и «бесплодна». Струве отказывался от прямой, общественной «христианской политики» в пользу сугубо индивидуального и не прокламируемого синтеза религии и политики, ибо «всякая сколько-нибудь глубокая и искренняя политика, (...) — по существу близка к глубочайшей, внутренней, субъективной религиозности» (ПЗ. № 13. С. 129).

Говоря все это, Струве наверняка знал о том, что за несколько месяцев до их полемики в ПЗ Булгаков выступил в ВЖ с прямо противоположными его высказываниям утверждениями. «Нельзя сказать более чего-либо соответствующего современному настроению, более угодного лукавству князя мира сего, — писал тогда Булгаков, — как этот призыв иметь религию в политике, сделать политику религией. Ибо ведь в течение всего 19-го века и до наших дней, и чем дальше, тем быстрее — растет количество людей, обходящихся без потусторонних идеалов и целиком перенесших их сюда, в “царство мира сего”, и фактически для этих людей политика давно стала религией. Многочисленные полки материалистического социализма... живут этой религией» (ВЖ. № 10/11. С. 260). Индивидуалистическое «воздержание» Струве от давно уже поставленной другими «идеалистами» проблемы «общественной» религиозности столь явно противоречило всему духу ВЖ, что с рядом не антирелигиозных, но анти-«партийных» оговорок в защиту булгаковской позиции со страниц струвеанского журнала выступил даже Бердяев (Свобода и Культура. № 2). Единственное, что вызывало неустранимое разногласие его с Булгаковым, так это отвержение «церковной общественности», к которой склонялся Булгаков. «Преступления церкви против земли, против земной правды, против культуры и свободы слишком ужасны, слишком невыносимы, — твердил Бердяев. — Старой церкви нельзя уже привить новых общественных добродетелей, нельзя дух живой вдохнуть в нее, принудив ее признать блага конституции и восьмичасового рабочего дня, это было бы механично, почти позитивистично. В этом отношении я расхожусь с С. Н. Булгаковым. (...) Поклонение внешнему авторитету какой бы то ни было исторической церкви, традиционный догматизм, отрицающий свободное движение и новые пророчества, есть измена верховному достоинству Вечного Разума»¹.

Внимательному анализу Бердяев подверг и позицию Струве, стремившегося «очистить» либеральную партийность даже от привкуса церковной соборности и религиозного коллективизма. Бердяев писал:

¹ Цит. по: Николай Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. С. 410–411, 436.

«П. Б. Струве — самый выдающийся человек в конституционно-демократической партии. Это единственный, быть может, в России творческий политический ум. Моральное мужество его достойно удивления и большого уважения. Но положение этого человека очень драматическое и безысходное. Струве хочет реставрировать идеалистический либерализм в его надъисторической чистоте и абсолютной ценности. Теоретически это совершенно справедливо: принципы либерализма ничего буржуазного в себе не заключают и только они могут быть положены в основу социализма, осуществляющего свободу и не попирающего личность. Но практически идеалистический либерализм вряд ли может у нас зажечь в сердцах священный огонь: нужно что-то большее. (...) Программа к.-д. партии очень радикальная и демократична, это почти социал-демократическая программа-*minimum*. Не в программе тут дефект. (...) У к.-д. нет веры, которую они могли бы понести народу, нет мирозозерцания, заражающего массы... (...) Струве слишком увлекается искусством политики. Социал-демократия дает религиозный пафос, которым заражает сердца народных масс, увлекает молодежь. Сама политика для социал-демократов есть религия, религиозное делание. Что могут противопоставить этому конст.-демократы? (...) Россия отдана уже волею судеб во власть крайностей, черные и красные цвета господствуют, и тут не бледные теории нужны, умеренные и бестемпераментные, а новые, пламенные идеи. Такими идеями могут быть только идеи религиозные, не менее радикальные, чем социал-демократические или черносотенные...»¹

С одной стороны, в ситуации общелиберального единства обнаруживался существенный диссонанс в позиции ПЗ и иных кадетских органов. Само появление такого журнала, в котором признанные газетные публицисты выступали с размышлениями на «непрактические» темы, таило в себе и скрытый идейный реванш части кадетской элиты за поражение в борьбе за высокое место в партийной иерархии, и органическую чуждость Струве и Франка духу вечно налагаемой на себя радикальной или либеральной партийности. Не следует забывать, что как раз этот дух продолжал двигать Бердяевым и Булгаковым в их поисках религиозно оправданного радикализма в течение 1905–1906 годов. Внимательный наблюдатель за эволюцией Струве и деятелей «нового религиозного сознания» отмечал, что «идеалистическое течение пыталось сменить собой не только марксизм в его ортодоксальной доктрине, но и разрушить самые позитивные основы его, как исконную традицию мировоззрения нашей интеллигенции»². И поэтому — не могло быть полноценного мира

¹ Там же. С. 392–396.

² В. Португалов. Западный социализм и «справка» Кранихфельда // Без заглавия. СПб., 1906. № 7. С. 264.

между «идеалистическим либерализмом» и кадетской партийностью. С другой стороны, в отличие от религиозной остроты «христианских социалистов», явная непроясненность собственной религиозной позиции ПЗ вела к хоть и протестантской по духу¹, но очевидной религиозной «бесчувственности» журнала. Именно поэтому в нем «тематически» соединялись статьи Розанова (с редакционным примечанием о своем «неотождествлении» с его взглядами: ПЗ. № 8. С. 524, прим.) и Свенцицкого. Интересно, впрочем, что, когда радикально полеевший в 1905–1906 годах Розанов вместо антицерковной предложил в ПЗ политическую «левую» статью («Ослабнувший фетиш»), Струве «решительно отказался напечатать [ее] в *Полярной Звезде*, хотя своим художественным рисунком она пленила меня. (...) В 1906 поддакивать самому крайнему из русских политических настроений и направлений, говорить ему приятные вещи, когда каждое слово имело практический смысл, было ответственным актом, представлялось мне в моем положении, как политического деятеля-редактора, непозволительно легкомысленным, прямо бесчестным»². Ибо ПЗ вела борьбу с государственной церковью, а не с государством.

Стремясь отмежеваться от взглядов Свенцицкого, ПЗ наконец выяснила, с чем именно она «отождествляет» себя: «Не разделяя церковных убеждений, мы охотно даем (...) место искреннему голосу верующего православного, потрясенного событиями недавних дней» (ПЗ. № 8. С. 561). Говоря о репрессиях власти против революционеров, со страниц ПЗ Свенцицкий призывал церковь «наложить покаяние на генерал-губернатора

¹ См. письмо Струве к А. С. Глинке (Волжскому), 1907 год: «В задуманной мной политической брошюре, которая под руками разрастается в целую культурно-философскую книжку [имеется в виду неоконченная книга “Государство, интеллигенция, революция”, отчасти вошедшая в “Вехи”], я остановлюсь на идущей от Соловьева через Вас, Бердяева, Мережковского, отчасти Розанова легенде о религиозности русской революции. Я думаю, что эта легенда коренится в том, что всех перечисленных писателей, несомненно религиозных, роднит с революционерами сильная доза материализма, присущая христианскому богоматериализму, являющемуся у Соловьева и его последователей настоящей философией православия. Я лично непосредственно чувствую это, напр., в Свенцицком. Христианство, мне кажется, заключает в себе две струи: идеалистическую, иначе гуманистическую, и материалистическую, иначе космическую. Культурно-философское значение и содержание протестантизма заключается в том, что он решительно отказался от материализации Бога и от всякой попытки подчинить “космос” религии. Я чувствую себя протестантом... В этом смысле я гораздо ближе к Толстому, чем к Соловьеву...» (Цит. по: М. А. Колеров, Н. С. Плотников. Творческий путь П. Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 99).

² П. Б. Струве. *Patriotica*. Сб. СПб., 1911. С. 498.

Дубасова» как на «главного руководителя совершаемых злодейств». И заключал: «...на всю Православную Церковь должен быть наложен пост в знак глубокой печали о великих грехах, содеянных ее членами» (ПЗ. № 8. С. 563). 6 февраля 1906 года Петербургский цензурный комитет постановил привлечь Струве как редактора к уголовной ответственности за публикацию статьи Свенцицкого. Дабы избежать ареста и немедленной остановки ПЗ, Струве внес в Петербургский окружной суд залог в 1000 рублей: в результате с 18 февраля¹ по 19 марта вышло еще несколько номеров ПЗ. Дело против Свенцицкого длилось до конца 1906 года и окончилось его оправданием². Обвинения цензуры против Струве получили новое подтверждение, когда в № 13 ПЗ была опубликована статья активнейшего автора ВЖ Г. Н. Штильмана «Самодержавие и Божья милость». По воспоминанию Струве, Штильман попал «на скамью подсудимых по обвинению по ст. 128 Уг. Улож.»³.

20 марта 1906 года решением Петербургского цензурного комитета и определением Судебной Палаты издание ПЗ было приостановлено до вынесения приговора, но уже 31 марта в упомянутом письме к Волжскому Франк замечал: «Наша “Пол. Зв.” существует теперь в виде “Свободы и Культуры”». А в мемуарах высказывался еще проще: «новый вариант того же журнала»⁴. 1 апреля (практически одновременно с булгаковской газетой «Народ», дебютировавшей в Киеве 2 апреля) первый номер «Свободы и Культуры» уже вышел из печати⁵. Проблемы в выбо-

¹ ГАРФ. Ф. 604. Оп. 1. Ед. хр. 5 (расписка судебного следователя о получении от П. Б. Струве залога).

² На этом конфликты Свенцицкого с законодательством не прекратились. Возбужденные против него дела по обвинению в антигосударственной деятельности (в основном по статьям 128 и 129 Уголовного Уложения) были сняты, а розыск Свенцицкого прекращен лишь после амнистии политическим преступникам, объявленной манифестом Николая II по случаю 300-летия царствующего дома Романовых 21 февраля 1913 года: ГАРФ. Ф. 102. ДП-VII. Д. 7. Л. 233. См. также: *Конст. Аггеев*. Доколе... С. 85. Впервые Свенцицкий предстал перед судом весной 1906 года. Его речь на повторном рассмотрении дела в декабре 1906 года опубликована: Век. № 2. СПб., 14 января 1907 года.

³ Русская Мысль. 1916. Кн. 12. II отд. С. 170.

⁴ С. Л. Франк. Биография. С. 50.

⁵ 6 апреля «Русские Ведомости», публикуя объявление о выходе в свет первого номера «нового варианта», извещали: «По соглашению между издателями журнала “Свобода и Культура” и приостановленного приговором судебной палаты журнала “Полярная Звезда” подписчики “Полярной Звезды” будут получать журнал “Свобода и Культура”» (Русские Ведомости. 1906. 6 апреля. № 92). Преимущество ПЗ и «Свободы и Культуры» (далее — СК) и не думали скрывать. Их формат, дизайн и объем были идентичны. На титуле еженедельника редактором теперь указывался Франк, но «при ближайшем участии Петра

ре названия редакторы не испытали — на смену ПЗ пришло инвертированное название их опубликованного в ПЗ незавершенного совместного труда 1905 года «Культура и свобода»¹. Само название «Культура и свобода» и его варианты публика легко могла соотнести с университетскими лекциями С. Н. Трубецкого: по воспоминанию современника, в последние годы жизни он «неизменно заканчивал свою вступительную лекцию словами: “без культуры нет свободы, без свободы нет культуры!”»².

Реальное положение журнала тем не менее резко ухудшилось. Выплата залога чрезвычайно обострила финансовую проблему: гонорары авторам и без того задерживались издателем М. В. Пирожковым. Для издания СК был найден, казалось бы, приемлемый компромисс: формально издание взяла на себя М. Н. Могиланская. Но фактически контора СК по-прежнему располагалась у Пирожкова, а СК исправно печатала его каталоги. Видимо, не изменился и материальный источник. Положение усугублялось тем, что Струве не удовольствовался возобновленным журналом и попытался создать (в сотрудничестве с Туган-Барановским, Франком, В. В. Хижняковым и Штильманом) — умеренно-социалистическую газету специально для пролетариата «Рабочее Слово», а также — вновь — газету политических новостей в дополнение к журналу политической философии. «Рабочее Слово», выходявшее с 31 марта по 16 мая 1906 года принесло одни убытки и долги перед типографией³ и не добавило славы ни Струве, ни Франку⁴. Уровнем и общим настроем «Рабочее Слово» чем-то неуловимо

Струве» — шрифтом покрупнее. Подписчикам ПЗ рекомендовалась и рассылалась только СК (в случае же окончательного прекращения журнала, согласно практике тех лет, подписчикам предлагался для чтения целый веер политически близких изданий). Редакционные работа и портфель ПЗ плавно перешли в СК даже в мелочах: непосредственно продолжилась публикация списка книг, поступивших в редакцию, а статья В. Г. Бажаева, обещанная в ПЗ (ПЗ. № 14. С. 189), появилась в первом же номере СК. Практически речь шла лишь о переименовании журнала, и потому распространенные в литературе ссылки на существование отдельной от ПЗ и руководимой Франком СК неосновательны.

¹ О нем см. письмо С. Л. Франка к П. Б. Струве от 19 октября 1905: Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905). С. 294.

² П. Сурмин [Н. В. Устрялов]. «Центросвет» // Заря России. М., 1918. 13 (26) июня. № 51. С. 3.

³ См. о долгах Струве по счетам «Рабочего Слова» с 11 мая по 11 августа 1906 года: АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 123.

⁴ Струве и даже Франк осознанно и намертво умолчали об этой газете в своих обширных мемуарах. Похоже, они стыдились её. См. тексты Струве отсюда: М. А. Колеров. Утаённый социализм Струве и Франка: газета «Рабочее Слово» (1906): 1. [П. Б. Струве.] Рабочее Слово; 2. Петр Струве. Привет! // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

напоминало созданные в ХББ «Встань, спящий» или «Стойте в свободе»: тот же гнетуще примитивный язык и фальшь приспособленной к «народной» стилистике пропаганды. Более того, «Рабочее Слово» было лишено даже толики того подлинного, не приуроченного для примитивного потребления пафоса, что иной раз проступал в газетах ХББ.

Давняя, ещё с начала 1890-х годов социал-демократка и марксистка, опытная пропагандистка в пролетарской среде, её исследовательница, продолжавшая практиковаться в этой сфере ещё, как минимум, в течение 1905 года, жена Булгакова — Е. И. Булгакова — прямо и публично отозвалась на довольно наивный и абстрактный призыв тоже опытного, но более кабинетного революционера Струве к работе «в народных массах», обнажив обратную сторону — хорошо ей лично известную сторону социалистического культуртрегерства. Она очень трезво сообщала о рабочих: «Сегодняшний ваш союзник завтра переходит в ряды врагов. Человек, казавшийся проникнутым известной «идеей», неожиданно поражает примерами грубого невежества. Поэтому все расчёты, основанные на мнимой сознательности и солидарности вчерашних учеников, в один прекрасный день рассыпаются, как картонный дом»¹. Нет никакого сомнения, что эти грустные выводы практика были хорошо и из первых рук известны её мужу, С. Н. Булгакову и потому не могли не сказаться на перспективах его переживания перспектив своего христианского социализма и политики вообще.

Что же касается газеты respectable, то на этот раз издавать ее согласился И. Д. Сытин: в преддверии думских событий он надеялся на успех газеты, специально посвященной парламентаризму. И в день открытия первой Государственной думы, 27 апреля 1906 года, начала выходить вечерняя газета «Дума» — тоже по западному образцу — французской «Temps». «Общая редакция» принадлежала Струве, «ответственным редактором» (как говорилось, для отсидки в случае карательных мер) стал его близкий знакомый с начала 1890-х годов А. В. Винберг. Газета была полна думской хроники и стенографических отчетов, отзывалась дополнительными экспресс-выпусками на самые острые события. Свое имя для списка сотрудников дал и Булгаков. Отношения с цензурой оказались еще более конфликтными, чем у газеты «Народ»². Но, как вспоминал Франк, в частое отсутствие Струве практически в одиночку ведущий СК, «газета эта была полной неудачей и кончила свое существование

¹ Е. Булгакова. Интеллигенция и народ // Свобода и Право. Киев. № 40. 11 февраля 1906 г. С. 2–3.

² С 6 мая по 25 июня 1906 года цензура 19 раз высказывала претензии к «Думе», а ее ответственный редактор А. В. Винберг дважды оказывался под следствием за опубликованные в редактируемой им газете статьи, как правило, трактующие общеполитические проблемы и специально — рабочий вопрос (РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 430; Ф. 776. Оп. 9. Л. 129).

через несколько недель» (на № 39 от 13 июня, за месяц до роспуска Думы). В дебютном номере газеты главные ее авторы в самых недвусмысленных выражениях подтвердили ориентацию круга Струве на одновременное достижение политической свободы и социальной справедливости. Возвращаясь к лозунгу прежнего радикального народничества и нынешних социалистов-революционеров, рафинированный социал-либерал, кадетский депутат Думы Новгородцев писал: «Земли и воли требует наш народ... Мы слышим голос народных страданий, слышим призыв к освобождению трудящихся масс, рабочего класса...»¹ Говоря, что Дума «должна национальную идею воплотить в учреждения политической свободы и социальной справедливости», ему вторил Струве. И даже дистанцируясь от «бунта» и революционаризма, продолжая прагматическую проповедь «конституционного» (основанного на акте 17 октября) порядка, Струве вновь, как и в годы «Освобождения», не мог скрыть своей особой (близкой отношению Свенцицкого к террору) идеалистической привязанности к «бунтарям» (народовольцам и новым террористам): «Признаём историческую заслугу бунтарей, преклонимся перед ними, перед нравственной красотой их самоотвержения»². По-видимому, также особую, не «сектантскую» и «ортодоксальную» (по Струве) или не «догматическую» революционность со страниц газеты отстаивал Франк, клеймя «доктринерское преклонение перед революционной догмой и доктринерскую отделенность от революционного настроения»³. Очевидно, что для упомянутых лиц в революционной практике неизменно приоритетным оставалось ее «настроение», ее идеалистический смысл, позволяющий согласить интеллигентское и «массовое» начала движения, «одухотворить» материальную социалистическую справедливость в противовес грубой и бездуховной буржуазности капитализма.

Содержательно мало отличаясь от СК, «Дума» стала «скорее ежедневным альманахом интересных политических статей [того же авторского круга], чем подлинной газетой; составлять такой ежедневный альманах было делом мучительно-трудным — постоянно не хватало материала, и газета, естественно, не имела никакого успеха. Сыгин, сначала так охотно пошедший навстречу П<етру> Б<ернгардовичу>, увидав, что терпит на ней убыток, сразу же ее прекратил»⁴.

31 мая 1906 года застопорилось и издание «Свободы и Культуры»⁵. Нереализованными остались давнишние планы редакции дать

¹ П. И. Новгородцев. Великий день // Дума. № 1. СПб., 27 апреля 1906 года. С. 1.

² П. Струве. Народ и Дума // Там же. С. 1.

³ С. Франк. Пред историческими днями // Там же. С. 2.

⁴ С. Л. Франк. Биография. С. 51.

⁵ Еще до выхода седьмого номера СК, в первой половине мая 1906 года между редакцией и издателями возник конфликт. Видя нежелание Пирожкова

«философскую и политическую оценку» Радищеву (ПЗ. № 1. С. 90) и «литературно-политическую характеристику» Достоевскому «с иной точки зрения», нежели это сделал Лев Шестов (ПЗ. № 7. С. 493, прим.) и, вероятно, Булгаков¹.

действительно передать журнал новому издателю — М. Н. Могиланской (чтобы не возмещать ей долгов по гонорарам за уже опубликованные в принятом ею журнале статьи и т. д.), Струве «категорически заявил г. Пирожкову и г-же Могиланской, что совместное ведение дела с ними невозможно» (П. Струве. Письмо в редакцию // Речь. 1906. 25 июня. № 109. С. 4). В результате периодичность СК изменилась до двух недель. Попытка личного объяснения с Пирожковым не удалась (С. Л. Франк. Биография. С. 52). Журнал остановился. Бердяев сообщал Гиппиус 2 июня 1906 года: «Св. и Кул.» слишком плохо расходуется. Пирожков порвал с этим журналом, слишком не злободневен» (Письма Николая Бердяева. С. 302).

¹ Не довелось Струве и «развить собственную точку зрения» на земельный вопрос, занявший столько места в ПЗ (ПЗ. № 10. С. 687, прим.). Не состоялась и серия статей В. И. Вернадского «Мысли из жизни»: «о смертной казни, об автономии и федерализме» (В. И. Вернадский. Письмо к П. Б. Струве от 8 марта 1906 года // АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 25), может быть, еще тогда сумевшая бы обнаружить расхождение позиций по расколовшему в 1910-е гг. Струве и Кистяковского украинскому вопросу. 22 июня 1906 года Пирожков направил Струве прощальное письмо, в котором обещал ему вернуть сумму его пая не позже 15 июня (Там же. Ед. хр. 82). На следующий день Струве и Франк выступили с письмом в редакцию газеты «Речь» об «отказе от редактирования» журнала и, следовательно, его прекращении. Претензии подписчиков они адресовали издателям, а читателей утешали: «Мы надеемся, что нам удастся в близком будущем восстановить издание журнала, выражающего наши воззрения» (Речь. 1906. 23 июня. № 107. С. 3). На деле они, конечно, не имели права заявлять о прекращении СК, принадлежавшей издателям. Поэтому в ответ издатели отослали в «Речь» и ряд газет объявления о продолжении СК «с обновленной редакцией», сообщая о том, что якобы «еще до выхода в свет № 7» отказались от услуг Франка и Струве. Струве угрожал остракизмом возможным преемникам, но напрасно: Пирожков обновлять редакцию не собирался. В сотрудничестве с Мережковским и Бердяевым, готовясь к изданию с осени 1906 года нового журнала «Меч», Пирожков не мог расплывать свои и без того ограниченные средства. 26 июля 1906 года Бердяев писал Философову: «У Пирожкова нет денег, и он поступил некрасиво с “Полярной Звездой”» (Письма Николая Бердяева. С. 304). Впрочем, и угрозы Струве возымели свое действие. По крайней мере, части авторов контора СК начала выплачивать задержанный гонорар: ее заведующая М. Н. Могиланская писала в сопроводительном к деньгам письме к В. И. Вернадскому от 25 июня: «вследствие недоразумений между редакцией и издательством издание журнала под прежней редакцией прекращается» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1087а). Повествуя дальнему другу семьи издателю Л. Ф. Пантелееву о своих материальных зловключениях, жена Струве Нина Александровна

Особая логика судопроизводства дала знать о себе годы спустя. В 1913 году по приговору Петербургской Судебной палаты пять номеров ПЗ 1906 года все-таки были приговорены к аресту и уничтожению. Причиной этого (так и не приведенного в исполнение) приговора стали статьи Бердяева «Религия и культура»¹, ряд статей Ф. И. Родичева, Вл. М. Гессена, Штильмана и «Два забастовочных комитета» и «Заметки публициста» самого Струве. То обстоятельство, что эти статьи Струве уже были переизданы им и, значит, воспринимались как не утратившие своего значения, в 1911 году в составе сборника «Patriotica», ничего не меняло: они по-прежнему нарушали политические статьи (128 и 129) Уголовного Уложения.

Единственное, что менялось быстрее политических пристрастий, — так это отношение к проблеме «религиозной общественности». Говоря кратко, эволюция «веховского» круга вела к тому, что Булгаков, Бердяев, Струве и Франк придавали своей религиозности все более церковное

4 июля 1906 года просила у него денег: «У нас закрылась и “Дума”, и “Свобода и Культура”, причем за 1½ месяца издатель не уплатил нам редакционного гонорара, т. е. 750 рублей. Так что сидим мы без копейки денег. Ни заработка, ни скопленного ничего нет». Впрочем, оставалась надежда, что зимой «журнал вместо “Свободы и Культуры” будем издавать, но для этого нужно найти надежного, энергичного, и главное, денежного издателя» (РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 1. Ед. хр. 568. Лл. 52–52 об). На положительное наследие журнала претендовал редактор «Московского Еженедельника» Е. Н. Трубецкой. Он телеграфировал Струве 27 июня 1906 года: «В случае закрытия Звезды передайте нам подписчиков, статьи» (АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 7). Тоже безрезультатно. Потеряв СК, Струве мог рассчитывать на возобновление приостановленной ПЗ. Но даже формальное спасение журнала уже не могло изменить его печальных финансовых перспектив. Приговором Петербургской Судебной палаты от 7 августа 1906 года Струве и Штильман были оправданы, и ПЗ получила право на выход в свет с 28 августа. 11 августа Струве сообщал В. А. Маклакову: «Вы знаете, что я оправдан и “Полярная Звезда” освобождена. Мне страшно хочется возможно скорее ее возобновить. (...) Хорошо было бы, если бы возможно было достать до конца года тысяч 6–10» (ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 60. Л. 60). Просьбы о поиске денег, попытки привлечь к финансированию самого Рябушинского успехом не увенчались. Драматические события с «Думой» и СК, казалось бы, могли бы убедить Струве в неисчерпанности его новаторского эксперимента, прекратившегося столь преждевременно — и в силу внешних обстоятельств. Но уже в конце 1906 года в его ведение перешел старый толстый ежемесечник — «Русская Мысль», и Струве не стал менять его традиционной структуры и не пытался уже избавиться ни от политической хроники, ни от внутренних и внешних обозрений, ни от, как правило, пресной и мало подверженной общему идейному плану беллетристики.

¹ Экземпляр этой статьи с позднейшим инскриптом Струве см.: РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 108.

звучание. При этом, однако, Булгаков и Бердяев в считанные годы изжили свои партийно-общественнические увлечения, а Струве и Франк, напротив, отводили религии (не церкви) растущую общественную и даже государственную роль. Пока же, в конце 1906 года, с началом руководства «Русской Мыслью», Струве привлекал Бердяева и Булгакова к сотрудничеству и внимательно следил за событиями в сфере «религиозной общественности», устами приглашенных авторов формулируя позицию журнала. Первый же номер «Русской Мысли» новой редакции — январский 1907 года — инициировал новый виток полемики о религии и политике. Рядом со статьями Бердяева («Анархизм»), Мережковского («Революция и религия»; редакция отмежевалась от их взглядов) и Булгакова («На религиозно-общественные темы. I. Средневековый идеал и новейшая культура») О. Н. Езерский реконструировал заявленные весной 1906 года позиции: «Политическое учение не может удовлетворить основных запросов» человека, а с другой стороны, «стремясь к практическому успеху, религиозные политики жертвуют далекими и вечными интересами своего учения». Поэтому О. Н. Езерский признал изначально противоречивыми сами попытки «в принципе говорить о религиозной политической партии» и в пример приводил ХББ с его «марксистской программой, основанной на цитатах из Евангелия» и даже признанием «насилия как способа общественной борьбы», прозвучавшим из уст Свенцицкого. Езерский заключал, что «религия никогда не должна поддаваться влиянию политики, стремиться к политической власти», чтобы не подрывать своего престижа. В таком подрыве Езерский обвинил и ХББ, «подавшееся искушению самым примитивным способом обратиться религию на службу освободительному движению». И все же религия, по мнению автора, должна оставаться исходным принципом политической деятельности¹. От лица «религиозных политиков» в полемику вступил и, казалось, снял противоречия К. М. Аггеев. В еженедельнике «Век» он заявил, что ни одна из полемизирующих сторон не спорит с невозможностью противопоставления религии и политики — и, следовательно, спор утратил свою основу².

Поставленная «Проблемами идеализма» и «Вопросами Жизни» задача могла считаться выполненной: философский идеализм и религия были признаны положительной общественно-политической силой, их язык вошел в политическую риторику, их лозунги — в периодическую печать, а проводники заняли особое, пока еще скромное место в ряду властителей дум.

¹ О. Н. Езерский. Религия и политика // Русская Мысль. 1907. Кн. 1. II отд. С. 108–109, 115–116, 120, 126.

² К. М. Аггеев. Религия и политика // Век. № 12. СПб., 25 марта 1907 г. С. 142.

Глава 3

БУЛГАКОВ И ХРИСТАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ (1905–1907)

Осенью 1905 года Булгаков писал: «Ближайшей и важнейшей задачей союза [христианской политики] является создание литературы и газетной прессы, распространяющих идеи христианской общественности». Не преувеличивая мобилизующей роли этой фразы, можно тем не менее заключить, что именно указанная в ней задача и в максимальной степени отвечала убеждениям его единомышленников, и руководила самим Булгаковым в подавляющем большинстве его предприятий осенью 1905 — весной 1907 года.

В январе-феврале 1905-го вместе с авторами прежнего НП церковные реформаторы во главе с профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии А. В. Карташёвым появлялись в редакции ВЖ еще в качестве наблюдателей и непостоянных сотрудников. Но, с учреждением на страницах ВЖ специальной рубрики «Религиозно-общественная хроника», они все более проникались пониманием важности печатного проповедничества. Опыт священников Г. А. Гапона и Г. С. Петрова, прибегавших к непосредственной социальной пропаганде, убеждал в желательности организации более оперативной и демократичной прессы, нежели толстый журнал для интеллектуалов, каким оставался ВЖ. Прогрессирующая в 1904–1905 годах либерализация печатного дела позволяла надеяться на учреждение не только тонкого еженедельного журнала, но и газеты (зачастую грань между еженедельным журналом и еженедельной газетой была весьма условной и зыбкой). Понятно, что церковные реформаторы, обдумывая свои издательские планы, рассчитывали на поддержку авторов и читательской аудитории ВЖ. Да и руководители ВЖ могли надеяться на плодотворный союз с близкими изданиями, позволяющий ВЖ освободиться от потока специально церковной и газетно-политической хроники. Важно также, что новые органы «христианской общественности», расширяя собственное идейно-литературное влияние Булгакова и его единомышленников из ХББ на мало знакомую им среду столичной церковной интеллигенции, не обременяли бы дополнительными расходами издателя ВЖ Жуковского.

Среди потенциальных издателей новой печати фигурировал владелец крупнейшей газеты «Русское Слово» И. Д. Сытин. Сытин не был чужд ни религиозным исканиям, ни нравственной демократической проповеди и потому с готовностью шел на переговоры с теми, кто намерен был совместить то и другое.

Весной 1905 года разговоры об организации *специального* издания впервые воплотились в формальный проект церковно-общественного еженедельника. Магистрант Киевской Духовной Академии¹, священник Смольного института, участник встреч в редакции ВЖ К. М. Аггеев (1868–1921) писал 22 мая 1905 года Волжскому: «Дело можно считать решенным в хорошую сторону. Вчера у меня был И. Д. Сытин. Сегодня он и Антон Владимирович [Карташёв] завтракают у меня. Сытин предлагает издание журнала на условиях лучших, чем мы предполагали. Он ассигнует на изда<ние> 25 000 р. (...) Мы образовываем из себя нечто вроде издательского товарищества. С одной стороны — группа лиц, дающая исключительно свой труд, я бы назвал ее редакционным комитетом. С другой — Сытин, дающий материальные средства». На должность официального редактора, служащего заложником цензуры и карательных органов, был приглашен товарищ Карташёва по духовной семинарии Пушин.

Дабы начать выпуск журнала с октября 1905-го, инициаторы планировали уже 15 июля подать прошение о разрешении на издание журнала в Главное управление МВД по делам печати. Пока же были «заняты выработкой программы, — придумывали название». Проблемы с названием нового дела вроде бы не возникало: не случайно же Гиппиус будто проговаривалась о замысленном, когда предлагала сменить «*Вопросы Жизни*» — «*Вестником Жизни*». Но проект еженедельника, получивший было название «*Наши думы*», вскоре был переименован в «*Новую жизнь*». Как сообщал Волжскому (параллельно с сообщением Булгакову) Аггеев, «редакционный комитет нами лично предположен в таком составе. Редакторы — Пушин (официальный) — Карташёв и о. Аггеев. Члены к-та — А. С. Глинка, свящ. Чельцов, свящ. [В. Я.] Колачев и м. б. свящ. [Г. С.] Петров. Можно причислить и Н. П. Аксакова... Как Вы думаете о С. А. Аскольдове, как члене Комитета?»² Появление в списке возможных сотрудников реформационного органа официального деятеля, не столько «религиозно-общественного», сколько религиозно-нравственного писателя и одновременно управляющего канцелярией Св. Синода Н. П. Аксакова свидетельствовало либо об очевидной политической умеренности издания, либо о незрелости его замысла.

¹ А. В. Карташёв. Мои ранние встречи с о. Сергием. С. 47.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 178. Лл. 1–2.

Судя по всему, именно Г. С. Петров служил посредником между Сытиним и Карташёвым-Аггеевым. Приобретая столь для своего издания столь громкое имя, последние вряд ли могли надеяться на его подчинение общему замыслу. Напротив того, сотрудничая как признанный публицист в сытинском «Русском Слове», Г. С. Петров вполне мог претендовать на особую роль представителя издателя в редакционном комитете. Авторское ядро, видимо, планировалось составить из Карташёва, Волжского и Аггеева. Растущему количеству религиозно-общественных проектов недоставало не только денег, но и авторов. Из Киева Булгаков писал Волжскому: «Аггеев убеждает меня и Вас скорее приехать [в Петербург] для выяснения окончательного вопроса с газетой. Денежная сторона устраивает совершенно, ибо Сытин дает денег не в обрез, а сколько нужно, но тем важнее сразу же поставить верно литературную. На переговорах в Москве присутствовал Петров и вообще по моему впечатлению, он начинает влиять больше, чем желательно, т. е. не на Сытина, а на дело»¹.

22 июня 1905 года, обсуждая проект московской газеты, инициированной ХББ (о нем — далее), и, видимо, уверенный в организаторских способностях Эрна и Свенцицкого, Булгаков делился с Волжским своими сомнениями относительно петербургского предприятия Аггеева и Карташёва: «вследствие милой литературности и вообще некоторой наивности К. М. Аггеева, который недавно прислал мне отчаянный проэкт редакционной конституции (тоже с Аксаковым). Но я все-таки надеюсь, что все это в конце концов уладится в желательном для дела смысле, только нужно смотреть в оба и держать твердый курс в начале. Беда: опять нет официального редактора, ибо найденный Карташёвым отказался»². Все это подталкивало Булгакова к непосредственному участию в деле и, должно быть, заставляло его давать некоторые обещания.

Чулков ревниво напоминал 11 июля Волжскому: «Я что-то не видал давно Карташёва и ничего не знаю о вашей православной газете»³. Но Карташёв в целом выдерживал график организации, объявленный Аггеевым. «Я все более и более отдаю хлопотам и думаю о церковно-реформационном журнале, — писал он 17 июля. — На этой неделе приедут Сытин и С. Н. Булгаков и мы подадим прошение о разрешении. На роль офиц. редактора не находится никого кроме меня. (...) Дело, вероятно, не может начаться ранее декабря. Однако ищем и сотрудников, и других работников». Волжскому он предлагал стать секретарем редакции и соредактором журнала. Для руководства «отделом русской

¹ Там же. Ед. хр. 198. Л. 1.

² Там же. Лл. 3–3 об.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 3.

и иностр. политики» Карташёв намеревался пригласить другого автора ВЖ, в прошлом рецензента промарксистского журнала «Мир Божий», а ныне, видимо, «идеалиста» И. А. Давыдова. Столь явную ориентацию церковного органа на привлечение радикальной интеллигенции из круга ВЖ сам Карташёв объяснял просто: «Боюсь наплыва узко-бытового, епархиально-либерального материала. Ваши статьи и ст<атьи> С. Н. Б<улгакова>, — повторял он Волжскому, — желательны в изобилии, чтобы журналу не свихнуться с живой человеческой высоты в вечно бесплодную “иерархическую” канитель»¹. Ни Сытин, ни Булгаков в Петербурге тогда не объявились.

Историк А. Е. Пресняков (1870–1929) оставил личное свидетельство от 14 сентября 1905 года о своём посещении А. В. Карташёва: «Это молодой, очень молодой человек, горячо увлечённый идеей приближающейся на Руси церковной реформы. Для него эта реформа должна быть — не внешним преобразованием некоторых сторон церковного управления, а настоящей идейной религиозной реформацией. Он считает её приближающейся и хочет идти ей навстречу, боясь, что затопят идейную сторону дела мелкая политика и заботы о нуждах житейских, будничных нуждах духовенства. (...) Его мечта создать новый орган, еженедельную церковно-реформационную газету, и, в союзе с Булгаковым и какой-то группой лиц, это дело начато, хлопочут о разрешении. (...) Дело в том, что журнал “Вопросы Жизни” умирает по недостатку подписчиков и, вероятно, прекратится»².

Наконец, еженедельник Карташёва обрел кандидатуру официального редактора и в принципе был готов к процедуре разрешения в Главном управлении по делам печати. По информации Аггеева от 16 сентября, Карташёв «уходит с Сентября из Академии и становится официальным редактором нашего органа. Я же буду негласно его помощником. (...) Не ныне — завтра придет в П<етербур>г И. Д. Сытин. Немедленно “вчиняем дело” и приступаем к организации редакции и составлению первых приблизительно четырех номеров»³. Не позже 27 сентября Карташёв передал прибывшему в Петербург Булгакову «проект декларации» журнала. Посылая «проект декларации» и Волжскому, редактор досадовал: «Минский предвосхитил имя “Нов<ой> Жизни” для своей газеты. Но я придумал — как теперь мне кажется — не худшее название» — «Вестник Жизни». Текст декларации, подготовленный Аггеевым еще в июне 1905-го, подвергся радикальной переработке: Карташёв

¹ Там же. Ед. хр. 230. Лл. 1–2.

² А. Е. Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927 / Публ. Т. Н. Журавской, Д. Н. Лепина. СПб., 2005. С. 533.

³ Там же. Ед. хр. 178. Лл. 4–4 об.

сохранил лишь один ее существенный пункт, уделявший особое внимание «специально духовенству»¹. Теперь за его правку взялся сам Булгаков. Прошение было подано и разрешение на издание еженедельника ожидалось к концу октября².

Чувствуя, что Г. С. Петров склонен злоупотреблять своим (реальным ли?) влиянием на Сытина в сторону перераспределения обязанностей по руководству «Вестником Жизни» в свою пользу, Карташёв и Аггеев явно рассчитывали на опыт и авторитет Булгакова, способного, как им казалось, уравновесить его амбиции. Бедствующие ВЖ также рассчитывали на сытинский капитал. Таким образом, очень многое в судьбе «Вестника Жизни» зависело от успеха личных переговоров Булгакова с Сытиным, которые должны были пройти в Москве в середине октября. «Для пользы дела» задабривая сытинское «Русское Слово», Булгаков специально для этой газеты написал статью — но она вскоре вернулась обратно по причине ее политической «нецензурности». Что же касается «Вестника Жизни», то его партийная определенность не входила в планы Булгакова: «Pronunciamento [декларация] Карташёва (которое еще ждет своей очереди на моем столе) мне мало нравится, длинно и неэнергично. Кроме того, излишне упоминание о к. д. партии; в этом, впрочем, я сам виноват»³. Откликаясь на лозунги «Союза христианской политики», Карташёв добровольно причислил «Вестник Жизни» к числу сторонников кадетской партии, среди учредителей которой было немало авторов ВЖ. При журнале решено было организовать штаб-квартиру «Союза [Братства Ревнителеей] Церковного Обновления» (бывшей «группы 32-х»), и поэтому просили у Сытина денег и на аренду помещения. «Наш журнал, — писал Аггеев, — единственный в своем роде. Ведь он берет в себя все реформационное движение Церкви». А 4 ноября разъяснял Свенцицкому и Эрну: «При “Вестнике Жизни” можно будет учредить Петербургский секретариат партии христианской политики. Во всяком случае Антон Владимирович [Карташёв] и я рады будем служить этому делу»⁴.

20 октября 1905 года разрешение на бесцензурное издание еженедельника было получено. Не доверяя Петрову, Аггеев просил Эрна, заодно с просьбами о финансировании его московской газеты, напомнить Сытину об обещанной поддержке «Вестника Жизни»⁵. Острый и прежде, в преддверии выхода журнала в свет особенно беспокоил и недостаток работников: «Как быть с “политикой”? На кого положиться!» — восклицал

¹ Там же. Ед. хр. 230. Л. 4.

² Там же. Лл. 4–5.

³ Там же. Ед. хр. 198. Лл. 12–12 об.

⁴ ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 3. Лл. 8–8 об.

⁵ Там же. Лл. 3, 5.

Карташёв после отказа И. А. Давыдова. Пока лишь его коллега по Духовной Академии и НП и ВЖ В. В. Успенский согласился вести не самый важный «обзор мнений печати». Среди непрременных участников журнала рассматривались Мережковские и другие авторы НП и ВЖ. «Сговариваюсь с сотрудниками. Количество их растёт. Растёт и список обещанных статей, но никто еще не прислал рукописи. Пока владею только одним стихотворением Вяч. Иванова (...) Много времени трачу на знакомства с священниками из 32-х», — сокрушался Карташёв¹. Карташёв приглашал к сотрудничеству в еженедельнике и принадлежавшего к ХББ Флоренского², чья возможная писательская активность, конечно же, заранее была ангажирована конкурирующим проектом его друзей Эрна и Свенцицкого — московской «Народной газетой».

Помимо собственно журнального, другим направлением в деятельности издаваемого Сытиным «Вестника Жизни» должна была стать книжная серия «народной литературы», воплотившаяся в «Религиозно-общественной библиотеке». Проспект Библиотеки составил Булгаков: из достоверно известных в нее вошел нереализованный сборник «Накануне церковного собора» и брошюра Булгакова «Неотложная задача (о Союзе христианской политики)» (Серия 1. № 1). В остальном же Библиотека, по-видимому, совпадала с тем, что было реализовано Свенцицким и Эрном вместе с издательством Д. П. Ефимова.

Наверное, встретившись-таки с издателем, 11 ноября 1905 года Булгаков сообщал Волжскому о «Вестнике Жизни»: «Сытин от него не прочь увильнуть. Но он [журнал] так или иначе будет»³. Гром грянул через два дня. Сначала Г. С. Петров изъясил из программы «Вестника

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 230. Лл. 4–5.

² ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 3. Лл. 9–9 об. Существуют различные мнения относительно принадлежности П. А. Флоренского к кругу ХББ. Хотя аргументы в пользу того, что Флоренский не состоял в ХББ, уже систематизированы (Е. В. Иванова. Флоренский и Христианское Братство Борьбы), а противоположные до сих пор отрывочны, представляется обоснованным признать, что Флоренский был во всяком случае настолько близок к ХББ (в серии описываемых в настоящей книге его проектов, составляющей почти все историческое содержание ХББ, он всегда был среди ближайших сотрудников), что грань между особенностями тогдашней левизны Флоренского и левизной Эрна и Свенцицкого становится практически незаметной. Как справедливо замечает А. А. Носов, само участие Флоренского в издательских проектах ХББ несомненное свидетельствует о его политических взглядах, чем формальная принадлежность или непринадлежность к ХББ: А. А. Носов. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 годы) // Вопросы философии. 1996. № 3.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 198. Л. 18.

Жизни» упоминание о своем сотрудничестве. Одновременно Сытин, разделив финансовые тяготы с петербургским книгоиздателем П. П. Сойкиным, решил с декабря 1905-го переименовать «Вестник Жизни» в «Свободу и Религию» (или «Религию и Свободу») и, следовательно, обновить разрешение МВД на издание журнала, что граничило с переменной готовившего его круга людей. Как 29 ноября признавался Андрею Белому Карташев: «Наш церк<овно>-реформа<ионный> и ц<ерковно>-революц<ионный> еженедельник пока не удастся. Капиталисты отступили»¹. 3 декабря окончательно прояснилось, что, даже переименовав его, Сытин журнал издавать не будет. 28 декабря Булгаков резюмировал: «Еженедельник наш хотел издавать Сытин с Сойкиным (?!)², но, очевидно, в конце концов отказались, и я приписываю это враждебному влиянию Петрова (...) Теперь на нашем горизонте появился Ал<ексан>др Стахович³, который хочет “финансировать” журнал, но почти нет тоже ничего осязательно, и я боюсь верить»⁴.

Впрочем, излагая ситуацию внешнему наблюдателю — Мариану Здзеховскому (в письме из Киева от 30 декабря 1905 года), — Булгаков высказывался гораздо оптимистичнее и формулировал масштабнее: «У нас в литературно-издательском мире с новым законом о печати и благодаря революционной эпохе происходит целая революция, возникают и гибнут предприятия ежечасно, и сейчас еще не выяснено, в какой форме я и мои друзья будем работать в наступающем году». О «Вестнике Жизни» Булгаков рассказывал как о еще живом и не утратившем перспектив предприятии, описывая попутно круг привлекаемых им авторов: «Между прочим, есть проект церковно-общественного еженедельника, в котором предположено участие всех, светских и духовных. Я участвую в редакции и, до известной степени, определяю направление. Как видите, это предприятие совершенно новое и симптоматически очень интересное, которое, вероятно, будет иметь значение для религиозно-общественного движения. В программу издания, между прочим, входит христианский сверхконфессиональный универсализм и идея соединения церквей (...) С светской стороны там участвуют сотрудники

¹ Цит. по: А. В. Лавров. Комментарии // Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 677. Дополнено по рукописи ОР РГБ (сообщено А. А. Носовым).

² В конце 1901 года Булгаков вел безрезультатные переговоры с П. П. Сойкиным о покупке принадлежавшего ему промарксистского журнала «Научное Обозрение». См. об этом: С. Н. Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903). С. 249–252, 257.

³ Будучи предводителем дворянства Елецкого уезда Орловской области, А. А. Стахович был биографически связан с Булгаковым.

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 19.

“В. Ж.”, представители христианского направления и, кроме того, некоторые профессора духовных академий, из духовных — передовые представители духовенства, разделяющие программу».

Приглашая Здзеховского к сотрудничеству, Булгаков направил ему не только проспект «Вестника Жизни», но и свою брошюру о «Союзе христианской политики». В дополнение к изложенному в этом манифесте с оглядкой на цензуру, он счел необходимым договорить политическую часть своего кредо в частном письме. Делясь своим, позже излитым в специальной газетной статье¹, возмущением тем, что демократическое французское правительство вело переговоры о предоставлении кредита российскому самодержавию (что русскими левыми было воспринято как кредит на «подавление революции», но не вызвало особенного осуждения среди либералов), Булгаков писал: «Отношение наших либералов к политике французского правительства возмущало всегда и меня, причина в том, что наши либералы недостаточно либеральны. Вообще события показывают, что самодержавие не только искалечило тело нашего народа, но и глубоко въелось в его душу, вытравив у многих на некоторое время способность и умение быть свободным и уважать чужую свободу. Но это так наболело, что лучше об этом и не говорить»². Да и не эпистолярный более всего подходил для таких политических эмоций, и не церковно-общественный еженедельник, а ежедневная газетная публицистика, на которую был способен Булгаков в 1904-м в киевской «Юго-Западной неделе» — и «неистовые москвичи» из ХББ. Как известно, общее для описываемой среды увлечение издательскими проектами не обошло и Свенцицкого и Эрна. Еще в 1904-м они планировали создание собственного религиозно-общественного журнала³, а в начале 1905-го — религиозно-общественной газеты.

К лету 1905 года газетно-журнальные идеи были оставлены Свенцицким и Эрном и на первый план деятельности ХББ выдвигалось Московское РФО памяти Вл. С. Соловьева⁴ и книжная серия «Религиозно-общественной библиотеки».

¹ С. Н. Булгаков. Из записной книжки. 11 апреля [1906] // Публикация О. К. Локтевой и М. А. Колерова // Вопросы философии. 1994. № 6.

² Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому. С. 158–160.

³ Письма П. А. Флоренского к Б. Н. Бугаеву (А. Белому). С. 149–151.

⁴ См.: А. В. Волков. Доклады, прочитанные на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (1905–1907) // Соловьевские исследования. Вып. 1 (65). Иваново, 2020; А. В. Волков. Доклады, прочитанные на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (1907–1908) // Соловьевские исследования. Вып. 4 (68). Иваново, 2020.

22 июня 1905 года Булгаков сообщал Волжскому, что «был проездом в Москве на совещании, проектированном там Соловьевским обществом. Познакомился с Свенцицким и им очаровался¹. Это огромная величина и сейчас уже, а что из него выйдет! Да и оба они [Свенцицкий и Эрн] — так чисты, так хороши». В ходе общения с «москвичами» у Булгакова возник план, осуществление которого он предложил «взять в свои руки Москве: дешевой народной христ.-демокр. газеты (типа “Рабочей газеты”)». Как уже говорилось, в мае 1905-го в Петербурге началась подготовка к изданию на деньги И. Д. Сытина религиозно-общественного еженедельника, впоследствии получившего название «Вестник Жизни». В Киеве В. Н. Лашнюков намеревался возобновить закрытый в 1904 году за статью Булгакова еженедельник «Юго-Западная неделя».

«Это насущнейшая необходимость при теперешнем положении вещей, если только печать освободится, — писал Булгаков. — Не знаю, согласятся ли они [Свенцицкий и Эрн] (проект собственной газеты ими оставлен). Идейная и внутренняя связь этой газеты с петербургской очевидна. У меня нет веры в серьезность и прочность газеты, во главе которой стоит теперь Лашнюков в Киеве и в которой он убеждает меня принять участие». Можно предположить, что, сравнивая петербургский и киевский проекты с московским, Булгаков отдавал предпочтение новой московской инициативе, прямо использующей партийные возможности «Христианского братства борьбы». Поэтому эта чисто издательская инициатива Булгакова вызревала в тесной связи с чисто партийной, что и нашло подтверждение в тезисе его манифеста о «Союзе христианской политики» о том, что литературе и прессе принадлежит «важнейшая» роль в распространении идей «христианской общественности». Булгаков писал Волжскому 29 июля 1905 года: «У меня назревает еще один план, связанный с литературными надеждами, — основание “Союза Христ. политики” (несколько измененная идея легального “Братства Борьбы”) (...) Кроме того, у меня явилась мысль, если осуществится газета, не присоединитесь ли Вы в редакцию? Наша молодежь идеальна как работники, но еще нуждается в совете. (...) Однако, пока не удалось сделать никаких шагов относительно Сытина, а на него все надежды. Я сильно надеюсь на поддержку Петрова (во влиянии на Сытина), которого хочу заинтересовать идеей народной газеты и вообще издательства»². Манифест «Союза христианской политики» был написан Булгаковым не позже середины августа.

¹ О влиянии личности Свенцицкого на Булгакова см. мемуарное свидетельство: В. В. Зеньковский. Из воспоминаний // Вестник РХД. № 139 (1983). С. 119–120.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 7 об.

В качестве одной из кадровых основ «Союза христианской политики» Булгаков рассматривал членов обновленческой группы 32-х священников, которые, в свою очередь, также могли послужить «Народной [христианско-демократической] газете», как и церковно-общественному «Вестнику Жизни». Из Петербурга Карташёв сообщал, что «С. Н. Б. в конце авг<уста>, числа 27-го, думает устроить философское собрание с духовенством и прочитатъ какой-то свой доклад»¹. К этой аудитории Булгаков, видимо, и собирался обратиться с идеей «Союза». Как сообщал Вяч. Иванов в письме к Брюсову от 13 сентября, такой же «реферат» Булгаков прочел и на квартире Г. С. Петрова². Карташёв вспоминал, как на собрании «32-х» — уже на квартире Аггеева — Булгаков «лаконически, без предисловий, прямо пригласил духовенство вступить в эту партию, как самую для него подходящую. Ответом было возбужденное и недоуменное молчание»³. Тем не менее Булгаков не прекратил своих агитационных усилий — и вскоре выступал уже перед киевскими священниками. Присутствовавший при этом Е. Н. Трубецкой рассказывал 13 ноября 1905 года на заседании Центрального Комитета кадетской партии (в протокольном изложении): «Совещание в Киеве с духовенством. Священники после беседы с Трубецким и Булгаковым просветлели. Могущественный орган пропаганды. Священники — реальные политики. Надо иметь орудие для борьбы с радикалами на случай крика: долой попов. На крестьянском союзе был поп, высказавшийся за террор. (...) Царский сан не признают непререкаемо священным. Форма правления безразлична. Нужно освободить от бюрократии, необходима перестройка церкви на демократических началах»⁴.

¹ А. В. Карташёв. Письмо к А. С. Глинке от 17 августа 1905 года // Там же. Ед. хр. 230. Лл. 2–2 об.

² [В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923). С. 484.

³ А. В. Карташёв. Мои ранние встречи с о. Сергием. С. 51. Мемуаристу запомнилось, что речь шла о (не созданной еще) кадетской партии. Булгаков, в принципе, мог приглашать священников ко вступлению и в «Союз христианской политики» и, как член «Союза Освобождения», в будущую конституционно-демократическую партию, решение о создании которой было принято на IV съезде «Союза» в Москве 23 августа 1905 года — за несколько дней за выступления Булгакова.

⁴ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911. М., 1994. С. 37. Надежду на поддержку кадетов в среде духовенства выразил в заседании ЦК и другой автор ВЖ, видный «освобожденец» и черниговский общественный деятель В. В. Хижняков (Там же. С. 40). См. также выходящую с 12 марта 1906 года черниговскую газету «Десна», редактором-издателем которой был В. М. Хижняков.

При всей очевидной приспособленности этого сообщения к языку кадетской «позитивной общественности», введенная Булгаковым в программу «Союза христианской политики» мысль о демократизации церкви (восстановлении ее соборности) была отнюдь не чужда рядовым священникам. И все же к середине сентября священники ждали от Булгакова более предметных доказательств «христианской политики» — каковыми и могли стать издательские предприятия. В сентябрьском лекционном турне по Петербургу Булгакова сопровождал, по-видимому, Эрн. Пока Булгаков агитировал за «Союз христианской политики» и (вместе с Эрном) взвешивал жизнеспособность ВЖ и петербургского проекта Карташёва¹, Эрн подал прошение о разрешении на издание собственной ежедневной газеты². Как явствует из новейших исследований, уже 20 сентября 1905 года Главное управление по делам печати направило московскому генерал-губернатору запрос о политической благонадежности Эрна, решившего стать редактором-издателем ежедневной «Народной газеты», выходящей без предварительной цензуры. Программа газеты была заявлена чрезвычайно широко: от внешней и внутренней политики до судебной хроники и искусства. Препятствий к изданию Эрном газеты в Москве московский генерал-губернатор не обнаружил³. Однако само издание задерживалось.

3 ноября 1905 года Ремизов записал в дневнике: «“Вопросы Жизни” — окончательно ликвидируются»⁴.

Сытин все откладывал окончательное решение, а москвичи ждали Булгакова. По примеру Аггеева, они обсуждали возможность организации вокруг «Народной газеты» ячейки «Союза христианской политики»⁵. Аггеев утешал 4 ноября 1905-го Свенцицкого и Эрна: «Вопрос о народной газете с редакторством С. Н. Булгакова» не нужно считать отрицательно решенным: такое я вынес впечатление из беседы с о. Григорием (Петровым)»⁶. Пока длились переговоры, И. Д. Сытин издал составленный при участии Свенцицкого и Эрна первый сборник «Свободная совесть», названием своим удачно объединявший свободу конфессиональной и внецерковной религиозности с сугубо политическим,

¹ Во встрече Карташёва с Эрном участвовал и Аггеев: см. его письмо к Эрну 19 сентября 1905 года (ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 1). 25 сентября приглашал к себе Эрна и И. Чулков, обещая встречу с Вяч. Ивановым (Там же. К. 3. Ед. хр. 107).

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 230. Лл. 4–5.

³ А. А. Носов. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.) // Вопросы философии. 1996. № 3.

⁴ Алексей Ремизов. Кукха. Розановы письма [1923]. С. 29.

⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Лл. 2 об., 3 об.

⁶ ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 3. Лл. 8–8 об.

философским или художественным пониманием свободы совести. Но, построенный по принципу альманаха, сборник отнюдь не напоминал чаемую универсальную «Народную газету». В «Свободной совести» преобладали молодые московские писатели-символисты — посетители «сред» П. И. Астрова, московского судьи, заинтересовавшегося «религиозной общественностью» и в первую очередь — религиозной оппозиционной публицистикой Г. С. Петрова¹. И здесь чувствовалась организующая роль Петрова. Думается, что даже участием в сборнике Свенцицкий и Эрн были обязаны не идейным мотивам или длящимся переговорам с Сытиным, а личному знакомству с Андреем Белым², введшим их в круг П. И. Астрова. На вошедшую в сборник одну статью Свенцицкого приходились многочисленные сочинения «аргонавтов», отрывок из французской книги В. С. Соловьева, академичные статьи Б. П. Вышеславцева и С. А. Котляревского. Следует признать справедливым мнение А. А. Блока, высказанное им в рецензии на сборник: «Статьи большинства сотрудников были бы хороши в своем месте, чьи в философских или в художественных журналах, а чьи — в газетах... Сотрудники “Свободной совести”, соединясь преждевременно, поневоле смотрят в разные стороны»³.

Тем временем создатели «Народной газеты» находили все больше оснований для пессимизма и подозрений, что, как и в случае с «Вестником Жизни», Г. С. Петров вступил в дело с тем, чтобы поставить под свой контроль, возглавить или, на худой конец, торпедировать совместные проекты Сытина и каких-либо иных, помимо самого Петрова, представителей «религиозной общественности». «От газеты Сытин отваливает, — писал Булгаков 11 ноября, — б. м., не без влияния о. Гр<игория>, хотя это не достоверно»⁴. Через два дня из сообщения Аггеева стало ясно, что «*Народная газета* в Москве будет издаваться Сытиным. Главным деятелем в ней будет о. Григорий»⁵. На 30 ноября Сытин вызвал из Киева в Москву Булгакова и устроил совещание с участием Г. С. Петрова: он рассчитывал, что литературные силы, собранные Карташёвым, Аггеевым, Эрном и Булгаковым для сотрудничества в «Вестнике Жизни» и «Народной газете», согласятся отдать свои сочинения и имена под руководство Петрова. Аггеев, единственный, поспешил согласиться⁶.

¹ Об этом подробно см.: А. В. Лавров. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 127–128.

² Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. С. 156.

³ Золотое Руно. 1906. № 10. С. 95.

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 18.

⁵ ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 3. Лл. 9–9 об.

⁶ Там же. Ед. хр. 2. Л. 1.

«Из нашей Народной газеты родилась кошунственно-безбожная — по проспекту и названию — “Правда Божия”, редактируемая свящ. Петровым! — возмущался 28 декабря 1905 года Булгаков. — У москвичей остаются еще какие-то надежды и комбинации»¹.

«Правда Божия» дебютировала 1 января 1906 года (и продолжилась до июня). Под впечатлением первых ее номеров Свенцицкий рассказал действительную историю проекта «Народной газеты», большая часть которой вряд ли была известна Булгакову: «Сытин все время затягивал дело и наконец сказал так, — если вы достанете тысяч 15–20, я стану издавать газету. Мы напрягли все свои силы и нам удалось склонить [М. К.] Морозову дать 20 т. Тогда Вл<адимир> Фр<анцевич> [Эрн] пошел к Сытину и сказал ему, что вот Морозова согласна, но что его смущают слухи о том, что Петров собирается издавать газету; тогда Сытин заявил, что Петров действительно будет издавать газету, но что это никакого отношения к нашей газете не имеет, и что нашу газету, раз Морозова согласна дать 20 т., он будет издавать. Но тут началось восстание, сгорела Сытинская фабрика, деятельность которой начнется лишь с марта месяца, — и временно опять мы ни с чем»².

Продолжая интриговать, Г. С. Петров писал А. А. Измайлову в конце декабря 1905 года из Петербурга о газете Сытина: «В «Русском слове» идут переговоры со Струве П. Б.»³. Газета Струве, конечно, была нужна, но вовсе не факт, что он стал бы делиться в ней властью с христианскими социалистами и самим Петровым.

После закрытия ВЖ и неудачи «Вестника Жизни» и «Народной газеты» в России не осталось ни одного органа религиозно-общественной мысли. Тем напряженной ввели идейную работу узкие группы единомышленников. Их общий контур почти совпадал с компромиссным кругом ВЖ. На его руинах, по мнению Чулкова, определились три центра «религиозных исканий»: его собственный «мистический анархизм», группа Мережковского и ХББ⁴. Ко вторым причислялся Бердяев, к последним — Булгаков. От внимания Чулкова, к сожалению, ускользнуло то, что еще в течение всего 1906 года размежевание между

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 19.

² Там же. Ед. хр. 280. Л. 2. Ельчанинов сообщал Флоренскому 17 декабря 1905 года: «С пожаром сытинской типографии дело с газетой становится неопределенным вполне» (Переписка 1903–1908 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским // Вестник ПСТГУ. Сер. I. Богословие. Философия. М., 2011. Вып. 1 (33). С. 97).

³ А. А. Измайлов. Переписка с современниками / Сост. А. С. Александров. СПб., 2017. С. 561.

⁴ Георгий Чулков. Об утверждении личности // Факелы. Кн. 2. СПб., 1907. С. 12–19.

Бердяевым-Мережковскими и Булгаковым-ХББ отнюдь не было окончательным и вполне допускало их солидарность в политике и литературе.

* * *

Лишившись «Нового Пути» и, вероятнее всего, оставшись вне пропагандируемого ими проекта «Вестника Жизни» — как издания *внутрицерковного* — Мережковский, Гиппиус и Философов в течение всего 1905 года не имели собственного печатного органа. Вполне может быть, что, собираясь выехать за границу и рассчитывая найти там большую свободу печати, нежели в России, они и не нуждались в «Вестнике Жизни» или новом «Новом Пути», как того опасались в ВЖ. И все же ряд их инициатив был по-прежнему связан с периодической печатью.

Уже в январе 1905-го, в дни Кровавого воскресенья, забастовок и активного обсуждения проектов церковных реформ, в редакции ВЖ начались регулярные встречи. В них принимали участие: церковные реформаторы и бывшие деятели Религиозно-философских собраний и «новопутейцы», «декаденты», «идеалисты» и «освобожденцы». Встречаясь на поле вынужденного и потому временного компромисса, все они питали надежды на собственные, более партийные и идейно более монолитные органы печати. На одно из таких собраний — 31 января 1905 года — Волжский приглашал даже некогда «совершенно устранившегося [из журнала]» Бердяевым Розанова: «Сегодня у меня будут кое-кто, хотел быть Тернавцев, Мережковский, Белый и “Вопросы Жизни”»¹. От имени «всей редакции» на новую встречу зывал Розанова и Бердяев². На таких собраниях, наверное, к весне 1905-го и родился замысел сборника «Проблемы мистицизма»³. Он должен был объединить Мережковских (составителей), Розанова, Флоренского, Белого, Бердяева, Вяч. Иванова, Каргашёва, В. В. Успенского, Волжского, Аскольдова, Лосского, а его печатание, вероятно, готовился взять на себя издатель ВЖ Жуковский. Сборник не только своим именем отсылал к «Проблемам идеализма», но и по сути должен был стать такой же предельно «общей скобкой». Очевидно, однако, что в первоначальном проекте преобладали не общие принципы среды, а ее фрагменты, зачастую представленные не первыми лицами: Флоренским от ХББ, Волжским и Лосским от ВЖ... А Булгаков, формально не отказываясь от участия в проекте, воспринимал «Проблемы мистицизма» как покушение на монополию ВЖ — единственный тогда действующий орган религиозно-общественного направления.

¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 1.

² Там же. Ед. хр. 365.

³ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 3 об.

Поэтому одной из главных организационных и составительских проблем сборника стало привлечение к нему Булгакова. 13 июля (июня?) 1905 года Философов писал Волжскому: «Посмотрев список участников, составленный Вами с З. Н. [Гиппиус], — я обращаюсь к Вам с просьбой взять на себя С. Н. Булг<акова>. Голубчик, напишите ему, попросите его что-нибудь для сборника. Ваш голос будет авторитетнее моего. (...) Что-то у меня появилось сомнение насчет Аскольдова и Лосского. В случае если признаете желательным их участие, переговоры с ними возьмите также Вы на себя. А, главное, выясните дело с Булгаковым. У Мережковских существует предположение пригласить Шестова. Они его видели теперь в Киеве, подружились, и говорят, что он мог бы, если бы захотел дать что-ниб. интересное»¹. После посредничества Волжского в деле комплектования «Проблем мистицизма» Булгаков отвечал ему: «Я по-прежнему начинаю находить, что издание сборника теперь клином врывается в наши планы, но раз это дело обстоит так серьезно, я, разумеется, приму участие в сборнике, хотя продолжаю просить Вас это дело затормозить (т. е. вообще, затягивать же издание, раз оно состоится, не следует, нужно, напротив, ускорить и выпустить осенью). Я написал большую и тяжеловесную статью о Фейербахе, которую готовил в качестве тяжелого орудия для “В. Ж.”, и теперь, с явным ущербом для “В. Ж.” (к удовольствию З. Н.), задержу ее для сборника. Сборник будет, конечно, интересен, и не участвовать в нем было бы грехом»². Благодаря такой позиции Булгакова Мережковские, с одной стороны, готовы были допустить, что в издании сборника им придется обойтись без участия ВЖ и опубликовать его за границей на деньги влиятельного деятеля эсеровской партии И. И. Бунакова-Фундаминского, а с другой стороны, придавали сборнику все более «булгаковский», общественнический характер. 31 июля 1905 года, получив от Мережковских новое приглашение написать статью «для сборника, но уже французского», Вячеслав Иванов разъяснял Брюсову происшедшие перемены: «Мережковский и Философов продолжают говорить о намерении переселиться осенью в Париж. Даже сборник “Религия и общественность” должен появиться по-французски»³. Получивший новое название сборник откладывался, таким образом, до приезда Мережковских в Париж. И статья Булгакова «Религия человекобожества у Л. Фейербаха» ушла в октябрьско-ноябрьскую и декабрьскую книжки ВЖ.

Осенью-зимой 1905-го, по ходу попыток преобразования ВЖ, увлеченные общим поветрием сотрудников журнала, о необходимости

¹ А. Л. Соболев. Мережковские в Париже (1906–1908). С. 346.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 5.

³ [В. Я. Брюсов.] Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923). С. 476.

учреждения собственного журнала заговорили Мережковские и Бердяев. Финансовую базу должен был обеспечить (в 1906–1907 годах главный издатель сочинений Мережковского, Гиппиус и Бердяева) М. В. Пирожков (1867–1926). Еще в начале октября 1905 года Пирожков предлагал выкупить у Жуковского пай тонущих ВЖ и, следовательно, был готов финансировать столь убыточное предприятие как религиозно-философский журнал. 21 октября 1905 года в письме к А. Г. Достоевской упоминал свои хлопоты «главным образом с цензурой по делам журнала» Мережковский¹. В творческих планах Мережковских фигурировали также серия сборников, журнал и газета. Но никаких следов учреждения или попыток учреждения этих органов в России не сохранилось. Известно лишь, что журнал должен был выходить в Петербурге и при рождении получил имя «Меч», его редактором становился Бердяев, а издателем — М. В. Пирожков.

Впервые имя журнала промелькнуло тогда, когда судьба старого «Нового Пути» была решена, а — недолгая — нового только завязывалась. Уступив руководство идейной линией «Нового Пути» «идеалистам» — и тем самым расставшись с абсентеизмом в пользу «красной» общественности, 30 сентября 1904 года Мережковский написал Андрею Белому: «Меч ложится между нами и “декадентами”...»². «Не мир, но меч» — в таком переложении Мережковского евангельский стих «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34) прочитывался как деперсонифицированное, «общественное» *привнесение меча* в мир, далеко превосходящее чисто «общественные» пределы.

Порождая в Москве волну слухов, Бердяев докладывал 7 января 1906 года Андрею Белому из Петербурга: «Если осуществится наш “Меч”, то я рассчитываю на Ваше ближайшее участие в журнале. Если возродятся “Вопросы Жизни”, что еще не решено, то я тоже хотел бы, чтобы Вы писали, хотя в этом случае журнал будет менее острый и определенный, более компромиссный»³. Фигурой, вынуждающей Бердяева к compro-

¹ Из архива А. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым / Публикация Э. Гаретто // Минувшее. Исторический альманах. 9. М., 1992. С. 244.

² ОР РГБ. Ф. 25. К. 19. Ед. хр. 9. Л. 4 об.

³ Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому / Публикация А. Бойчука // De Visu. 1993. № 2. С. 15. Текстологическое уточнение этой цитаты: М. А. Колеров. О публикации писем Н. А. Бердяева (Там же. № 3. С. 86). О вызванных этим сообщением Бердяева слухах 7 февраля 1906 года из Москвы в Петербург А. А. Блоку писал С. А. Соколов (Кречетов): «До нас долетают слухи о новых журналах — “Прометей”, “Меч”... Что это за вещи?» (Переписка Блока с С. А. Кречетовым (1903–1910) / Публикация К. Н. Суворовой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 542).

миссу, был, без сомнения, Булгаков. В датированном 25 февраля 1906 года предисловии к своему сборнику статей «Sub specie aeternitatis» Бердяев объяснял философские основания своих расхождений с Булгаковым. Стремясь быть «реалистом» в отношении к социальному бытию, Бердяев находил основания социального реализма — в «мистическом реализме», по его мнению, ни социальная, ни какая-либо иная политика (исповедовавшаяся не только традиционной интеллигенцией, но и прежним «идеалистическим направлением», ВЖ и Булгаковым) не могла познать подлинного бытия. «Поэтому и политику свою и свой идеал общественности я должен строить на реально-мистических... основаниях (...) Мы переходим, — писал Бердяев, — от позитивистического, идеалистического и иного небытия, к бытию метафизическому и мистическому. (...) Наша политика должна прозреть мистические реальности под историческими феноменальностями, должна связать свои цели с религиозным смыслом мира. (...) От преодоления мнимой, кажущейся, иллюзорной реальности позитивного мира зависит культурное и религиозное возрождение и истинное освобождение»¹. Конечно, нельзя совершенно доверять изложенной Бердяевым схеме. Различение ноумена и феномена было близко и Булгакову, подчинявшему историческую церковь — Церкви мистической, и Струве, подчинявшему историческую повседневность ее мистическому существу. Но их гораздо большая, нежели у Бердяева, политическая «приземленность» не позволяла им так же легко игнорировать «позитивный мир» за его «иллюзорность» — и тем самым все чаще и крепче удерживала их социально-политическое мировоззрение от того максимализма, что со всей «остротой и определенностью» готовились проповедовать в «Мече» Мережковские и Бердяев.

Булгакова в «Мече» не ждали, хотя сам Булгаков по-прежнему надеялся видеть Мережковских в числе своих сотрудников². По его словам, в «главном» согласный с Мережковскими, А. В. Карташёв нащупывал истинную причину расхождений. 20 января 1906 года он навистил Мережковских и, ожидая у них «верного булгаковца» Волжского, имел беседу с Бердяевым. Не дождавшись Волжского, он рассказал о беседе в открытке: «Много мы говорили, а все-таки не все переговорили. В частности, я не высказался до конца. Очень уж мне прискорбны всякие разделения. Я боюсь, что они обуславливаются недостатком любви, и потому стараюсь все соединять. Но не похваюсь успехом. Сам вижу, что кто не вместит целостности души моей, я [с] тем не могу быть в одной Ц<еркви>; с Вами — могу»³. Существо спора действительно состояло в отношении к церкви. Булгаков, Карташёв, Волжский и другие продолжатели дела

¹ Николай Бердяев. Sub specie aeternitatis. С. 3.

² А. Л. Соболев. Мережковские в Париже (1906–1908). С. 324.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 7.

ВЖ вели речь о реформации. Мережковские — о Третьем Завете. Первые уповали на православные «Союз христианской политики», «Союз церковного обновления» и практическую политику. Вторые — на анархию и «истинную» теократию, понимаемую, в отличие от «христианских социалистов» Булгакова, как полное освобождение от церкви и государства (темой «Анархия и Теократия» Мережковские объединяли запланированные ими сборники, журнал и газету).

С особой яркостью притяжения и отталкивания между лидерами направлений, Мережковским и Булгаковым, выявились в их публицистической реакции на двадцатипятилетний юбилей смерти Ф. М. Достоевского, отмечавшийся 28 января 1906 года. 18 февраля (за неделю до отъезда в Париж) в зале Тенишевского училища в Москве Мережковский выступил с публичной лекцией, которая послужила основой для очерка «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского», предложенного А. Г. Достоевской в качестве предисловия к юбилейному собранию сочинений писателя. Вдова Достоевского сочла невозможным публиковать в собрании сочинений столь заостренный против юбиляра текст и обратилась с предложением написать новое предисловие к Булгакову. Булгаков составил свой очерк¹ по материалам лекции на вечере памяти Достоевского в Киеве 25 февраля — «Венец терновый». Подробно исследовавшая эту историю Э. Гаретто справедливо заметила, что, несмотря на взаимную полемику, в очерке Булгакова «настойчиво повторяются... центральные темы статьи Мережковского, анализируется понимание Достоевским роли самодержавия, церкви, народа — при этом делаются совершенно очевидные ссылки на текст Мережковского, однако взгляд на Достоевского как на глашатая Антихриста Булгаков решительно отвергает. Ошибки и противоречия политических воззрений Достоевского частично объясняются резким изменением исторической действительности. Но с прежней силой выражаются осуждение самодержавия и поддержка революции и отстаивается пророческая в этом смысле роль Достоевского. На вопрос, которым начинался очерк Мережковского “На чью же сторону стал бы Достоевский, на сторону революции или реакции?”, Булгаков отвечает: “Для нас это не гипотеза, а нечто совершенно достоверное, что Достоевский оказался бы в числе духовных вождей русского народа, в борьбе его за освобождение от бюрократического вампира, от нового татарского ига”»². Но истинных расхождений следует искать не в отношении Мережковского и Булгакова

¹ С. Н. Булгаков. Очерк о Ф. М. Достоевском: чрез четверть века (1881–1906) // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. I. СПб., 1906.

² Из архива А. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. С. 237. Ср. признание Булгакова: Там же. С. 254.

к самодержавию, а в том, какой им виделась духовная и политическая борьба против самодержавия — и возможная роль православной церкви в этой борьбе.

Утверждая неразрывную связь самодержавия и всякого государства с православием, а «настоящей» революции — с «соборно-вселенской» «бессознательной религией», Мережковский писал: «Самодержавие [и, как следовало предположить, православие и государство] — от Антихриста»¹. Им противопоставлялось новое истолкование анархизма как тотального «непринятия мира — не только данного общественного, но и всего космического порядка, как абсолютного зла, абсолютного насилия»². Такого же свойства оказывались и поправки Мережковского к соловьевскому пониманию теократии: «Как невозможен переход абсолютной лжи в абсолютную истину, дьявола — в Бога, так невозможен и переход Государства в Церковь. Возможен только переход общества в Церковь... Конец всемирно-исторического процесса определяется началом теократического сознания, которое вскрывает неразрешимое противоречие между Государством и Церковью. И только что противоречие вскрыто, постепенный переход становится внезапным переворотом, история — Апокалипсисом, эволюция — революцией, самую разрушительную и убийственную для государства из всех революций. (...) Религиозная революция — предельная и окончательная, ниспровергающая всякую человеческую власть, всякое государство в его последних, метафизических основаниях. (...) Выйти из истории, из государственности, — еще не значит погибнуть, перейти в ничтожество, а может быть, значит перейти из одного бытия в другое...»³ Таким «может быть» заканчивал свой посвященный Достоевскому очерк Мережковский.

В своей киевской лекции «Венец терновый» Булгаков также осуждал Достоевского за «фактическую историческую ошибку» — «преувеличение способностей, идеализацию самодержавия». Впрочем, отрицая самодержавие, Булгаков склонен был думать, что ныне, если бы его сторонники «Достоевский, И. С. Аксаков и другие честные славянофилы дожили до наших дней внутренней и внешней Цусимы, они примкнули бы — я в этом совершенно убежден — к освободительному движению». Булгаков не мог не признать, что реальный, а не гипотетический Достоевский был противником революционеров. Но и из этого положения Булгаков находил, как ему казалось, достойный выход, который должен был бы подчеркнуть все спасительное значение своей (возводимой

¹ Цит. по: Д. С. Мережковский. В тихом омуте. Сб. М., 1991. С. 338.

² Д. С. Мережковский. Полное собрание сочинений. Т. X: Не мир, но меч. Лермонтов. Гоголь. СПб.; М., 1911. С. 11.

³ Цит. по: Д. С. Мережковский. В тихом омуте. Сб. М., 1991. С. 341–342, 349.

к Достоевскому, славянофилам и Соловьеву) религиозно-идеалистической прививки к политической революционности, в философском отношении традиционно материалистической и позитивистской: «В отрицательном настроении Достоевского к освободительному движению [18]60-х и [18]70-х годов сказывается своеобразный душевный вывих, некоторая абберрация, слепота. (...) От философской лжи противников Достоевский не успел отделить политическую правду и связать ее со своей религиозной правдой». Подводя итоги идеологического опыта Достоевского, Булгаков естественно выстраивал свою собственную идейную программу. Словам писателя — «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветлым единением во имя Христово. Вот наш русский социализм» — сопутствовал комментарий: «[Достоевский] не отрицал правду социализма, но он хочет эту относительную правду поставить в связь и подчинить высшей религиозной правде»¹. Писательский же взгляд на «русский социализм» как априори религиозную общинную справедливость Булгаков истолковывал иначе. По его мнению, «русский социализм» должен был стать результатом религиозного преображения материального равенства, то есть религиозным коммунизмом, служащим *целью* общественного переустройства, а отнюдь не *реальностью* общинного строя. Идеал и реальность общинного равенства, несомненно, были чужды Булгакову, в своих политико-экономических взглядах остававшемуся марксистом ревизионистского толка, утверждавшему жизнеспособность и перспективность мелкого частного землевладения и производства на пути от первобытного — к новому, послекапиталистическому коммунизму. Показательно, что, в начале 1907 года, переиздавая текст лекции в приложении к еженедельнику «Век» — «в исправленной автором редакции», — Булгаков не внес в «социалистическую» часть лекции никаких изменений².

¹ С. Булгаков. Венец терновый (Памяти Ф. М. Достоевского) // Свобода и Культура. № 1. 1 апреля 1906 года. С. 31–32, 27–28. На прямом адвокатировании «идеалистического» социализма устами Достоевского сосредоточил свои усилия в юбилейном отклике и В. В. Розанов. В «Русском Слове» 28–30 января 1906 года в статье «Экономический и социальный вопрос у Достоевского (К 25-летию его кончины)» он писал: «Движение не сконцентрировалось бы около себя всех идеалистически настроенных сил живого русского общества, оно не было бы “надеждою России”, о чем говорит Достоевский, не будь оно нравственным переворотом прежде всего. (...) Идеализм — это теперь социализм, социализм — это теперешний идеализм...» (В. В. Розанов. Собрание сочинений / Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Сб. М., 1996. С. 501–502).

² С. Булгаков. Венец терновый. Памяти Ф. М. Достоевского. СПб., 1907.

И всё же окончательные выводы о сути проповеди Булгакова о Достоевском, полагаю, делать преждевременно, ибо опираются они не на исчерпывающе возможную полноту источников по теме. Явно дополнительные акценты содержатся в хроникальном отчёте о киевской лекции Булгакова 25 февраля 1906 года. Газетный хроникёр цитировал устный финал этой лекции, который в авторских печатных версиях выступления не был заострён в такой степени: «Современное человечество, закончил С. Н. Булгаков, в глубине души чтит только страдания, вольные, жертвенные и даже невольные. Поэтому-то нам так дороги освобождённые шлиссельбургские и другие страдальцы-мученики освободительного движения. Достоевский выразил эту интимную общечеловеческую черту в известных словах Раскольникова Соне: «я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился». Поклонимся же и мы святыне человеческого страдания в лице нашего писателя, чело которого вместе с лучом бессмертия венчает высший венец, какого может удостоиться, — венец терновый!... Аудитория восторженными аплодисментами проводила популярного лектора»¹.

25 февраля 1906 года Мережковские уехали из России. За несколько дней до этого они пригласили В. В. Розанова к участию в заграничном сборнике «Меч», среди участников которого (или даже двух таких) были анонсированы Бердяев, Булгаков и Вяч. Иванов².

Солидарный с Мережковским в политическом и религиозном осуждении самодержавия, Булгаков тем не менее предпочитал пока не подчеркивать явственных «положительных» противоречий: противоречий между своей социальной и институциональной революционностью и аполитическим анархизмом Мережковского. Общая политическая солидарность Мережковских и бывшего круга ВЖ в отношении к Достоевскому нашла свое отражение и в неосуществленном проекте. Согласно свидетельству Философова, осенью 1906 года в Париже Мережковские провели переговоры с мюнхенским издателем А. Меллером ван ден Бруком о немецком издании собрания сочинений писателя. Философов вспоминал: «Мы заявили, что хорошо было бы привлечь к этому делу большое количество лиц, распределить между ними отдельные томы и поручить каждому снабдить эти томы не только введением, но и примечаниями, необходимыми для иностранной публики. Мы имели в виду

¹ С. К<отляревский?>. С. Н. Булгаков о Достоевском // Свобода и Право. Киев. № 56. 28 февраля 1906 года. С. 2.

² «Все равно от России не отречешься». Письма З. Н. Гиппиус В. В. и В. Д. Розановым (1897–1908) / Публ. Е. Н. Никитина // Литературоведческий журнал. № 27. М., 2010. С. 176.

привлечь Булгакова, Волжского, Розанова, Бердяева и др.»¹. Однако, ожидая тесного сотрудничества Булгакова и его единомышленников в сборнике и других менее злободневных предприятиях, Мережковские не планировали его участия в журнале. В формировании авторского состава журнала практические и пропагандистские интересы Булгакова сталкивали его не столько даже с Мережковскими, сколько с другим создателем ВЖ — Бердяевым.

В этом смысле показательно письмо Мережковского к Волжскому от 23 марта 1906 года, тщательно разводящее вопросы принципиальные (издание сборника) и практические. Мережковский сообщал Волжскому: «Мнение наше о необходимости издания... Сборника — неизменно. Мы ведь в значительной мере с этой именно целью приехали сюда... и даже собираемся открыть редакцию “Анархии и теократии”». И следом, дополняя привычный тезис о приоритете «нового религиозного действия» перед «новым религиозным сознанием» (и религиозного действия — перед сознанием вообще; см. противопоставление Пушкина и Лермонтова в лекции 1908 года «М. Ю. Лермонтов — поэт сверхчеловечества») вопросом об отношении к церкви: «Могли бы и мы спросить вас — т. е. не Вас лично, а тех, с кем Вы и кому Вы верите больше, чем нам, и от кого не требуете “дела”, как “знаменья”, — т. е. Булгакова, Эрна, Свенцицкого и пр.: где же Ваше дело? Вы толчетесь на месте гораздо безнадежнее, чем мы: Вы не порвали с Церковью православной окончательно и не вошли в нее окончательно, — вы даже этого не “сделали”, хотя уж это-то вы прежде всего обязаны были сделать! И что у вас у всех — кроме “слов”, насколько “красивых” — об этом спорить не будем — это пусть другие рассудят — будущие историки русской литературы? Вы скажете: наши слова — тоже дело (...) Слова Булгакова, Эрна, Свенцицкого, — не их собственные слова; вы все не пошли дальше Вл. Соловьева; ваши слова — не ваше, а его дело»². В явной и скрытой полемике с соловьевцами и «христианскими социалистами», Мережковский не устал опровергать идеи Соловьева, христианство и социализм, тщательно развеивая распространенное мнение о тесном родстве с ним анархизма. Явным образом адресуясь к воцерковленным революционерам Булгакову, Свенцицкому, Эрну, Мережковский стремился уязвить их в самой идейной основе: «Не только революция, но и реформация не могли бы вспыхнуть от соловьевского гнозиса... Реальное действие соловьевской критики на церковь поразительно ничтожно»³. Жест-

¹ Из архива А. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. С. 248.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 253. Лл. 1 об.-2.

³ Д. С. Мережковский. Полное собрание сочинений. Т. XII: Большая Россия. В тихом омуте. СПб.; М., 1911. С. 335.

кий счет был выставлен и лично Соловьеву: «Вождем русского народа Вл. Соловьев не сделался. Вести других на революционное действие не мог бы он уже потому, что сам не довел свое революционное сознание до действия. Если бы он был последователен, то, после казни цареубийц отрекся бы от самодержавия и православия и примкнул бы к революции»¹. Тем не менее отнюдь не уличные революционные бои подразумевал под своим «революционным действием» сам Мережковский, но ряд чисто издательских инициатив, среди коих на первый план выходили: то сборник, то журнал.

В январе 1906 года Лев Шестов наводил из Киева справки. «Расскажи мне толком, — просил он Ремизова, — что у вас в Питере делается. Разбрелись, по-видимому? Писал мне Бердяев, что журнал собственный затевает, и даже требовал, чтоб на телеграмме я ему свое согласие на сотрудничество дал. Я телеграмму послал — а об журнале ничего не слыхать»². Отвечая ожиданиям, февральский номер «Золотого Руна» сообщил, что «в Петербурге возникает новый религиозно-общественный, философский и литературный журнал “Меч” при близком участии гг. Мережковского и Бердяева»³. Московская информация успела устареть. Ибо уже 11 февраля 1906 года Бердяев поведал Волжскому, что «“Меч” откладывается до осени, это во всех отношениях удобнее... Так как журнала сейчас не будет, то я решил приступить к написанию целой книги о социализме и анархизме»⁴. На следующий день он повторил новость представителю столь ненавистной Булгакову «скорпионовской струи» Брюсову, которого основатели «Меча» хотели видеть среди сотрудников⁵.

Бердяев, к сожалению, не предвидел некоторых специфических сложностей журнального труда. А Булгаков и его коллеги из ХББ с видимым успехом отвечали на вызов Мережковского и переходили к «делу»: в феврале 1906-го газеты сообщили об ожидаемом выходе в Киеве ежедневной религиозно-общественной газеты «Народ» «при ближайшем участии» Булгакова и Волжского. Булгаковская среда была составлена из несравненно более опытных и удачливых организаторов, а также более плодovitых писателей, нежели Бердяев в 1906-м. Собственно говоря, без участия Брюсова или Булгакова некому было на практике воплощать мечты Мережковских о периодическом органе. И поэтому

¹ Д. С. Мережковский. Полное собрание сочинений. Т. X. С. 62.

² Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Публикация И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 163.

³ Вести отовсюду // Золотое Руно. 1906. № 2. С. 120.

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 1 об.

⁵ Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому. С. 20 (комм. А. Бойчука).

их настроения готовы были перемениться. Еще 25 марта 1906 года Философов напоминал Волжскому из Швейцарии: «На Ваше сотрудничество, а также на сотрудничество всех Ваших, т. е. С. Н. [Булгакова], Эрна и Свенцицкого, мы по-прежнему очень рассчитываем»¹.

Газета «Народ» стартовала в апреле. Накануне, 23 марта 1906 года, Мережковский отвечал Волжскому (и, значит, Булгакову) на приглашение: «Д. В. [Философов] и я очень рады участвовать в “Народе”. Не только не “протестуем”, но считаем за честь. И не одними именами, но фактически будем участвовать в газете»². Газета закрылась на седьмом номере без Мережковских, но новые веяния не могли не возмутить Бердяева. 20 апреля 1906 года тот обращался из Киева к Философову: «Мой дорогой, родной Дмитрий Владимирович! (...) В Петербурге меня доводили до тошноты “мистические анархисты”, а здесь тошнит от православных христиан. (...) “Народ” временно прекратил свое существование, но кажется, что скоро возродится. Я очень рад, что газета эта появилась, но высочайшие указы Свенцицкого и Эрна мне не нравятся, я не выношу религиозного самодовольства и религиозного бюрократизма. (...) Даже Булгакова это смущает, а Волжский совсем под влиянием этих инквизиторов. (...) В сборник [“Анархия и Теократия”] нужно пригласить Булгакова и Волжского, равно как и Розанова, но не нужно приглашать Эрна и Свенцицкого. (...) Я все думаю о журнале. Не попробовать ли с осени?»³

Столь резкий протест возымел свое действие. 17 мая 1906 года Булгаков извещал Волжского о ходе дела: «Я получил от Мер<ежковск>ого преувеличенно ласковое письмо, которое однако все-таки меня оч<ень> порадовало. Я продолжаю очень чувствовать связь с ними, и в этом духе ответил. Он пишет про сборник, чтобы статьи были к сентябрю, и Вам поручает это передать. Хорошо бы, если бы они успели, только я не верю, а сборника очень желаю. Обещаю им тему: Христос и Антихрист в современном социализме. Д. С. просит меня снестись с Флоренским и просит его описать свои переживания в тюрьме etc. (!?). Здесь приходится только поставить вопросительный и восклицательный знак пред такой непроницательностью даровитого беллетриста. Я отвечаю, что едва ли Фл<оренский> согласится и излишне просить его об этом. Но вообще списываться с ним взялся. В списке сотрудников есть все, кроме Св<енцицкого> и Эрна, — М<ережковский> не может им простить, да и те сами не пошли бы. Как это грустно! Не попытаетесь ли уладить это Вы? Впрочем, не стоит»⁴. Интересно, что именно отвергнутые

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 4 об.

² Там же. Ед. хр. 253. Лл. 5 об.–6.

³ Там же. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 24–24 об.

радикалы сделали достоянием общественности факт ареста Флоренского в связи с волнениями в Московской Духовной Академии весной 1906 года. Трудно сказать, чем они возмутили Мережковского, хотя их устранение из общего дела совпало с желанием Бердяева. Без поддержки оставалось другое его желание. Рассказывая Гиппиус 2 июня 1906 года о своей работе над статьей для сборника, озаглавленной «Мистика и Религия», Бердяев источал небескорыстную похвалу: «Очень мне понравилась Ваша статья в “Свободе и Культуре”. Я подумал, какой интересный и боевой журнал мы могли бы все вместе издавать. Но даже “Св. и Кул.” слишком плохо расходуется. Пирожков порвал с этим журналом, слишком не злободневен»¹. На что рассчитывал Бердяев, надеясь в гипотетическом «Мече» превзойти недостаточную, по его мнению, злободневность струвеанского политического журнала, непонятно.

Поддержка пришла к Бердяеву с неожиданной стороны. О журнале, не о «Мече», правда, мечтал Булгаков. И в письме к Волжскому от 10 июня 1906 года не мог скрыть некоторой ревности к успеху дела Мережковских: «У них уже франц. и нем. издатель. Что же, пускай издают! Заглавие — “Меч”!!»² Наблюдение за кажущимся успехом союзников-оппонентов подогрело в Булгакове давние планы, каковые на поверку оказывались не столь удаленными от «Меча». 1 июля он писал: «Я переезжаю в Москву... там я нужнее, больше могу сделать для основания органа». В Москве Булгаков также поддался раздражению против «неистовых москвичей»: особенно теперь, в момент нащупывания общей с Мережковскими почвы для издания журнала, репутация ХББ могла испортить любые комбинации. 25 июля Булгаков формулировал в письме к Волжскому: «С В<алентином> П<авловичем> [Свенцицким] мы сходимся в стихии “Стойте в свободе”, но по-прежнему и непримиримо расходимся в понимании задач журнала (что символизируется в вопросе о Мер<ежковс>ких. Он настроен по-прежнему сектантски, и это оч<ень> тяжело, как-то тесно (...)) Я Мережковским ничего еще не написал и рад, что и Вы еще не готовы. Напишу “Христос и Антихрист в социализме”, но опоздаю»³.

Параллельно сближению Булгакова с Мережковским в деле подготовки сборника «Анархия и Теократия» Бердяев погружался в пессимизм, полагая перспективы этого сближения неутешительными для себя

¹ Письма Николая Бердяева / Публикация В. Аллоя // Минувшее. 9. М., 1992. С. 302.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 27.

³ Там же. Лл. 34 об.–35. О плане именно этой статьи Булгаков, видимо, писал и А. Достоевской 16 июня 1906 года: «до конца лета у меня должна быть написана еще одна, давно обещанная статья» (Из архива А. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым. С. 249).

лично и для журнала «Меч». 26 июля 1906 года Бердяев обращался к Философову: «Я потерял надежду на свой журнал. У Пирожкова нет денег, и он поступил некрасиво с “Полярной Звездой”. Да и времена такие, что никто не будет читать нашего журнала»¹. По-видимому, Бердяев не знал, что летом 1906 года Брюсов вел с Мережковскими переговоры о соединении проектируемого «Меча» с возглавляемыми им «Весами», и значит, Мережковские надежды не теряли. Другое дело, что на «свой» журнал Бердяев вряд ли мог рассчитывать. Тем не менее, вняв мукам Бердяева, Философов просил Брюсова 5 августа: «От имени нас троих сделаю еще следующее дополнение. Отчего бы Вам не пригласить в помощники Н. А. Бердяева?.. Мы с ним не списывались по этому поводу, но я знаю, что он теперь не у дел. Конечно, он к нам относится пристрастно, но тем не менее он очень нейтрален. Натура он в высшей степени культурная, и я думаю, что Брюсов + Бердяев могли бы работать вместе, создать воистину культурный, художественный и серьезный журнал». И продолжал: «Как раз вчера Дм. Серг. [Мережковский] получил письмо от Пирожкова, с предложением издавать с осени новый журнал, вроде проэктированного “Меча”, т. е. Мережковский + Бердяев + Булгаков. Сердцем склоняемся к реформированным “Весам”, слишком любим подлинную литературу»². Брюсов писал по этому поводу Гиппиус: «Нам не довольно того, что в “Весех” будет печататься большое число статей Д. С., Ваших, Д. В. и Бердяева: мы мечтаем на самом деле, чтобы этот “меч” мог естественно вплестись в эмблему “Весов»»³. Брюсову же Философов сообщал 11 августа, что в также планируемый на осень *сборник* («Анархия и Теократия») должны войти статьи Розанова, Бердяева, А. Н. Бенуа, Булгакова, Белого, В. В. Успенского, Карташёва, Волжского, Н. М. Минского и Вяч. Иванова»⁴. Примечательно, что, как следует из письма В. В. Успенского к Мережковскому от 1 сентября, прежнее собственное имя сборника сменило общее — «Меч»⁵. Таким образом, два проекта — узкопартийный (журнал) и «компромиссный» (сборник) — оказались идентичными не только по составу главных своих сотрудников, но и по названию. Преодолев сопротивление Бердяева

¹ Письма Николая Бердяева / Публикация В. Аллоя. С. 304. Исправлено мной, исходя из содержания и с учетом особенностей бердяевской каллиграфии. В публикации ошибочно: «никто не берет читать нашего журнала».

² ОР РГБ. Ф. 386. К. 106. Ед. хр. 32. Л. 23 об.

³ Переписка Блока с С. А. Кречетовым (1903–1910). С. 542 (прим. 4).

⁴ Цит. по: А. Л. Соболев. Мережковские в Париже (1906–1908). С. 349–350.

⁵ Там же. С. 349. В конце концов сборник сменил название, а его авторами остались трое: *D. Merejkovski, Z. Hippus, D. Philosophov. Le Tzar et la Revolution. Paris, 1907.*

и нейтрализовав нежелательное сотрудничество членов ХББ, Мережковские приобрели столь опытных журналистов и общественных деятелей, как Булгаков, Карташёв и другие авторы ВЖ.

О новой структуре «Меча» и согласии Мережковских на соединении во главе его Булгакова с Бердяевым Булгаков узнал лишь месяц спустя — и от самого Пирожкова. Списавшись с Бердяевым, 4 сентября 1906 года Булгаков информировал конфиденнта: «Д. С. [Мережковский] помимо моего ведома и ведома Н. А. Бердяева завел переговоры с Пирожковым о журнале под моей редакцией, и он готов вступить в переговоры, особенно если я принесу с собой денег. Но, конечно, все это чушь, да и Пирожков настолько подсажен, что надо справиться у Струве; да и с Н<иколаем> А<лександровичем> [Бердяевым] неловко. Ответил, что принципиально от разговоров с П<ирожко>вым не уклоняюсь, но считаю необходимым предварительно переговорить с Струве и Бердяевым. Последний, напротив, смотрит на журнал безнадежно»¹. Но не скандальная репутация безденежного издателя Пирожкова, закрывшего из-за нехватки средств журнал Струве «Полярная Звезда»/«Свобода и Культура», не переговоры за глаза, однако же, возмущали Бердяева и питали его мнение о «безнадежности» журнала, а то, что в качестве редактора был избран Булгаков. 21 сентября из Киева Бердяев пенял Мережковскому: «Мне передали, что у Вас возобновились переговоры с Пирожковым относительно журнала, что Пирожков поставил условием, чтобы редактором был Булгаков, и написал уже в этом смысле С. Н. письмо. Это по меньшей мере странно со стороны Пирожкова. Еще в прошлую зиму в Вашем присутствии решено было, что я буду редактором журнала, издаваемого Пирожковым, что журнал этот будет наш по направлению...»² Протест последствий не имел. Более того: месяц спустя Булгаков получил от Мережковских новое приглашение написать статью в очередной подготавливаемый ими сборник. Сам же Булгаков, наверное, терпеливо ждал отданного под его редакцию петербургского журнала и вместе со Свенцицким и Эрном надеялся на издание еженедельника «Социализм и Христианство» в Москве. С Пирожковым и мережковско-бердяевским журналом он, по-видимому, после осеннего объяснения не связывал более никаких надежд. При этом Булгаков шутя предлагал поручить редактирование московского журнала Бердяеву — «как туркам — Иерусалим»³. Однако вскоре и Булгаков оказался в положении Бердяева.

В ноябре 1906-го журнал «Перевал» сообщил: «Как мы слышали, с Нового Года в Петербурге М. В. Пирожковым будет издаваться журнал

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Лл. 37 об., 39.

² Там же. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 277. Лл. 4–4 об.

³ С. Н. Булгаков. Письмо к А. С. Глинке от 4 сентября 1906 г. // РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 39 об.

под редакцией Д. С. Мережковского»¹. Булгакова эта заметка «устрашила» настолько, что журнал показался ему «еженедельным». Подозревая за именем Мережковского волю Гиппиус, Булгаков писал 4 декабря 1906 года: «А ведь это возможно. Здесь есть положительная в литературном смысле сторона, но в общем я во всяком разе к этой комбинации отнесся бы несравненно более отрицательно, чем к московской» (в январе 1907-го организаторы московской альтернативы обратились было к Пирожкову за материальным содействием, но тот отказал, ссылаясь на откладывающийся журнал Мережковских²).

В новых обстоятельствах Булгаков решил признаться и в своих скрываемых в течение полугода разногласиях с Мережковским, внешне связанных с юбилеем Достоевского. Только теперь, 4 декабря, Булгаков наконец прямо (хотя и в частной переписке) откликнулся на «Пророка русской революции» Мережковского: «Это кощунственный канкан на могиле Д<остоевско>го, вбивание осинового кола, щеголяние во вновь примеренном костюме — анархическом. Ведь это самоновейшее открытие, что государство, а не только самодержавие, от антихриста...»³ Впрочем, не только анархические — Мережковского, — но и социалистические — Булгакова — истолкования наследия Достоевского могли показаться «кощунственными». Много лет спустя, вспоминая о своем проекте религиозно-революционного движения, Булгаков не мог скрыть чувства обиды и ревности: «позднее, когда оно [движение] было уже брошено нами, это было подхвачено и опошлено декламацией Мережковского, который сделал своей теноровой специальностью ноту *ре*-волюция — магия»⁴.

Далекий от «опошления» религиозно-революционный московский орган Булгакова и «неистовых москвичей» так и не возник, но это не прибавило перспектив журналу «Меч», перешедшему в единоличное ведение Мережковских. Он так и не увидел света.

Очень скоро максимализм Мережковских свел-таки их с Эрном и Свенцицким и развел с Бердяевым. Еще 9 июля 1906 года Бердяев в письме к Философову пытался утихомирить в его лице всю группу Мережковских: «Я не понимаю Вашего отношения к революции и революционерам. Все наши надежды могут быть основаны на внутреннем банкротстве революции, равно как и реакции, на разочаровании лучших революционеров в идеалах революции»⁵. А в письме к Гиппиус от 27

¹ Из жизни // Перевал. М. 1906. № 1. С. 48.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 63 об.

³ Там же. Лл. 53 об, 52 об.

⁴ *Сергий Булгаков*. Автобиографические заметки. С. 79.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 3.

июня 1906 года Бердяев прямо заявлял, что его отталкивает от проповедуемой Мережковскими «истинной теократии» именно особенное сходство ее с социализмом¹. Но понимания Бердяев так и не встретил. Вскоре он выехал в Париж. Проведенная там в тесном общении с Мережковскими зима 1907/1908 года еще более углубила их расхождения в отношении к политическому радикализму. Изживание радикализма начал и Булгаков, но, в отличие от Бердяева, он изживал свои убеждения не в области чистой мысли, а в ежедневной политической и журналистской практике.

* * *

С переходом в фактическое ведение Булгакова и Бердяева «Нового Пути» и основанием «Вопросов Жизни» «идеалистическое направление» в освободительном движении могло праздновать победу. Но 1905-й стал годом его распада. Растущая мера политической свободы неуклонно вела к дифференциации идей и разрушению монолитности направлений. Разница в темпераментах и эстетических пристрастиях Булгакова и Бердяева, и без того подмывавшая изнутри устойчивость ВЖ, дополнилась их общественно-философскими разногласиями: Булгаков погружался в «христианский социализм», а Бердяев укреплялся в анархическом индивидуализме. Декабрь 1905 года приносил Булгакову, его сотрудникам и единомышленникам Свенцицкому, Эрну, Карташёву, Аггееву неудачу за неудачей: как московский, так и петербургский проекты религиозно-общественных органов печати расстроились. С исчезновением ВЖ исчезло последнее прибежище булгаковской группы в периодической печати.

С декабря 1905 года Булгаков прекратил свои непрерывные вояжи по столицам и пребывал в Киеве, где должен был продолжить преподавание в Политехническом институте. Однако в 1906-м из-за студенческих забастовок и охранительных мер власти занятия в институте начались лишь 1 сентября². Поэтому Булгаков употребил время вынужденного бездействия на сотрудничество в местной прокатетской прессе³ и местных оппозиционных организациях: во время выборов в пер-

¹ Там же. Ед. хр. 276. Л. 4.

² См.: Отчет о состоянии Киевского Политехнического Института императора Александра II за 1905 и 1906 годы Киев, 1908.

³ Например: С. Булгаков. Партии или блок (К вопросу об избирательной тактике) // Свобода и право. 5 января 1906 года. № 3. В той же газете см.: Е. Трубецкой. К предстоящим выборам // 3 января 1906 года. № 1; Е. Булгакова. В защиту реальной политики (Доклад в Киевском отделе Союза равноправия женщин) // 6 января 1906 года. № 4; Е. Булгакова. Интеллигенция и народ // 11 февраля 1906 года. № 40; Е. Трубецкой. К съезду «Союза 17 Октября» //

вую Государственную Думу Булгаков даже баллотировался в депутаты от Киевского уезда по спискам кадетской партии¹. При всей общественной известности Булгакова, доступ его к столичным печатным трибунам был весьма ограничен. Не имея выбора, Булгаков легко соглашался на сотрудничество по сугубо политическому (не религиозному) признаку: и с «позитивистами», и с отнюдь не церковными «идеалистами» Струве и Франком. Потому и текст своего выступления в Киеве на вечере памяти Ф. М. Достоевского 25 февраля 1906 года Булгаков передал в журнал Струве «Полярная Звезда» (в свет он вышел уже под обложкой «Свободы и Культуры»). После прекращения ВЖ сотрудничество «христианских социалистов» с «Полярной Звездой» уже имело прецедент в публикации заметок Аггеева «Церковь и государство» (19 января 1906 года) и «Открытого обращения верующего к православной церкви» Свенцицкого (3 февраля). Но говорить о единомыслии Струве с «христианскими социалистами» в проблеме взаимоотношений религии и политики совершенно не приходилось. Во всяком случае, когда со страниц «Полярной Звезды» Аггеев декларировал свою солидарность с Булгаковым в вопросе о «христианизации» государства и общественных отношений, Струве счел необходимым отмежеваться в подстрочном примечании к статье Аггеева: «Наше собственное понимание религии (...) одинаково далеко и от атеистической догматики, и от догматики церковной»². А в марте 1906 года в статье «Религия и политика» в том же струвеанском журнале (впервые признаваясь в том, что был автором статьи «Православие и самодержавие» в «Освобождении») Булгаков не мог скрыть своей крайней обеспокоенности тем, что кадетская партия, идейно более компромиссная (то есть включающая в себя и либералов, и социалистов, атеистов и христиан), чем чисто социалистические, и, следовательно, открытая религиозному сознанию, осталась в стороне от христианско-социалистического движения. И тем самым обнаруживал свои собственные надежды на партийное строительство. «В народе, — писал Булгаков, — нам думается, может иметь широкий успех проповедь христианского социализма или, шире, христианской общественности». В то время как в партийной программе кадетов церковный вопрос был практически обойден вниманием, Булгакову

Там же.

¹ См. об этом заметки в газете «Народ»: С. Булгаков. О задачах народного представительства в России: (Из речи, сказанной перед избирателями в Киеве) (№ 2); [С. Булгаков.] Народные представители и государственная дума (№ 4); С. Булгаков. О задачах народного представительства в России (№ 3); С. <Булгаков>ъ. К выборам по Киевскому уезду. Картинки с натуры (№ 5).

² Полярная Звезда. 1906. № 6. С. 433, прим.

«самому приходилось слышать из уст представителей духовенства, в общем сочувствующего партии к.-д., пожелание, чтобы в программе ее нашел более ясное разрешение вопрос церковный». Поэтому, заключал он, «следует признать, что рано или поздно должна у нас возникнуть чисто христианская партия, совершенно чуждая клерикализма, обскурантизма и прочих признаков прошлого, но воодушевленная христианской верой, и во имя этой веры, и идеалами демократии и социализма... Первым зародышем подобной партии можно считать малоизвестное в широкой публике нелегальное “Христианское братство борьбы” и ту же, в сущности, задачу преследует и проектируемый мною “Союз христианской политики”».

В пылу полемики с единомышленниками из кадетской партии («Несмотря на все мое сочувствие тактике и практической программе к.-д. партии и на искреннее и глубокое мое уважение к многим ее деятелям (с которыми я связан по совместной работе в “Союзе Освобождения”), я не могу примкнуть к этой партии по указанным причинам религиозно-философского характера, считая в то же время своей обязанностью оказывать ей посильное содействие в области чисто политических действий»), Булгаков почти проговорился и о собственном проекте периодического издания: говоря об отсутствии «партийного издания к.-д. по церковному вопросу», он давал понять необходимость создания такого же партийно-церковного органа и «христианской партии».

Струве так отвечал своему бывшему коллеге по «идеалистическому направлению»: «Ошибка С. Н. Булгакова заключается в том, что он, как догматик, религию понимает в церковном смысле, в смысле объективно упорядоченной системы верований и основанного на этой системе устройства верующих. В отличие от Булгакова мы полагаем, что у христианина и у атеиста, и у идеалиста и у позитивиста может быть общая политика, имеющая единый религиозный корень. (...) С. Н. Булгаков впал в ошибку в двух направлениях. Во-первых, он упустил из виду, что связь политики с церковною или вероисповедной религиозностью по существу есть всегда двойное злоупотребление: политикой — во имя религии и религией — во имя политики. Эта связь всегда искусственная и часто недоброкачественная. Во-вторых, Булгаков забывает, что всякая сколько-нибудь глубокая и искренняя политика, как бы она ни была, по видимости, безрелигиозна, — по существу близка к глубочайшей, внутренней, субъективной религиозности». В «Московском Еженедельнике» против булгаковской идеи выступил и религиозно-философский единомышленник Булгакова Е. Н. Трубецкой: «Самая мысль об образовании “партии Христа” представляется мне умалением значения Христа и христианства. Христианство не умещается в рамки той или другой

политической партии. (...) Мне вспоминается одно собеседование, в котором вместе со мной участвовал С. Н. Булгаков. Все собеседники были не только искренние христиане, но и несомненные последователи В. С. Соловьева, и тем не менее в сфере политических вопросов между нами царило полнейшее разногласие. Один из собеседников оказался сторонником самодержавия и безусловным противником народного представительства; другой допускал в виде компромисса земский собор. Я заявлял себя решительным конституционалистом. Четвертым был С. Н. Булгаков, который стоит несколько левее кадетов, тогда как я стою несколько правее»¹. Все это убеждало Трубецкого в нежизненности идеи Булгакова, а Булгакова должно было убедить, что в строительстве «христианской партии» ему не следует рассчитывать на поддержку прежнего лагеря «идеалистов».

Идейная изоляция в кругу политических союзников вынудила Булгакова внимательнее отнестись к проекту видного киевского публициста В. Н. Лашнюкова (1874 — после 1919), который впервые возник еще летом 1905-го, а в январе 1906-го обрел, наконец, издательские перспективы. Общественный контекст для таких инициатив был более подходящим, чем когда бы то ни было: 16 января 1906 года были официально утверждены полномочия Предсоборного присутствия, призванного в, как казалось, ближайшей перспективе Поместного собора, обсудить важнейшие вопросы жизни православной церкви и питавшего общественные надежды на новые, соборные основы церковного устройства. Казалось, что церковная и светская бюрократия отступают — и дело лишь за неослабевающим общественным давлением на власть.

Булгаков горячо откликнулся на перспективу церковного собора в киевской же газете «Киевские Отклики» (№ 6. 6 января 1906 года) целой церковно-политической программой, где дела церкви были всё же подчинены политической повестке дня. Он писал:

«Телеграф принес довольно неожиданную весть, что церковный собор дело решенное. Трудно измерить все колоссальное значение этого известия. Оно значит, что жизнь и движение начнется там, где снаружи царила до сих пор казенщина, из-под безобразной оболочки “ведомства православного исповедания” выявится Христова церковь, станет возможна борьба за религиозную и церковную истину, которая ныне, по справедливому замечанию В. С. Соловьева, “находится на сохранении

---

¹ Материалы этой полемики, включая статьи Булгакова («Религия и политика»), Струве («Несколько слов по поводу статьи С. Н. Булгакова») и Е. Н. Трубецкого («Два слова по поводу полемики Лурье и С. Н. Булгакова»), опубликованы В. Н. Акулиным в сборнике: Христианский социализм (С. Н. Булгаков). Новосибирск, 1991. С. 60–68, 316–318.

в крепком казенном сундуке за казенными печатями и под стражей надежных часовых”. Исполняется заветная мечта лучших и искреннейших сынов православной церкви, — Хомякова, Бухарева, Аксаковых, Достоевского, Соловьева. Открывается возможность борьбы с “ведомством православного исповедания” за церковь, которую оно унизило, исказило, оболгало. Для верующего человека созыв церковного собора есть событие, не идущее в сравнение по своему значению ни с чем — ни с созывом государственной думы, ни с какими злобами дня и практическими задачами времени — событие универсально-историческое, мировое. Это в порядке мистическом. Но и в порядке историческом, для неверующего политика, учитывающего созыв церковного собора, как политический реальный фактор, имеет огромное значение. (...) Дело организации собора находится в руках старомодной бюрократической канцелярии, которая называется синодом, где живет дух “великого инквизитора”, одного из злейших поработителей русской церкви. Опасность подделки собора велика, под именем собора можно собрать и съезд черных бюрократов, которые привыкли действовать по бюрократическому камертону. В общецерковном сознании выяснилось с совершенной бесспорностью, что собор должен состоять из представителей как белого и черного духовенства, так и мирян, и всякие ограничения здесь поведут к искажениям. Освобождающейся церкви нужно будет, прежде всего, расправить отекавшие от вековых оков члены и восстановить правильное устройство церкви и возвращение ей нормального для нее соборного строя. Далеко не всем известно, что принцип нормальной организации церкви есть самая подлинная и последовательная демократия, основанная на выборности решительно всех членов как клира, так и церковной администрации. Пыль веков и мрачная тень Победоносцева до такой степени заставили позабыть это апостольское начало, что теперь оно звучит, как мечта. (...) Вопрос об отношении церкви и государства и об отделении церкви от государства, как единственно правильном его решении, вопрос об отношении церкви к общественности, к социальному движению наших дней, вопрос об отношении церкви к современной культуре, философии, искусству и разные другие вопросы религиозной метафизики потребуют своего разрешения. Это работа великая, требующая труда, энергии и сил, и к этой работе мы призываем всех сознательно относящихся к происходящему. Теперь по всей стране должна начаться обновленная церковная жизнь, создаваться соответствующая литература, будут происходить соответственные собрания, чтобы в конце этого брожения могли окристаллизоваться определенные церковные мнения по разным вопросам, сейчас почти отсутствующие. (...) При военном положении одинаково трудно готовиться как к выборам в государственную думу, так и к церковному

собору. Последний не может быть созван ранее, чем упрочены будут за нами права человека и гражданина. А это значит, что церковный собор может быть созван не раньше и не одновременно с созывом народных представителей, но после него, т. е. после того, как они установят *habeas corpus*, как незыблемое право русских граждан. Ибо с правовой точки зрения церковная свобода есть один из элементов *habeas corpus* и не может существовать при всеобщем бесправии в полицейском государстве»¹.

С Лашнюковым Булгаков познакомился в 1903/1904 годах в пору своей лекторской деятельности в киевском Литературно-артистическом обществе, объединявшем местную оппозиционную интеллигенцию на заседаниях каждую среду². Первым совместным предприятием Лашнюкова и Булгакова стал еженедельник «Юго-Западная неделя». Среди его участников были заявлены Бердяев, В. В. Водовозов, Зеньковский, И. С. Книжник и др. Свет, однако, увидел лишь первый, сдвоенный номер еженедельника за январь 1904 года: за публикацию статьи Булгакова «Неделя» была арестована и издание ее прекращено, а сам автор едва не лишился профессорского места в киевском Политехническом институте³. Теперь речь шла о воссоздании газеты.

20 января 1906 года киевский губернатор выдал издателю В. И. Винокурову свидетельство на право издания ежедневной (с утренним и вечерним выпусками) газеты «Народ» под руководством ответственного редактора Лашнюкова: в ее программу организаторы включили «передовые статьи по вопросам внутренней политики, фельетоны по общественным вопросам, беллетристику и ежедневные сатирические листки». Кроме того, 15 февраля В. И. Винокуров уведомил губернатора, что намерен в дополнении к «Народу» издавать и «еженедельные иллюстрированные литературные приложения»⁴. По-видимому, именно Булгаков стал автором названия новой газеты: оно восходило к лозунгу итальянского карбонария Дж. Мадзини «Бог и народ»⁵, замыкавшему булгаков-

¹ М. А. Колеров. План церковной революции Булгакова: С. Н. Булгаков. О церковном соборе (1906) // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

² Программу общества, привлекавшего особое внимание киевской полиции, списки его членов и т. д. См.: ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 552. Лл. 1–68.

³ В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897–1925. С. 66–67.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Д. 438. Лл. 1–2. См. также: О. К. Локтева. Неизвестная статья С. Н. Булгакова (1904) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 66–67. Ср.: ЦГИА Украины. Ф. 294. Оп. 1. Д. 446. Л. 3.

⁵ Программой и образцом для русского христианского социализма как общенационального освободительного движения, помимо уже упомянутого выше примера немецкого освобождения и объединения в проповеди Фихте, стало

ский манифест о создании «Союза христианской политики». 20 февраля 1906 года киевская газета «Отголоски Жизни» объявила, что «Народ» начинает выходить в свет с марта.

Близкий знакомый Лашнюкова Зеньковский, оставивший подробные воспоминания об истории его совместного с Булгаковым проекта, рассказывал (ошибочно датируя события мартом 1906 года): «В. Н. Лашнюков, поверив обещаниям некоего В. И. Винокурова, очень увлекавшегося идеями В. Н. Лашнюкова о соединимости радикализма социально-политического с верностью Православной Церкви, — задумал издавать религиозно-народническую газету»¹. В других воспоминаниях Зеньковский разъяснял: «Винокуров обещал дать сначала 10 000 рублей, а если дело пойдет, то дать и еще. Идея “религиозной” газеты нравилась г-ну Винокурову. Но Лашнюков все надежды возлагал на... о. Сергия Булгакова, на всю группу, связанную с ним (Бердяев, Свенцицкий, Волжский и др.). Он уже имел свидание с о. Сергием, добился предварительного его согласия; обо мне он наговорил ему с три короба, особенно уповая на мои связи с профессорами Духовной Академии в Киеве (левого направления)»². По свидетельству мемуариста, «Булгаков не дал нам сразу решительного ответа, так как он должен был списаться с тогдашними своими друзьями — с Бердяевым, Волжским, Свенцицким, Эрном»³. Неизвестно,

---

национальное объединение и социальное освобождение Италии. Ещё в середине 1890-х на социальную роль католицизма обратил внимание друг и родственник Булгакова, рано умерший марксист Н. В. Водовозов: *Н. В. Водовозов. Экономические идеи французских католиков // Сборник правопведения и общественных знаний / Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его Статистического отделения. Т. 5. СПб., 1895.* Затем в России главным пропагандистом этого примера Италии и вождей христианского социализма Ламенне и Мадзини стал известный участник «идеалистического направления», не принявший личного участия в «Проблемах идеализма» (его просто не пригласили), но посвятивший много личных усилий продвижению направления в печати, Котляревский. Он выступил с монографией на основе своей диссертации: *С. А. Котляревский. Ламенне и новейший католицизм. М., 1904.* А также с подробным очерком движения Гарибальди и Дж. Мадзини: *С. Котляревский. Новая Италия (1902) // Журнал для всех. 1902. № 7: Июль; № 8: Август. Об этом: М. А. Колеров. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020. С. 68–71. О культе Гарибальди в революционной среде начала XX века см.: «Тогда ещё не воевали с Германией / Тринадцатый год был ещё в середине (...) / ...у отца, как в Сибири у ссыльного, / Был плед Гарибальди и Герцен под локтем» (Арсений Тарковский, 1966).*

¹ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 117.

² В. В. Зеньковский. Мои встречи с выдающимися людьми. С. 19.

³ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 118.

когда именно в переписке Булгакова с этими лицами впервые возникла тема «Народа», но уже 2 марта появился первый результат: Волжский подписал с издателем Винокуровым договор о сотрудничестве в газете в качестве заведующего литературно-критическим отделом газеты. В договоре дебют «Народа» был назначен на 2 апреля 1906 года. Несмотря на все обстоятельства, Зеньковский свидетельствовал много лет спустя о Булгакове того времени: «мы были дружны и близки с о. Сергием с 1905 г., когда сблизились впервые при издании существовавшей всего 8 дней “церковно-социалистической” газеты “Народ”...»¹

Список сотрудников газеты был составлен рукой Волжского². Что же касается Булгакова, то его первое известное письмо о газете было отправлено не позднее 4 марта М. О. Гершензону. Булгаков писал ему: «В Киеве возникает ежедневная христианская газета под моей редакцией (и Волжского), так сказать, Соловьевского, и уж несомненно в общественно-политическом отношении самого прогрессивного направления, замышляется как орган всероссийский. Если Ваша теоретическая совесть не воспрепятствует Вам участвовать и быть в числе сотрудников открыто и решительно христианской газеты, то я был бы искренно рад иметь Вас в числе их... Ваше участие могло бы выразиться в статьях историко-литературного содержания, заметках (...) Над нами висит драконовская цензура и лишь это омрачает перспективы»³. Обращаясь к М. Э. Здзеховскому с тем же предложением, Булгаков был еще более откровенен, а планы его уже не ограничивались достижением всероссийского масштаба предприятия: «[газета] в случае внешнего успеха, по мысли моей, может стать руководящим органом христианской общественности и соединит в себе наличные силы»⁴. Все это тем более приобретало особый смысл, что 8 марта 1906 года начались заседания упомянутого Предсоборного присутствия. Однако, рассчитывая на практические следствия создания газеты, Булгаков оказывался и более лояльным по отношению к непартийной стороне дела, нежели это было в ВЖ. «Приступая вместе с Волжским к опыту издания ежедневной религиозно-общественной газеты», Булгаков в письме от 21 марта просил В. В. Розанова дать окончание публикации адресованных тому писем В. С. Соловьева, начатой в ВЖ, но успеха не достиг⁵. Приглашительную телеграмму редакторов получил и столь гонимый в прогрессивной среде, а фактически — идейный

¹ В. В. Зеньковский. Пять месяцев у власти [Воспоминания] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2011. С. 128–129.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 5.

³ В ожидании Палестины. С. 131.

⁴ Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому. С. 159.

⁵ С. Н. Булгаков. Письма к В. В. Розанову. С. 149–150.

предшественник «идеалистов» А. Л. Вольнский¹. Получил приглашение Булгакова и А. А. Блок, ответивший деятельным согласием.

Велись переговоры и через ближайших сотрудников — деятелей ХББ, развернувших вербовку в церковной среде. 15 марта Булгаков писал П. А. Флоренскому: «Поторопитесь, пожалуйста, высылкой обещанных адресов для рассылки объявлений. Если у вас имеется уже какой-либо литературный материал для газеты, прошу Вас присылать его немедленно в редакцию или, пока, лучше мне. Сейчас нам особенно нужен такой»². Флоренский сообщал уже 18 марта Волжскому: «Эрн посылает Вам собранные мною адреса священников; остальное и текст “послания” вышлю на днях. Лица с “NB” отличаются особенною живостью или пописывают; их можно иметь в виду, как сотрудников. Рекомендованы они товарищами... Если будут у товарищей подходящие статьи (кажется, есть кое-что), присылать ли?»³ 23 марта С. А. Аскольдов высказывал свое недоумение в письме Булгакову и Волжскому (Глинке): «Я и до сих пор не знаю, куда Вы меня записали в сотрудники»⁴; по-видимому, Аскольдов был автоматически переведен в авторский коллектив газеты вместе с другими сотрудниками ВЖ. 23 же марта в письме из Парижа соглашались дать имена в список сотрудников (и даже дать сочинения) Мережковский и Философов⁵. Как запомнилось Зеньковскому, «ко второй половине марта было получено согласие группы Булгакова, причем в Киев должны были приехать Волжский и Свенцицкий. Булгаков становился фактическим редактором газеты (официальным числился В. Н. Лашнюков)»⁶. Булгаков писал в начале апреля: «От поэтов получено согласие... Брюсов просит подробностей... Блок уже прислал стихи...»⁷ К настоящему номеру на особом листке дается снимок с новой картины Нестерова, еще не опубликованной (*Воскресенье*) в красках. Это дорого, но очень умно и удачно. В список сотрудников пожелали за это время вступить еще многие лица: между прочим Яснопольский, Могилянский, Елена Ивановна [Булгакова], Челпанов даже. Вообще дело крепнет»⁸.

Реакция на эти литературные новости была противоречивой. Флоренский писал Булгакову 22 марта, скандально едва ли не претендуя

¹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 1.

² Нашедшие Град. С. 225.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 1.

⁴ Там же. Ед. хр. 181. Л. 49 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 253. Лл. 5 об–6.

⁶ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 118.

⁷ Это действительно так — прислал: М. А. Колеров. А. А. Блок. Письмо к С. Н. Булгакову (1906) // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 257–258.

⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 328. Лл. 7 об, 8 об.

на руководящее (а не только лишь авторское) участие, интригуя, угрожая расколом и едва ли не отколом священников, откровенно предлагая с ним «сговориться»: «Прочёл плакат “Народа” и... весьма удивлён, именно отделом беллетристики. Перед произведениями Брюсова, отчасти — Сологуба, Ремизова — стою с восхищением. Но это стояние превращается в столбняк, когда мне объявляют, что программу “Народа” будут реализовывать и подобные сотрудники. Сологуб и Соловьёв. Общего тут только “Сол.”, а в остальном поклонник Зла (может быть, самый далеко идущий из всех мне известных) Сологуб¹, с почти гениальным умением напитывающий злом художественные образы, представляет собою антипода Соловьёва. Я тут не вхожу в какие-нибудь общие рассуждения “двух путей”, “двух бездн” и т. п. Я высказываю только практические соображения, что, в известном смысле уважая Брюсова и др. и, во всяком случае, не отрицая за ними каких-то, для меня непонятных, прав на самоопределение ко злу, я решительно не понимаю, как Вы, многоуважаемый Сергей Николаевич, склеиваете эти несовместимости. “Плевелы и пшеница”... Но ведь плевелы-то (и, может быть, великолепные: дурман, амарантус, лопух и по-своему восхитительный репей) посеял Враг ночью, воспользовавшись сном земледельцев. Вы же, по-видимому, сами намерены полными пригоршнями разбрасывать семена и плевел, и пшеницы. Простите, Сергей Николаевич, если я, не зная в точности дела, может быть, наговорил лишнего. Я не думаю, что Ваше и Волжского мнение в данном вопросе могло по существу расходиться с моим, и, стало быть, сговориться можно. Может быть, завтра же я пойму, в чём дело, и откажусь от утверждения факта, который теперь, раз он мне представляется существующим, я не могу не обсуждать. Но сейчас я положительно не вижу даже эстетического согласования в таких комбинациях, как “церковная соборность” и “Ремизов”, “Соловьёв” и “Чулков”, “нужды сельского духовенства” и “Брюсов”. Ваш П. Флоренский. P. S. Об этом я не говорил с московскими. Но глубоко убеждён, что мои слова о несовместимости или, лучше сказать, о нелепости некоторых совмещений плаката подтвердили бы и Эрн со Свенцицким, и, вероятно, священники»².

¹ Действительно: выдающийся по художественному качеству роман Ф. К. Сологуба «Мелкий бес», опубликованный в ВЖ лишь частично (из-за прекращения журнала, в №№ 6–11), со страниц этого журнала не прозвучал. И прозвучал лишь позже, в отдельном издании (первое издание вышло в свет в марте 1907): «Незамеченный в журнале, роман г. Сологуба имел громкий успех в отдельном издании, создал литературу [о нём]...» ([Рец.:] *Фёдор Сологуб. Мелкий бес. Роман. Изд. «Шиповника».* СПб., 1908 // Русское Богатство. СПб., 1908. № 7. II отд. С. 184).

² Нашедшие Град. С. 227–228.

5 апреля Булгаков с Волжским из Киева торопили своего старого сотрудника Ремизова: «присылайте немедленно о шлиссельб. крепости и какой-ниб<удь> не очень мудреный, оригинальный или переводной рассказ»¹. И уже 9 апреля Ремизов посылал в газету статьи своего друга и активного автора ВЖ В. Перемилковского и свои рассказы². Ни те, ни другие, однако, в газете появиться не успели³.

Первый номер готовился на Пасху. В начале Страстной недели в Киев приехал Волжский. Накануне дебюта, в субботу 1 апреля, Волжский уведомлял Карташёва, странным образом оказавшегося вне описанных хлопот: «Здесь, в Киеве, мы затеваем в широких размерах свою газету, не областную, а всероссийскую. Не знаем, что выйдет, но хочется большого, настоящего. И вот я боюсь, что Вы (так страшно, так больно нужный нам человек) окажетесь если не окончательно, то временно — не с нами (не в смысле, конечно, переезда в Киев, а в смысле интимно-вдохновенного отношения к делу)... Помните, как-то давно, давно, тяготясь своей “академией”, Вы говорили: “куда угодно, в атеизм, в «Мир Божий», в толстовство, но только отсюда”... Не начинает ли Вас нами, всем нашим, в виде Сборников “от всей души”, журналов, газет и т. п., так же нудно томить, как “академией”...»⁴ В самом деле, Карташёв пережил не один проект «религиозной общественности» — и Религиозно-философские собрания, НП, и ВЖ, и мертворожденный «Вестник Жизни» конца 1905 года.

«Народ» дебютировал 2 апреля 1906 года с красноречивым предведением: «при редакционном участии и постоянном сотрудничестве С. Н. Булгакова и А. С. Волжского». Собранный их усилиями список будущих авторов впечатлял: Аггеев, Аскольдов, Бердяев, Волынский, Гершензон, Д. Д. Галанин, А. В. Ельчанинов, Зеньковский, Вяч. Иванов, Карташёв, Котляревский, Лосский, Н. Н. Львов, Мережковский, арх. Михаил, В. А. Никольский, А. Е. Пресняков, Г. А. Рачинский, Свенцицкий, Д. В. Странден, Е. Н. Трубецкой, Г. Н. Трубецкой, Философов, Флоренский, Г. И. Челпанов, Г. Г. Шпет, Эрн, М. П. Арцыбашев, Б. К. Зайцев, Ф. К. Сологуб, Чулков и др. Примечательно, что, если объявленный в феврале 1906-го предварительный состав авторов газеты

¹ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 25. О Перемилковском и его дружеских связях с Ремизовым см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Публикация А. М. Грачевой и О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 107, прим. 2.

³ 26 апреля 1906 года Волжский вернул рассказы Ремизова автору: ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 2.

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 319. Лл. 1–1 об.

носил чисто «религиозно-общественный» характер, то итоговый включил в себя и тех беллетристов, политиков и профессиональных философов, что с успехом уже сотрудничали в ВЖ. Программу «новой большой ежедневной газеты», отмеченную если не авторством, то определяющим идейным влиянием и стилем Булгакова, стоит процитировать подробнее: «“Народ” ставит своей задачей всенародную религиозно-общественную проповедь. Исходя из идеалов вселенского христианства и вместе с Владимиром Соловьевым полагая, что христианская правда должна проникать не только в личную жизнь, но и область общественных отношений, мы будем отстаивать народную свободу, раскрывать неправду капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений, а также настойчиво бороться против национальной вражды. Мы добиваемся преодоления недолжного отделения религии от жизни, унаследованного нами из предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внерелигиозная и духовно-мертвая общественность, а ей противопоставлялась лжехристианская проповедь человеконенавистнической, тупой реакции и насилия. Считая очередной задачей нашего времени создание христианской общественности, мы стремимся не только к литературному раскрытию ее идеалов, но и к творческой реализации их в жизни. Поэтому мы открываем свой орган для обсуждения нужд начинающегося религиозно-общественного движения. Накануне восстановления истинной, соборной церковности, “Народ” будет пристально следить за развитием церковно-освободительного движения и, в частности, уделять особое внимание вопросам, связанным с предстоящим церковным собором. Христианское возрождение требует не только внешней реформы церкви, но и углубления и прояснения религиозно-философского сознания, религиозного освящения запросов и нужд современной культуры». В последней фразе программы, думается, и содержалось то основание, которое позволило Булгакову объединить редкостно широкий и качественный для провинциальной газеты¹ круг авторов². Очевидно,

¹ Не следует преувеличивать столь акцентированной столичными интеллигентами «провинциальности» Киева, на рубеже веков по численности жителей стойко державшегося на пятом месте среди городов Российской империи (после Петербурга, Москвы, Риги и Одессы) и к 1914 году достигшего более чем полумиллионного населения.

² Конечно, подавляющее большинство объявленных авторов не успело или не захотело принять реального участия в газете. Не появились в ней и объявлявшиеся в анонсах статьи: Вяч. Иванова «Мещанин и Антихрист (о “Грядущем Хаме” Мережковского)» и «Искусство и Церковь», Бердяева «Демократия и мещанство». Имена первой величины отчасти украшали и другие киевские газеты, «Киевские Отклики» и «Свободу и право», но не столь обильно.

что только идеей «христианской политики», исповедуемой его единомышленниками, достичь этого он был бы не в силах. Первоначальный проект программы, составленный Лашнюковым, воспроизводил типичные для газеты рубрики: фельетоны «по общим вопросам», «обзор печати», «хроника» и др.¹ Булгаков же существенным образом расширил фельетонную часть, больше половины объема газеты посвятив теоретическим статьям по социальной философии, психологии, истории и религии. Расширенными оказались и сугубо информационные разделы. В многоцветном литературно-художественном приложении к первому номеру газеты (которое, по-видимому, должно было стать еженедельным, но более не повторилось) редакция опубликовала работы М. А. Врубеля (а также мемориальную статью о художнике, поскольку болезнь уже практически прекратила его творческую деятельность) и М. В. Нестерова. Выбор редакции объясняется легко, ибо главной художественной новостью для Киева в 1906 году по-прежнему оставались выполненные М. В. Нестеровым и В. М. Васнецовым росписи Владимирского собора².

Зеньковский привлек к сотрудничеству в газете своих друзей — преподавателей и профессоров Киевской Духовной Академии — представителей, по его словам, «“левой” русской церковной группы» (в том числе школьного товарища Аггеева и митр. Евлогия, будущего автора журнала «Живая Жизнь» П. П. Кудрявцева³ и В. И. Экземплярского, стоявших вместе с Зеньковским у истоков Киевского РФО)⁴. О настроениях вошедших в «Народ» церковных интеллектуалов можно судить по современной описываемым событиям статье П. П. Кудрявцева «По вопросам церковно-общественной жизни», которая была опубликована в «Трудах Киевской Духовной Академии». В общественном смысле не выходящая за рамки естественных требований освобождения церкви, направленная против насилия как слева, так и справа, статья Кудрявцева, однако же, неизменно апеллировала к трудам «властителей дум», зачастую более радикальных, чем сам Кудрявцев. Устами Кудрявцева «Труды»

¹ ЦГИА Украины. Ф. 294. Оп. 1. Д. 446. Л. 2.

² Биографические связи М. В. Нестерова с Булгаковым не ограничились известным двойным портретом Булгакова и Флоренского 1917 года «Философы»: сын Булгакова, художник Ф. С. Булгаков (1902–1989) женился на дочери Нестерова и при высылке отца за границу в 1922 году был властями оставлен в России.

³ В. Зеньковский. Мои встречи с выдающимися людьми. С. 48.

⁴ Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая — 19 октября 1918 г.). Воспоминания / Публикация М. А. Колерова. М., 1995. С. 111. Переизд.: В. В. Зеньковский. Пять месяцев у власти [Воспоминания. 2 изд.] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2011.

рекомендовали вниманию церковных читателей не только сочинения В. С. Соловьева и И. С. Аксакова, но и статьи Булгакова в ВЖ, Бердяева («Революция и культура») и Котляревского в «Полярной Звезде», Струве в «Русских Ведомостях»¹. Ясно, что без соответствующей идейной среды такая статья не могла бы появиться в официальном издании Киевской Духовной Академии.

Единомышленник «левых церковников» Зеньковский² в первом же номере газеты в статье «Либерализм и социализм» пытался совместить либеральную «юридическую свободу» и социалистическое «экономическое освобождение». Социалистический коллективизм, по мнению Зеньковского, оставляет достаточно места для индивидуализма, в том числе и нищезанятного толка, и уж тем более не может противоречить правам личности. При этом революционный индивидуализм в изложении Зеньковского носил на себе явный эстетический отпечаток: «Грядущие перспективы социализма невыразимо прекрасны в сравнении с тинной буржуазного болота, в котором мы живем теперь»³. «С удивительной гениальностью Маркс уловил симптомы растущего кризиса, (...) вскрыл всю бесплодность, всю внутреннюю противоречивость экономического индивидуализма, противопоставив ему идею коллективизма», — утверждал Зеньковский⁴. Со своей стороны, Булгаков уточнял, что в социалистической коллективности индивидуализм «может быть побежден не материальной, но духовной силой, не извне, но изнутри, религиозно»⁵.

В первых же номерах газеты была прямо заявлена ее партийность: о ней открыто писал Свенцицкий (в заметке о ХББ) и особенно Булгаков, прямо связывавший «Народ» с планируемым им «Союзом христианской политики». Адресуясь в специально для этого открытой рубрике «Христианская общественность» к тем своим корреспондентам,

¹ П. Кудрявцев. По вопросам церковно-общественной жизни // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1906. Кн. I. Январь. С. 149, 156; Кн. II. Февраль. С. 349–368.

² См. собрание его статей: М. А. Колеров. «Исповедничество» В. В. Зеньковского в газете «Народ» (1906): 1. В. В. З. Предчувствия марксизма; 2. В. В. З. Либерализм и социализм; 3. В. В. З. О религиозной психологии; 4. В. В. З. Об одном сомнении; 5. В. В. З. [Рец.] Волжский. «Из мира литературных исканий». Сборник статей. СПб. 1906. // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

³ В. В. Зеньковский. Либерализм и социализм // Народ. Киев. № 1. 2 апреля 1906 года. С. 2–3.

⁴ В. В. Зеньковский. Предчувствия марксизма // Народ. Киев. № 1. 2 апреля 1906 года. С. 2.

⁵ С. Булгаков. Индивидуализм или соборность? // Народ. Киев. № 6. 9 апреля 1906 года. С. 3.

которые заинтересовались проектом «Союза» (еще в ВЖ Булгаков пригласил читателей отозваться письмами на идею «Союза» и теперь отвечал им: «прошу извинить за продолжительное молчание, которое отчасти было вынуждено неимением своего органа (после прекращения “Вопросов Жизни”)»), Булгаков излагал политическую программу: политическая амнистия, отмена смертной казни, демократические выборы и созыв церковного собора. Внося чисто «западнические» уточнения в классическую славянофильскую формулу о «правде» и «праве», Булгаков утверждал: «Причина теперешнего исторического кризиса в том, что мы отвергли путь правды, *который есть и путь права.* (...) Спасти Россию можно только одним путем: ... превратив ее в правовое государство. Иначе перед нами разверзается бездна, мы стоим пред началом такой революции, подобной которой не знает еще история»¹.

Под стать своей политической внятности, все номера газеты строились по журнально-тематическому принципу, требующему объединения всего жанрового разнообразия материалов вокруг одной статьи, посвященной, естественно, «религиозной общественности», авторами которой выступали, как правило, Булгаков или Зеньковский. Обзоры событий и печати однозначно и тенденциозно следовали заданной теме. В последнем номере появился даже раздел библиографии, составленный Е. И. Булгаковой и Зеньковским. Посвящался он обзору литературы о французской революции 1789 года: характерно, что впервые Булгакова обратилась к этой литературе ещё в июльской книжке ВЖ. Напечатанный в ВЖ, ее отклик на книгу К. Каутского был повторен и в «Народе». Весьма красноречивым следует признать также то обстоятельство, что Е. И. Булгакова (1869–1945), начавшая вместе со своим мужем путь от марксизма и подпольной социал-демократии, в начале 1900-х годов оставалась по своей политической ориентации решительной социалисткой, чья «умеренность» не шла далее сотрудничества с кадетами².

¹ С. Булгаков. О задачах народного представительства // Народ. Киев. № 3. 6 апреля 1906 года. С. 1–2.

² По крайней мере, еще в первые месяцы 1906 года Е. И. Булгакова, помимо различных женских организаций (о том, что она еще до 1904-го была в числе учредителей «Общества защиты женщин», см.: В. Зеньковский. Мои встречи с выдающимися людьми. С. 18), состояла в киевской организации кадетской партии. Что же касается социальных взглядов Булгаковой, то они оставались в пределах марксистского ревизионизма: показательно, что даже просветительский очерк для детей из истории средневековья Булгакова написала на основе книг Брентано, Шенланка, Шмоллера, Бюхера и первого тома «Капитала» Маркса (Е. Булгакова. Из жизни средневекового ремесленника. М., 1902. С. 176–177). О необходимости изучения собственного мировоззрения пролетария так, как это сделали марксистские ревизионисты Бюхер, Зомбарт,

Надо думать, столь явная партийность газеты не в последнюю очередь повлияла на то, что участие в ней многих сотрудников осталось формальным. И все же по своему замыслу «Народ» был последним печатным органом, пытавшимся сохранить былое внешнее единство деятелей религиозной интеллигенции, распавшееся со смертью ВЖ. За год до «Народа», в марте 1905-го в ВЖ, обобщая литературный опыт «идеализма», Булгаков признал главной причиной неудачи НП его обращение с проповедью к церковным кругам (по терминологии Е. Н. Трубецкого, «иудеям»). Поэтому Булгаков предлагал поменять адресата религиозной пропаганды и обратиться к интеллигенции (по Е. Н. Трубецкому, «эллинам»), чтобы с помощью «идеализма» преодолеть пропасть между философией и религией, Афинами и Иерусалимом, «эллинами» и «иудеями». Ведение «Народа» Булгаков начал с постановки той же задачи. Даже описанная выше терминология прочно вошла в статью Булгакова «Воскресение Христа и современное сознание»: статья оказалась столь важной для философского развития мыслителя, что тот включил ее в итоговое собрание сочинений этого периода — двухтомник «Два града». Однако, не удовлетворившись решением дилеммы «Афины и Иерусалим» в ВЖ, в «Народе» Булгаков вносил в него значительные коррективы: полагая необходимым обратиться не только к «эллинам», но и к «иудеям». Вторя Булгакову, Волжский полагал задачей газеты проповедь на оба лагеря: духовенство он призывал пополнять свои знания достижениями светской мысли, а интеллигенцию — отказаться от внерелигиозной философии. С внерелигиозностью науки активно полемизировал и Зеньковский в серии статей о психологическом кризисе современного внерелигиозного сознания, марксизме и пр. Неустановленный автор, скрывшийся под псевдонимом Ивер, в свою очередь, подчеркивал: «Если теперь русское духовенство хочет стать живой, творческой силой в великом деле культурного возрождения русского народа, оно не должно выделять себя из рядов светской интеллигенции, должно приобщиться к ее культурным приобретениям и взять на себя часть ее нелегкого труда... Для нас нет сомнения, что огромная часть приходского духовенства не сразу, конечно, а постепенно, как это было и со светским обществом, перейдет в ряды борцов духовного освобождения русского народа и во всяком случае не будет становиться ему поперек дороги». Подобного рода агитации в газете служила почти вся информация по церковной тематике: политические фельетоны Лашнюкова, статьи Свенцицкого

Брентано и супруги Вебб, Булгакова писала и позже: *Е. И. Булгакова*. Страничка из жизни Киевских работниц. Отдельный оттиск из газеты «Киевский Голос» / Киевское Отделение Российского Общества Защиты Женщин. Киев, 1906. С. 4–5.

и Эрна о церковной реформе и ХББ, заметки об освободительном движении в среде приходского духовенства, о действиях высшей церковной иерархии и Синода, протест-обращение студентов Московской духовной академии, церковно-политическая проповедь П. А. Флоренского «Вопль крови» и др. Вовсе не случайно много лет спустя Зеньковский назвал «Народ» «церковно-социалистической» газетой¹.

Говоря о «социальных обязанностях Церкви», Булгаков выдвигал общее требование, которому, по его мнению, она должна соответствовать при соединении с социализмом: «Должна начаться интенсивная работа в церкви, состоящая в пересмотре духовного ее багажа, в постановке заново, а то и перерешении иных вопросов. Церковь, которая глубоко осознала и выявила задачу личного спасения, личной святости, должна еще столь же глубоко сознать и выявить и задачу христианской общественности»². Вокруг этой идеи, произнесенной Булгаковым еще в статье и брошюре «Неотложная задача (о Союзе христианской политики)», на страницах «Народа» вспыхнула примечательная дискуссия. Поводом к ней стало помещенное в четвертом номере газеты открытое письмо И. Ветрова (Книжника, И. С. Бланка) к Булгакову, напоминавшее сторонникам «христианской общественности», что религия — дело индивидуальное, и любое религиозное определение — прежде всего *самоопределение*. Резкий ответ Ветрову написал Свенцицкий. А сам Булгаков, исходя из того, что «в настоящее время все чаще и чаще приходится встречаться с такими заявлениями (напр., их делают П. Б. Струве и С. Л. Франк)», счел себя обязанным выступить с большой статьей, обстоятельно критикующей Ветрова за «проповедь религиозного уединения, религиозного индивидуализма». Но статья явно не удовлетворила Булгакова: склонный переиздавать свои работы, он ни разу к ней более не вернулся. Впрочем, дискуссия с Ветровым была единственным, что нарушило общий для всех номеров газеты редакционный монолог. Все усилия вызвать читателей на диалог и повторяющиеся от газеты к газете призывы использовать ее страницы для широкого обсуждения проблем «христианской политики», каковое должно было бы «выявить и объединить единомышленников», отклика не вызвали. В газете было опубликовано лишь несколько читательских писем.

Редакция сталкивалась и с более серьезными проблемами. Как вспоминал Зеньковский, «уже в начале Страстной недели обнаружилось, что издатель не может предоставить тех средств, которые он обещал. Правда, он все еще рассчитывал после выхода первого номера добыть

¹ Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти. С. 72.

² С. Булгаков. Социальные обязанности Церкви // Народ. Киев. № 5. 8 апреля 1906 года. С. 2.

денег, но вера в его слова была подорвана, настроение у всех чрезвычайно упало. Особенно тяжело переносил это С. Н. Булгаков... Он как-то слепо поверил, что газета обеспечена прочно на несколько месяцев, в течение которых она сможет стать на ноги, — и помимо того, что ему было грустно и неприятно отказываться от дела, в которое он столько вложил, ему было очень неловко и неудобно перед теми, кого он звал из Петербурга и Москвы. У него совершенно пропало одушевление идеей церковной газеты — и это сказывалось во всем деле»¹. В дополнение ко всему, первый, пасхальный, из-за цветной печати стоивший больших типографских расходов, номер разошелся плохо. Распространению газеты не помог даже ее умеренный тираж (27 тысяч экземпляров)².

Положение усугублялось и столкновением с цензурой: в день выхода пятого номера, 8 апреля 1906 года, за нарушение статьи 129 Уголовного Уложения 1903 года было возбуждено преследование сразу по двум публикациям газеты — булгаковской по стилю редакционной передовице «На грозном распутьи» и подписанной Булгаковым прозрачным криптонимом С. Б-ов — «Кто убил Абрамова?»³. Кроме того, согласно Зеньковскому, к пятому номеру стало окончательно ясно, что денег нет и не будет. С третьего номера Булгаков начал отходить от ведения газеты, «стал холоден к Лашнюкову и не раз жестоко и сурово ему выговаривал, что напрасно ему доверился»⁴.

Шестой номер «Народа» вновь привлек внимание властей — теперь уголовное дело против его официального редактора было возбуждено из-за редакционного комментария к перепечатке корреспонденции из газеты «Двадцатый век» в «Дневнике печати» и заметки Лашнюкова «О присяге Конституции»⁵. Эта мера так и не привела к конфискации номеров газеты, и редакция даже пребывала в неведении относительно возбуждения уголовного дела против Лашнюкова⁶. Но из финансовых обстоятельств было ясно, что «дальше 7–8-го № газета продержаться не может. В. Н. Лашнюков прибег к приему других газет: (...) он поместил статью столь яркого, столь радикального содержания, что газета была немедленно закрыта, а № конфискован. В сущности, газета должна была умереть естественной смертью, но было обидно умереть на 7-й день — и Лашнюков сумел скрыть от широкой публики истинное положение

¹ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 119.

² ЦГИА Украины. Ф. 295. Оп. 1. Д. 139. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Д. 438. Л. 3; ЦГИА Украины. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7. Л. 216.

⁴ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 121.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Д. 438. Л. 5; ЦГИА Украины. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7. Л. 219.

⁶ Там же. Д. 139. Лл. 40–41 об. Лишь 9 апреля об этом сообщили «Русские Ведомости» (№ 95).

вещей»¹. Статья, о которой вспоминал Зеньковский, представляла из себя редакционный комментарий к перепечатанной из петербургской газеты «Колокол» речи еп. Иннокентия. Комментарий этот был написан в самых резких тонах и направлен не только против самодержавия, но и лично российских монархов (10 апреля: «Дневник печати»). Киевский отдельный цензор увидел в комментарии «дерзостное неуважение Верховной Власти» (статьи 103 и 128 Уголовного Уложения 1903 года) и наложил на номер арест². Впрочем, нельзя полагать, что вина за демонстративный антиправительственный радикализм может быть возложена исключительно на Лашнюкова. В не увидевшем (по непонятным причинам) света, но уже сверстанном восьмом номере газеты должна была появиться очередная политическая статья Булгакова, представляющая собой традиционный для него жанр «дневника»: «Из записной книжки. 11 апреля» (Ср.: С. Б-улгак>ов. «Из записной книжки. 10 апреля»). В ней с редкой для легальных выступлений Булгакова откровенностью высказывался протест против «внешнего займа русского правительства, заключенного на ростовщических условиях, накануне созыва Государственной Думы». Булгаков писал: «Произошло событие, представляющее собой в наших глазах настоящий обвинительный акт против мещанской цивилизации запада, заставляющее подвергнуть сомнению его честь, усумниться в благородстве того края, который отцы наши звали страной святых чудес. (...) Страна святых чудес, зажегшая для нас свечечку свободы, выковала теперь золотые цепи для русской свободы и вручила их врагам русского народа. Это всемирно-историческое преступление, это братоубийственный акт, который тем горше, чем коварнее. Это — повторение поступка Иуды, получившего “цену крови”, и оно не забудется, оно не пройдет бесследно в душе народа. Они позабыли те ужасы, в которых мы живем и о которых они представления не имеют в своем обеспеченном, сытом довольстве, они отвернулись от этого моря крови, невинно пролианной, они не пожалели невинных девушек, мучимых в темницах, еврейских детей, женщин и мужчин, избиваемых и убиваемых в погромах, они плюнули в лицо общественному мнению русского народа и насмеялись над нашей болью и нашим негодованием. С холодным презрением они совершили это предательство». «Предательство» Запада заставило Булгакова вновь вернуться к проблемам западничества и славянофильства, мещанства и т. д., впервые им сформулированным в статьях 1902–1904 годов «Чехов как мыслитель», «Душевная драма Герцена» и «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?». Вновь анализируя природу «преданного» Западом русского (и

¹ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 121.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Д. 438. Л. 7; ЦГИА Украины. Ф. 442. Оп. 856. Д. 37. Л. 101.

своего собственного) западничества, Булгаков писал: «Западничество... было прежде всего политическим, было отрицанием самодержавия... Это была как бы вогнутая сторона медали, рельефом которой был самодержавный режим. Чем деспотичнее, чем невыносимее был этот режим, тем фанатичнее, пламеннее было западничество (...) Запад силою вещей становился духовным кумиром для русской свободолюбивой интеллигенции; подходить к этому кумиру с критическим свободным отношением значило подвергать себя подозрениям в “политической неблагонадежности”, в приверженности самодержавию, в измене освободительному движению. Был только один критический голос, которого нельзя было заглушить обвинениями в политической неблагонадежности, один духовный гигант, с которым нельзя было не считаться, но который заклеил духовную язву европейской цивилизации, поставил точный анализ духовному раку, ее развешивающему. Это был Герцен с его критикой европейского мещанства»¹. В определении самодержавия и революции как «изнанки» друг друга², в критике западного мещанства устами Герцена Булгаков шел рука об руку с Мережковским, только что в «Полярной Звезде» выступившим с развернутым толкованием герценовской публицистики («Грядущий Хам»). А апеллируя к антимещанскому нищенству, говоря о том, что «переоцениваются и обесцениваются ценности, разрушаются, а частью просто предаются забвению духовные кумиры», теперь следовал своим коллегам-«идеалистам» Струве, Бердяеву, Франку, чьи увлечения прежде глухо критиковал за «странное обожание натурального, зоологического сверхчеловека» Ницше³. Таковы были требования политической солидарности.

Ступая на революционно-индивидуалистическую почву и одновременно отдавая предпочтение славянофильству, Булгаков счел необходимым в очередной раз специально оговорить свою, с оппозиционной точки зрения, антисамодержавную «политическую благонадежность». В этом противостоянии «старому миру» и виделся ему необходимый синтез славянофильства и индивидуализма. Думается, именно поэтому в газетной статье Булгаков совершенно отказался от критики по адресу славянофильства, еще год назад старательно воспроизведенной вслед за Владимиром Соловьевым в очерке «Душевная драма Герцена» («смешные и вредные предрассудки старых славянофилов», «грех национального и церковного самовозвеличения»⁴). Главное, ради чего была написана

¹ С. Н. Булгаков. Из записной книжки. 11 апреля [1906]. С. 146, 145.

² См.: Д. С. Мережковский. Пророк русской революции // Д. С. Мережковский. В тихом омуте. С. 334.

³ С. Н. Булгаков. Чехов как мыслитель. С. 20.

⁴ С. Н. Булгаков. Душевная драма Герцена. С. 35.

эта статья, популяризирующая давно уже высказанные и повторенные тезисы, состояло в христианско-социалистическом (*почвенно-антибуржуазном*) ее резюме. «Наша молодая цивилизация, которая мало еще впитала мещанского яда, пусть извлечет для себя из этого предостережения, пусть ищет того противоядия, которым только и парализуется духовное мещанство. Противоядие это есть религия, искренняя, глубокая, овладевающая всей душой человека. И поскольку мы верим, что нашей цивилизации, нашему народу удастся избежать мещанского пути старого мира, постольку мы верим в религиозное призвание русского народа»¹. В другом месте, вступая в поле политической пропаганды и национальной самокритики, Булгаков намеренно заострял проблему: «Русский народ завоеует и получит свою свободу, устроит свой быт на христианских, а не мусульманских, не на турецких началах, на которых он теперь основывается. (...) За зарей свободы мы прозреваем новую, нездешнюю зарю. Мы чаем, что освобожденный от внешней кабалы и духовной опеки, наш народ осуществит свое высшее, религиозное призвание, скажет неведомое слово, слово спасения миру. Мы по-прежнему разделяем веру Достоевского и Соловьева, что народ наш, этот погромный хулиган звериного образа, погрязающий в смрадном грехе, есть все-таки народ-богоносец, и имеет свою важную и определенную задачу в мировой истории в плане мирового спасения. (...) Этой верой воодушевляется наш патриотизм, осмысливаются современные исторические события, освободительное движение, начинающееся раскрепощение русской церкви, все, все»². В борьбе за патриотизм и против национализма Булгаков следовал Соловьеву: «Патриотизм мы подменили национализмом, навязали русской национальности роль какого-то полицейского. (...) Я — русский патриот, люблю русский народ и свято верю в его великое историческое призвание, и именно поэтому не могу без гнева и горя видеть, во что превратили это патриоты [черная сотня] великое и священное имя русского народа»³. Очевидно, что столкновение с политической цензурой ожидало публикующий такие статьи «Народ» в независимости от воли его официального редактора Лашнюкова.

Однако некогда близкий друг Булгакова М. О. Гершензон сурово судил «Народ» за идейную слабость: «С напряжённым интересом читаю булгаковскую газету «Народ». Но до правды далеко. Они фатально путаются в трёх вещах: 1) религиозность вообще, т. е. мистическое

¹ С. Н. Булгаков. Из записной книжки. 11 апреля [1906]. С. 146. Переизд.: С. Н. Булгаков. Из записной книжки. 11 апреля 1906 г. / Публ. М. А. Колерова и О. К. Локтевой // Вопросы философии. М., 1994. № 6.

² С. Булгаков. Пасхальные думы // Народ. Киев. № 1. 2 апреля 1906 года. С. 1.

³ С. Булгаков. О задачах народного представительства. С. 1.

отношение к миру (чувство теперь общее тысячам и очень острое в них), 2) христианство, т. е. вера в богочеловечество Христа и его воскресение, 3) этика здравого смысла, справедливости и любви»¹.

Питая надежды на новые финансовые источники и возобновление газеты, Волжский, несший на себе, видимо, главную тяжесть организационной работы, подыскивал себе выпускающего редактора в заместители. В качестве такового рассматривался В. А. Никольский². Но нужды в нем не возникло. 19 апреля 1906 года решением Киевской судебной палаты издание «Народа» приостанавливалось, а против Лашнюкова открывалось уголовное преследование по статьям 128 и 129³. Радикальная киевская печать, обычно приветствовавшая любое новое оппозиционное издание, встретила «Народ» молчанием. Только объявление о его выходе несколько раз появилось в «Свободе и праве», да и то благодаря близкому сотрудничеству с ней четы Булгаковых. Крупнейшая киевская либеральная газета «Отголоски жизни» (бывш. «Киевские Отголоски») нарушила молчание лишь 6 апреля — статьей с красноречивым названием «От марксизма через идеализм к пророчеству», обыгрывающим заглавие известного сборника статей Булгакова. В ней говорилось: «Опасаясь “грядущего хама”, которого они не могут понять, эти мистические идеалисты создают подлинного, настоящего хама, способного молитвенно закатывать глаза в тот момент, когда воздух потрясается лязгом оружия, когда слышны стоны и гибнут люди»⁴. О закрытии и аресте издания его редакция узнала не от полиции, а — несколько дней спустя — из киевских газет⁵, для большинства которых сообщение о закрытии «Народа» стало первым откликом на его недельное существование. И в этом сполна проявилась та терзавшая Булгакова революционная «политическая благонадежность (корректность)», что в борьбе против «мистических идеалистов» совпала с требованиями «политической благонадежности» со стороны правительственной цензуры.

24 апреля, видимо, в ряду других писем подобного содержания, Булгаков писал Г. А. Рачинскому: «Извиняюсь, если своей просьбой о сотрудничестве в “Народе” побудил Вас начать уже какую-либо работу.

¹ М. О. Гершензон. Дневник 1905–1907 гг. / Подг. текста А. Л. Соболева // Складчина. Сб. ст. к 50-летию проф. М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М., 2019. С. 208.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 1 об.

³ ЦГИА Украины. Ф. 294. Оп. 1. Д. 446. Л. 4.

⁴ М. А. К-с. От марксизма через идеализм к пророчеству (По поводу 1-го программного номера газеты «Народ») // Отголоски Жизни. Киев. 6 апреля 1906 года. № 67.

⁵ В. В. Зеньковский. Из воспоминаний. С. 120.

По “независящим обстоятельствам” газета остановилась и раньше осени не возобновится. Благодарю Вас за согласие на участие в газете и надеюсь иметь его и осенью при возобновлении»¹. Свою лепту в извинения 23 апреля вносил и Волжский. Андрею Белому сообщал он: «Газета наша, “Народ”, в которую я Вас приглашал, после семи №№ встала: обманулись в издателе, давила и цензура. Б. м., с осени возродим свое дело»². Ту же информацию 22 апреля приводил и оставшийся-таки вне газеты Бердяев — в письме к Гиппиус: «Не знаю, что хуже, православное ли христианство Булгакова и Волжского, на котором почил дух Свенцицкого или беспочвенность и безнадежность Шестова... “Народ” погиб, денег нет и возродиться что-нибудь может только к осени. Я иногда мог бы писать в “Народ”, но все-таки это чужое мне дело»³.

В задержавшемся с выходом до 31 мая 1906 года восьмом номере петербургского еженедельника «Свобода и Культура» продолжало красоваться рекламное объявление «Народа», — и в этом чувствовалась не только забывчивость редакции, но и надежда. Надежды подпитывались экстраординарной энергией Эрн и Свенцицкого, ни в коей мере не расстававшихся с идеей *народной газеты*. Например, 4 мая Эрн убеждал Волжского: «Я знаю, что есть массы людей, которым такая газета очень нужна. Пожалуйста, напишите, если Вам удастся что-нибудь организовать вместо “Народа”»⁴. В конце апреля при участии Эрн в Тифлисе И. П. Брихничев уже начал издавать церковно-революционный еженедельник «Встань, спящий». Но и он начал испытывать трудности. Поэтому, блюдя интересы киевской газеты и тифлисского еженедельника, Свенцицкий уговаривал Булгакова снестись в Москве с М. К. Морозовой «по поводу паев»: «Не зная, в каком положении киевские проэскты о паевой компании, я не решаюсь дать ход этому делу, особенно в виду своего несочувствия использовать этот единственный в своем роде источник для газеты “Народ”»⁵.

Однако весь этот активизм сотрудников уже не находил достаточного понимания у Булгакова. 17 мая 1906 года, месяц спустя после закрытия газеты, он делился размышлениями с Волжским: «Из киевских газет я узнал, что “Народ” остановлен был постановлением суд. палаты еще 17 апреля; почему-то нам об этом не сообщили своевременно. История эта у меня совершенно затянулась, если не считать “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет” (...) Я убедился и почувствовал

¹ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2689. Л. 1.

² ОР РГБ. Ф. 25. К. 14. Ед. хр. 9. Л. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 7.

⁵ Там же. Ед. хр. 326. Л. 2.

с несомненностью, что издавать газету было великим соблазном и безграничной дерзостью при нашей слабости религиозной, и особенная милость Божия в том, что газета прекратилась в силу внешних условий и вообще эксперимент прошел сравнительно нешумно, обнаружив только пред нами слабость нашу. Не поражает ли Вас еще, что ведь все-таки отозвалось в конце концов поразительно мало из всех наших адресов. Это наводит меня на пессимистические мысли и об *еженедельнике*»¹.

Наиболее respectable часть авторов «Народа» легко и быстро нашла трибуну для публичных высказываний. Ее предоставил переехавший в Москву киевский профессор Е. Н. Трубецкой, с самого начала пригласивший Булгакова, Бердяева и других к сотрудничеству в издаваемом им «Московском Еженедельнике»². Их статьи — а именно Булгакова, Аггеева и Волжского — с начала мая 1906 года стали появляться в этом журнале³. 28 мая 1906 года Булгаков признавался М. Э. Здзеховскому: «Мы не думаем сейчас восстанавливать газету, но мечтаем с осени организовать еженедельник». И далее: ««Скомпрометировать» меня перед “православным” миром ничто не может, потому что для бюрократов церковных я и без того кажусь, вероятно, еретиком»⁴. Значит, проектируемый еженедельник должен был приобрести ярко выраженный церковно-«антибюрократический», то есть обновленческий характер — и, значит, прошлогодняя идея «реформационного» «Вестника Жизни» не умерла.

¹ Там же. Ед. хр. 198. Лл. 22–22 об.

² Более того: вскоре «Московский Еженедельник» стал органом, в котором уверенно везали деятели союзного Булгакову «Христианского Братства Борьбы», прямо поддержанные публицистикой самого Е. Н. Трубецкого: *Г. Векилов*. Проблема христианской общественности // Московский Еженедельник. М., 1907. № 43. 3 ноября; *В. П. Свенцицкий*. На общем берегу // Московский Еженедельник. М., 1907. № 35. 8 сентября; *Е. Н. Трубецкой*. К вопросу о дозволенном и недозволенном насилии. (По поводу статьи В. П. Свенцицкого) // Московский Еженедельник. М., 1907. № 35. 8 сентября. См. также: *Вал. Свенцицкий*. На разных берегах // Московский Еженедельник. М., 1907. №№ 26, 27; *Свящ. Конст. Аггеев*. Христианское отношение к власти и насилию // Московский Еженедельник. М., 1907. № 24–25. 7 июля (о ХББ и статье В. П. Свенцицкого в «Вопросах Религии»).

³ См., например: *С. Булгаков*. Апофеоз «ведомства православного вероисповедания» // Московский Еженедельник. М. № 12. 27 мая 1906 года; *С. Булгаков*. К вопросу о церковном соборе // Московский Еженедельник. М. № 13. 17 июня 1906 года; *Волжский*. Достоевский и самодержавие // Московский Еженедельник. М. № 12. 27 мая 1906 года; *К. Аггеев*. Современные думы служителя церкви // Московский Еженедельник. М. № 13. 17 июня 1906 года; № 14. 24 июня 1906 года и др.

⁴ Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому. С. 160.

Задумывая статью «Церковь и общественность», Булгаков не мог не признать кризиса «христианско-политического» посредничества между религией и политикой, но продолжал подводить идейный фундамент под свою программу партийного строительства: «Вопрос этот мучит и сверлит, и я снова склоняюсь к дуалистическому его решению, т. е. при признании того большого и подлинного, что может проявиться только в ограде церковной, и явится истинной религиозной общественностью, нужно и религиозное участие в общественности вне церковной ограды, т. е. огрубляя эту мысль, нужна и церковная партия, и моя идея “Союза Хр. политики” тоже верна, как относительное историческое средство. Ее нужно понести, м. б., не как дар духа, вольный и радостный, а как тягость жизни, с которой хоть и тягостно, но и обязательно “считаться”»¹. Переезжая летом 1906-го из Киева в Москву на открывающиеся вакансии в Московском университете и только что учрежденном Московском коммерческом институте, Булгаков не оставлял без внимания и те пропагандистские плюсы, что предоставляло ему жительство в старой столице. 1 июля 1906 года он сообщал Волжскому: «там я нужнее, больше могу сделать для основания органа»². Реальные усилия, однако, прилагались к делу не Булгаковым, а его близкими и дальними единомышленниками — и далеко от Москвы.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 28.

² Там же. Л. 32.

Глава 4 БУЛГАКОВ И «ХРИСТИАНСКОЕ БРАТСТВО БОРЬБЫ»

История «Христианского братства борьбы» (ХББ) как политической организации была недолговечна: возникшее в начале 1905-го, оно к лету того года исчерпало свою политическую энергию, уступив место многочисленным издательским инициативам Эрн и Свенцицкого¹. Центр тяжести их пропаганды был перенесен с расклеивания листовок на издание газет, брошюр, сборников, открытие книжного магазина в Москве на Тверской «Братство». Заинтересовавшаяся изданиями ХББ московская цензура сохранила машинописный оригинал сочинения Свенцицкого по истории ХББ, содержащую не вошедшую в окончательный текст декларацию о намерениях его создателей. Свенцицкий писал: «С осени [1905] Братство решило предпринять целый ряд практических мер для еще более широкого распространения своих идей, оно предполагало начать легальную издательскую деятельность, а для окончательной выработки своей программы и для всестороннего ее рассмотрения созвать всероссийский съезд христиан»².

Осенью 1905-го в сотрудничестве с издательством И. Д. Сытина была запланирована книжная серия «народной литературы», вскоре превратившаяся в замысел целой «Религиозно-общественной библиотеки». Проспект Библиотеки составил Булгаков, а практическими ее руководителями стали Эрн и Свенцицкий. Одним из первых к выходу в свет планировался сборник «Накануне церковного собора», а первым изданием Сытина в этой серии стала брошюра Булгакова «Неотложная задача (о Союзе христианской политики)». Но все более затруднявшееся сотрудничество с Сытиным заставило активистов ХББ в начале 1906-го заручиться материальной и издательской поддержкой владельца московского книжного

---

¹ История ХББ максимально полно дана здесь: С. *Чертков*. Христианское братство борьбы в восприятии современников и потомков // Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017.

² МГА. Ф. 31. Оп. 2. Д. 845. Л. 8.

магазина Д. П. Ефимова¹ и передать в его руки издание всей Библиотеки. Общая ее тематическая программа состояла из двух частей: очерков историко-литературного содержания и типичных для 1905–1906 годов социалистических изданий с разъяснениями рабочего и аграрного вопросов, сущности политических свобод и капитализма. Показательно, что, готовясь к изданию Библиотеки, Д. П. Ефимов, очевидно, готов был включить в ее рамки максимально широкий спектр сколь-нибудь религиозной («идеалистической») общественности — в том числе Струве². С формальной точки зрения Библиотека включала в себя три отдельные серии изданий, сориентированных на особые аудитории: «для народа», «для интеллигенции» и «переводная» — для интеллектуалов. В первую вошли многочисленные брошюры подрывного характера: «Что нужно крестьянину?» (Свенцицкий), «О самоуправлении» (Ельчанинов),

¹ В первых выпусках Библиотеки был анонсирован следующий ее план: Серия I (для интеллигенции): С. Н. Булгаков. Неотложная задача (О союзе христианской политики); В. Свенцицкий. Христианское братство борьбы и его программа; В. Эрн. Христианское отношение к собственности; А. С. Волжский. Ф. М. Достоевский. (Жизнь и проповедь); А. С. Волжский. Гаршин как религиозный тип; Л. Brentano. Христианский социализм в Англии / С предисловием С. Н. Булгакова; В. Зомбарт. Церковный строй в первые века христианства; В. Свенцицкий. Самодержавие и освободительное движение с христианской точки зрения; С. Н. Булгаков. Краткий очерк политической экономии. Вып. I. Основные черты капиталистического строя; С. Н. Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип; Вопросы Религии. Выпуск I. Серия II (для народа): В. Свенцицкий. Что нужно крестьянину?; А. В. Ельчанинов. О самоуправлении; В. Марков [М. Вишняк]. Положение евреев в России; Д. Рябинин. Восьмичасовой рабочий день; В. Эрн. Семь свобод; А. В. Ельчанинов. Житие св. Франциска Ассизского; В. Эрн. Апостольская церковь, или как нужно жить христианам?; Д. Рябинин. Зачем нужны рабочим союзы?; В. Эрн. Богу или Мамоне?; В. Свенцицкий. Правда о земле; Вал. Свенцицкий и Вл. Эрн. Взыскующим Града. Вып. I. и Вып. II. Росписи сборников «Вопросы Религии» и «Взыскующим Града» см. по указателю содержания в: М. А. Колеров. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947 / С приложением: А. В. Карташёв. Проспект сборника «Межа» (1923). М., 2000.

² 19 июля 1905 года Д. П. Ефимов предложил Струве продать права на издание его совершенно устаревшего сборника марксистских и ревизионистских статей «На разные темы» (СПб., 1902; РГАСПИ. Ф. 279. Д. 75. Л. 42). Несмотря на свое неактуальное содержание, вплоть до середины 1905-го сборник был запрещен к распространению в России в связи антиправительственной деятельностью Струве (первое по времени объявление о продаже в России этого сборника появилось в струвеанском парижском журнале «Освобождение» № 75 лишь 6 (19) августа 1905 года). Но издание успеха не имело, и объявления о его продаже публиковались в периодике и далее.

«Восьмичасовой рабочий день» (Д. Рябинин [Д. Д. Галанин?])¹, «Семь свобод» (Эрн), «Правда о земле» (Свенцицкий)² и др. Не случайно многие из этих сочинений и их переиздания в течение 1907–1909 годов встречали неизменное сопротивление цензуры.

Первые книжки были разрешены цензурой к выпуску в свет уже в августе-сентябре 1905-го. Но реальный их выход задержался почти на год. Не исключено, что указанные на оборотах титулов даты цензурных разрешений, как это нередко происходило с литературой подобного направления и содержания, фальсифицировались издателями, чтобы таким нехитрым способом уберечь брошюры и их авторов от судебных преследований. Первой жертвой цензуры стала брошюра Свенцицкого «Христианское Братство Борьбы и его программа», запрещенная цензурой уже 25 февраля 1906 года, 23 июля 1906-го — все-таки вышедшая в свет³, 2 января 1907-го запрещенная вновь⁴, а 12 февраля 1911-го приговоренная, наконец, к уничтожению⁵. Упоминания еще о двух брошюрах

¹ Касаясь истории революционной пропагандистской печати, исследователь неизбежно вступает в область рискованных предположений: в прежней литературе хорошо изученная лишь в большевистской своей части, история этой печати мало приспособлена для чисто библиографических справок. Стремясь избежать цензурных преследований, пропагандисты-издатели зачастую фальсифицировали столь важные для исследователя выходные данные книг и приводимые в выходных данных сведения о цензурных дозволениях. Поэтому нет никаких гарантий того, что маркированная, например, Москвой 1905 года брошюра не вышла в свет в Ростове-на-Дону в 1906-м. Все эти оговорки прямо касаются «Восьмичасового рабочего дня» Д. Рябинина. С одной стороны, заявленная ХББ серия не предусматривала переиздания расхожих пропагандистских материалов: напротив, деятели ХББ претендовали дать каждому из них свое, новое освещение. С другой стороны, в выходных данных находящейся в распоряжении автора брошюры (16 с.) Д. Рябинина (в конволюте с: А. Рудин. Что говорят русские социал-демократы «деревенской бедноте». М.: Кн-во Е. Д. Мягкова «Колокол», 1906. 79 с.; Идеи марксизма в германской рабочей партии. СПб.: Кн-во «Молот», 1905. 88 с.; 18-е брюмера Луи Бонапарта. СПб.: Кн-во «Молот», 1905. 128 с.) одновременно указаны московская типография А. П. Поплавского и цензурное дозволение в Ростове-на-Дону от 23 августа 1905 года, что не позволяет определить время издания этой брошюры. Единственное, что не вызывает сомнений, так это социал-демократический дух сочинения Д. Рябинина и его соседей по конволюту.

² О наложенном в апреле 1907 года московским генерал-губернатором аресте на эту брошюру см.: Книга. СПб. № 23. 12 апреля 1907 года. С. 15.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 2.

⁴ МГА. Ф. 31. Оп. 2. Д. 845. Л. 9.

⁵ Вместе с еженедельником «Стойте в свободе» и др. МГА. Ф. 31. Оп. 2. Д. 845. Лл. 9–10.

сохранились только в материалах цензуры. Не анонсированные в официальной программе «Религиозно-общественной библиотеки», они были подготовлены к печати, но так и не увидели света: «Социализм и проблема свободы» Эрн и «Второе распятие» Свенцицкого¹ (в конце 1907 года Эрн опубликовал-таки свой текст во втором номере журнала «Живая Жизнь»). По поводу брошюры «Правда о земле», в конце концов приговоренной к уничтожению², член Московского Комитета по делам печати докладывал: «Автор (...), задавшись целью обосновать социалистические и анархические теории учением христианской церкви, путем подтасовок и извращенного толкования Священного Писания, приходит к выводу о необходимости коренного изменения существующего государственного строя...»³

Интеллигенции предназначалась заложенная Булгаковым еще в 1904 году традиция исследования писателей «как религиозных типов»: отзываясь на работы Булгакова о Чехове и К. Марксе, Волжский повествовал о «религиозном типе» В. М. Гаршина⁴. В ту же серию входил написанный Булгаковым специально для священников «Краткий очерк политической экономии. Выпуск первый. Основные черты современного хозяйственного [в объявлении: *капиталистического*] строя»⁵ и др. Переводились же книги Буасье и Зомбарта о первых веках христианства, труд Гарнака о «Сущности христианства», Булгаков специальным предисловием сопровождал перевод «инициирующей» книги Л. Brentano «Христианско-социальное движение [в объявлении: *христианский социализм*] в Англии». Одним словом, проповедуя социальную борьбу, деятели ХББ отыскивали

¹ МГА. Ф. 31. Оп. 3. Д. 904, 928. См. также цензурные дела о брошюрах Эрн и Свенцицкого: Там же. Оп. 2. Д. 674а, 700, 792; Оп. 3. Д. 920, 1004, 1014, 1020, 1028.

² МГА. Ф. 31. Оп. 2. Д. 845. Л. 9. Её тираж был весьма значительным: 5000 экземпляров: *Прот. В. П. Свенцицкий*. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем. Обращения к народу. 1905–1908 / Сост. С. В. Чертков. М., [2010]. С. 603. Для сравнения: тираж двухтомного фактически собрания сочинений Булгакова (*С. Булгаков*. Два града. М., 1911) составлял всего 3000 экземпляров.

³ Там же. Д. 867. Л. 2.

⁴ См. о контексте: *М. А. Колеров*. Новый текст к исследованию революционных культов Надсона, Гаршина и Чехова: Николай Бердяев. Памяти А. П. Чехова (1904) // *М. А. Колеров*. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

⁵ Эту книгу (М.: Д. П. Ефимов, 1906 / Религиозно-общественная библиотека. Серия 1. № 9) Булгаков не преминул подарить и своему давнему коллеге по политической экономии с надписью: «Дорогому П. Б. Струве от автора» (Фундаментальная библиотека СПб. Государственного Технического университета. Библиотека П. Б. Струве. № 2972).

ей христианские основания, «очищенные» от «исторической» церкви и модифицированные протестантизмом. В план «Религиозно-общественной библиотеки» решили также «включить издание ряда сборников, посвященных различным вопросам философии религии, церковной жизни и христианской общественности под общим заглавием: “Вопросы Религии”». Как уже говорилось, понятийный язык ХББ был не только вполне созвучен понятиям «идеалистов» из ВЖ, но и во многом следовал вектору их эволюции. ХББ решило следовать религиозно-общественной струе в журнале ВЖ и «идеалистическом направлении», и поэтому было логичным, что на смену издательски-идеологическим проектам «Вопросов философии» и «Вопросов (Вестника) Жизни» пришли «Вопросы Религии».

Отнюдь не центральный деятель ХББ и его издательской программы, скорее — их дружественный соревнователь П. А. Флоренский писал 10 февраля 1906 года в частном семейном письме о прямо *политической* и прямо *церковной* задаче «Вопросов Религии», видимо, так объяснявшейся в частном кругу ХББ как его сверхзадача: «Мы издаём в Москве сборник, посвящённый предсоборным вопросам. Думается, что он будет интересен. Туда войдут письма о. Серапиона с написанным мною очерком его личности, статьи Булгакова, Волжского, Карташёва, мои, Свенцицкого, Эрн; может быть — Мережковского, Философова, Евг. Трубецкого, Рачинского и Глаголева. Это люди всё с более или менее яркими убеждениями, хотя во многом далеко не совпадающими»¹. Логично, что при такой палитре участников конституцией нового сборника объявлялась свобода мнений при «общности христианского мировоззрения», что вовсе не значило, что в круг авторов имел шанс войти кто-либо помимо единомышленников ХББ. Таковых находилось немного. Держа в уме образ полноценного «толстого» журнала, Эрн и Свенцицкий планировали параллельный выход как бы второй (согласно журнальной практике того времени), политической, части журнала — сборников «Взыскующим Града» — в дополнение к части научно-художественной, первой — «Вопросам Религии». Понятно, что единственными авторами «Взыскующих» назывались дуумвиры ХББ, что закрепило за ними в частной переписке прозвище «взыскующих». Вот содержание первого выпуска, запланированного к печати еще осенью 1905-го, но увидевшего свет лишь в 1906-м — оно полностью соответствовало журнальной рубрике «внутренних обозрений»: «Взыскующим Града. Об одном недоумении. Духовный Блуд. Торжествующая ересь. “Абсолютное добро” и А. И. Гучков. К чему ведет русская революция». Ожидался и выпуск второй («Террор и бессмертие. Наша вина. О правде и лжи. Мистический опыт. По поводу книги Ренана

¹ Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С. В. Чертков. М., 2017. С. 217.

“Жизнь Иисуса”. Христианская общественность. Партийная работа и освободительное движение. Об одном “романе”»), но, может быть, на этот раз страх цензуры удержал «взыскующих».

Первый выпуск «Вопросов Религии», по-видимому, должен был выйти в свет в совместном издании И. Д. Сытина и П. П. Сойкина под названием «Накануне церковного собора». Надежда на участие в этом издании сохранялась до марта 1906-го, когда все проекты «Религиозно-общественной библиотеки» уже поступили во владение Д. П. Ефимова. Однако в итоге ни Булгакову, ни деятелям ХББ не нашлось в нем места, и, вышедший под названием «К Церковному Собору. Сборник группы петербургских священников» (СПб., 1906), он стал чисто обновленческим предприятием.

Газетные предприятия на время отвлекли недюжинную энергию Эрн и Свенцицкого от организации «Вопросов Религии». 17 мая 1906 года Булгаков писал компаньону: «Сборник наш, очевидно, снова застрял, — и я пока что не читал еще ни одной страницы корректуры»¹. Но уже в июне 1906-го долгожданные «Вопросы Религии» вышли в свет огромным для такого издания тиражом в пять тысяч экземпляров. Состав его авторов оказался очень беден, как беден и узок был круг идеологов ХББ: Эрн, Свенцицкий, их друг Флоренский, их союзники Булгаков и Волжский. Оформление обложки работы Е. Лансере определенно напоминало выполненное им же оформление обложки ВЖ — но теперь она была не красного, а охристо-желтого цвета.

В трех статьях в «Вопросах Религии» Булгаков излагал всю свою «культурно-церковно-общественную программу»². Интересно, что в первоначальном плане сборника числились лишь две статьи Булгакова: «Церковь и государство» (перешедшая, в свою очередь, из «Накануне церковного собора») и «Церковь и культура». И лишь в более поздних объявлениях издательства Д. П. Ефимова появилось упоминание о статье «Церковь и социальный вопрос». Ее расположение в самом конце сборника свидетельствовало, что тетрадки с нею допечатывались в самую последнюю очередь. Булгаков писал в своем триптихе: «Век гуманизма выставил великие христианские заветы, старое отцовское наследие — идеалы свободы, равенства и братства, но выставил их как свое создание и свою собственность, оторвав прекрасный цветок от родимого ствола. Для воплощения этого идеала он мобилизовал величайшие социальные силы, сплотив целую международную армию социализма, ведущую правильную и успешную войну за эти идеалы. Создаются новые, все более совершенные формы общения и внешнего объединения людей, стены

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 23.

² Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому. С. 161.

здания социализма возводятся к крыше, и не особенно далеко то время, когда принципиальная победа социализма станет (если уже не стала) совершившимся фактом и когда капиталистический мир рухнет, уступив место социалистическому. Но (...) создаст ли внешняя победа социализма действительную человеческую солидарность? (...) Только церковь может ставить себе и способна разрешить задачу, за которую берется социализм, задачу объединения и организации человечества (...). Если бы создалась, наконец, христианская, церковная общественность, то и социализм бы потерял свой мертвенный, классовый характер». Идя «в общих рядах социализма» и нисколько не сомневаясь в его победе, Булгаков призывал, однако, следовать «реальной политике», считаться с «пределами эластичности социальной ткани». Субъектом такой политики он по-прежнему хотел видеть «христианскую партию».

Горячего сторонника «Вопросы Религии» встретили в лице С. Аскольдова. В своей рецензии на сборник он формулировал: «Восстановление истинного христианства, очищенного от всей лжи, связанной с именем Христа, уже давно стало задачей всех тех, кто соединяет в себе искреннюю религиозность со способностью освобождения от внешнего авторитета церкви. Эта задача стала особенно настоятельной в нашем отечестве, где религия любви и свободы превращена официальным православием в религию самодержавия и обряда, религиозное активное воздействие на мир — в монашеское отречение от мира. В ряде многочисленных статей и книг последнего времени, служащих выполнению этой задачи, “Вопросы Религии” занимают несомненно первое место по принципиальности поставленных вопросов, по глубине и тонкости их разрешения»¹. На первый выпуск «Вопросов Религии» и, в частности, статьи Эрна, Свенцицкого и Булгакова вскоре откликнулся и Философов. Его по-прежнему более всего волновала *церковность* религиозных поисков ХББ и Булгакова, каковые, по мнению Философова, с какой бы то ни было церковностью были несовместимы. Критик писал: «Если бы наша церковь, послушав Булгакова, Эрна, Свенцицкого и др., произвела бы все требуемые ими реформы, из которых первая — разрыв ее связи с абсолютизмом, то она перестала бы быть православной (...) Поэтому *реформа* православия невозможна (...) Пора же, наконец, признать, что историческое христианство *своей* общественности не имеет, и если оно выходит из монастыря в мир, то оно фатально благословляет цезаря, все равно, в форме ли цезаризма или папства»². Осенью 1906-го свой отклик опубликовал и соавтор Свенцицкого и Эрна по сборнику

¹ С. Аскольдов: Вопросы религии. Выпуск 1-й // Книга. СПб. № 11. 18 января 1907 года. С. 15–16.

² Д. В. Философов. Слова и Жизнь. С. 196, 210.

«Свободная совесть» С. М. Соловьев. С позиций, не столь далеких от убеждений Булгакова, он выразил мнение, психологическую правду которого разделили бы многие (статьи Булгакова он, кстати, проигнорировал). «Ни о каких настоящих вопросах и речи нет в сборнике. Все метафизические и исторические проблемы, вставшие перед современным сознанием, уже заранее решены авторами сборника... В этой куче, куда гг. Флоренский и Эрн свалили без разбора Софокла, Машкина,¹ Бебеля и прочих, все смешалось в одном пошлом безразличии (...) Теплоохладная пошлость г. Эрна и компании липкими комьями насаждает на драгоценный ковчег церковной истины»².

¹ О нём см. актуальное исследование: *Н. Н. Павлюченков*. Архимандрит Серапион (Машкин) и его «Система философии». М., 2016.

² *С. Соловьев*. Вопросы Религии. Вып. I // Перевал. М., 1906. № 2. С. 71. Справедливость или несправедливость выводов С. М. Соловьева о неспособности ХББ трактовать «настоящие вопросы» современности неподвзятый читатель легко мог оценить по материалам другой сферы издательской деятельности Эрна и Свенцицкого — газетной. Киевская газета «Народ» не была единственным осуществленным проектом «религиозно-общественного» направления, центр которого составили Булгаков, Свенцицкий и Эрн. Краткий очерк истории газет ХББ см.: *Е. В. Иванова*. Флоренский и Христианское Братство Борьбы. С. 165–166. Новейшие сведения см. также: *А. А. Носов*. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.) // Вопросы философии. М., 1996. № 3. С. 35–43. Начиная с проекта «Народной газеты» безусловное лидерство в этом деле принадлежало ХББ. Исследователи совершенно справедливо заметили, что считать ХББ издателем этих органов печати не следует, ибо ХББ не было формальной организацией, имеющей фиксированное членство и официальный орган (*А. А. Носов*. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.) (раздел «Московский еженедельник “Стойте в свободе”»)). Но если следовать отечественной традиции исследования «кадетских», «большевистских» и прочих газет, чья партийность (в характерных для старой России условиях нелегальности или «неофициальности» любой политической партии) определялась партийной принадлежностью их главных действующих лиц, то иного родового признака для предприятий Свенцицкого и Эрна найти не удастся. Вполне может быть, что ХББ — лишь фальсификация, создававшаяся усилиями Свенцицкого и Эрна, но именно Свенцицкий и Эрн желали, чтобы их деятельность вписывалась в некий план ХББ, и именно Свенцицкий и Эрн стояли за описываемыми ниже проектами. И значит, ничто не избавит эти проекты от клейма ХББ. Уже в апреле 1906 года, по живым следам неудачи «Народа», будучи в родном Тифлисе («Народ» высылался ему редакцией в Тифлис: РГА-ЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 1 об.), Эрн принял участие в новой попытке создать газету испытанного образца. 27 апреля 1906 года, в день открытия Государственной Думы, из печати вышел первый номер еженедельной газеты «Встань, спящий». Ее редактором-издателем стал священник Иона

Брихничев (1879–1968) (О нем и его деятельности см.: Письма Н. А. Клюева к Блоку / Вступительная статья К. М. Азадовского // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М., 1987. С. 445–450; Д. М. Магомедова, Е. Б. Белодубровский. Брихничев // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 328–329). Религиозно-общественное направление еженедельника считывалось с первых его страниц. Номер открывало стихотворение В-ва:

Встань, спящий — силы роковые
 Всесильным знанием сокрушить,
 И рабства цепи вековые
 Напором жизненным разбить. (...)
 Встань, спящий! радостно и смело
 За свет и лучшую судьбу!..
 За дело, Божеское дело
 Не бойся выйти на борьбу!..

Далее из сыгинского «Русского Слова» перепечатывалась статья свящ. Григория Петрова «Просит внушить». В «Беседах с читателями» первых двух выпусков рассказывалось о «Рабочем празднике 1 мая», конституции, [властном] авторитете («всякий авторитет приносит вред»), демократии и бюрократии, в сравнении приводились данные о доходах царской и рабочей семей. Во втором номере еженедельника, 7 мая 1906 года, появилась статья С. Б. «Совесть застрелила (На смерть казачьего офицера Мазюкина)» (нет никаких оснований считать автором этой статьи Булгакова: ни стилистически, ни содержательно). Большинство статей не имело указаний на авторство, что соответствовало гораздо более крайней, чем у «Народа», политической ориентации (о судьбе тифлисской газеты см.: А. А. Носов. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.)). В опубликованной в газете статье «Гражданские свободы и христианство» Эрн писал: «Если какие-нибудь люди — начальство, правительство — пользуясь своей силой — захотят насиловать эту [освящаемую Евангелием] свободу и требовать исполнения каких-нибудь безбожных приказаний, христиане должны перенести все, пойти на муку крестную — но только не исполнять того, что противно их совести и заветам Христа» (В. Эрн. Гражданские свободы и христианство // Встань, спящий! Тифлис. № 2. 7 мая 1906 года. Стлб. 8). Автор, скрывшийся под псевдонимом А. —ий, шел дальше простого уподобления гражданских свобод евангельским заповедям и призывов к гражданскому неповиновению: «Христианин требует большего, чем социалист или анархист, и в этом смысле он подлинный революционер. Он разрушитель всякого уклада жизни, как только этот уклад провозглашает себя священным и неприкосновенным, потому что христианин ищет Царствия Божия и Правды Его. Что же тогда должны думать мы о таких людях, которые продали себя за деньги и блага мира князю века сего, о царях, сановниках, министрах, полиции, которые всеми силами стараются остановить рост Царства Божия в людях, которые покупают в свою очередь души “малых сих” — шпионов, городских, жандармов, солдат для того же антихристового дела? Дети дьявола, они всеми силами хватаются за колесницу

Вышедшая в «Религиозно-общественной библиотеке» Д. П. Ефимова летом 1906-го совместная брошюра Эрна и Свенцицкого «Взыскующим Града», думается, адекватно отражала идеологию всего этого предприятия. Само имя брошюры актуализировало излюбленный старообрядцами текст послания ап. Павла к евреям: «Не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (13, 14)¹. Этот текст, равно как и его старообрядческие коннотации, был потому актуализирован Свенцицким и Эрном, что открывал широкие возможности для откровенного анархизма — и этим предельно сближал их с (прежним их недоброжелателем) Мережковским, толковавшим Грядущий Град как «безгосударственную религиозную общственность»². Тираж первого выпуска «Взыскующим Града» был просто

Правды, чтобы остановить ее торжествующий ход» (А. -ий. Консерватизм и христианство // Встань, спящий! Тифлис. № 2. 7 мая 1906 года. Стлб. 19). Разоблачение «антихристовой» природы самодержавия, конечно, не было заслугой одной лишь тифлисской газеты. Об этом весной 1906 года писал в своем «Пророке русской революции» Мережковский, и в газете «Народ» — Свенцицкий («признание самодержавия есть уже отречение от Христа»: В. Свенцицкий. Ответ Ветрову // Народ. Киев. 8 апреля 1906 года. № 5. С. 2). С этим, как было уже сказано, не спорил и сам Булгаков. Все четыре номера газеты, увидевшие свет до 5 июня, оказались настолько радикальны, что, конфликтуя с властями, трижды меняли название: «Встань, спящий» — «Наша мысль» — «Стань, спящий» — «Ходите в свете». Брихничев был арестован, судим и по статье 129 получил год заключения в крепости. За Брихничева последний выпуск газеты подписал А. В. Ельчанинов. Вскоре тифлисская «Ходите в свете» нашла своего преемника в лице московской газеты под тем же названием. Ведший все издательское дело ХББ, заведующий редакцией «Религиозно-общественной библиотеки» Д. Д. Галанин писал Волжскому 20 июня 1906 года: «Затеваем в Москве еженедельную газету для народа, не знаю, писал ли Вам об этом Вален<тин> Пав<лович> [Свенцицкий]. Как начнет выходить, так вышлем, конечно, Вам» (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1). 28 июня 1906 года. Ельчанинов из Москвы делился переживаниями с Волжским: «Вы слышали историю с нашим “Встань, спящий”. Нас разогнали из Тифлиса, чему мы, пожалуй, были и рады, т. к. представляется возможность поставить ту же газету здесь. Вал. П. [Свенцицкий] с восторгом отнесся к этой идее, Флор<енский> тоже; словом, газета идет и 8-го будет первый номер» (Там же. Ед. хр. 220. Л. 1). Тираж планировался в 30 тысяч. Под общей шапкой московского издательства «Стойте в свободе» готовился преемник газете «Встань, спящий».

¹ Ср. близкое ХББ классическое «революционно-демократическое» толкование этого текста: «Просветительная дорога... — дорога трудная, тернистая, о которой древле сказано: блюдите да опасно ходите. Чтобы вступить на эту стезю, надо взять в руки посох, препоясать чресла и, подобно раскольникам-“бегунам”, идти вперед, вышнего града взыскуя» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М., 1988. С. 319).

² Д. С. Мережковский. Полное собрание сочинений. Т. X. С. 39. См. также: С. П. Мельгунов. Старообрядчество и освободительное движение. М., 1906;

огромным: 20000 экземпляров¹. Такими количествами распространялись в то время сочинения Максима Горького и Льва Толстого.

В начале июня 1906 года, прочитав эту брошюру, Булгаков впервые ясно сформулировал свое расхождение с ХББ: «Получил сегодня “Взыскующих”, перечел и сегодня просто отравлен ими. С тоской думаю, что это — ошибка молодости или “прелесть” и во что обещает это развиваться. И все у меня встает образ огромного креста в их квартире², на который мне всегда было почему-то неловко глядеть. (...) что такое “религиозная общественность”, это еще оч^{чень} большая проблема, м. б. именно не современная, ибо *сверх*-временная»³. Показательно, что еще предварительное, почти чисто психологическое отмежевание Булгакова от столь недавно восхищавших его молодых сотрудников немедленно отразилось на осмыслении опыта «общественности», вынудив сконцентрироваться на проблемах ее извечной инертности и политической примитивности. Стало очевидным, что главным вкладом Булгакова в «Народ» было особое внимание к интеллектуальной стороне дела, ориентация на образованного читателя, некоторая относительная «умеренность», если понимать под нею готовность воздерживаться от очевидных чрезмерностей и политического авантюризма.

За вычетом этого булгаковского вклада, газетные инициативы «взыскующих» все более уподоблялись одна другой, где отсутствие собственного читателя Эрн и Свенцицкий компенсировали «боевитостью». Когда 9 июля 1906 года в Москве увидел свет первый выпуск «Стойте в свободе» с подзаголовком «Ходите в свете», обнаружилось, что Эрн и Свенцицкий придали еженедельнику исключительно политический характер. Официальным редактором-издателем был объявлен Ельчанинов, новыми сотрудниками — прот. Туберозов, П. А. Ивашева и др. Редакционная статья объявляла о преемственности московского издания с тифлисскими: вокруг «искренне проводимой евангельской точки зрения на события и неминуемо вытекающего отсюда крайнего революционного направления в вопросах политических и общественных». Признавая, что «тифлисская газета

С. П. Мельгунов. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.: Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектантство. М., 1919.

¹ Прот. В. П. Свенцицкий. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем. Обращения к народу. 1905–1908 / Сост. С. В. Чертков. М., [2010]. С. 613. Кратко о размерах читательской аудитории такого рода литературы см.: М. А. Колеров. Как измерить численность политического класса Российской империи в 1905 г.? К вопросу об источниках исследования // Ключевские чтения — 2022. Россия выбирает путь. Сборник научных трудов / Отв. ред. В. Е. Воронин. М., 2022.

² Свенцицкий «жил почти в пустой каморке, спал на твердом, не слишком опрятном ложе, над которым возвышался деревянный крест» (Марк Вишняк. Дань прошлому. С. 31).

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Лл. 26 об–29 об.

“Встань, спящий” находилась в непосредственной зависимости от Москвы и была одним из начинаний большого религиозного дела», редакция видела свою задачу в том, чтобы «принять самое деятельное, самое горячее участие в русской революции». «Горячее участие» легко просматривалось в историко-политической притче Омеги (Флоренского) «Как император был отлучен от причастия»¹ и молитве В. Свенцицкого за упокой неудачливого мятежника лейтенанта П. П. Шмидта, расстрелянного 6 марта 1906 года, и террориста Каляева («Со святыми упокой»).

В «Народе» (7 апреля) уже публиковалась молитва за лейтенанта Шмидта, но автор ее В. В. Успенский, полагая достаточно красноречивым само упоминание имени Шмидта, оставался в общеритуальных пределах. Свенцицкий же, перечисляя имена известных революционеров, казненных или осужденных на каторгу именно за насилие, употребленное ими в революционной борьбе, писал: «Бог сказал “не убий” — и мы веруем, что всякое убийство грех. Но грешат и святые, и за великие подвиги им прощаются грехи их. Простятся ли также грехи этим убийцам? Мы глубоко убеждены, что да, простятся. И Каляев, и Балашев, и Спиридонова, и десятки других, им подобных, убивая должностных лиц, — сами идут на верную смерть. (...) Пусть убийцы заблуждаются, пусть нельзя убийством достигнуть счастья, но ведь тот, кто бросает бомбу, убежден, что, убивая злодея-губернатора, он спасает. (...) Это мученики — и грех им простится, за ту великую, святую любовь, которая толкала их на преступление. Так ужели Ты, Господи, оттолкнешь от Себя тех, кто приносил Тебе в жертву жизнь свою, за смерть прося счастье своему народу? Ужели Ты оттолкнешь и не простишь их грехов? Разве не раба Твоя эта чистая русская девушка с глазами светлыми и добрыми, как у ребенка, которую терзали и мучили, как святую первых веков, звери, называющие себя правительством»² (ср. выступления «Народа»: «они не пожалели невинных девушек, мучимых в темницах, еврейских детей, женщин и мужчин, избиваемых и убиваемых в погромах» (Булгаков) и стихотворение «In расе: Посвящается похороненной...» (Флоренский)). Стилистические созвучия молитвы Свенцицкого с публикациями его коллег в «Народе», разумеется, имели для него и особую идейную глубину. В «Народе» же Свенцицкий вспоминал: «Покойный С. Н. Трубецкой как-то сказал мне: «Вы умеете воспринимать боль и ужас тех, которых убивают, — но вы слишком мало чувствуете ужас тех, которые убивают». Тогда я согласился с ним, но последний год научил меня видеть другое»³.

¹ Е. В. Иванова. Флоренский и Христианское братство борьбы. С. 166.

² Цит. по: А. А. Носов. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.) // Вопросы философии. 1996. № 3.

³ Вал. Свенцицкий. Из дневника // Народ. № 4. 7 апреля 1906 года. С. 2 (ср. там же «Из записной книжки» Булгакова).

Первый выпуск «Стойте в свободе» вызвал незамедлительные карательные меры властей (в частности, за публикацию молитв Свенцицкого), но тридцатитысячный его тираж уже был распродан. Вдохновленные таким результатом, издатели 17 июля 1906 года напечатали следующий, второй выпуск еженедельника. Единственными уступками власти, на которые пошли Эрн и Свенцицкий, были перемена редактора-издателя (им стала П. А. Ивашева) — и смена названия (подзаголовка) на «Духа не угашайте». При этом новое название, разумеется, было столь же идеологичным, сколь и прежнее. Более того: «Духа не угашайте» (1Фес. 5:19), согласно позднему толкованию Булгакова, ставило анархо-социалистическое ХББ в полемическую позицию по отношению к социализму традиционному, то есть классовому (в терминологии Бердяева — «буржуазному»)¹. В отличие от него, удовлетворяющего разносторонние духовные запросы трудящихся лишь материальным их освобождением, ХББ вслед за Булгаковым ясно ставило духовное освобождение сверхзадачей экономического коммунизма. Формулируя впоследствии принципы *христианского социализма*, Булгаков положил «Духа не угашайте» в основу его отношения к социализму².

Большинство статей переименованного еженедельника вновь не имело объявленных авторов: часть их принадлежала Свенцицкому, часть, предположительно, Флоренскому. Булгаков никакого авторского участия в новом органе не принял и лишь собирал из разных источников деньги для его издания. Его жена Е. И. Булгакова составила в обоих выпусках библиографию «Что мне читать»: «по рабочему вопросу» за подписью Б. и «по крестьянскому вопросу» — без подписи. Тем не менее сам Булгаков считал необходимым подчеркнуть в письме от 25 июля: «С В<алентином> П<авловичем> [Свенцицким] мы сходимся в стихии “Стойте в свободе”»³. Второй выпуск еженедельника также вызвал немедленную карательную реакцию властей. «Духа не угашайте» подлежал аресту. Но и на этот раз

¹ В 1905 году, когда Л. И. Аксельрод подвергла авторов «Проблем идеализма» резкой критике как «буржуазных», писатель-символист социалистических убеждений с гневом оппонировал ей: «Мы объявляем, что отношение группы писателей-идеалистов к каким-то беспринципным буржуа есть намеренно циничная, недобросовестная инсинуация — ложь, понадобившаяся автору для каких-то своих целей» (*Андрей Белый*. Собрание сочинений. Т. 16. Несобранное. Кн. 1 / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. М., 2020. С. 111). См. также: М. А. Колеров. Андрей Белый и марксизм (1902–1905). К постановке проблемы // Литературное обозрение. М., 1995. № 8.

² С. Н. Булгаков. Христианский социализм / Московская просветительная комиссия. М., 1917. С. 44. См., кстати, роман о замоскворецком священническом быте «Духа не угашайте»: Собрание сочинений Д. И. Стахеева. Т. 1. СПб.; М., 1902.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 34 об.

номер успел полностью разойтись. 23 июля 1906 года Д. Д. Галанин жаловался Волжскому: «Газета наша задержалась. На № 3 у нас сначала недоставало разрешения, а теперь грозит типографская забастовка. № 2 разошелся с большим эффектом, есть еще требования, на которые не хватает экземпляров. Печатали 30 т. Очень досадна эта задержка, т. к. она много повредит увеличению тиража тысяч этак до 60–70. Надежд много. Сейчас в Москве Сер<гей> Ник<олаевич> [Булгаков] нашел квартиру себе, но что мало нашел — денег для еженедельника». 2 августа 1906 года Московский комитет по делам печати возбудил дело против «Стойте в свободе»¹. 20 августа Галанин, констатируя усилившееся внимание полиции к газете, сообщал, что «на № 3 требования более чем на 50 т.»². Но больше успешных газетных опытов ХББ не знало.

Впрочем, и того было достаточно, чтобы, не разрывая материальных и идейных связей с ХББ, Булгаков начал резко осуждать «сектантский догматизм москвичей»³.

Сердцевиной будущих перемен и разногласий Булгакова с ХББ являлось его продемонстрированное в статьях в «Вопросах Религии» антимаксималистское истолкование соловьевской теократии, в котором отношения церкви и государства представляли по образу храма и его внешнего двора⁴. Получалось, что даже такой частичный прообраз единого органа для ХББ и Булгакова, как «Вопросы Религии», встречался с фундаментальными противоречиями. С точки зрения создания *журнала* «христианских социалистов» и смотрели на «Вопросы Религии» их участники. Ознакомившись со сборником, Булгаков заключал: «В корявой форме он содержит здоровое и даже значительное зерно. Это если не событие, то все-таки — факт и значение. Но вижу, что сектантский догматизм москвичей так значителен, разногласия — при действительном единстве настроения — так велики и неустранимы (сравните хоть последнюю мою статью и Эрна), что с этим надо считаться. И я впервые вижу и чувствую, что мы, пожалуй, общего журнала вести и не можем, иначе расплоземся хуже». Сколь бы гипотетический характер ни носили разговоры вокруг московского «общего журнала», нужда в нем до крайности обострилась с началом издания в Петербурге еженедельника «Век» 12 ноября 1906 года.

Аггеев сообщал своему confidentу Кудрявцеву 14 декабря 1906 года из Петербурга: «Пишу тебе, дорогой Пётр Павлович, экстренное письмо. Я окончательно вошёл в состав редакционного комитета “Века”. (...) Подписка при нашем ожидании 500 человек уже приближается к 2000 лиц.

¹ МГА. Ф. 31. Оп. 2. Д. 845. Л. 10.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 220. Лл. 2–3.

³ Там же. Ед. хр. 198. Л. 38.

⁴ Вопросы Религии. Вып. I. М., 1906. С. 43, 50, 323, 334, 54, 87.

Аудитория благодарная — священники, персонал учебных заведений. И представь: одобрительными письмами закидывают нас. “Только боимся, как бы не закрыли...”»¹

Именно творческая ревность более левых и в основном светских деятелей «христианского социализма» заставляла их с нескрываемой настороженностью относиться к более умеренному изданию церковных реформаторов. Хотя, конечно, у создателей «Века» и в мыслях не было составить какую бы то ни было конкуренцию ВР или отказаться от сотрудничества с Карташёвым или Аггеевым, Булгаковым или Эрном.

Успокоительные новости появились практически одновременно с доставкой петербургского еженедельника в Москву, около 16 ноября 1906 года, когда Булгаков сообщил Волжскому: «Ефимов (...) выразил Эрну готовность в виде пробы издать номеров пять журнала “Христианство и социализм” (с 1-го декабря) с тем, чтобы, если клонет, поставить дело широко (...) Объявление, по моему предложению (чтобы избежать худшего), таково: издается при пост<оянном> участии нас, сотр<удников> “В. Р.”, Аггева, Карт<ашева>, Усп<енского>, Зеньк<овского>, Ельч<анинова> (...) В редакционной статье будет указано, что у нас нет ред<акционной> т<очки> зр<ения>, как это и было предположено (...) Дальнейшее привлечение “еретиков” не возбуждает, да, при такой постановке дела, и не должно возбудить спора... Сейчас ответств. редактором — В. П. [Свенцицкий], издателем — Ефимов. (...) Вчера мы обсуждали проэкт содержания 5 номеров (...) Если в результате выяснится и окончательная для нас невозможность работать вместе литературно, но я надеюсь, что это только и ограничится литературой»². Таким образом, своей волей Булгаков вводил

¹ Нашедшие Град. С. 294. И уже 25 декабря 1906 года. ему же: «А подписчики плывут: кажется, за 2500 перевалило!» (С. 295). Для сравнения: тиражи классических толстых, ежемесячных журналов того времени задавали яркие рамки для определения аудитории любого издания такого рода: классическая «Русская Мысль» Струве в 1909 году имела 2500 подписчиков, крупнейший русский ежемесячник того времени, народнический «Русское Богатство» достигал 18 000. Книги известного религиозно-философского издательства «Путь» М. К. Морозовой и Е. Н. Трубецкого, не имевшего перед собой задачи коммерческого успеха, имели тираж в среднем по 2–3000 экземпляров. Однако эти данные дают измерение только ядра аудитории, которая, по моей оценке, должна быть увеличена вплоть до 10 раз с учётом чтения этих изданий в публичных и общественных библиотеках и иных подобных местах (клубах, чайных, др.): М. А. Колеров. Как измерить численность политического класса Российской империи в 1905 г.? К вопросу об источниках исследования // Ключевские чтения — 2022. Россия выбирает путь. Сборник научных трудов / Отв. ред. В. Е. Воронин. М., 2022.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Лл. 44 об–46 об.

в «орган» широкую коалицию разнообразных «еретиков» официального православия, сотрудников ВЖ, «Народа» и «Века», неудавшихся основателей «Вестника Жизни» и «Народной газеты», что должно было гарантировать журнал от «сектантства» Эрн и Свенцицкого. Последний, только что оправданный по делу о публикации в журнале ПЗ «Открытого обращения верующего к православной церкви», готовился принести свою спасенную политическую благонадежность в неминуемую жертву на посту ответственного редактора. Тем не менее радикальные коллеги Булгакова вряд ли готовы были согласиться на вторые роли в организуемом деле. Ничем не подтверждая своей готовности к политическим компромиссам, Эрн сообщил Е. Я. Архипову 22 ноября 1906 года: «Скоро осуществится одна из заветных мыслей наших. С начала декабря получаем возможность издавать еженедельный журнал, посвященный вопросам христианской общественности, под названием (если разрешат такое название) “Социализм и Христианство”. Журнал будет носить серьезный, не агитационный характер. Будем вести журнал Свенцицкий, Булгаков и я, а непостоянными сотрудниками будут почти все сотрудники “Вопросов Жизни”»¹. 30 ноября 1906 года поступило новое сообщение: «Ефимов увлекся и сказал, что он будет издавать год». Неудивительно, что прогрессирующий энтузиазм издателя сопровождался его финансовыми затруднениями². 14 декабря стало ясно, что проект лопнул, вызвав прилив облегчения у Булгакова: «К агитации церковной сейчас я не чувствую влечения, а, в меру нужды, могу удовлетворить в светских газетах, а что до внутреннего, то хочется именно подумать, заглянуть в себя и не дрожать в журнальной горячке»³. Вряд ли совпадением стал арест Свенцицкого, о котором 14 декабря 1906 года сообщила пресса: «В Москве арестован глава христианско-социалистического движения в России г. Свенцицкий. При обыске полицией отобрана обширная переписка Свенцицкого с графом Л. Н. Толстым и Г. Гапоном. Ближайшим поводом к аресту считают его реферат, прочитанный 4 декабря в философском обществе в память Владимира Соловьева [“Террор и бессмертие”]»⁴.

После неудачи «Социализма и Христианства» круг Булгакова переключился на составление второго выпуска «Вопросов Религии». На его истории также отразились растущие противоречия. В документах запечатлелось несколько приступов к сборнику, пытавшемуся свести разнонаправленные тенденции под единую крышу. Но «взыскующим москвичам» оказывалось все труднее собрать коллектив авторов и еще труднее — их оригинальные сочинения. Первым вкладом в книгу, наверное, стал

¹ Там же. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 84. Лл. 8–9 об. Сообщено А. А. Носовым.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 48.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Хроника литературной жизни // Книга. СПб. № 7. 14 декабря 1906 года. С. 22.

доклад Свенцицкого в РФО памяти Вл. Соловьева 4 декабря 1906 года «Террор и бессмертие», запланированный к публикации еще во втором выпуске «Взыскующим Града». Набранный и отпечатанный отдельно (о чем свидетельствуют сигнатуры в тексте статьи в «Вопросах Религии»), доклад, видимо, разделит бы печальную судьбу своих пропагандистских собратьев, — но, включенный в толстый и дорогой сборник, получил шанс увидеть свет. Задуманную еще в июне 1906 года статью «Церковь и общественность»¹ обещал дать Булгаков. Исполнить обещание мешала занятость думскими делами, хотя в анонс имя Булгакова попало². Флоренский предлагал «первую половину» «Столпа и утверждения истины» (I–VIII). Но издатель Д. П. Ефимов находился на грани финансового истощения, и «взыскующие» дуумвиры обратились за помощью к М. В. Пирожкову, из числа всех «религиозных общественников» взявшему в свое попечение лишь Мережковских и Бердяева, для которых он по-прежнему собирался организовать журнал «Меч». Видимо, в качестве жеста доброй воли по отношению к Мережковским и Пирожкову во второй выпуск ВР была включена статья Бердяева «Распря Церкви и государства в России», по основной своей идее созвучная строю идей Мережковского. Бердяев, в частности, писал, что «все опыты христианской общественности в истории были до сих пор компромиссом с князем этого мира» и «только новое религиозное сознание и новое религиозное действие может вывести из состояния немощности и беспомощности [православную церковь]». При этом Бердяев давал понять, что под *новым* разумеет не путь «обновленчества», классической Реформации, но лишь путь религиозной мистики, проповедуемой и Мережковским³. Но Пирожков отказал⁴.

* * *

История еженедельника «Век» поначалу непосредственно касалась лишь истории обновленческого движения в Русской православной церкви, активисты которого в 1905 году составили «группу 32-х священников», а в 1906-м — санкт-петербургское «Братство Ревнителрей Церковного Обновления». Они-то и поставили в еженедельник главные литературные и организационные силы. Первый замысел его восходил к «Вестнику Жизни» Карташёва и Аггеева. Привлеченные к этому проекту, «обновленцы», однако, так и не смогли придать ему новой динамики.

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 28.

² Век. № 22. СПб. 10 июня 1907.

³ Н. А. Бердяев. Распря Церкви и государства в России // Вопросы Религии. Вып. II. М., 1908. С. 109, 119, 121.

⁴ С. Н. Булгаков. Письмо к А. С. Глинке от 17 января 1907 // РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 64.

Вообще после закрытия «Вопросов Жизни» в Петербурге так и не появилось церковно-общественного органа («Полярная Звезда» к ним не относилась), а петербургские жители Карташёв и Аггеев имели все основания чувствовать себя изолированными от изданий, выходивших в Киеве, Москве и даже Тифлисе. 25 июля 1906 года Булгаков так отзывался о судьбе петербургского проекта: «О журнале ничего нового нет. Попы — дрянь и ерунда, ничего не сделали и едва ли сделают»¹. Можно предположить, что раздражение Булгакова против обновленцев подпитывалось не только их собственными недостатками, но и тем, что столь радужные в 1905 году перспективы церковной реформы в 1906-м подвергались властью все большим сомнениям, и даже обещанные ею меры откладывались.

Еженедельник «религиозно-общественной жизни и политики» «Век» появился лишь осенью и выходил в Петербурге с 12 ноября 1906 года по 8 июля 1907 года. Дело строилось широко, и к еженедельнику в качестве постоянного приложения добавлялось «Церковное Обновление» и раз в две недели — выпуски Библиотеки «Век». Редактором-издателем стал почтивший своим именем авторский коллектив газеты «Народ» В. А. Никольский. За ним возвышались фигуры тех, «при ближайшем редакционном участии» которых велся еженедельник, — Карташёва и известного обновленческого деятеля арх. Михаила (Семенова). Кроме того, список авторов включал в себя всех активных деятелей религиозно-общественной печати лета и осени 1905 года: Булгакова, Волжского, Аггеева, Аскольдова, Эрна, Свенцицкого, их друзей Флоренского и Ельчанинова. Со стороны вольного философствования с «Веком» готовы были сотрудничать Бердяев, Философов и даже Розанов. Все названные имена рано или поздно появились на страницах еженедельника и хотя и условно, но поддержали его претензии на охват широкого спектра религиозной мысли. Попытки привлечь к этому известных ученых эсеровской ориентации Е. В. Аничкова и А. Е. Преснякова (принявшего участие и в «Народе») и даже католического краковского исследователя М. Э. Здзеховского ограничились лишь формальным их упоминанием.

В первом же номере еженедельника редактор трактовал задачи «христианской политики». Это выступление, несомненно, претендовало на то, чтобы убедить инициаторов «христианской политики» в существовании встречного, столь необходимого им движения церковных кругов к светской религиозной интеллигенции. В. А. Никольский писал: «Русская религиозно-общественная жизнь (...) выдвинула на первое место задачу примирения христианских воззрений с современною культурой, задачу церковного обновления и христианского возрождения, из которой естественно вытекают все сложные вопросы христианской политики».

¹ Там же. Л. 34 об.

При этом «христианская политика» в сложившейся «христианско-социалистической» традиции мыслилась в попутном достижении и чисто буржуазных свобод, и социалистической, даже — коммунистической организации хозяйства и общественной жизни: «полного гражданского равноправия, свободы личности, (...) выборного самоуправления общин, замены личного пользования собственностью общинным пользованием и широкое развитие трудовых союзов». Задачами собственно «Века» объявлялось «освобождение Русской Церкви от подчинения государству, осуществление соборного начала в церковной деятельности нашей и... устроение Русской Церкви на началах вселенского христианства»¹.

Организаторы нового еженедельника не могли пожаловаться на недостаток общественного внимания — и внимания именно к явленному ими резко церковному пониманию «общественной религии». На этой волне возникли новые журналистские репутации и имена, не менее громкие, чем те, что наполняли собственные издания ХББ. Конечно, реальным опытом общественных деятелей и трибунов обладали вовсе не «обновленцы», а прежде всего Карташёв и Аггеев, близко изучившие потребности публики и потому превратившиеся в ведущих авторов «Века». Именно Карташёву и Аггееву пришлось в это время на митинге в Петербургском политехническом институте при тысячной студенческой аудитории состязаться с социал-демократическим «богоискателем» А. В. Луначарским на тему «социализм и религия»². Можно не сомневаться, что главная линия этого противоборства пролегла не близ самой проблемы социализма, а в поле совместимости правоверного социализма с обновляемым православием. В день выхода в свет первого номера В. Я. Колачев (видимо, секретарь редакции, от ее имени приглашавший к сотрудничеству Волжского) обещал Волжскому: «Постараемся быть смелыми и откровенными, хотя и сознаем, что времена тяжелые и слышно уж, что на нас “оскалены зубы”»³.

Но все эти усилия не убеждали Булгакова. 16 ноября 1906 года он сообщал из Москвы о петербургской новости: «Получил сегодня “Век”, — то, что и ожидалось, но я допускаю, что он может иметь значение для причисывания чумазых»⁴. «Чумазыми» он называл священников, так и оставшихся индифферентными к его пропагандистским усилиям в церковной среде. Даже столь радикальный деятель, как арх. Михаил, принявший участие не только в «Веке», но и во многих общественных

¹ В. Никольский. Христианская политика // Век. № 1. СПб., 12 ноября 1906 года. С. 2.

² А. Карташёв. О религиозной стихии в русском большевизме // Борьба за Россию. № 132/133. 15 июня 1929 года.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1.

⁴ Там же. Ед. хр. 198. Л. 45 об.

и издательских предприятиях христианских социалистов, в отношении с Булгаковым проявлял особенную глухоту к «общественности», тому, что составляло весь смысл тогдашнего обращения профессора политической экономии к христианству. По свидетельству Эрн, арх. Михаил доказывал Булгакову, что «христианство чуждо всякой политической и даже социальной программе»¹.

Чтобы понять существо именно журналистских, а не политических претензий Булгакова к священникам, следует вспомнить, что тот во многом уже изжил прежние пропагандистские надежды и иначе смотрел на задачи печатного органа. Так, видимо, под впечатлением изданных М. В. Пирожковым «Записок Петербургских Религиозно-Философских собраний (1902–1903)», в начале сентября 1906 года он признавался: «Сейчас для меня бесспорен тип “Трудов Соловьевского общества” с стенографическими отчетами»². Речь шла о стенографических отчетах московского РФО памяти В. С. Соловьева. Подобную неудовлетворенность новым органом наверняка испытывали и другие «ветераны» религиозно-философской печати, что не могло не создать почвы для конфликтов. Уже через две недели, к 30 ноября, Булгакову стало известно, что «в “Веке” уже перегрызли и расплевались»³. Имелся в виду, должно быть, спор Карташёва с редактором-издателем, в результате которого с № 5 (10 декабря 1906 года) из еженедельника исчезло упоминание о его «ближайшем редакционном участии», а в следующем номере появилось письмо в редакцию Карташёва о его самоотстранении от редактирования «Века» ввиду «осложнения личных занятий»⁴. Примечательно, что это не только прекратило его сотрудничества с еженедельником, но лишь стимулировало публицистическую активность Карташёва на его страницах.

О весьма распространившейся в религиозно-общественных кругах неудовлетворенности обновленческим «Веком» (в которой не могла укрыться и нота высокомерия интеллигенции по отношению к «интеллигентным» занятиям духовенства — и ревности к их общественному успеху) говорит еще один отклик Булгакова. Признаваясь Волжскому, что сам направил в редакцию еженедельника «никчемную и пустую статейку», он писал: «Нет, этот орган может пойти, он погибнет от недостатка сотрудников, а не подписчиков!»⁵ Названная «статька», конечно, не открывала новых горизонтов, но подтверждала неизменность общего курса на соединение

¹ В. Эрн. Старообрядческий епископ Михаил. Некролог // Христианская Мысль. Киев, 1916. № 11. С. 137.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 50 об.

⁴ Век. № 6. СПб. 17 декабря 1906 года. С. 76.

⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 57 об.

церкви и радикальной интеллигенции. «Истончающаяся стена между “духовным” и “светским”, — писал в этой статье Булгаков, — должна быть сломана»¹. В свою очередь, в январе 1907-го Мережковский писал: «Русская революция совершается помимо или против русского религиозного сознания; и это сознание развивается помимо или против русской революции... Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой»². Никто уже не сомневался в правомерности таких соединений. Как всегда, проблема была в том, какой именно способ приобщения церкви (Бога) к общественности (революции) окажется продуктивным. Наследие Вл. Соловьева указывало на такой способ — «христианскую политику»...

Но в деятельности «христианских социалистов» — и особенно в (во многом эпигонской) публицистике «обновленцев» — все более обнаруживался кризис идеи «христианской политики». Одним из первых об этом писал внимательнейший их оппонент Философов, посвятивший дебютному номеру «Века» довольно резкий критический отклик. Становясь на позиции «истинной революционности», Философов уязвлял организовавших издание «обновленцев» за оппортунизм: «Сущность программы [еженедельника] можно определить следующим образом: “Так как в России началось «освободительное движение», так как положение старой церкви начало благодаря этому *вне-церковному* движению колебаться, то мы — члены братства [церковного обновления] и спешим отказаться от старых господ, против которых мы никогда открыто не восставали, и присоединяемся к новым”. Главное, чтобы поспеть за колесницей “освободительного движения”». О «христианской политике» еженедельника Философов выразился еще определеннее: «При чем тут христианство? Это не что иное, как робко и туманно высказанные требования социалистической программы. (...) Христианство — есть религия исключительно личная, а не общественная... Религиозная общественность в нем еще не открыта. Это дело будущего, дело будущей религиозной революции, а не церковной реформы»³. Один из главных публицистов «Века» Вик. Алов отвечал Философову: «“Христианская общественность не открыта” — значит надо идти — *искать* ее. “Христианской политики не существует” — значит надо идти — *искать* и ее»⁴. И, словно откликаясь на процитированные размышления Мережковского, «Век» лапидарно утверждал, что религиозный смысл присущ русской революции уже потому, что она является актом освобождения и приближает к чаемому «безвластию». Вне

¹ С. Булгаков. Временное и вечное // Век. № 7. СПб. 24 декабря 1906 года. С. 79.

² Д. С. Мережковский. Революция и религия // Русская Мысль. М., 1907. Кн. 2. II отд. С. 85.

³ Д. В. Философов. Слова и Жизнь. С. 182, 183, 186.

⁴ Век. № 3. СПб., 21 января 1907 года. С. 9.

соединения с революцией, утверждал еженедельник, новая религиозность может привести только к старой церкви¹. Так незатейливо представляли себе задачу «обновленческие» союзники Булгакова и его коллег.

Сами же они все глубже убеждались в неосновательности своих надежд на то, что «христианский социализм» сможет овладеть «позитивистской» интеллигентской общественностью, а посюсторонняя общественность, наоборот, укрепитя религиозным сознанием. Проекты «христианских политиков» смещались во все более мистические сферы. В одной из первых своих статей в «Веке» Карташёв писал: «Церковное, религиозно-мистическое утверждение личности с [“позитивной”] общественностью несоединимо. Оно ведет к особому подобию общественности: к союзу в любви, но вне культуры, вне законов экономики и социологии. Показатели этого идеала в опытах: монастыри, духоборы, толстовцы. Эта внекультурность, бесплотность — безобщественность — должна быть превзойдена. “Общественность” церковного идеала, хотя и истинно-религиозная, чудесная, но бесплотная, должна облечься плотью космоса, плотью культуры, плотью новой, тоже чудесной, экономики и социологии. Но это уже будет не церковный идеал, а идеал осуществленного Богочеловеческого Тела в мире, царство Софии Премудрости Божией воплощенной, царство Духа-Утешителя»². Словно желая подкрепить позицию Карташёва новыми аргументами, но на самом деле — отрицая плодотворность самой волнованной «христианских политиков» проблемы, в дискуссию вступил полномочный представитель группы Мережковских — Философов.

Вновь атакуя церковно-общественный проект «Века», в открытом письме в еженедельник Философов писал: «Я имею смелость утверждать, что иной общественности, кроме “самодержавной”, иного общественного принципа, кроме подчинения властям предрержавным, у православия нет (...) полной победы над самодержавием не может быть без победы над православием... Пусть нам докажут, что последовательный социализм, или хотя бы даже “кадетизм” совместимы с православием, и тогда не только “братство церковного обновления”, но и более радикальный “христианский союз” (С. Булгакова, Эрн, Свенцицкого и других) будет иметь почву под ногами, найдут целостное мирозерцание, приобретут единство действий. Пока же этого нет, “братство” лишь любопытный “инцидент”, показывающий, насколько длиннополая ряса мешает стать... кадетом. Орган “братства” — журнал “Век” — (...) проблемы православной

¹ Новости печати: Вик. [Алов.] Религиозный смысл русской революции // Век. № 18. СПб., 13 мая 1907 года. См. также: [А. В.] *Е<льчанинов>*. Обновленная «Русская Мысль» // Там же. № 7. С. 88–89.

² А. Карташёв. К полемике с Д. В. Философовым // Там же. № 7. СПб., 24 декабря 1906 года. С. 86.

общественности не касается, как будто здесь все ясно». От имени «Века» Философову отвечал Свенцицкий. Пеняя оппоненту за то, что тот не делает разницы между обновленцами и радикалами из ХББ, Свенцицкий не нашел иных контраргументов, кроме как вернуть Мережковским их упрек, высказанный некогда в ВЖ по адресу «идеалистов». Считая себя практическим деятелем, Свенцицкий, как ему казалось, дезавуировал критику Философова тем, что произнесена она была от имени только «нового религиозного сознания»: «Но новое здесь должно быть другое, не религиозное сознание, но религиозное делание»¹. Разъяснить же смысл и направление этого «делания» Свенцицкий так и не смог. Ему на помощь на страницах «Века» выступил Аскольдов. Но и тот, так и не ответив Философову по существу, не нашел иного выхода из описанной им ситуации, кроме «разрыва с православием, реформации, возвращения к “первоисточникам христианства”»².

Желая смягчить все более резкий тон полемики и последствия посеянной ею «распри», в «Веке» выступил Бердяев. В целом солидаризуясь с Философовым, он, однако, был одним из тех, кто действительно искал выхода из идейного тупика, не успокаиваясь на полемических фразах, и благодаря этому заметно поправил позиции обеих спорящих сторон: «Если православие во всех смыслах есть ложь, уклон, недоразумение, если святости не было, то (...) теряется вера в Промысел Божий. Нам тогда нечего продолжать в мире, мы — нищие, не получившие никакого наследства, такие же пролетарии, как и безрелигиозные революционные отщепенцы». И далее: абсолютная «метафизика православия не заключает в себе никакого учения об общественности» и поэтому невозможна его относительная, политическая оценка. Однако и Философов, и Свенцицкий хотят оценить православие в терминах политики, «оба хотят, чтобы религия послужила [революции, но]... и революция, и самодержавие должны смириться перед святыней религии. Да сохранит нас Бог от политиканствующей религиозности и от религиозного политиканства». Походя уязвив кадетизм за «духовную буржуазность», Бердяев обрушился и на политические крайности: «Социальный и политический революционизм потому уже не религиозен, что отрицает трудный и долгий внутренний подвиг победы над грехом, вольный отказ от самоутверждения, что в нем слишком много сомнения и самодовольства». Одним словом, заключал Бердяев: «Философов прав, когда предлагает вдуматься в религиозную метафизику.

¹ Д. В. Философов. Церковь и революция // Там же. № 18. СПб., 13 мая года. С. 252–253; Вал. Свенцицкий. О новом религиозном сознании (По поводу статьи Д. В. Философова) // Там же. С. 253.

² С. Аскольдов. По поводу поучений Д. В. Философова // Там же. № 19. СПб., 20 мая 1907 года. С. 275.

Я бы сказал, что нужно найти внутренний, религиозный источник, который даст религиозному движению право сказать свое слово. Источника этого нельзя искать в механическом соединении с революцией»¹. Трудно сказать, что более всего возмутило Свенцицкого, но в очень резком ответе Бердяеву со страниц «Века» он сосредоточился на реабилитации революции и революционеров — и в этом с полной ясностью проявился преобладающий политический дух еженедельника. «В крайних партиях... подлинное стремление к праведной жизни», — писал Свенцицкий, а революция — «этап в богочеловеческом процессе»².

Свенцицкий же высказал косвенное, но прозрачное осуждение новым общественным усилиям Булгакова — его депутатству во Второй Государственной Думе, выступлениям против правительственного и столь дорогого Свенцицкому антиправительственного политического террора, участию в подготовке кадетских проектов церковного устройства и т. д., освещению коих «Век» отдал значительную дань³. Полемизируя с Бердяевым, Свенцицкий походя заметил: «Я за революцию не в смысле сочувствия ее

¹ *Николай Бердяев*. К вопросу об отношении христианства к общественности // Там же. № 24. СПб., 24 июня 1907 года. С. 370–374.

² *Вал. Свенцицкий*. Ответ Н. А. Бердяеву // Там же. № 25. СПб., 1 июля 1907 года. С. 395. Лишь за полтора года до того Свенцицкий не приписывал «богочеловеческому процессу» большего, нежели совпадения его с «христианским прогрессом»: *В. П. Свенцицкий*. Христианское братство борьбы и его программа. С. 21.

³ Вопрос об участии Булгакова в подготовке кадетского церковного проекта возник еще осенью 1906 года. См. «Журнал заседания Московского отделения Центрального Комитета» кадетской партии 18 сентября 1906 года: «Признавая крайне необходимым скорейший приступ к занятиям состоящей при Центральном Комитете Комиссии по вопросу об отношении церкви к государству и принимая во внимание, что членами означенной комиссии могут быть Новгородцев, Булгаков, Ключевский, Покровский, в настоящее время проживающие в Москве, Московское Отделение признало своевременным возбудить вопрос о желательности перенесения комиссии по церковному вопросу из Петербурга в Москву, организовав ее состав на началах беспартийности» (Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. С. 123). О деятельности Булгакова в Государственной Думе «Век» в 1907 году писал неоднократно: № 1. (7 января). С. 50; № 5 (4 февраля). С. 58; № 14. (8 апреля). С. 187; № 17 (6 мая). С. 245; № 18 (13 мая). С. 266; № 21 (3 июня). С. 326. См. также: *С. Булгаков*. Церковный вопрос в Думе // Там же. № 10. 11 марта 1907 года; *С. Булгаков*. Комиссия по церковным вопросам при Государственной Думе (Письмо в редакцию) // Там же. № 11. 18 марта 1907 года; *С. Булгаков*. Думские впечатления. Прения о военно-полевых судах // Там же. № 12. 25 марта 1907 года. Деятельность Булгакова в представительных учреждениях — неудачная попытка войти в I Думу в 1906-м, депутатство во II Думе в 1907-м, готовность и отказ баллотироваться на выборах в Учредительное собрание в 1917-м — все это заслуживает специального исследования.

конечным идеалам или демоническим элементам, а в смысле сочувствия той правде, которая заложена в чувстве свободы революционеров. Я против кадетизма именно потому, что кадетизм по своей психологии (за отдельными исключениями, которые чувствуют себя одинокими в своей среде), по верному выражению Бердяева, “буржуазен”, пошл, бесцветен, он не самоутверждается не из самоотречения, а от внутреннего бессилия. Я предпочту иметь дело с чертом, чем с кадетом. Пишу в буквальном смысле слова, без всяких шуток и без всякого остроумничанья».

Преобладающий пафос же «кадетских» проектов Булгакова состоял в освобождении церковной жизни от руководства «архиерейской бюрократии», ликвидации зависимости церкви от бюрократии светской, признании изменения политического режима (самодержавия) главным условием созыва церковного собора и реформирования «исторической» церкви¹. Эти тезисы, столь же исторически справедливые, сколь и расхожие в обновленческом кругу еженедельника «Век», однако, не исчерпывали всей внутренней работы, происходившей в сознании Булгакова в эпоху его депутатства. Главным ее итогом, по признанию Булгакова, стало возвращение в «историческую» церковь и, по признанию его современников, существенное политическое поправление. Однако результаты его церковно-политической эволюции оставались еще весьма неопределенными. Можно сказать, что в конце 1906-го — начале 1907-го из-под преобладающей в сознании Булгакова христианско-социалистической инерции одно за другим вымывались ее основания. И внешне неизменная линия политического поведения становилась все более ритуальной.

11 октября 1906 года в письме к А. Г. Достоевской Булгаков признался, что, стремясь избежать «[цензурных] осложнений», в своем предисловии к юбилейному собранию сочинений Достоевского сделал «некоторые словесные смягчения, особенно касательно В<ысшей> П<равославной> И<ерархии> (этот термин даже повсюду исключен)»². 14 декабря 1906 года Булгаков подтверждал свои прежние взгляды: «все больше начинает казаться, что, хотя религиозно и неправ Мережковский, но он может оказаться исторически прав, т. е. что вся историческая черносотенная церковь пойдет на слом»³. А 29 декабря в кадетской газете «Новь» выступил с заостренной против официальной иерархии статьей «Горе русского пастыря», в которой, в частности, вновь признался в авторстве

¹ Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому. С. 162.

² Из архива А. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым / Публикация Э. Гаретто. С. 253. Публикация уточнена по оригиналу: ОР РГБ. Ф. 93/II. К. 6. Ед. хр. 74. Л. 11 об. О необходимости многочисленных текстологических уточнений к этой публикации см.: М. А. Колеров. Текстологические заметки // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 167–168.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 58.

опубликованной в «Освобождении» статьи «Самодержавие и православие». В генетически связанной с юбилейным текстом о Достоевском лекции «Венец терновый» Булгаков мягко пенял Достоевскому за его непонимание политической правды «материалистических радикалов [18]60-х гг.». Этот же юбилейный текст Булгакова в конце 1906 — начале 1907 года увидел свет трижды — и без изменений¹.

В современных же тексту *устных* выступлениях уточнения уже были свершившимся фактом. По сообщению еженедельника «Век», 8 апреля 1907 года Булгаков председательствовал на подготовительном заседании по организации Петербургского РФО (он жил в Петербурге в качестве депутата Думы). При активном участии Бердяева, Струве, Аскольдова, Аггеева, Карташёва присутствующие обсуждали выдержанный в резко антицерковном духе доклад Розанова «Отчего падает христианство». Обозреватель «Века» сообщал: «Наивные суждения о научной высоте наших левых и сущности революции, которую автор без смущения иногда подменивал эволюцией, заставили некоторых оппонентов высказать предположение, не мистифицирует ли В. В. всех нас “ребяческими при своем огромном уме положениями” (П. Б. Струве)»². Струве вспоминал: «Присутствовавшие в этом собрании С. Н. Булгаков и я возражали против совершенно некритической идеализации материалистического радикализма [18]60-х гг. (...) Свой доклад... Розанов хотел напечатать тогда же в *Русской Мысли*. Я готов был поместить его с надлежащей отповедью; но ни С. Н. Булгаков, которого я просил написать эту отповедь, ни я сам не собрались написать ее (то были дни второй Думы)»³.

27 мая 1907 года Булгаков сообщал конфиденнту: «Думские впечатления (подобно впечатлениям от *Народа*) дали мне огромный душевный опыт, под впечатлением которого у меня закипела — неожиданно внутренняя работа новой переоценки ценностей и самопроверки. Сами собой стали знаки вопроса (хотя еще и не ответа) над старыми догматами “христианской политики”, “общественности”, культуры... Мир все утрачивает для меня абсолютную ценность, обезвкусивается, я все сильнее чувствую правду и глубину Розановской альтернативы в статье об Иисусе Сладчайшем: или мир, или Христос»⁴. «Кое от чего, — писал далее

¹ К истории текста см.: Публичное заседание Московского РФО памяти В. С. Соловьёва 4 ноября 1906 года: С. Н. Булгаков. Достоевский и современность <революция>. (О нём: Вести отовсюду // Золотое Руно. М., 1906. №11/12. С. 152).

² Век. № 15. СПб., 15 апреля 1907 года. С. 208.

³ П. Б. Струве. *Patriotica*. Сб. ст. СПб., 1911. С. 497.

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 70 об. По сложившейся традиции, идейную позицию супруга развивала и пропагандировала Е. И. Булгакова. В частности, она печатно рассказала о своем посещении Думы 19 марта 1907 года

Булгаков, — я освободился уже окончательно (как, например, от христианской политики или братства борьбы)», «мое отношение к политике теперь совершенно внешне»¹. Далее последовало сближение Булгакова с консервативным кружком «ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова (1864–1938)² и растущее внутреннее освобождение от политической ангажированности. Летом 1907 года Булгаков даже попытался занять преподавательскую вакансию в Московской духовной академии и представить на соискание магистерского звания по богословию свой труд по политической экономии (из него и выросла позже «Философия хозяйства»).

«С 1906–1909 г. я окончательно вернулся в церковь», — вспоминал Булгаков³. Ясно, что такой вектор эволюции в корне противоречил преобладающим настроениям обновленцев и той линии, которую они стремились выстраивать в «Веке». Организационный конфликт с ними, впрочем, начал назревать еще до булгаковского преобразования. Конфликт, как это часто бывало с Булгаковым, осложнялся его высокой практической терпимостью к общему делу, несмотря на созревшее внутреннее отторжение. 17 января 1907 года Булгаков писал Волжскому: «Эрн привез из Петербурга проект реорганизации “Века” на кооперативных началах. Уже на три тысячи подписчиков [было 1500] — преимущественно духовенство. Уже это одно налагает на нас обязанность его поддерживать. Пишите туда хоть иногда по самым принципиальным вопросам церкви, все-таки стóит»⁴. С подтверждением информации Булгакова к Волжскому

и негативном впечатлении, произведенном на нее думскими левыми: *Е. Булгакова. Трагедия русской жизни* // Новь. 25 марта 1907 года. № 70. С. 1. Уже в 1906 году Булгаков пришёл к выводу, что «идея церковной или религиозной общественности так далека современному сознанию» (*С. Н. Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип. (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха)* [1906] // *С. Н. Булгаков. Философия хозяйства* / Сост. В. В. Сапов. М., 1990. С. 332).

¹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 72 об, 73, 71.

² Первые упоминания о знакомстве Булгакова с А. Новоселовым и его кружком см. соответственно: *С. Н. Булгаков. Письма А. С. Глинке от 12 февраля 1907 г. и 28 февраля 1908 г.* // РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Лл. 67, 84 об. Об этом кружке см. мемуары его участника: *Н. Арсеньев. In memoriam* // *Вестник РХД. 1971. № 101/102. С. 61. Среди участников кружка были также В. А. Кожевников, Е. Н. Трубецкой, Ф. Д. Самарин, Эрн, Свенцицкий, Ельчанинов, Волжский и др. См. также о происшедшем накануне открытия заседаний Второй Государственной думы в номере М. А. Новоселова о знакомстве Булгакова с В. А. Кожевниковым: С. Булгаков. Памяти В. А. Кожевникова* // *Христианская Мысль. Киев, 1917. № 11/12. С. 75–83.*

³ *С. Булгаков. Из «Дневника»* // *Вестник РХД, Париж. № 129 (1979). С. 257.*

⁴ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 63 об.

21 января 1907 года обратился и В. А. Никольский: он предложил ему вступить в негласную «трудовую общину» «Века», в которой уже состояли, кроме директора-распорядителя Никольского, Ельчанинов, Эрн, Карташёв, Г. С. Петров, А. Судаков (писавший в «Веке» под псевдонимом — Т. Асов), Ф. Н. Белявский, В. В. Акимов (в «Веке» — В. Чембарский), Аггеев, И. Ф. Егоров и К. К. Дегтярев. Ожидалось присоединение Булгакова и Свенцицкого. «Членский ценз» устанавливался в публикации 2000 авторских строк на страницах еженедельника. «Дело идет, — уговаривал Никольский. — Подписчиков больше 3000 и почти исключительно священники. Вся задача теперь — удержаться в смысле цензурном»¹.

12 февраля 1907 года Булгаков вновь беспокоился о проекте: «С “Веком” продолжается ерунда. Его можно сделать приличным, лишь взяв совсем в свои руки, но кому?»² В кругу Булгакова никогда не было недостатка в людях с организаторскими амбициями. Другое дело, что некоторые из них («неистовые москвичи»), по мнению Булгакова, уже не могли сделать нечто «приличное». 24 февраля 1907 года Эрн сообщил Е. Я. Архипову о судьбе еженедельника: «Есть возможность, что журнал этот [будет] почти совсем нашим, а с будущего года и совсем. Но это выяснится на днях в Петербурге, куда мы специально за этим поедем с Свенцицким»³. Экстраординарные усилия, прежде всего Эрна и Свенцицкого, направленные на превращение этого еженедельника в более «респектабельное», универсальное издание, со временем начали приносить свои плоды. Первым делом с 25 марта 1907 года было прекращено издание специального приложения «Церковное Обновление», выводившего собственно церковную проблематику из общего контекста. В Библиотеке «Века» стали чаще появляться труды активистов: Выпуск V — «О Ренане» Эрна и Аггеева; Выпуск VI — «Венец терновый» Булгакова; Свенцицкого — «Религиозный смысл Бранда Ибсена» (VIII) и «Лев Толстой и Владимир Соловьев» (XII), бывшие, как правило, текстами выступлений в РФО и т. п.

С 15 апреля 1907 года В. А. Никольский лишился редакторского места, оставшись издателем. Его сменил лишенный творческих амбиций А. В. Попов. Укрепляя теоретическую часть еженедельника, Булгаков даже решился перепечатать из годичной давности газеты «Народ» свою статью «Воскресение Христа и современное сознание»⁴. Внутренний переворот

¹ Там же. Ед. хр. 259. Лл. 4–4 об.

² Там же. Ед. хр. 198. Л. 67.

³ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 11. Сообщено покойным выдающимся исследователем В. С. Соловьёва и Е. Н. Трубецкого А. А. Носовым (1953–2002). О нём: *Н. В. Котрелёв*. Памяти Александра Алексеевича Носова // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М. А. Колерова. М., 2002.

⁴ Век. № 16. СПб., 22 апреля 1907 года.

в «Веке» завершился 5 мая, когда еженедельник перешел в собственность «трудовой общины» его редакции и сотрудников, в окончательном виде оказавшейся гораздо уже задуманной: В. А. Никольского, Эрна, Свенцицкого, Ельчанинова и Булгакова¹. Этот свершившийся переворот, приведший к власти над «Веком» «неистовых москвичей», стал последним примером идейно-творческого единства Булгакова и группы Эрн-Свенцицкого.

Едва преодолев внутрижурнальное сопротивление обновленцев, сотрудники столкнулись с более серьезной проблемой: растущими разногласиями внутри «трудовой общины». По всей видимости, разногласия концентрировались вокруг политики: думского опыта Булгакова и неугасимого радикализма бывших участников ХББ. В понятиях того времени речь шла о «поправении» Булгакова, о новых акцентах в его — по инерции еще очень радикальных — социалистических идеях. На страницах «Века» он выступил с очередным разоблачением «главных религиозных недугов» общества: лжехристианства официальной церкви и религиозного равнодушия общества, проповедующего идолопоклонство. В идолопоклонство им включалось и давно отмеченное позитивистское преклонение перед прогрессом (разоблаченное в «Проблемах идеализма»), и столь же привычно критикуемое преклонение перед классом (развенчанное в ВЖ). Новым было отмежевание от *народопоклонства*, от того, что по-прежнему входило в идеологию Эрн, Свенцицкого и др.² Даже в современной статье курсе лекций по истории политической экономии, читанном в Московском Коммерческом институте в 1907 году, Булгаков особо подчеркивал, что «проповедь Евангелия не есть проповедь экономическая и не есть проповедь социальных реформ (...) Иисус не был социальным реформатором»³. Выступление Булгакова исподволь поддержал и его протезе в «Веке» — Волжский. Критикуя, впрочем, не ХББ, а «мистический анархизм» Чулкова, Волжский тоже обращался к недавнему опыту, стремясь истолковать его актуально и прозрачно: «Исторически важно было разорвать связь, установившуюся в головах массы, замордованной позитивным радикализмом, связь религии и реакции, метафизики и черной политики. Это в значительной мере сделали “Проблемы идеализма” и “Вопросы Жизни”... Но отсюда еще очень далеко до необходимости людям, отдавшимся интересам высшей культуры, постыдно лебезить перед революцией и всякою левостью»⁴.

¹ ОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Ед. хр. 8. Лл. 1–2.

² С. Булгаков. Церковный вопрос в Думе // Век. № 10. СПб., 11 марта 1907 года. С. 119.

³ С. Н. Булгаков. История политической экономии. [М.,] 1907. [Литографированное издание.] II паг. С. 3, 7.

⁴ А. Волжский. Литературные письма. I. Несерьезное о несерьезном // Век. № 21. СПб., 3 июня 1907 года. С. 321.

Но вера в прежнюю левизну самого Булгакова была ещё так, несмотря на полемические атаки, велика, что даже на Пятом (Лондонском) съезде РСДРП 7 мая 1907 года известный марксист И. Г. Церетели (кстати, лично знакомый по Тифлису с Эрном) в отчётном докладе думской фракции РСДРП назвал Булгакова «беспартийным левым»¹.

Вскоре в скрытую полемику с Булгаковым вступил единомышленник Эрна и Свенцицкого Ельчанинов. Предупреждая от «компромиссов» (а одним из них месяц спустя стал визит Булгакова в группе думцев к П. А. Столыпину, готовящемуся к разгону Думы), Ельчанинов писал: «С одной стороны — реальная политика, отравляющая душу народа ядом неверия в правду на земле; с другой — пугачевщина, которая в помощь правительству сметет последние остатки культуры в России и опять-таки убьет народную душу, ввергнув ее в хаос. Альтернатива страшно трудная, но выход из нее во всяком случае не через лабиринты компромиссов»². По красноречивому совпадению, в том же номере «Века» публиковалось обращение к подписчикам с просьбой самим решить судьбу политической ориентации еженедельника, то есть священнической аудитории предполагалось определить отношение еженедельника к внешней, светской и интеллигентской политической проповеди — внутренние разногласия окончательно выхлестнулись наружу. Но мнение читателей уже никак не могло повлиять на судьбу «Века».

Арест и конфискация № 23 за 17 июня 1907 года обнаружили, что тираж еженедельника вырос до 4200 экземпляров. По словам Никольского, материальное положение предприятия обеспечивало его издание вплоть до 1 декабря³. Но «Веку» не суждено было прожить дольше июля. 9 июля 1907 года решением исполняющего должность Санкт-Петербургского градоначальника издание «Века» было приостановлено. Хлопоты были безуспешны. Для последующего изложения важно, что при самом начале этих восстановительных хлопот, 10 июля, Никольский предполагал в случае окончательной неудачи «Века» вознаградить подписчиков «выпуском особого сборника статей хотя бы под названием “Религия и Жизнь”». 16 августа так именовался уже проектируемый «новый журнал»⁴. Тогда же Никольский развернул перед Волжским свою новую программу: «После приостановки *Века* у меня явилась мысль, что, быть может, было бы удобно воспользоваться приостановкой для реформы внешнего вида *Века*: упразднить Библиотеку и выпустить *Век* книжечками в 64 стр. в обложке.

¹ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года. Протоколы. М., 1963. С. 195.

² А. Ельчанинов. Опасный путь // Там же. № 17. СПб., 6 мая 1907 года. С. 230.

³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 8.

⁴ Там же. Лл. 10, 12 об.

Я поделился этою мыслью с А. В. Ельчаниновым и в ответ получил от него, В. П. Свенцицкого и В. Ф. Эрн следующее предложение, которое, согласно их желанию, подвергается письменному голосованию всех членов общины: 1. Изменение внешнего вида журнала должно сопровождаться и реформой внутреннего содержания в смысле большей солидности статей и отделов. 2. Последнее возможно лишь в том случае, если журнал будет перенесен в Москву, где в нем смогут принять постоянное и близкое участие Булгаков, Эрн, Свенцицкий и Ельчанинов. 3. В пользу переноса дела в Москву говорит следующее: 1) возможность получить в Москве годичный кредит на бумагу; 2) надежда приобрести подписчиков и розницу в моск. соловьевском обществе и 3) существование в Москве готового разрешения на журнал на имя одного из близких вопрошающих лиц»¹. Коротко говоря, «Век» замирал, а захватившие в нем власть активисты ХББ более всего были озабочены привлечением средств еженедельника на издание собственного журнала в Москве.

Тем временем 6 июня 1907 года из заключения вышел на свободу тифлисский сотрудник ХББ, создатель «Встань, спящий» Иона Брихничев. Он сложил с себя сан и приготовился к продолжению борьбы. Ознакомившись с первым выпуском «Вопросов Религии», он предложил Эрну распечатать массовым тиражом наиболее «ударные» его статьи (Эрна и Булгакова). Из ответного письма Брихничев с удивлением обнаружил, что соратники скрывали от него и продолжающееся существование «массовой» «Религиозно-общественной библиотеки», и открытие книжного магазина «Братство»². Эрн, осенью 1906 года издавший в десяти тысячах экземпляров в названной «Библиотеке» «похвальное слово» заключенному Брихничеву — «Пастырь нового типа» (оно было остановлено цензурой)³, — теперь явно отстранялся от своего коллеги. Тот зывал: «В политике у народа есть вожди... Но в вопросах жизни и смерти, в вопросах быть или не быть — не заметно. Все — пустые места. Или же там, где место пророку — сидит крикливый и продажный фарисей. Они есть — вожди... Но замешались в толпе. Они зовут, но не всею силою данного им голоса... Простите, Владимир Францевич, это к Вам последние слова, к Александру Викторовичу [Ельчанинову], Валентину Свенцицкому, Булгакову...»⁴ Если кто-то еще и способен был отозваться на такой призыв, то только не Булгаков.

Нет сомнения, что Булгаков мнил себя идейным вождём русской интеллигенции, отдавая себе отчёт в слабости своей практической политики. Много лет спустя, сам глядя в лицо смерти, он предельно откровенно

¹ Там же. Лл. 12–12 об.

² ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 25. Л. 12.

³ МГА. Ф. 31. Оп. 3. Д. 630.

⁴ ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 25. Лл. 10 об–11.

вспоминал о себе в надгробном слове на смерть П. Б. Струве: «В один и тот же урочный час русской истории мы выходили на *общий* путь, этот долгий и трудный путь освобождения от мрака безбожия, которым сами мы были обольщены, его исповедовали от лица лжеименного знания [марксизма — М. К.]. И мы с тобою одновременно — каждый по-своему — его преодолевали в искании живого Бога, — на путях мысли, знания и веры, всенародно принося то покаяние, о котором сказано Предтечею Христовым: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мр. 1, 15). И мнилось тогда, что нам также дано стать предтечами духовного возрождения в кругах русского образованного общества. Эта проповедь возвращения блудных сынов в лоно Отчее явилась тогда делом жизни для численно немногих крестоносцев, которые подъяли этот крест борьбы с духовным равнодушием и предрассудками, царившими в его кругах. Но — увь! — количественным успехом не увенчалось наше дело. Во всяком случае, до времени мы оказались сметены насилием воинствующего безбожия»¹.

После того как Вторая Государственная Дума, преобладающий пафос деятельности которой свелся к демагогической антиправительственной пропаганде, была распущена, Булгаков, левыми депутатами прозванный (заодно со Струве) «черносотенным кадетом», проводил лето в Крыму и, несомненно, подводил неутешительные итоги. Как свидетельствовал бывший издатель ВЖ Д. Е. Жуковский, размышления Булгакова отталкивались теперь почти исключительно от разногласий с бывшими сотрудниками. «Наступило время пессимизма и более глубокого, чем мы переживали ранее, — записывал Жуковский. — Кто был ранее осторожен и глубок, тот сейчас стал глубже. А кто был наивен, упорствует в своей наивности. В “освободителях” оказалось мало патриотизма, мало любви, обнаружилось лишь злостное самолюбие на доктринерской почве. Это все, однако, отразилось на Сергее Николаевиче в еще большей степени, чем на мне, и в своем движении направо он куда опередил меня, как это я вывел из коротенького разговора с ним в Крыму»². Об этом же 29 августа 1907 года сообщал и Бердяев в Париж Гиппиус: «Я не разделяю настроений Булгакова, который сделался совсем правым и ненавидит революцию, но в революцию тоже не верю и жду религиозной революции от разочарований в революции социально-политической, от внутреннего ее банкротства, равно как и банкротства империализма»³.

Последнюю точку в своей деятельности на ниве религиозно-философской печати Булгаков поставил, однако, много позже, тогда, когда

¹ С. Булгаков. Слово при погребении П. Б. Струве [1944] // Прот. Сергей Булгаков. Слова. Поучения. Беседы. Paris, 1987. С.523–524.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 222. Лл. 5 об–6.

³ Там же. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 11.

разногласия с Эрном и глубокое расхождение с Свенцицким дополнились жестким идейным столкновением с другим лидером религиозного максимализма — Мережковским, во многом приблизившимся к радикализму «неистовых москвичей». Параллельно охлаждению взаимных отношений Бердяева и Мережковских, Свенцицкого и Булгакова, шло объективное сближение Булгакова и Бердяева.

17 апреля 1907 года Философов выступил в социалистической газете «Товарищ» со статьей «На распутье», в которой, как могло показаться, подвел окончательный итог деятельности бывших «идеалистов» и своих с ними отношений. Философов писал: «Каких-нибудь десять лет тому назад имена Бердяева, Булгакова и Струве — произносились вместе. Тогда они были, действительно, “вместе”, в нео-марксизме, боролись с “субъективным методом” в истории [социологии], с романтическим народничеством... Потом, к соблазну многих “правоверных”, они работали в “Освобождении”, органе либеральной и радикальной буржуазии. Последний раз идейно встретились в “Проблемах идеализма” (...) С тех пор пути трех друзей резко разошлись. Идеалистический скептик, или скептический идеалист Струве самоотверженно кинулся в реальную политику, Булгаков — в православный социализм, а Бердяев... Бердяев, трудно определить пока, куда он пришел»¹. В ответ на этот синодик в письме «левеющему» Философову 22 апреля 1907 года Бердяев приводил слова Булгакова, сказанные в одном из заседаний московского РФО: «леветь в настоящее время есть дурной тон»². И развивал тему: «Я не “литератор” и не “интеллигент”,

¹ Цит. по: Д. В. Философов. Слова и Жизнь. С. 199–200.

² Бердяев, внутренне всё более сближаясь с Мережковскими и дистанцируясь от Булгакова, он тем не менее сохранял к нему особую интеллектуальную чуткость. Он писал об эволюции этого времени, договаривая до финальных формул, в том числе, отход Булгакова от политического применения своего христианского социализма: «Я не собираюсь проповедовать так называемый «христианский социализм», который в Западной Европе вполне уже сформировался и вполне обнаружил свою убогость. Христианский социалист — целое течение, очень пресное и не творческое. Христианские социалисты думают, что можно обновить старую религию, вдохнуть живую душу в мертвелое тело церкви, если привить к ней новые общественные добродетели, если заставить церковь впитать в себя социальный реформизм. Христианский социализм механически соединяет старое религиозное сознание, не вмещающее в себе никакой земной правды и не освящавшее никакой общественности, с новыми, внерелигиозными планами социального строительства. (...) Мы говорим о религиозной правде социализма с его чисто технической стороны, но никогда не выразим религиозный синтез в противоестественном соединении «христианский социализм»...» (Н. А. Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность [1907] / Сост. В. В. Сапов. М., 1999. С. 176–177). И прежде: «Преступления церкви против земли, против земной правды, против культуры и свободы слишком ужасны, слишком невыносимы.

но глубоко пережил и перестрадал политику, социализм, революционную идею, чего Вы не пережили... Разрыв с социал-демократией мне дорого стоил, это была жизненная драма, о которой много мог бы рассказать. (...) В вопросе о революции, о социал-демократии и пр. и я, и Булгаков, да и Струве компетентнее, более опыта имеем и больше права судить. Ваше отношение к революции мне представляется доктринерским... Меня ужасает нигилизм русской революции, разбивающей святые мечты всей моей жизни об общественной правде, я болею этим, опытно воспринимаю этот ужас, а Вы подозреваете меня в желании примириться с самодержавием... Вы меня можете только упрекать в некотором морализме в политике, в этом я грешен, я даже этизировал марксизм в былое время. В этом я схожусь с моими старыми друзьями Булгаковым и Струве». Отвечая на критику статьи Булгакова в первом сборнике «Вопросы Религии», с которой выступила Гиппиус, Бердяев писал: «З. Н. противопоставляет антиобщественной религии Б<улгако>ва свою общественную религию, но ведь я знаю, что Б<улгако>в общественник до мозга костей, а З. Н. никогда никакого отношения к общественности не имела, что Б<улгако>в любит мир и живет в мире, а З. Н. испытывает монашеское к миру»¹.

Голос другого свидетеля жизни и борьбы Булгакова — Свенцицкого, — более близкого к нему, более радикального, лично видевшего Булгакова в дни его революционного христианского социализма, описывал эволюцию Булгакова принципиально иначе, честнее, точнее — и по существу. Свенцицкий сообщал Глинке (Волжскому), тоже внимательному и не чужому для их общего дела человеку, 26 мая 1907 года: «С. Н. [Булгакова] видел — (...) он действительно “линяет” и переживает. Кричит, но совсем в другую сторону — в сторону уединённого аскетизма»².

Очевидно, Глинка-Волжский не стал таить от Булгакова своё знание о таком его диагнозе из уст Свенцицкого и явно сообщил ему о «липании». В ответ на это сообщение Булгаков писал Глинке-Волжскому 27 мая 1907 года из думского Петербурга в его Симбирск:

Старой церкви нельзя уже привить новых общественных добродетелей, нельзя дух живой вдохнуть в неё, принудив её признать благо конституции и 8-часового рабочего дня, это было бы механистично, почти позитивистично. В этом отношении я расхожусь с С. Н. Булгаковым» (Н. А. Бердяев. О путях политики [1906] // Н. А. Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906) / Сост. В. В. Сапов. М., 2002. С. 458). См. также прямой обмен между Бердяевым и Булгаковым взаимными рецензиями: Рецензии Булгакова и Бердяева в журнале «Книга» (1906–1907) // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927). Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

¹ Н. Бердяев. Письмо Д. В. Философову // Русский Альманах. Париж, 1981. С. 259–262.

² Нашедшие Град. С. 353.

«Милый Александр Сергеевич! Вчера получил Ваше любящее и бес­покойное письмо. Оно очень взволновало меня. Хотя Валентин Павлович (который уже здесь) говорил мне о тех предположениях, которые Вы оба делали относительно моего “линяния”, но я отнёс это больше к нему, который мог за это принять и несомненное от него религиозное отталкивание, весной особенно обострившееся во мне. Ваши теперешние опасения суть, конечно, прямое зеркало моей религиозной слабости, которую сознаю всеми силами, всеми глубинами своей души. Очевидно, слабость эта так велика и впечатления от неё так сильны, что даже и Вы, с которым меня соединяет самое, м. б., большее внутреннее взаимопроникновение в религиозной жизни, стали опасаться, что я — переводя на язык грубый и резкий — возвращаюсь к атеизму. Я знаю, что только любовь и забота обо мне Вам это подсказывает, но возможность этих опасений вселяет острую печаль в моё сердце. (...) “Линяние” моё совершается в совершенно противоположном направлении, в направлении, если кратко и условно выразиться, к “православию” с его аскетической, мироотрицающей философией. Думские впечатления (подобно впечатлениям от “Народа”) дали мне огромный душевный и жизненный опыт, под впечатлением которого у меня закипела — неожиданно — внутренняя работа новой переоценки ценностей и самопроверки. Сами собой стали знаки вопроса (хотя ещё и нет ответа) над старыми догматами христианской “политики”, “общественности”, культуры etc. Думать некогда, да и нельзя ускорить этого, работа души идёт сама собой, но кое от чего я освободился уже окончательно (как, например, от христианской политики или братства борьбы), почему и “окадетился” окончательно. За это время мне пришлось — хотя и мало — знакомиться с аскетической и святоотеческой литературой, на Святой я проникался Тихоном Задонским, и мне давало это так много, так открывало внутренние очи и обнаруживало кривость и религиозную неподлинность многого. Вы думаете, что я для мира отказался от Бога, ради тех его прелестей, которые открылись мне в Государственной думе, — нет, м. б., даже слишком мир всё утрачивает для меня абсолютную ценность, обес­вкушивается, я всё сильнее чувствую правду и глубину розановской альтернативы в статье об Иисусе Сладчайшем: или мир — или Христос. Всё для меня ещё вопросы, а не утверждения, но в таком состоянии я не могу писать по религиозным вопросам, ибо не могу повторять старые формулы, которые перерос, а нового не нашёл. Я думаю, что Вы, в конце концов, мне близки сейчас, несмотря на некоторую Вашу литературность (вкус к которой я всё больше утрачиваю, а писать по серьёзным вопросам становится всё труднее и мучительнее), понимает меня и Антон Владимирович Кар­ташёв, — и в сущности разделяет (несмотря на свою гиппиевскую прививку и отраву), очень сблизился я за это время с Новосёловым, в котором

много подлинной церковности. (К радости, многое понял и Валентин Павлович, которому я говорил.) И тем самым я стал ближе к «исторической» Церкви, стал ещё больше «православным». Вот обо всём этом я и хотел с Вами много, много говорить, в этом и состоит то “линяние”, под влиянием которого (а также некоторых жизненных впечатлений) я действительно отчуждился от москвичей. Конечно, это намёки, боюсь, что теперь я перегнул палку в другой конец, но это неизбежное следствие общения в письмах. Теперь о политике. Я втянулся в думскую работу и несу её — по долгу — как верный раб. Я знаю, что на этом пути “спасти” в подлинном смысле ничего нельзя, это — подёнщина, от которой нельзя уклониться. Моё отношение к политике теперь совершенно внешнее, и хотя я никогда столько не был занят ею, но и никогда не был так внутренне от неё свободен. Работу эту я считаю и своим патриотическим долгом перед страной, — у меня историческое почти отчаяние в сердце, но я считаю, что в порядке эмпирическом и историческом надо делать всё, чтобы предотвратить, что можно. Я полагаю, что мы обязаны это перед Богом. Политически я независим, очень поправел (зову себя черносотенным кадетом), страшно ещё раз разочаровался в себе и своих силах, и чему действительно учит и авантюра с “Народом”, и Дума — это смирению, вытекающему из опытного сознания своего бессилия. Никогда заповедь о нищете духовной, всегда мне близкая, не была так близка, как здесь. Конечно, во всём этом грязнишься, мельчаешь и пошлеешь, я бесконечно чувствую силу греха в мире и в себе и бессилие без помощи Свыше спастись от него. Я признаю, что высший путь — уйти от мира к Богу, путь православных святых, но знаю, что для тех, кто не может, обязательна эта работа и суета! И пока я жив и духовно остаюсь в “миру”, может быть, всю свою жизнь, я не отойду от своей запряжки. Во всяком случае, это лучше, чем читать политэкономиию для заработка. Грешен я и окаянен, живу в смрадном грехе, но нет у меня никакой святости, кроме религиозной. Вот Вам корявая исповедь моей души, надеюсь, угадаете. “Реформировать” Церковь я уже не собираюсь, я хотел бы быть в законодательстве лишь пономарём, чистить стёкла, мести пол, — да и вообще — говорю, и не только о себе — нельзя вымогать чуда, нельзя ставить условия Богу, а это делается. Ответьте, понимаете ли Вы и как относитесь к моему действительно “линянию”. Простите мне это письмо, не подумайте, что я обиделся или хочу Вас обидеть»¹.

В перлюстрированном полицией и потому сохранившемся для нас письме к жене, Е. И. Булгаковой, от 11 сентября 1907 года Булгаков признавался в самом политически интимном — и не только о себе, но и о круге близких ему политиков и мыслителей: «Подводя итоги, я чувствую, что моё разочарование или прозрение пошло дальше, и вообще я смотрю

¹ Нашедшие Град. С. 354–355.

уже другими глазами на представительство [то есть сам институт парламентаризма, Государственной Думы — М. К.] (...) А левить Думу собой, как от меня ждут, я уже не могу. (...) Между тем передо мной, если не раскрываются, то предчувствуются горизонты новой, истинной жизни. И сияет в России не народное представительство публицистических свещей, а святая Церковь. И сюда клонятся все мои помышления.

Сегодня у меня был Евгений Трубецкой, который сразу заявил о своём охлаждении и разочаровании в политике — что он (...) возвращается к Платону, вечным ценностям, беспартийной проповеди и пр. Мне всё это не особенно нравится, так как звучит чем-то личным. Ещё большее впечатление произвело на меня полученное им от Струве письмо, в котором тот выражает острое разочарование в теперешней политике и высказывает платоническое желание уехать года на два в деревню, чтобы отдаться идеям, бороться с уличным политиканством и писать книгу о революции. Люди, наиболее мне близкие, настроены, как и я...»¹

В конце 1907 года в письме к Волжскому из Парижа третий лидер «нового религиозного сознания», Мережковский, вполне адекватно оценивал происходящие в религиозно-общественной среде перемены: «Вы все “поправили”, мы — “полевели”. И это не на политической суетной поверхности, а глубже, принципиальнее. (...) Сближение Булгакова с Новоселовым, который есть несомненный “черносотенец”, их общее склонение к православному “жизню-бытью” производит на нас самое тягостное впечатление. Булгаков достоин был лучшей участи... Ревную я вас всех к православию»².

Новая комбинация сил «религиозной общественности» не укрылась и от внимания Струве. Работая после роспуска Думы летом 1907-го над статьей о русской революции (той, что позже вошла в сборник «Вехи»), Струве с редкой откровенностью рассказывал корреспонденту о своем (так до конца и не исполненном) творчески-мировоззренческом плане. Его центром было желание подвергнуть специальному анализу «идушую от Соловьева через Вас [Волжского], Бердяева, Мережковского, отчасти Розанова легенду о религиозности русской революции. Я думаю, что эта легенда коренится в том, что всех перечисленных писателей, несомненно религиозных, роднит с революционерами сильная доза материализма, присущая христианскому богоматериализму, являющемуся у Соловьева и его последователей настоящей философией православия. Я лично непосредственно чувствую это, напр., в Свенцицком. Христианство, мне кажется, заключает в себе две струи: идеалистическую, иначе

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. К. А. Соловьев. М., 2014. С. 101.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 253. Лл. 9–11об.

гуманистическую, и материалистическую, иначе космическую. Культурно-философское значение и содержание протестантизма заключается в том, что он решительно отказался от материализации Бога и от всякой попытки подчинить “космос” религии. Я чувствую себя протестантом (...) В этом смысле я ближе к Толстому, чем к Соловьеву (...) Вообще религия сохранилась в мире почти исключительно в форме протестантизма; православие же или богоматериализм есть религия [нрзб] кружка, и я сомневаюсь, сможет ли богоматериализм когда-нибудь снова стать религией больших масс. (...) Крушение богоматериализма есть крушение эсхатологии, и неудивительно, что все усилия богоматериалистов направлены на возрождение эсхатологической веры, которая протестантизмом преодолена»¹. Выстраивалась довольная простая религиозно-политическая схема философско-психологических соответствий: «христианско-социалистическому» соловьевству (Бердяева, Мережковского, Свенцицкого и др.) соответствовали *богоматериализм* и *революционная эсхатология*, а «гуманистическому (протестантскому) христианству» (читай — «идеалистическому либерализму») Струве — *идеализм* и *буржуазность*.

В ожидании средств на издание второго выпуска «Вопросов Религии» Эрн и Свенцицкий пополняли авторский коллектив: с прекращением 8 июня 1907 года еженедельника «Век» в ВР перешел его постоянный сотрудник свящ. И. Ф. Егоров. Осенью 1907 года Эрн подготовил «установочную» статью «Что делать в ожидании Собора?» (в окончательной редакции она приобрела вовсе не церковное имя «Что делать?»). Заседание Петербургского РФО 3 октября 1907 года принесло в состав сборника текст доклада Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании». В объявленном осенью 1907-го окончательном составе вторых ВР ничего не упоминалось о статье Булгакова, ибо после его известного думского опыта его отношения с Эрном и Свенцицким не оставляли возможностей для солидарного дела. Расставанию бывших союзников сопутствовал скандал. Не исключено, что этот скандал и послужил непосредственным поводом к разрыву. Московское охранное отделение, пристально наблюдая за революционной деятельностью Свенцицкого, составило агентурную записку. В ней рассказывалось в том числе и о работе Свенцицкого в РФО памяти Соловьева, в котором тот играл «выдающуюся роль проповедника, производя сильное впечатление на слушателей, особенно на женщин, совершенно подчинявшихся его нравственному влиянию». «В 1907 году, — докладывала агентура, — Свенцицкий оказался совершенно дискредитированным в глазах названного общества [товарищем председателя его был Булгаков], так как выяснилось, что, с одной стороны, совершена

¹ Цит. по: М. А. Колеров, Н. С. Плотников. Творческий путь П. Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 99.

им растрата общественных денег, а с другой стороны — открылись любовные похождения его, несоответствующие роли проповедника, вызвавшие против него преследование со стороны родственников оскорбленных девиц, под угрозами каких-либо лиц Свенцицкий вынужден был скрыться из Москвы, проживая долгое время инкогнито где-то под Петербургом¹. Впрочем, осенью 1907-го он вновь появился в заседаниях РФО, а в январе 1908-го выступал с докладом о «Мировом значении аскетического христианства».

Осенью 1907 года Эрн и Свенцицкий не оставляли надежд на основание «органа». «Широкая терпимость» становилась их идейным знаменем. Даже унаследованная от «освободительного движения» нелюбовь к «декадентству» подвергалась сомнению: еще весной Ельчанинов сформулировал новые взгляды, согласно которым «мы теперь далеки от того, чтобы отмахиваться руками от этого слова, мы знаем (...), что от “декадентства” многие идут к Церкви»². С прекращением «Века», не столь престижного, но публиковавшего многих, эти «многие» остались без постоянного пристанища. Без «клуба» остались и мелькавшие на страницах «Века» Розанов, Аскольдов и Бердяев. Очевидно, что их постоянные встречи в залах РФО не могли заменить нерегулярно выходившие «Записки РФО». «Религиозно-общественная библиотека» Д. П. Ефимова иссякла, ее преемница, «Библиотека Века», закрылась.

Наконец, в ноябре 1907 года «взыскующие» учредили двухнедельный журнал «Живая Жизнь» — его зеленая обложка соответствовала названию. Шрифт же названия отвечал сложившейся традиции, напоминая шрифты «Вопросов Жизни» и «Вопросов Религии». На приглашение к сотрудничеству откликнулись не все. Имена на обложку предоставили Аггеев, Бердяев, Булгаков, Андрей Белый, Гиппиус, Карташев, А. А. Мейер, арх. Михаил, Г. А. Рачинский, Е. Н. Трубецкой, Филосов, Флоренский. Аскольдов пообещал статью «Святость и Христианство» или «О путях святости» и др.³ Под впечатлением дебютировавшей 27 ноября 1907 года «Живой Жизни» Бердяев сообщал Гиппиус 6 декабря, обращаясь, несомненно, ко всей группе Мережковских: «Думаю, что нам не стоит терять связи со Свенцицким и Эрном, у них много с нами общего и они люди глубокие, хотя писатели довольно плохие. Булгакова я люблю, но он отпадает все дальше»⁴. Программа «Живой Жизни», однако, предполагала несрав-

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Д. 94а. Л. 39 об. О соблазнении Свенцицким трех девиц и последующем его бегстве в село Крекшино Савеловской железной дороги см.: *Марк Вишняк*. Дань прошлому. С. 168–170.

² Век. № 12. СПб., 25 марта 1907 года. № 12. С. 137.

³ ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 4. (10 ноября 1907 года).

⁴ РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 276. Лл. 18–18 об.

ненно большую широту сотрудников: она рассчитывала на привлечение среды, а не имен, «общественности», а не только лишь апеллирующих к ней литераторов. «Наш журнал хочет стать органом критического сознания современности (...) Делаются последние выводы из начал, которыми жили века и тысячелетия. Воскресают идеи далекого прошлого. Начинается третье Возрождение Древности (...) Наконец, надвигающийся на человечество социализм делает нашу эпоху исключительно важной и ответственной. (...) Журнал ставит себе задачей служить по мере сил торжеству живой жизни. Настоящий момент требует не только религиозной практики, но и религиозно-умозрительного углубления, а потому необходима работа представителей самых различных религиозных направлений».

Авторы программы «Живой Жизни» попытались максимально насытить ее признаками всех религиозных направлений, отозваться аллюзиями на все знаки: тут был и Третий Завет Мережковского, и «религиозная практика» ХББ, и первохристианство, и социализм, и «умозрение» профессиональной философии. «Самая группа лиц, стоящих во главе издания, расходится друг с другом в очень многих и весьма коренных вопросах», — признавалась редакция¹. «Внутреннее единство» журнала учредители надеялись отыскать «в понимании жизни как чего-то безусловно ценного и в живом признании Вечного и Абсолютного единственным животворящим началом жизни»... Ради этого, видимо, и не следовало учреждать специального органа. Тем не менее за словами программы скрывалась не очень скрываемая уловка: спасти дело «Христианского братства борьбы», превратив его основателей в «мозговой центр» «критического сознания современности». На 1908 год журнал обещал «в каждом номере оригинальные статьи по тем новым религиозно-философским и догматическим вопросам, которые ставятся жизнью: о церковном соборе, о канонах, о лишении сана, о новом религиозном сознании, об отношении христианства к социализму и анархизму, об идее христианской политики, о возможности создания христианской партии, пересмотре аскетического отношения к миру, то есть браку, любви, к государству, к общественной деятельности, к культуре, к искусству и красоте». Планировались отклики на религиозные искания в литературе, заседания РФО в Москве и Петербурге и «критические очерки» об «отрицателях христианства» и «провозвестниках»: Ренане и Сковороде, Штраусе и Бухарева, Штирнере и Фейербахе, Марксе, Хомякове, Самарине, Леонтьеве, Соловьеве и С. Трубецком... Нашлось место и Ионе Брихничеву.

Подписка, открытая в магазине «Братство», шла вяло. В итоге 29 декабря 1907 года Эрн сообщал: «Сейчас 400 подписчиков...»² Поэтому сначала

¹ От редакции // Живая Жизнь. 1907. № 1. С. 2.

² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 27.

объявлялись 10 % скидки сельским священникам, учителям и студентам и 20 % скидки — бывшим 4200 подписчикам еженедельника «Века». Потом номера рассылались всем подписчикам «Века» в течение 1907 года. Затем подписка продлевалась до января 1908-го. В наступившем 1908-м журнал вновь рассылался читателям «Века». Даже в последнем номере «Живой Жизни» редакция обращалась с «настойчивой просьбой» подписываться и распространять... Дела «Живой Жизни» шли плохо. Творческие проблемы все-таки решались усилиями друзей Эрн — Ельчанинова и Г. Д. Векилова, — ведавших статьями, хроникой, библиографией. В конце концов выручали тексты докладов, сделанных в РФО (по правилам того времени, полиция разрешала выступление только по написанному тексту): «Религиозный смысл “Бранда”» Свенцицкого (доклад 5 марта 1907 года), его же курс лекций «Лев Толстой и Вл. Соловьев» (с 15 марта 1907 года), «Откровение в грозе и буре» Морозова Эрн (7 октября 1907 года). Неважно, что, например, названные темы Свенцицкого уже излагались им в «Библиотеке Века» (Выпуски 8 и 13 за май и июль 1907 года), — повторы не вредили проповеди.

В практику журнала вошла внутренняя полемика. В первом же номере Эрн выступал на защиту Соловьева и Булгакова от Мережковского. Мережковский констатировал: «Все попытки соединить христианство с миром ни к чему не приводили, кроме ущерба для обеих сторон: или христианство глотало мир, как нож, или мир урезывался христианством, как ножом». Эрн не мог оспорить столь яркие образы и практически отступал от прежних «христианско-политических» рубежей, еще весной 1905-го защищавшихся Булгаковым в его полемике со Струве о религии и политике. Практически повторяя индивидуалистическое решение этой проблемы, предложенное Струве, о попытках соединить христианство и мир Эрн отзывался теперь как о тщетном смешении «воды с маслом» и предлагал искать синтеза «в интимной внутренней жизни каждого христианина», где «горит постоянно живой синтез мира и Бога, плоти и духа». Теперь же и сам Струве с вниманием отнесся к «Живой Жизни». В одном из обзоров «Русской Мысли», резко критически откликаясь на выступления Свенцицкого в защиту религиозного максимализма, Струве считал необходимым подчеркнуть: «С некоторого времени кружок лиц, группирующихся около В. П. Свенцицкого и В. Ф. Эрн, издает свой орган *Живая Жизнь*, издание чрезвычайно живое, руководители и сотрудники которого подкупают искренностью и тем внутренним благородством, которого так мало в нашей журналистике»¹.

Прекрасные отношения сложились у «Живой Жизни» и с цензурой. 20 февраля 1908 года Московский комитет по делам печати возбудил уголовное преследование по факту публикации в журнале статей свящ.

¹ П. Б. Струве. *Patriotica*. С. 388.

М<е>ч<ева> «О таинствах», Свенцицкого «Положительное значение Л. Толстого», Аскольдова «Святые как выразители христианства» и Эрн «Геккель о христианстве». В вину авторам статей вменялись выступления против существующей обрядовой практики церкви и «проповедь “новых религиозных переживаний” человечества, несогласных с истинно-христианским мировоззрением»¹. Но член Совета Главного управления по делам печати М. Никольский неожиданно принял сторону сотрудников «Живой Жизни». В своих отзывах от 11 и 31 марта 1908 года на донесение из Москвы он писал: «Я положительно нахожу, что Московский Комитет в деле оценки подобных статей и вообще подобного направления в религиозно-научной литературе находится на ложном пути и его действия не могут не представляться для человека непредубежденного явным злоупотреблением властью, принадлежащею ему по закону». И о статье свящ. М<е>ч<ева> и других: «Быть может, в этом взгляде ревнители православного учения найдут нечто критическое, но ни один человек, если он только не фанатик, не найдет и тени богохульства. (...) Ст. 73 [Уголовного Уложения] преследует не учения или “переживания”, а исключительно богохуление и оскорбление святынь, почитаемых христианскими исповеданиями, чего в рассматриваемых статьях не содержится». После такого афронта перспектив у уголовного преследования журнала не было. И определением Московского окружного суда от 20 мая 1908 года дело против «Живой Жизни» было прекращено².

Хуже обстояло дело с деньгами. По выходе в свет первого номера Эрн обратился к М. К. Морозовой с просьбой о материальной помощи журналу. 7 декабря 1907 года она отказала³. И декабрьский номер вышел, ради экономии, сдвоенным, со ссылкой на «типографские условия». Ни тогда, ни позже «Живая Жизнь» так и не уложились в объявленный график еженедельной периодичности. В последнем, втором номере за 30 января 1908 года программа дополнялась экскурсом в историю религиозно-философской печати, который по стечению обстоятельств превратился в своеобразное резюме: «За последние годы в России делался целый ряд попыток создать независимый орган свободной религиозной мысли. “Новый Путь” сменился “Вопросами Жизни”, “Вопросы Жизни” — “Веком”. Теперь возникла “Живая Жизнь”. Нужно ли говорить о пользе подобных изданий?» Но деньги кончились. После 30 января 1908-го редакцию журнала, до того не получившую почти ни одного письма, забросали откликами немногочисленные читатели: в феврале — 15, в марте — 46⁴. 10 февраля

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1538. Лл. 4–5.

² Там же. Лл. 7, 9, 10.

³ ОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 99.

⁴ См. письма в редакцию журнала в архивном фонде Эрн (ОР РГБ. Ф. 348).

интересовался Аскольдов: «Верно ли, что Ж. Ж. прекращается?»¹ Ущемлялись интересы не только читателей, но и авторов. На ближайшие номера были объявлены публикации лекции Свенцицкого «Мировое значение аскетического христианства»² и «Предисловие к одной книге» (как оказалось, «Царь и революция», вышедшей в Париже на французском языке и восходящей к проекту сборника «Проблемы мистицизма» или «Анархия и Теократия») Мережковского³.

И в третью неделю апреля 1908 года по плану и программе журнала тиражом 1500 экземпляров вышел сборник «Религия и Жизнь»⁴, чье оформление сходством с «Живой Жизнью» не оставляло никаких сомнений в прямой преемственности изданий. На статью Эрн о старообрядчестве в № 1 за 1908 год в сборнике отзывались С. П. Каблуков и о. (бывший арх.) Михаил, цензурного страха ради без ссылки на издание печаталось предисловие Мережковского к «Царю и революции», продолжался «Столп» Флоренского (Письмо восьмое, в силу издательских обстоятельств появившееся до выхода в свет предыдущих писем во втором выпуске «Вопросов Религии»). Думалось, что новация будет жить, но и ее постигла судьба журнала. Так и не опубликованным осталось продолжение полемики С. П. Каблукова с Эрном⁵. Написанная Ельчаниновым и Векиловым библиография вошла в запаздывающий второй выпуск «Вопросов Религии».

Лишь в феврале 1908 года дело дошло до корректуры второго выпуска «Вопросов Религии»⁶. И лишь во вторую неделю июня 1908 года он увидел свет в количестве трех тысяч экземпляров.

С прекращением «Живой Жизни» можно говорить о полном исчезновении ХББ. Эрн занялся академическими философскими исследованиями и сохранил все прежние свои связи, а Свенцицкий и Брихничев окончательно отделились от прежней религиозно-философской среды, но не порвали с максимализмом. Свою собственную проповедь

¹ ОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 13.

² В. Эрн. Социализм и проблема свободы // Живая Жизнь. 1908. № 2. С. 53.

³ См.: Д. С. Мережковский. Полное собрание сочинений. Т. X. С. 157; Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и Революция [1907]. Сб. / Первое русское издание / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999 (2 издание: М., 2017).

⁴ Роспись сборника см. по указателю содержания в: М. А. Колеров. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947 / С приложением: А. В. Карташёв. Проспект сборника «Межа» (1923). М., 2000.

⁵ С. П. Каблуков. Письмо к В. Ф. Эрну от 13 апреля 1908 года. // ОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 52.

⁶ П. А. Флоренский. Письмо к В. Ф. Эрну от 25 февраля 1908 года. // Там же. К. 3. Ед. хр. 93. Л. 2.

Брихничев развернул везде, где позволяла ему жить его приобретенная политическая неблагонадежность: в Ростове-на-Дону он издавал журнал «Пойдем за Ним», в Царицыне — журнал «Слушай, Земля», газету «Царицынская жизнь», переименованную в «Город и Деревню», в октябре 1910-го поселился под Москвой в Малаховке вместе со Свенцицким и вскоре основал журнал «Новая Земля». Все эти предприятия 1908–1911 годов неизменно прекращались либо по недостатку средств, либо в результате конфискации. В числе их сотрудников оказались не только Свенцицкий (взявший псевдоним Платонов), но и Н. А. Клюев, и В. Я. Брюсов. Вскоре полиция обнаружила вокруг Брихничева партию «христианских народных социалистов», которая, в свою очередь, оказалась лишь внешней оболочкой секты «Голгофских христиан» во главе со Свенцицким¹. Трудно судить, что стояло на самом деле за действиями и энергией Брихничева и Свенцицкого — несомненно лишь, что они нашли друг друга. И на этом заканчивалось идейное и практическое сотрудничество Свенцицкого с Эрном. И Свенцицкий исчез из сложившейся в 1902–1907 годах религиозно-общественной среды.

Заканчивалась эпоха «бури и натиска». Невдалеке поднималась громада книгоиздательства Морозовой «Путь» — с новыми сборниками и книжными сериями, с теми же Е. Н. Трубецким, Г. А. Рачинским, Булгаковым, Бердяевым и Эрном во главе, но без Свенцицкого и «голгофских христиан» в числе сотрудников. Булгаков быстро эволюционировал прочь не только от политики, но и от церковной общественности. Родной брат близкого к Булгакову Е. Н. Трубецкого, публицист Г. Н. Трубецкой свидетельствовал в частном письме (их общему с Булгаковым знакомому) от 9 января 1908 года: «Теперешний Булгаков совершенно разочаровался в прикладном непосредственном влиянии Церкви на общественные отношения, он вступил в новый фазис, в котором ещё не окончательно окристаллизовался, — фазис чистой, пожалуй, аскетической церковности. Крушение социальных утопий, политическая реакция действуют у нас на массу в смысле развития либо апатии, либо нигилизма. Но на избранные натуры пережитый период оказал влияние в смысле углубления самосознания. От увлечения политикой переходят к признанию первоверховности культуры, и то же увлечение церковной политикой сменяется углублением церковного и религиозного самосознания»².

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. 1911. Д. 94а. Лл. 35–38. См. также письма Брихничева и Свенцицкого к В. Я. Брюсову: ОР РГБ. Ф. 386: К. 136. Ед. хр. 7; К. 102. Ед. хр. 21.

² Письма Г. Н. Трубецкого М. Здзеховскому (1907–1928) / Публ. Софии Филиппик // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс, [2003]. С. 300–301.

Заключение
КОММУНИЗМ, ИУДА ИСКАРИОТ И СОЦИАЛИЗМ
О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Булгаков, выступая с апологией Фихте, не мог не примерить к себе лично заслужившие апологии черты философа и национального вождя, его норму. Он говорил: «если кому-либо из представителей философии, не только немецкого идеализма, но я думаю, и вообще философии нового времени, по праву принадлежит звание философа-трибуна, философа-гражданина, то, несомненно, — Фихте»¹.

Булгаков был трибун. Взгляд его карих глаз на чёрно-белых фото его времени был просто взглядом идейного вождя. Молодой, но уже опытный революционер, близко знакомый, в частности, со Струве, киевской и одесской революционной средой, будущий вождь сионизма В. Е. Жаботинский (1880–1940) ещё в начале 1903 года, вскоре после выхода в свет сборника экс-марксистов-идеалистов «Проблемы идеализма» (ноябрь 1902 года) заметил глубокую природу революционного вождизма, в частности, Булгакова в его сравнении с другими авторами сборника, Бердяевым и Струве (скрывшимся под псевдонимом «П. Г.»): «В г-не Бердяеве я ценю то, что он говорит не свысока. В его тоне все время слышится глубокое уважение к “поверженной” доктрине — слышится как бы сознание того, что нынешняя идеалистическая реакция, может быть, не помешает скорому и уже окончательному восстановлению универсальности этой доктрины. Ни у г. Булгакова, ни у г. П. Г. я этого уважения не слышу, а слышу, напротив, в большей или меньшей степени тон свысока и снисходительное похлопывание по плечу со словами:

— В свое время... до известной степени... относительно не без пользы...

---

¹ С. Н. Булгаков. История социальных учений в XIX в. [1908–1910] // С. Н. Булгаков. Избранное / Сост. О. К. Иванцова. М., 2010. С. 261. Даже теоретик украинского национализма вынес эпиграфом для своего манифеста цитату из «Речей к немецкой нации» Фихте, но на немецком языке: *Дмитро Донцов*. Націоналізм. Львів, 1926. Особый раздел этой книги посвящён национальному «эросу», прямо восходящему к теориям Струве и Д. Муретова: *Национализм. Полемика 1909–1917*. Сборник статей / Сост. М. А. Колеров. М., 2015.

И мне кажется, что я прав, когда вижу во всем этом проявление застарелой прямолинейности, привыкшей так:

— Или ручку дозвоьте поцеловать, или бац по физиономии...»¹

Булгаков почти с самого начала своей научно-идейной карьеры, с середины 1890-х годов, видел себя и своё место среди интеллектуальных вождей революционного марксизма и коммунизма. А его взгляд на современный ему социализм и коммунизм несомненно и текстуально был связан с мировой наукой о первоначальном коммунизме начального христианства. И с важной для марксистов любого толка статьёй Ф. Энгельса, позднее творчество которого сделало его подлинным отцом марксистского ревизионизма, в центральном партийном органе СДПГ «Die Neue Zeit» «К истории первоначального христианства»: «В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов... И христианство, и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы: к одним — как к врагам рода человеческого, к другим — как к врагам государства, религии, семьи, общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед»².

Круг «христианских социалистов» (С. Н. Булгакова и «Христианского братства борьбы», ХББ) в 1905–1906 годах иной раз называл себя «христианскими коммунистами». Булгаков употреблял именование «коммунист» совершенно нейтрально и уважаемого им немецкого марксиста Адлера легко называл «коммунистом»³. Себя же уже в 1905 году он осознал христианским социалистом — и в целом оставался им как минимум вплоть до октябрьского переворота 1917 года. Булгаков оставался политиком социального, но моралистического и индивидуалистического толка. Опытный газетный журналист в ежедневной печати, публицист в более

¹ Л. Ф. Кацис. «Русская весна» Владимира Жаботинского. Атрибуция. Библиография. Автобиография. М., 2019. С. 121.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 22. М., 1960. С. 224 (№ 1, 1894: русский перевод 1906). Свод данных ортодоксального марксизма и политического коммунизма по этой теме был дан в труде К. Каутского «Происхождение христианства» (1908, русский перевод 1909), в котором судьба и учение Иисуса Христа были помещены в исторический, политический и социально-экономический контекст его времени.

³ С. Н. Булгаков. История политической экономии. М., 1907. I паг. С. 38.

основательных изданиях, компетентный критик, участник идейного триумвирата вместе с четой Мережковских, Д. В. Философов писал в это время об опыте Булгакова, Бердяева и Мережковских, о разрушительном для их политических претензий их собственном индивидуализме: «Идеализм, новое религиозное сознание — удел внеклассовых личностей»¹.

Тогдашний православный юноша и потому компетентный наблюдатель, младший современник Булгакова С. И. Фудель свидетельствовал по личным впечатлениям, впрочем, уже 1917 года: «Отвергая “живоцерковничество” как перенесение в Церковь идеи и методов революции, и Булгаков, и Флоренский, и Свенцицкий, и Дурьлин, и Новоселов, и все другие церковные деятели ждали для Церкви возрождения в жизни истинной духовности, в освобождении от государственного и бытового обмирщения и формализма. (...) помню острые и умные статьи Булгакова, в частности, о Достоевском, о котором он говорил лучше всех, сам представляя из себя точно сплав всех трех братьев Карамазовых. Но все-таки Алеши было в нем меньше, чем Ивана, и поэтому, в те годы во всяком случае, в нем было слишком много профессиональной публицистики. Сам себя он называл тогда Колей Красоткиным»².

Однако социально-экономическая и политическая основа его социалистических убеждений оставалась марксистской и коммунистической³. При этом слово «коммунист» в исследовании словоупотребления начала XX века должно быть радикально очищено от коннотаций XX века и правящего в СССР коммунизма. Смысл этого слова для начала XX века значительно проясняет живой свидетель того времени, христианин и социалист А. А. Мейер, почти ровесник Булгакова. Он писал тогда: «Многие не замечают внутреннего, глубокого родства коммунистических идеалов с идеалами свободного мистического общения, и им могла бы показаться странной попытка сблизить общину живущих «в духе» и чуждых «общественности» святых с чисто общественной организацией коммунистов»⁴.

¹ Д. В. Философов. Разложение материализма [1907] // Д. В. Философов. Критические статьи и заметки, 1899–1916 / Отв. ред. В. В. Полонский. М., 2010. С. 118.

² Сергей Фудель. Воспоминания / Публ. Н. Плотникова // Новый мир. М., 1991. № 4. С. 186.

³ См.: М. А. Колеров. Гершензон и марксисты: к вопросу об идейной свободе писателя // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999; М. А. Колеров. Булгаков-марксист и Булгаков-ревизионист. Новые тексты // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999.

⁴ Александр Мейер. Религия и культура. По поводу современных религиозных исканий [1909] // А. А. Мейер. Философские сочинения / Сост. С. Далинский. Париж, 1982. С. 70. Важно понимать, что современное ясное различение

В не переизданном самим Булгаковым и поныне привлекающем мало исследовательского внимания его предисловии к юбилейному собранию сочинений Ф. М. Достоевского, в котором, однако, по его собственному заявлению, выразились его «убеждения» (при этом — в смягчённом виде)¹, Булгаков, с одной стороны, осуждал революционеров от анархистов до кадетов за «антирелигиозный нигилизм» — из-за него-де революция в России только разрушительна, и не имеет «положительного идеала», и на практике русский социализм оказывается прохождением задов немецкого и французского социализма. С другой стороны, Булгаков выступал дюжим марксистом, требующим для *необходимого, чаемого им* социализма достаточного развития капиталистических производительных сил: «России, с недоразвитым еще капитализмом, мудрено думать о немедленном социализме, и революция рассматривается в большинстве случаев даже социалистами как политическая или “буржуазная”». Поэтому наилучший социализм, следующий за буржуазными свободами, Булгаков тогда видел в соединении социалистической революции с религиозным преобразованием: «Революция, в которой бы мы потеряли и забыли бы Достоевского или Вл. Соловьева, явилась бы духовным самоубийством

социализма и коммунизма в 1900-е годы вовсе не было ясным и очевидным. И не только известный критик их П. И. Новгородцев в своём «Об общественном идеале» не видел между ними сколько-нибудь заметной разницы. Апологическое изображение социалистического будущего под пером, например, вполне трезвого экономиста М. И. Туган-Барановского тоже было едва ли не коммунистическим: «Вера в социализм есть вместе с тем вера в прогресс, в лучшее будущее человечества, в прекращение насилия и эксплуатации, в гармоничное примирение общественной действительности с нашим нравственным идеалом. Мы верим, что жизнь станет благоуханна и прекрасна, что личное счастье перестанет покупаться несчастьем других, что бедность перестанет пригибать человека к земле, что правда победит. Нам рисуется в голубой дали лучезарная, чудная страна и мы верим, что социализм откроет нам к ней двери» (*М. Туган-Барановский*. Как осуществится социалистический строй? // Мир Божий. СПб., 1906. Май [№ 5]. I отд. С. 199).

¹ Организатор юбилейного собрания сочинений Достоевского, его вдова А. Г. Достоевская первоначально обратилась за предисловием к Д. С. Мережковскому, но его текст (видимо, очень революционный) не устроил вдову. Тогда она обратилась к Булгакову. Памятуя, что Достоевская отказала Мережковскому из-за чрезмерной «революционизации» Достоевского («Пророк русской революции») Булгаков уверял её в письме от 11 октября 1906 года, что в тексте предисловия он сам сделал «словесные смягчения», но в смягчении «дальше идти мне не позволяют убеждения» (Из архива А. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым / Публикация Э. Гаретто // Минувшее. Исторический альманах. 9. М., 1992. С. 253).

народа, как бы ни были велики ее политические завоевания. Но мы верим, что не случится этого несчастья...» — и «за порогом революции» будет «грядущее преображение»¹.

Преображение это, однако, в сознании Булгакова было не только условием земного рая коммунизма, но и непосредственным преодолением земного и ада зла, который тогда рисовался Булгакову в образе самодержавия (ясно, что именно поэтому позже, возлюбив самодержца, Булгаков не стал переиздавать этот свой текст). Он писал в предисловии о России, «где царствует бюрократия под предлогом и под псевдонимом самодержавия», где «погром, расстрел, провокация, тюрьма, ссылка, пытка, обман»: «Там раскрылись врата ада, из пасти которого в Россию вселяются полчища демонов и несут России ужасы междоусобной войны, всеобщего озверения и взаимного самоистребления. Это уже настоящая область сатаны, отца лжи и вражды, сеющего свои семена, ... там нет никакой правды, а одна чернота, ложь и себялюбие, ... с их дьявольским нигилизмом не может сравниться никакой революционный, часто детский и простодушный нигилизм, плод молодости или временного недоразумения»².

После свержения самодержавия в России в феврале-марте 1917 года Булгаков, приняв отрицание самодержавия (осуждая равно поклонение как «самодержавию», так и «самодержавию народа»), искал и уточнений для своего социализма, отводя ему всё более прикладной, антикапиталистический характер, но видя его явную недостаточность для преодоления смуты и хаоса: «могучим духовным соблазном для церковного самосознания нашего времени, духовным его идолом, бесспорно, является “демократия” (...) Суеверное преклонение пред “волей народной”, лежащее в основе культа демократии, родилось из обожествления греховного человека (...) Демократия может возвыситься до великого подвига, но может и опуститься до низкого озверения и тиранического буйства, и ее именем не может быть оправдываемо безбожие и кощунство, насилие и преступление». «Задачей церкви является поднимать, воспитывать демократию, приближать ее к достоинству “рода Божьего, царского священства”...»³

Булгаков снова, как и в 1905–1906 годах, подвергал принципиальной критике германское влияние на русский социализм в «самообожествлении толпы», «учении о непогрешимости человечества в его групповом,

¹ С. Н. Булгаков. Чрез четверть века (1881–1906) [Август 1906] // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Юбилейное (шестое) издание. Т. 1. СПб., 1906. С. XXXIV–XXXV, XXXIX–XL.

² С. Н. Булгаков. Чрез четверть века (1881–1906). С. XXXVII.

³ Сергей Булгаков. Церковь и демократия (Речь, произнесенная на I Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 года в Москве). М., 1917. С. 3, 5, 9, 7, 10–11, 12.

классовом или государственном объединении», но что теперь он противопоставлял ему на практике? «Самый положительный тип демократии» — английский¹. Оставим развитие этого признания исследователям английских и англиканских контактов Булгакова в эмиграции.

Оговариваясь, что «хозяйственная свобода для христианской свободы не имеет решающего значения», в специальном трактате 1917 года о «христианском социализме» Булгаков утверждает *правду социализма* и осуждает исторический социализм и капитализм: «Мы должны, не обвиняясь, сказать, что социализм *прав* в своей критике капитализма, и в этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма. Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая в капитализме». Для Булгакова теперь социализм — лишь экономическая реформа, а не духовная, хотя Булгаков согласен с экономической реформой капиталистического хозяйства в направлении социализма и с установлением «растущего общественного контроля»².

В ограничении же претензий социализма сугубо материальной программой Булгаков видел спасение от обожествления материального, и главным инструментом этого спасения видел церковь. В бедной крестьянской стране, доведённой до нищеты войной и революцией, где главным требованием десятков миллионов людей было требование земли, церковь виделась Булгакову «воспитателем демократии» и спасителем от «искушения хлебами»³ на пути Христа (Мф. 4:2–4)⁴. Так Булгаков-социалист в итоге оставил социализму в задании борьбу против капитализма и установление общественного контроля. Но коммунистическое перераспределение, диктуемое доктриной, вообще борьба за материальное благополучие уже входило в противоречие с полным христианским освобождением человечества, которое исповедовал Булгаков. Позднейший русский исследователь, принадлежавший к поколению Булгакова, правовед и философ Е. В. Спекторский, появившийся в Киеве на десяток лет позже Булгакова, довольно точно описал пределы христианского смирения

¹ Там же. С. 11–12.

² С. Н. Булгаков. Христианский социализм / Московская просветительная комиссия. М., 1917. С. 12, 33, 34–35.

³ О возобновлении в кругу Булгакова темы «искушения хлебами» во время объявленного подкупа интеллигенции большевистской властью в 1918 году см.: М. А. Колеров. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020. С. 271–272.

⁴ Позже к этому образу в критике практического социализма прибегал и Мережковский: Д. Мережковский. Россия будет. II. // Наш Век. Петроград. 28 (15) июня 1918 года. № 103. С. 3.

перед экономической несправедливостью, которые Булгаков, конечно же, не мог пересечь, отказываясь от радикального социализма. Спекторский так резюмировал их с Булгаковым общий опыт: «Христианская экономика — это экономический идеализм. В полном согласии с принципом преодоления материи духом она решительно отвергает экономический материализм, для которого духовное — это только последствие или отражение материального»¹.

Коммунистический образ Грядущего Града² был актуализирован в России на рубеже XIX и XX веков не только примерами учений и борьбы католических социалистов и католических революционеров, но и традицией историзации земной жизни Иисуса Христа, прямо связывающей поиски социального идеала с образцом первохристианского коммунизма (см. издание ХББ — «Взыскующим Града»). Образ Града Грядущего внятно присутствовал и в идейном строе марксистского коммунизма: вселенскому евангельскому «*Не имамы бо zde града пребывающа, но грядущаго взыскуем*» (Евр. 13:14) прямо соответствовало интернациональное в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848): «коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет».

За плечами Булгакова стоял личный опыт десятилетия в социал-демократии и идейное творчество в материалистически-позитивистском варианте марксизма, именовавшегося «экономическим материализмом», и, главное, — опыт соединения коммунистической революционности с мессианской идеей национального освобождения в начале 1900-х. Для революционеров поколения Булгакова существенным фактором социального и социалистического истолкования христианства и Христа стала книга Э. Ренана «Жизнь Иисуса». В ней были даны следующие существенные для среды Булгакова формулировки: «Иисус жил в один из тех моментов, когда социальная борьба ведется, так сказать, в открытую, когда общественный деятель бросает на карту ставку, увеличенную во сто крат. В эти моменты каждый, взявший на себя ответственную роль, рискует жизнью... (...) Израиль... жаждал теперь всемирного обновления, переворота, который поколебал бы мир в самых коренных его основах. (...) Наступает очередь царства добра. Пришествие этого царства добра будет

¹ Е. Спекторский. Христианство и культура. Прага, 1925. С. 291–292.

² Другим, столь же интенсивно представленным в русской культуре, полем для применения ценностей послеисторического Града к исторической социальности стал опыт русского старообрядчества, широко использованный антиабсолютистской и антикапиталистической оппозицией, и в интегральном литературно-художественном и мифологическом образе явленный в Граде Китеже, в альтернативном историческом мире, «ушедшем» от зла мира сего в ожидании Града Грядущего.

великой и внезапной революцией. Будет казаться, что настал конец мира... Новый порядок будет управлять человечеством. (...) То, что действительно отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков вообще, — это его целостный идеализм. Иисус, в некоторых отношениях, — анархист, так как у него совершенно отсутствует идея гражданского управления. (...) Он хочет уничтожить богатство и власть, а не овладеть ими»¹. С другой стороны, Иуда был изображён им как «скупой», «жадный казначей», который, «сам того не замечая, мог усвоить себе узкие взгляды своей должности. (...) Администратор убил в его душе апостола»². В этом очерке легко можно увидеть образец для революционного идейного и научного вождизма Булгакова и его непрерывные неудачи как хозяйственника и администратора. Похоже, эти несомненно известные ему образы волновали его всю его жизнь. Названная схема образов явно не могла его удовлетворить. Уже после заката его христианского социализма и политического активизма, когда Булгаков всеми его соратниками (и втайне им самим) воспринимался как вождь направления³ (и, вероятно, сознательно вёл себя так), он разочарованно и интимно признался близкому своему сотруднику В. Ф. Эрну из родного города Ливны: «У Вас есть то завидное качество, которого у меня нет и, кажется, никогда не будет: спокойная уравновешенность и твёрдость воли. (...) Живу здесь в атмосфере русской бедности, темноты, простоты и всего того, что так живописал Чехов. Начинаю уже жалеть о быстро промчавшемся лете, после которого начнётся лекционный год, и мне придётся оторваться от книг, за которыми просидел бы ещё долго-долго, да и лучше бы мне...»⁴ Конечно, с таким пафосом уединения вождём и политиком стать нельзя. Марксистский критик давно уже описал политическую стилистику Булгакова, намекая на его происхождение из духовного сословия: «Счастлив г. Булгаков, решающий вопросы с прямолинейностью богомаза, распределяющего на картине страшного суда кого — в ад к чертям, кого — в рай к ангелам. Счастлив он как философ и как историк: его упрощенный метод суда облегчает ему самым решительным образом разгадку самых мудреных загадок жизни и мысли: верующие «в мир идеальный» спасутся, прочие погибнут; тяготевшие к миру идеальному — правы, умны и велики; отрицавшие его — ограниченны, наивны и бесплодны. (...) Г-н Булгаков весьма беспощадный человек.

¹ Э. Ренан. Жизнь Иисуса [1863]. М., 1991. С. 20–22, 53, 58.

² Там же. С. 183, 188.

³ Волжский, ближайший соратник Булгакова в 1905–1906 гг., так писал о его вождистском образе: «С. Н. Булгаков со свойственной ему определённости» (А. С. Глинка (Волжский). Собрание сочинений. Кн. 1: 1900–1905 / Сост. А. Резниченко. М., 2005. С. 569).

⁴ Нашедшие Град. С. 419 (Письмо от 26 июля 1908 года).

Хотя Герцен для него великий человек, хотя при его имени сердце г-на Булгакова «учащенно бьется» и «расширяется грудь», однако эти красивые и верные слова не обязывают г. Булгакова ни к чему...»¹

Оставалась ещё надежда стать идейным вождём. Но и этого шанса судьба Булгакова не дала.

К образам вождизма поздний о. С. Булгаков вернулся в этюде «Иуда-Искарriot — апостол-предатель»², где проблема революционной и коммунистической борьбы за царство земное против царства небесного была обнажена со всей автобиографической силой, глубиной и искренностью Булгакова-мыслителя. Он развернул здесь ёмкую картину того, что Булгаков сам пережил в 1900–1905 годах. Вот как описывает это Булгаков в судьбе Иуды:

«Одновременно со Христом на земле рождается Иуда. Кто он? Что можем мы узнать о нем из Евангелий? (...) Как горожанин, с “пролетарской” психологией, Иуда является чужаком среди простодушных детей природы, несущих в своих душах лазурь Галилейского озера, красу галилейских цветов и мерцание звездного неба. В нем рано пробуждена мысль, работающая упорно и однодумно, мечта, граничащая с навязчивой идеей, о царстве Израиля, которое и есть в глазах ревнителей (зилотов) царство Божие, начинаемое мессией здесь, на земле. Его душа горит мессианской ревностью и болит национальной скорбью. Он знает также силу и власть

¹ *Ник. Ашешов. Из жизни и литературы // Образование. СПб., 1904. № 1. III отд. С. 63, 61.*

² *Прот. С. Булгаков. Иуда Искарriot Апостол-Предатель. Часть первая (историческая) // Путь. Париж. № 26. Февраль 1931 года; Прот. С. Булгаков. Иуда Искарriot — Апостол Предатель. Часть вторая (догматическая) // Путь. Париж. № 27. Апрель 1931 года. См. также сводный сборник: С. Н. Булгаков. Труды о троичности / Сост., подг. текста и прим. А. Резниченко. М., 2000. См. также: С. Булгаков. О первохристианстве. (О том, что было в нём и чего не было. Опыт характеристики) // Русская Мысль. М., 1909. Кн. V; Кн. VI. Показательна актуальность образа Иуды вообще в трансграничном русском (советско-эмигрантском) контексте: советский кинофильм «Иуда» (1929) был запрещён к прокату в Финляндии финской цензурой: *Лаури Пииспа. Советское кино в Финляндии 1920–1930-х годов // Транснациональное в русской культуре. Сб. ст. Studia Russica Helsingensia et Tartuensia XV / Под ред. Г. Обатнина и Т. Хуттунена. М., 2018. С. 216. Советский академик С. И. Вавилов отметил в своём дневнике, что 24 мая 1935 года, находясь в Польше, смотрел театральную постановку об Иуде, которого он характеризовал в русле обычного тогда противопоставления его вселенскому Христу: «Иуда, бывший лавочник, трус и патриот» (С. И. Вавилов. Дневники. 1909–1951. В 2 кн. Кн. 2: 1920, 1935–1951 / Ред.-сост. Ю. И. Кривоносов. М., 2012. С. 22). См. также догматический очерк: *Д. Сивашенкова. Вот Иуда, предающий меня. Мотивы и смыслы евангельской драмы. М., 2020.***

денег. Зрелище народной нищеты и угнетения делают его революционером, может быть, толкают его на путь политического террора, но вместе и “экономическим материалистом” в его мессианском социализме. (...) он иудейский мессианист, как многие вокруг его, революционер, мессианский марксист, “большевик”¹. Город лишил его поэзии души, но он пробудил в нем острую протестующую мысль. Однако он страдает именно от своего ума, которым не может утишиться его сердце, ждущее и жаждущее любви, и он изнемогает в этом противоречии. (...) среди других апостолов, мирных поселян и рыбаков, имевших среди себя лишь одного бывшего мытаря, он являлся горожанином-революционером по преимуществу. (...) Иуда, когда был призван, видимо, был умственно старше и зрелее других апостолов. Он имел уже собственное революционно-мессианское мирозерцание и, может быть, свою собственную политическую (“революционную”) работу. Ему была чужда непосредственность и нетронутость детей природы, галилейских рыбаков, и он отличался также и от Матфия — Левия, мытаря, который ради мзды совершал измену своему народу. (...) Иуда не был честолюбцем, скорее он был человеком идеи, готовый к жертвам ради нее. (...) Но что будет, если мерилом для совершенного Человека служит местный ограниченный идеал национального мессианизма, по которому Иуда мерил своего Учителя?² Он возлюбил в Нем не только Его самого, но связал эту любовь с своей призрачной мечтой, которая тем больше заслоняла от него Учителя, чем распаленнее становилась его ревность о Нем. Он любил в Нем будущего мессию, который откроет царство Израилю. В личную любовь к Нему он вложил и весь свой национальный фанатизм, свой идеал, для которого он жил. Он видел

¹ Ср. с исторически близкой аналогией Бердяева из его «Нового Средневековья» (1924): «Социализм имеет мессианский характер. Существует избранный класс — пролетариат, класс-мессия, он чист от первородного греха, в котором зачиналось всё в истории, который лежит в основании всей культуры, «буржуазной» культуры, греха эксплуатации человека человеком, класса классом. Это мессианский класс и есть зачаток истинного человечества, грядущего человечества, в котором не будет уже эксплуатации. Пролетариат — новый Израиль» (Н. А. Бердяев. Смысл истории. Новое Средневековье / Сост. В. В. Сапов. М., 2002. С. 293).

² Ср. прогностическое наблюдение Бердяева: «Булгаков — иудей, а не эллин. По типу своей религиозности он семит, а не ариец. (...) Тип булгаковской религиозности порождает религиозный национализм, абсолютизацию национальной и исторической плоти. Крайний религиозный национализм всегда есть юдаизм на христианской почве и легко перерождается в семитический фанатизм» (Н. А. Бердяев. Возрождение православия (С. Н. Булгаков) [1916] // Н. А. Бердяев. Мутные лики. Типы религиозной мысли в России / Сост. В. В. Сапов. М., 2004. С. 181–182).

Его в свете этого идеала, этих революционно-апокалиптических устремлений и в таком лишь смысле принимал дело Его...»

Русская литература первой трети XX века — и именно в её высших проявлениях — внимательно следила за тем, как прилагается образ Иуды, соратника и предателя Христа, к современности. Хрестоматийно известен интерес политически радикального писателя Леонида Андреева к фигуре Иуды. Поэт и критик Максимилиан Волошин работал над художественным объяснением предательства Иуды¹. Но для самого Булгакова этот интерес не развивался линейно. Например, во главе журнала «Вопросы Жизни» им была буквально «запрещена» к публикации поэма его близкого сотрудника А. М. Ремизова «Иуда»².

«Дневник духовный» Булгакова, составленный за несколько лет до непосредственного написания в эмиграции особого очерка об Иуде, не только даёт свидетельства дополнительных автобиографических переживаний образа Иуды, но и открывает важный момент, так сказать, двукратного обращения Булгакова к вере, двукратного переживания им столь известной его близким «генеральской» гордыни общественно-политической активности. Если первое изживание этой хорошо известной «гордыни», явленной в атеистическом марксизме, на рубеже 1902 года Булгаков претворил в своём «идеализме» и «христианском социализме» национально-освободительного радикализма (до 1907 года), то «Дневник» обнаруживает, что вторым, не столь заметным для апологетики, пиком политической гордыни сам Булгаков воспринимал 1908–1909 годы, когда на волне проповеди «Вех» прямо перешёл к глухо звучащей в его переписке «националистической политике», которая внешне отразилась в контактах Булгакова и Струве с русской национальной буржуазией круга В. П. Рябушинского, призванных сформулировать для неё тот же проект национального освобождения (что отразилось в ряде текстов Булгакова о национализме), что и после «Проблем идеализма» (1902). Именно этот, второй всплеск «гордыни» сам Булгаков локализует в прямой, непосредственной хронологической связи со смертью своего сына Ивана (Ивашека) трёх с половиной лет, последовавшей 27 августа 1909 года. Вот что свидетельствует «Дневник» в записи от 30 января / 12 февраля 1925 года:

«Был долг путь, но Отец меня встретил, обнял и привёл, дал мне пир веры. И началась моя жизнь у Отца, но, Боже милосердный, каким она была оскорблением этого дома. Я принёс и удержал все дурные навыки

¹ Максимилиан Волошин. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 556 (комментарий В. П. Купченко).

² Письмо А. М. Ремизова к Андрею Белому от 23 января 1906 года: Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка / Публ. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2011. С. 461.

блудного своего жития, всю честолюбивую гордость, всю неукрощённость воображения и страстей. И я снова начал сочинять себя и надмеваться собою, и голос истинного покаяния стихал в моём сердце. Тогда Ты вразумил меня испытанием, горем»¹.

И здесь же рядом — утверждение о неизбежности предательства Иуды как неизбежности капитуляции перед своими искушениями и собственной гордыней, перспективы которых Булгаков видит в победе большевистской революции 1917 года — в записи от 22 декабря 1924-го / 5 января 1925-го:

«Надо знать эту человеческую немощь, чтобы не соблазняться ею и в эту Гефсиманскую ночь, которая ныне опустилась над нашей родиной. (...) Почему и зачем были ввергнуты апостолы в это искушение, от которого остерегал, зовя к молитве, Господь («Молитесь, да не внидите во искушение»)? Господь хотел явить *немощь* даже тех, кого Он избрал для Своего дела от всех людей, кто благодатию Божиею обрел в себе силы служить Ему. Здесь обличается всякая люциферическая гордость в человеке. *Нет и не может быть* человека, который бы был непобедим для искушений и испытаний, для силы греха...»²

Булгакову на рубеже 1920–1930-х годов выпало договаривать главный смысл своего социалистического наследия и в известной, недооценённой взаимной полемике с другим бывшим старым марксистом — Франком. Недооценённой потому, что полемика была эта о социализме, о котором Булгакову и Франку откровенно говорить было легко, а их поздним поклонникам и толкователям — трудно. Откликаясь на возобновлённые в СССР обвинения против него о его призывах к еврейским погромам в Крыму в сентябре 1920 года (задаче вероучительного определения социализма и покаяния народа за большевизм)³, Булгаков (с высоты своих собственных марксизма и антибольшевизма) писал о фундаментальной, внеисторической правде социализма, несмотря на исторические её пределы:

«Социализм (во всей многозначности этого термина) для христианина имеет лишь прикладное значение, иными словами, это есть вопрос не мировоззрения, но лишь практической этики — практической целесообразности. Цель социализма, понятая как осуществление социальной справедливости, защиты слабых, борьбы с бедностью, безработицей, эксплуатацией, — в такой степени нравственно очевидная, что разногласие может быть только относительно практической целесообразности

¹ Прот. Сергей Булгаков. Дневник духовный / Отв. за выпуск Д. Лисицын. М., 2003. С. 129.

² Там же. С. 110–111.

³ Фактические сведения об этом: М. А. Колеров. Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским погромам в 1920 году? // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

или осуществимости тех или иных мероприятий. Церковь не должна себя связывать с капитализмом как организацией классовой эксплуатации (хотя практически начала хозяйственной свободы и частной собственности и до сих пор ещё могут оказываться более целесообразными для всего общества, нежели преждевременно и насильственно водворяемые формы государственно-социалистической кабалы). Если мы обратимся к Евангелию и Новому Завету, то там мы не найдём, конечно, основания для того, чтобы связывать Церковь с какими-либо неподвижными формами социального устройства или хозяйственной организации (...) и в “предании” не находится точки опоры для установления нерушимости частной собственности на основе христианской морали. История свидетельствует, что институт частной собственности фактически до неузнаваемости изменялся в течение веков, подвергаясь разнообразным формам общественного контроля и ограничениям. А соответственно, и понятие социализма охватывает собою всё многообразие форм от советского коммунизма до социального регулирования капиталистической промышленности (о чём было сказано английским политиком ещё XIX века: *all are now socialists*. (...)) Правда, доселе так и не было дано “вероучительного определения” о природе социализма ни в русской церкви, ни во вселенском православии. Но, согласно сказанному, социализм, как социально-экономическая доктрина, вовсе и не является вопросом вероучения»¹.

Полемизируя с этой декларацией Булгакова (и именно с убеждением во внерелигиозной несомненности социализма и против его осуждения любой частной собственности), Франк заключил, концентрируясь как раз на исторической реализации социализма как форме непосредственного применения социалистического императива, равно обращённого против всех государственных режимов:

«...экономистам и политикам принадлежит решение вопроса, в какой форме и в каких пределах при данном состоянии общества и его хозяйственных нужд должны сочетаться в нём начала личной свободы и государственно-общественного регулирования в интересах общественной солидарности. Но строй, основанный на *совершенном* отрицании одного из этих начал, подлежит принципиальному, т. е. религиозному осуждению. Христианское сознание не может мириться с рабством — *именно поэтому, в интересах социальной правды*, оно не может мириться с *государственно принудительным и универсальным социализмом*. Это не значит, что религиозное сознание связывает себя принципиальным признанием

---

¹ С. Булгаков. Православие и социализм (Письмо в редакцию) [30 ноября / 13 декабря 1929 года] // Путь. Париж, 1930. Февраль. № 20. С. 94–95. Этот же текст был перепечатан автором и в «Вестнике РСХД» (I. Париж. Январь 1930. С. 7–9).

буржуазного строя. (...) Частная собственность, поскольку она есть правовое оформление для начал личного трудолюбия, личной ответственности, для прочности основной социальной ячейки — семьи, должна с религиозной точки зрения быть признана благом; поскольку же она ведёт к корысти, эгоизму, борьбе между людьми и равнодушию к судьбе ближнего, она требует коррективов... “обобществление”... есть благо, поскольку оно ограждает слабых... и действительно укрепляет в отношениях солидарности; оно есть зло, поскольку оно уничтожает свободно-духовный источник солидарности и хочет механически, палкой вогнать в коллективное единство»¹.

Как бы маргинальна — на фоне общей эмигрантской дискуссии о судьбе идеалов социализма перед лицом практики советской власти и социальной политики на Западе — ни была эта полемика Булгакова и Франка на развалинах «веховской» традиции, она была хорошо заметна в русской идейной среде. Это получило ясное отражение в судьбе авторских отношений Франка с крупнейшим и лучшим журналом русской эмиграции — социалистическими «Современными записками». Обсуждая в течение ряда лет привлечение Франка к сотрудничеству в этом журнале, его соредактор И. И. Фондаминский писал своим коллегам М. В. Вишняку и В. В. Рудневу 12 декабря 1924 года, по свежим следам тех расколов, что вызвала в русской эмиграции волна высланных в конце 1922 года из Советской России интеллектуалов, основная масса которых обнаружила для политически «белого», радикально антисоветского консенсуса легитимность большевизма в глазах социального большинства и непопулярность «белой» и интервенционистской ему альтернативы, Фондаминский формулировал, что теперь: «Есть тема обязательная — характер русской революции (главным образом Франк, но и есть много других — Бердяев, евразийцы, Струве, Милюков и т. д.)»².

Но Фондаминский понимания не встретил: в среде старых социалистов дореволюционный «веховский» опыт Франка, Бердяева, Струве, Булгакова — несмотря на их явный раскол в эмиграции — был опытом общего,

¹ С. Франк. Христианство и социализм // Вестник РСХД. IV. Париж. Апрель 1930 года. С. 18–19. См. также: С. Булгаков. Душа социализма // Новый Град. Париж, 1931. № 1; С. Булгаков. Душа социализма // Новый Град. Париж, 1932. № 3; С. Булгаков. Душа социализма // Новый Град. Париж, 1933. № 7. Идейный контекст полемики отлично представлен в справочнике: А. А. Ермичев. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). СПб., 2012. См. также: Н. Голубкова. «Вестник РСХД» (1925–1939). Репрису содержания // Исследования по истории русской мысли [6]. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

² «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелёва и М. Шрубис. Т. 1. М., 2011. С. 191.

безраздельного, непростительного едва ли не предательства, который заставлял этих старых социалистов-революционеров «Современных записок» и их более умеренный круг, уже начавших всё более материально мотивированный дрейф к вполне социал-либеральному «демократическому социализму» отталкивать, например, Франка как «ренегата». Ф. А. Степун в письме М. В. Вишняку 14 апреля 1930 года, посреди полемики Булгакова и Франка, в своей неизвестно на чём основанной революционной требовательности, демонстративно «не слыша» их слов о непререкаемой социальной правде, вынужден был признать:

«Франк... всё больше и больше отходит к нормальным и правильным позициям. Конечно, боль раскаяния за своё с.д.-ковское прошлое (по политической терминологии *рenegатство*) ещё очень сильна..., но я всё же думаю, что он может превратиться в момент того синтеза сил, к которому нам суждено стремиться. В конце концов, он ведь гораздо ближе нам, чем евразийцам, Ильину, Струве, “Возрождению” и т. д. Он только страшно боится слова *социализм* и называет то, что Вы и [С. И.] Гессен считаете социализмом, социальными реформами»¹.

Их, первыми заговорившими в России о непреодолимых проблемах социализма *изнутри* самого социализма, искусительно было увидеть разношёрстным, но коллективом изменников революционному делу. Но их перемена всё же носила строго индивидуальный характер.

Среда авторов, конфиденентов и сторонников «Вех» в течение долгого времени в литературе (и прежде — автором этих строк) понималась как единый и преемственный круг лиц от «Проблем идеализма» до «Из глубины», прежде всего потому, что во всех трёх сборниках приняли участие Струве, Бердяев, Булгаков и Франк, а в «Проблемах идеализма» и «Из глубины» — ещё и Новгородцев. Это позволяло с внешней безукоризненной убедительностью утверждать такое единство этих лиц, которое даже в их собственных мемуарах не утверждалось никогда. Некоторое общее направление идейно-политической эволюции этих лиц также не может служить критерием их объединения — просто потому, что названная эволюция в сторону от радикального революционаризма не была уникальной, не имела единого результата и, главное, не была отказом от революционаризма на деле. Корпус переписки «веховцев», значительная и референтная часть которой представлена в настоящей книге, категорически

¹ Там же. С. 519. Но и это не помогло: М. В. Вишняк в итоге отверг Франка как «сотрудника евразийских органов» (1 сентября 1933 года. Там же. С. 719), хорошо понимая эпизодичность и сугубо материальный характер сотрудничества Франка с евразийцами и, конечно, прощая себе, своему журналу многолетние политические и материальные связи с чехословацкими властями, следы которых обезображивали страницы журнала примитивной рекламой «достижений» Чехословакии.

убеждает в том, что таковой *среды не было*. Участники, идя в целом одинаковым революционным путём, после него только познакомились друг с другом внутри их нового (критического, «идеалистического») направления, а после, несмотря на все коллективные действия и взаимные идейные симпатии, личные отношения почти не поддерживали, даже часто не знали простейших почтовых адресов друг друга. Единственным, кто объединял их, был Струве, ставший учителем для Бердяева и Франка, сначала конкурентом, а затем — (иной раз — руководящим) товарищем для Булгакова, идеологическим и политическим партнёром для Новгородцева. Важным фактором было то, что географически Струве был и оставался петербуржцем и ряд лет — политическим эмигрантом, Булгаков — москвичом и киевлянином, Бердяев — киевлянином и ссыльным, затем — дачником и москвичом, Франк — москвичом и петербуржцем, Новгородцев — москвичом. Это предопределило дистанционный характер лидерства Струве, на практике выражавшегося более всего в создании публичных идейных проектов: удачно — журналов и сборников, неудачно — газет и партий. Такая форма институционализации идейных направлений отрицает приоритет направленной среды, ибо не может поддерживать её массивом идеологической практики так, как это делали социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты, и лучше всего описывается понятием *традиции*. Именно поэтому столь разномысленные внутри своей традиции «веховцы» на рубеже 1910–1920-х годов составляют и расширяют Братство Св. Софии и находят в себе силы игнорировать острые политические разногласия с основателем традиции Струве в 1922–1923 годах и открытый идейно-политический конфликт Струве с Бердяевым и Струве с Франком в 1925 году. Это заставляет пересмотреть описание их круга понятием *среды* и применить понятие *традиции*. Можно даже сказать, что, выйдя идейно и исторически из революционной *среды*, долго освобождаясь от её дисциплины и языка, «веховцы» пытались найти и создать свои собственные *традицию* и язык, укоренённый в неревolutionционной (но вполне свободной от лоялизма) истории русского политического класса. Эта традиция хотела бы стать консенсусом индивидуальных освободительных стратегий, не подчиняемых ни либеральной, ни социалистической партийности (среде), была актом личной (религиозно-философской) свободы вождей, возглавляющих социальную борьбу во имя общенационального политического освобождения и социального строительства государства, опасности которого так мечталось уравновесить консервативными солидарностью и самоограничением.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДП РНБ	Архив Дома Плеханова (Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки, Санкт-Петербург)
АРАН	Архив Российской Академии Наук (Москва)
ГАРФ	Государственный Архив Российской Федерации (Москва)
МГА	Московский Городской Архив (Москва)
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (Москва)
ОР РГБ	Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (Москва)
ОР РНБ	Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург)
ОРФ ГЛИМ	Отдел рукописных фондов Государственного Литературного Музея (Москва)
РГАЛИ	Российский Государственный Архив литературы и искусства (Москва)
РГИА	Российский Государственный Исторический Архив (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) (Санкт-Петербург)
РГАСПИ	Российский Государственный Архив современной политической истории (Москва)
ЦГИА Украины	Центральный Государственный Исторический Архив Украины (Киев)
ВЖ	«Вопросы Жизни»
ВФП	«Вопросы философии и психологии»
НП	«Новый Путь»
ПЗ	«Полярная Звезда»
ПИ	«Проблемы идеализма»
РФО	Религиозно-Философское Общество
СК	«Свобода и Культура»
ХББ	«Христианское братство борьбы»

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Путь С. Н. Булгакова от марксизма к идеализму и церкви.....	7
Глава 1	
С. Н. Булгаков и революционный идеализм (1904–1905)	48
Глава 2	
Кризис идеалистического направления	121
Глава 3	
Булгаков и христианский социализм (1905–1907).....	141
Глава 4	
Булгаков и «Христианское братство борьбы».....	194
Заключение	
Коммунизм, Иуда Искариот и социализм о. Сергия Булгакова.....	238
Список сокращений	254

Научное издание

Модест Алексеевич Колеров

РЕВОЛЮЦИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ

С. Н. БУЛГАКОВ В 1904–1907 гг.

Ответственный за издательский проект

А. А. Галат

Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 300 экз.

Зак. № 3921

Издательство Балтийского федерального университета им.

Иммануила Канта

236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Отпечатано в типографии «Контраст»

192171, Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20